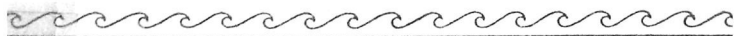

АКАДЕМИЯ НАУК ССР

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

В 1958-1961 гг.

II

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 7

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
В 1958—1961 ГГ.

II

ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

РЕДАКТОРЫ

С. П. ТОЛСТОВ и Е. Е. ПЕРАЗИК

Е. Е. Неразик

РАСКОПКИ ЯККЕ-ПАРСАНА

Древнехорезмский замок Якке-Парсан находится на территории Турткульского района Кара-Калпакской АССР в песках по соседству с участками колхоза имени Ильича. Памятник впервые обследовался Хорезмской экспедицией АН СССР в 1938 г., когда была определена его предварительная датировка — IV—V вв. н. э.¹ (впоследствии, по мере накопления

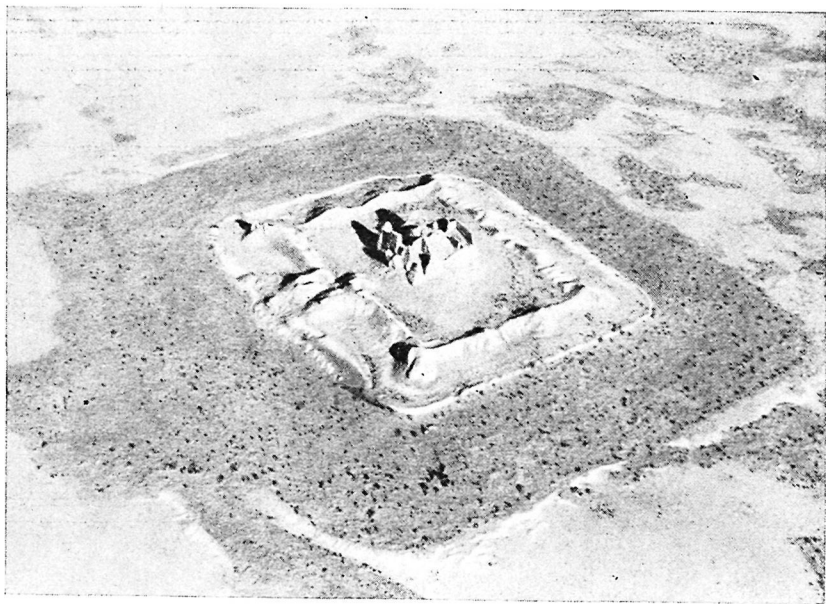

Рис. 1. Якке-Парсан. Вид замка

материала уточненная). Хорошая сохранность стен позволила тогда собрать данные, легшие в основу реконструкции, сделанной С. П. и Н. П. Толстовыми². Уже при первом посещении замка стало совершенно ясно, что это один из первоклассных памятников раннесредневекового среднеазиатского зодчества, и дальнейшее его изучение весьма целесообразно (рис. 1).

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 125—127.

² Там же, стр. 126.

Яккэ - Парсон
Планы и разрез

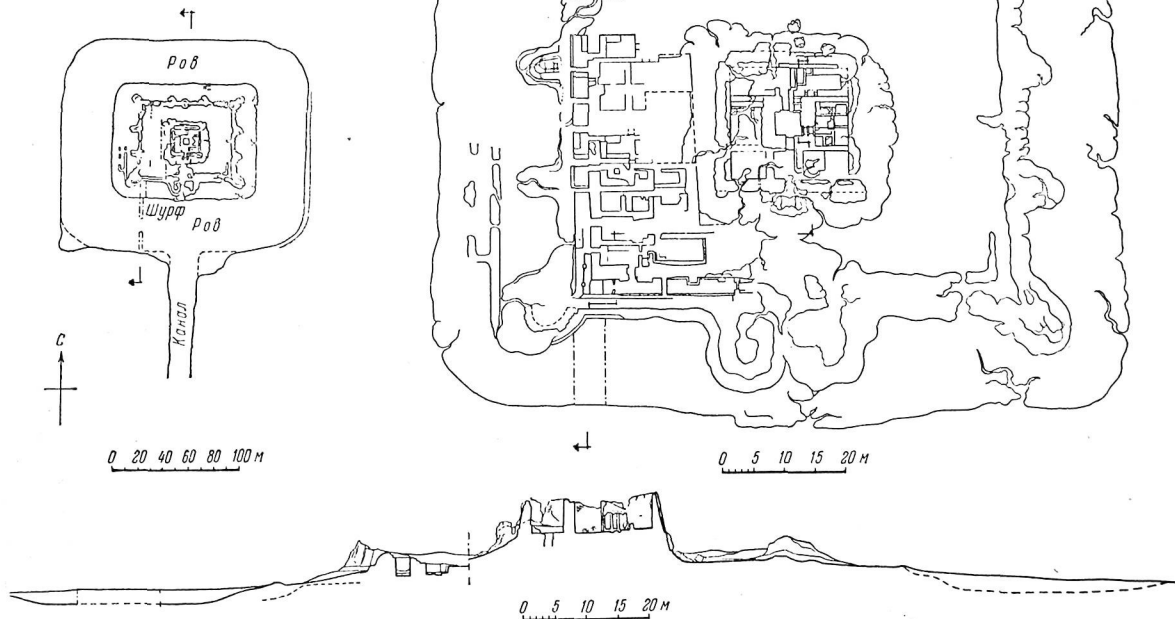

Рис. 2. План и разрез памятника

Поэтому в 1959 г. были предприняты раскопки замка³, продолженные в 1961 г.⁴

Якке-Парсан представляет собой усадьбу почти прямоугольных очертаний площадью 74×54 м. Усадьба окружена крепостной стеной, толщина которой на уровне 3,5 м от поверхности окружающих такыров равна 4,6 м. Каждая из ее сторон имеет по четыре роңделевидной формы башни (считая и угловые), выдвинутые за линию стены на 6 м. В середине южной стороны находится вход шириной около 3 м, фланкированный очень вытянутыми овальными башнями. Внутри усадьбы, главным образом около крепостных стен, заметны следы построек, поверхность которых покрыта осколками керамики. В центре укрепления расположен доңжон, возвышающийся над нынешней поверхностью двора более, чем на 15 м.

Судя по большому превышению уровня поверхности внутри Якке-Парсана над уровнем близлежащих такыров, замок был воздвигнут на каком-то возвышении, может быть, искусственной платформе (рис. 2). Края этой платформы, укрепленные когда-то, видимо, очень невысокой стеной, теперь превратившейся в низкий сильно ослывшийся вал, выступают за линию крепостной стены на 10—15 м. На этой территории также видны остатки построек, обильно покрытых обломками посуды. Сразу за валом начинается песчаная поросшая кустарником и слегка всхолмленная полоса, наличие которой позволило предположить существование здесь рва, что и подтвердилось впоследствии раскопками. Раскопкам подверглись также доңжон и западная половина застройки двора. В результате этих работ выяснилось, что памятник многослойный и может быть датирован IV — началом VIII вв. н. э.

Раскопки доңжона

Доңжон Якке-Парсана — квадратное восьмикомнатное здание площадью 24×24 м — воздвигнуто на девятиметровом пахсовом цоколе, которому за счет наклонных приставных блоков придана усеченно-пирамидальная форма. Кирпичные стены доңжона гофрированы полуколоннами, соединенными полуциркульными арочками, сохранившимися в настоящее время только на южном и северном фасадах этого сооружения (рис. 3).

По плану и по своему внешнему оформлению доңжон Якке-Парсана напоминает находящуюся в соседнем Беркут-калиском оазисе жилую башню Тешик-калы и центральное здание Адамли-калы на древнем Кельтеминаре. Композиционным центром каждой из этих построек является квадратное помещение, вокруг которого группируются жилые и хозяйственные комнаты. Однако в отличие от Тешик-калы и Адамли-калы центральное помещение Якке-Парсана имело купол, чем обьяняется значительно большая, сравнительно с внешним, толщина его несущих стен (см. план доңжона). Близок по плану к описываемому доңжону, как правильно

³ В работе отряда в 1959 г. участвовали: начальник отряда Е. Е. Неразик, младшие научные сотрудники Р. Л. Садоков, Н. П. Лобачева, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, старший научно-технический сотрудник Т. Н. Томпна, коллекторы И. В. Котовская и Т. Д. Глазкова, шофер Н. Н. Колесников и 10 рабочих-землекопов. Раскопки длились с 1/VIII по 1/IX.

⁴ Состав отряда: начальник Е. Е. Неразик, младшие научные сотрудники Р. Л. Садоков, В. А. Лоховиц, Л. А. Фадеев, В. Д. Берестов, старшие научно-технические сотрудники А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, В. Н. Басилов, архитектор Ю. Б. Стебляк, художник В. А. Иогансен, фотограф В. А. Родькин, зав. хоз. В. Н. Егоров, механик М. У. Юнисов, шоферы А. И. Сапронов и Ф. И. Гурков и 20 рабочих-землекопов. Раскопки производились с помощью двух транспортеров.

Результаты работ 1959 и 1961 гг. нашли краткое отражение в статье С. П. Толстова, Т. А. Жданко и М. А. Итиной «Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.» в книге «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.», МХЭ, вып. 6, ч. I, М., 1963 и в книге С. П. Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта», М., 1963.

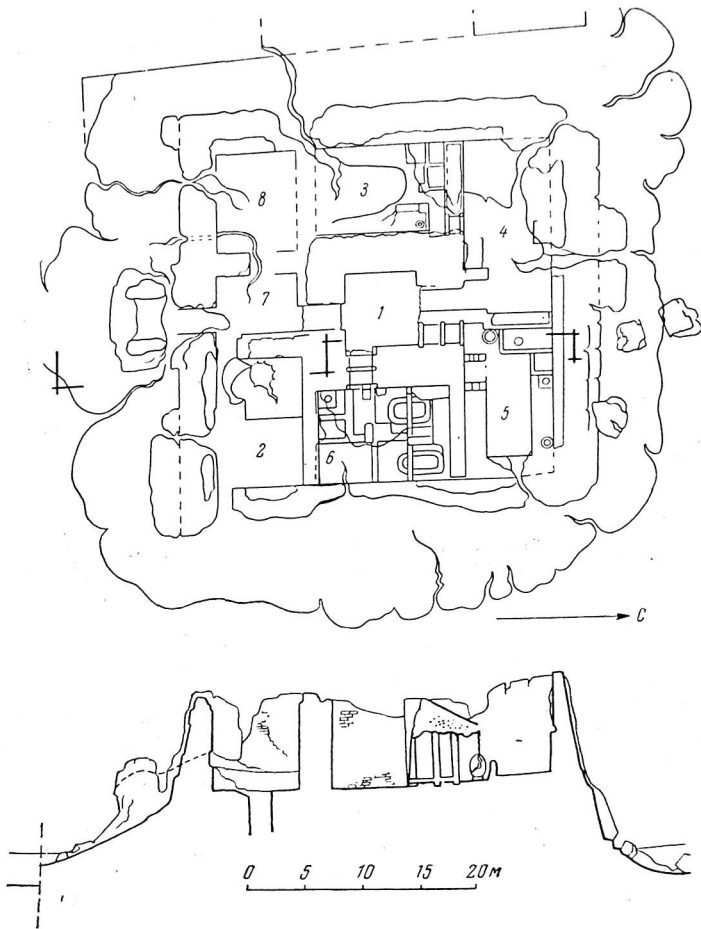

Рис. 3. Дожон. План и разрез

отметил В. А. Лавров⁵ и целый ряд зданий в районе древнего Мерва⁶, особенно Малая Кыз-кала (VI—VIII вв. н. э.).

До начала раскопок дождона внимание привлекла разница в уровнях заполнения его центральной комнаты и всех остальных, составлявшая в разных случаях от трех до пяти метров. Это давало возможность предположить хорошую сохранность слоев в центре дождона и незначительную мощность их в боковых помещениях. Вскоре выяснилось, что в восточной части центрального помещения в верхних слоях завала сохранились кольца сильно просевшего и опрокинувшегося купола с остатками тромпа, состоящего из восьми полуциркульной формы арочек, и кирпичей барабана.

⁵ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 45.

⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 137—141.

Купол был сложен из трапециевидных сырцовых с большой примесью самана кирпичей размерами 42 (41—43) × 23 (20—22) × 7(6) см (рис. 4, а и б). Конструкцию его можно будет определить только после специального изучения архитектурных обмеров. Глубина помещения оказалась равной 4,40 м. Верхние три метра завала состояли из обломков обрушившихся купола и стен; под ними находилась прослойка более рыхлого мелкокомковатого завала 0,7 м толщиной, под которым начинался культурный слой мощностью 0,3 м в восточной части помещения и около 0,6 м в западной. Разница в толщине слоя объясняется тем, что в первом случае он находился над верхним полом, отделенным от нижнего плотной насыпкой, лишенной каких-либо инородных включений, во втором же случае верхний пол был очень разрушен и культурный слой доходил до нижнего пола. В этом слое было много находок, на описании которых мы остановимся ниже.

После расчистки помещения выяснилось, что оно имело площадь 4,5 × 4,5 м и было совершенно лишено каких-либо внутренних конструкций как на верхнем, так и на нижнем полу. Это и не удивительно, поскольку комната была проходной и имела четыре дверных проема, причем два из них расположены в северной стене. В проходах открыты остатки деревянных балок, позволившие установить характер дверных конструкций. Это были своеобразные и нигде более в Средней Азии, кроме Хорезма, не зафиксированные двухтабурные дверные проемы. Специально для дверных рам в кирпичных стенах прорубались пазы (рис. 5а). Видны следы шести стоячков (по три в каждой стене проема) и балок: трех поперечных, вставлявшихся посредством штырей в две продольные, которым должны были соответствовать продольные верхние (рис. 5б). Остальные помещения соединялись друг с другом однотоабурными дверными проемами, конструкция которых также хорошо выяснена здесь и, кроме того, известна благодаря раскопкам других замков афригидского времени, таких, например, как Тешик-кала и Адамли-кала и других раннесредневековых среднеазиатских построек.

В результате раскопок остальных помещений донжона оказалось, что все они, как и центральное, имели два пола, причем при настилке верхнего менялись конструкции на полу и, в некоторых случаях, назначение самих комнат. Мы начнем описание с их западного ряда. Юго-западный угол донжона занимает помещение 8, в котором отсутствует заполнение, а в цоколе вырублена большая яма, уходящая к центру здания. Надо полагать, что это следы деятельности прабителей, прорубивших отсюда ход под стену центрального помещения, но, видимо, так и не пробравшихся в него, поскольку пол там оказался ненарушенным.

Чтобы проделать этот ход, грабители должны были выбросить из помещения 8 весь завал, отчего оно и оказалось пустым. Эта комната сейчас составляет единое целое с соседней (3), однако, тщательная зачистка позволила обнаружить остаток некогда разделявшей их и впоследствии срубленной стены. Судя по всему комната 8 должна была сообщаться с входной (7). Что же касается ее назначения, то об этом судить невозможно, поскольку полы и имевшиеся, возможно, на них конструкции разрушены до основания и от них не сохранилось никаких следов. Среднее в западном ряду помещение 3, площадью 7,5 × 5,3 м, вытянуто в направлении с севера на юг. Южная часть его также разрушена.

Первоначально, как на это указывают остатки конструкций, относящиеся к нижнему полу и сохранившиеся в северной части комнаты, она была жилой с кирпичными суфами вдоль восточной и северной стен. Следует при этом отметить, что восточная суфа имела ступеньку шириной и высотой в один кирпич. При настилке второго пола, отделенного от нижнего слоем мелкокомковатой подсыпки толщиной в 25 см, северная суфа была уничтожена, сnivelировавшись забутовкой с уровнем пола, на поверхно-

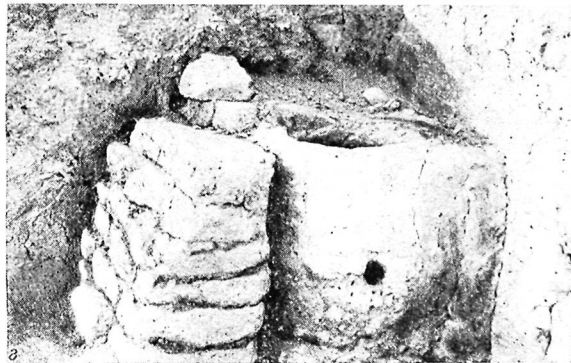
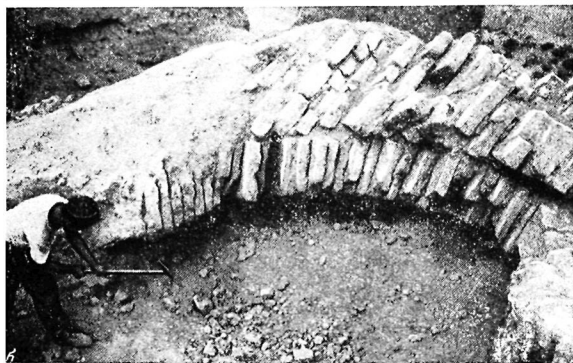
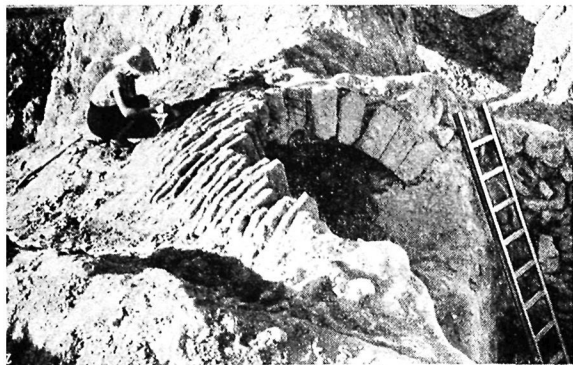

Рис. 4. Раскопки замка.

а, б — расшивка купола; в — помещения в юго-западном углу замка; г — тандыр в донжоне

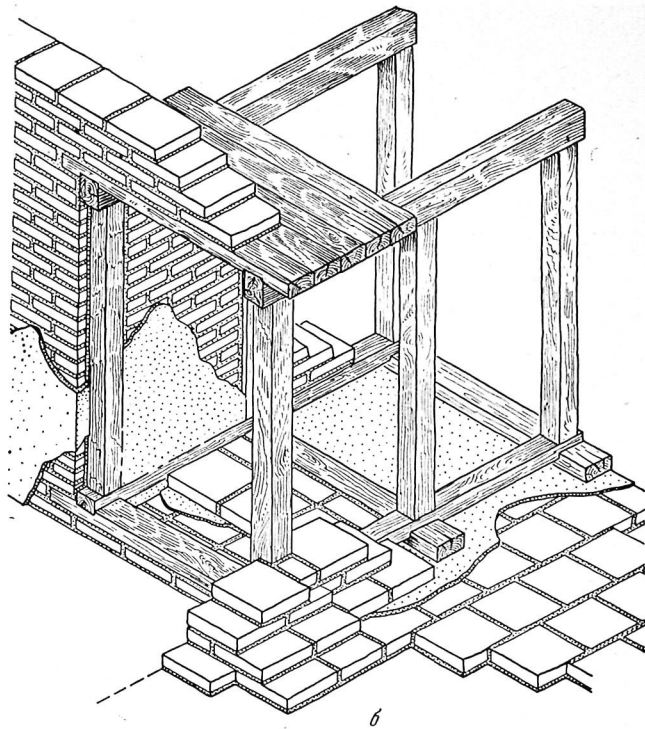

Рис. 5. Дверной проем из центрального помещения доижона в помещении 6.
а — общий вид прохода с пазами для деревянных балок; б — реконструкция

сти которого были устроены закрома со стенками из кирпичей, поставленных на ребро. Восточная суфа, несколько видоизмененная (без ступеньки) продолжала существовать, и на ней был сделан из хумчи очаг, имеющий небольшое поддувало и приспособленный, вероятно, для выпечки лепешек, обогривания, а может быть, в какой-то степени и для приготовления пищи.

Проход в следующую комнату этого ряда выделен кирпичной стенкой в виде тамбура; на полу здесь найдены небольшие фрагменты кошмы и тонкой хлопчатобумажной ткани. В закроме обнаружен кувшин, украшенный своеобразным прочерченным орнаментом.

Угловая северо-западная комната (4) шириной 5 м вытянута на 10 м в направлении с запада на восток. Комната сильно разрушена, северная стена донжона сохранилась здесь лишь у места ее соприкосновения с восточной стеной помещения, южная почти уничтожена обрушившимся куполом центральной комнаты. В северо-восточном углу помещения оказалась яма, заполненная песком (грабительская порубка); возле нее видны следы бывшей здесь суфы с круглым очагом. Остатки суфы имеются и у противоположной, южной стены, причем на нее выходит проход из помещения 3. Эти суфы относятся к верхнему полу; нижний, отделенный от него засыпкой толщиной в 7 см, если и имел какие-либо конструкции, то они должны были быть срублены при настилке верхнего уровня. Отмечено лишь очажное пятно, относящееся к нижнему полу. Помещения восточного ряда — 5, 6, и 2 — сохранились относительно неплохо, во всяком случае, намного лучше описанных выше.

Комната 5, смежная с помещением 4, подобна ему по своим очертаниям. Она также вытянута в направлении с запада на восток почти на 9 м при ширине 5 м. Стены, кроме восточной, прекрасно сохранились и имеют высоту более 4 м. Удивительно, что на них не видно гнезд от балок перекрытий, которые, по всей вероятности, были плоские. Видимо, обрушение стен произошло по линии гнезд, как наиболее уязвимому для разрушения месту. Комната имела кирпичные суфы шириной в 1,2—1,5 м вдоль трех стен — восточной, северной и южной. После настилки второго пола план комнаты не изменился, только у входа рядом с большим закромом было устроено водопоглощающее приспособление из старого хума, поставленного горлом вниз, а на северной суфе сделаны еще один закром и очаг из старой хумчи, совершенно подобный по виду и, вероятно, по назначению открытому в помещении 3. Остатки какой-то конструкции, напоминающей закром, зафиксированы также и у южной стены.

В комнате на полу найдены осколки нескольких водоносных кувшинов и прочей посуды. В центре находился очаг, сейчас имеющий вид двух углублений, заполненных золой. Соседнее помещение, среднее в восточном ряду комнат, всегда играло роль только хозяйственного. Первоначально всю его площадь (7,5 × 5 м) занимали закрома, сделанные из кирпичей. В них, судя по остаткам, хранилось просо. Затем эти закрома заложил кирпичами и сверху покрыли плотной глиняной обмазкой, что привело к поднятию уровня пола. В северной части комнаты были вырублены две овально-удлиненные ямы, края которых укреплены положенными плашмя кирпичами. Назначение ям осталось не совсем ясным, скорее всего в них, как и в закромах, хранились запасы продовольствия.

В юго-западном углу комнаты после закладки закромов была сооружена печь-тандыр типа упоминавшихся выше, но в отличие от них прекрасно сохранившаяся. Благодаря этой сохранности отчетливо видно, что она близко напоминает по своему устройству современные туркменские и каракалпакские тандыры. Печь имеет высоту около 60 см, диаметр устья — 37 см. В одной из стенок у самого дна имеется поддувало диаметром 10 см. Внутренняя поверхность печи сильно закопчена, снаружи стенки неоднократно перемазывались. От остального пространства комнаты тандыр

отделен кирпичным барьерчиком (рис. 4, з). Основную массу находок в этой комнате, как, впрочем, и в остальных, составила керамика, представляющая собой фрагменты хумов, кувшинов, горшков известных в афригидском Хорезме форм. Юго-восточный угол донжона занимает прямоугольная комната, вытнутая с востока на запад, площадью $7,5 \times 5$ м.

У западной стены ее открыт колодец, выложенный из кирпича и заполненный песком. Его откопали до глубины 2 м, после чего работы были прекращены, чтобы не ослабить стену донжона. То обстоятельство, что колодец находится не в центральном помещении, как это обычно для планировки многих хорезмийских замков афригидской эпохи, а в боковом — видимо, в связи с особой парадностью центрального, что подчеркнуто его архитектурой, — является особенностью планировки донжона Якке-Парсана. Заполнение в комнате отсутствовало, в цоколе же вырублена яма, занимающая почти всю площадь комнаты. Глубина ее превышает 2 м, заполнение — наносной песок и продукты обрушения стен. Наличие этой ямы — еще одно свидетельство деятельности грабителей. Якке-Парсан, вероятно, славился богатством.

Последняя комната донжона, 7, размером $4,5 \times 3,5$ м, игравшая роль вестибюля, имела четыре дверных проема, и поэтому, естественно, была лишена каких-либо конструкций. Она заполнена слежавшимся песком с обломками кирпичей. Находок здесь, за исключением нескольких фрагментов керамики, сделано не было.

Что же касается заполнения комнат донжона, то оно во всех случаях состояло из рыхлого кирпичного завала (рис. 6, б и в). В помещениях 5 и 3 его толщина достигала 2,5—3 м, в помещении 4 слой в верхних уровнях оказался нарушенным и только над полом кирпичный завал мощностью 60 см остался нетронутым. Помещения 2 и 8, как уже указывалось, были пустыми, так как их заполнение, по всей видимости, выбросили «раскошники»-грабители. Поскольку ни в одном случае не встретилось следов плоского перекрытия (а судя по размерам комнат и полному отсутствию в них завала кирпичей свода, оно, вероятно, как уже говорилось выше, было плоским), можно полагать, что либо его деревянные части были захвачены с собой при уходе из замка последними его обитателями, либо они уничтожены грабителями.

Стены разрушались постепенно, на что указывают, в частности, слои намывов, переслаивающие кирпичный завал в некоторых помещениях. Зачистка срезов цоколя, образованных грабительскими ямами, позволила установить наличие нивелирующего слоя, которым выравнивали поверхность цоколя, прежде чем приступить к сооружению суф и других деталей внутренней планировки, а может быть, и перед тем, как поставить стены помещений. Это доказывается тем, что в некоторых комнатах первым полом являлась поверхность пахсового цоколя, в других же — пол настилался на мелкокомковатую подсышку разной толщины в разных помещениях.

Зачистка упомянутых срезов, а также конструкций нижнего слоя донжона позволила выяснить одну из возможных причин установленной нами перепланировки помещений этого здания. На стенах и нижних полах во многих случаях замечены следы огня и, следовательно, это могло объясняться необходимостью ремонта после пожара. Мы уже упоминали, что назначение некоторых комнат после перепланировки изменилось. Вряд ли при строительстве донжона центральное помещение, покрытое куполом (чем оно резко отличалось от обычных плоскоперекрытых помещений), замышлялось как рядовое, жилое, каким оно было, судя по сделанным там находкам, в последний период существования этого здания. Помещения 3, 5 и, может быть, 4 первоначально не имели хозяйственных функций. Они были жилыми. В последний период в них появились закрома и очаги и, таким образом, каждое из них могло служить отдельной маленькой «квартиркой».

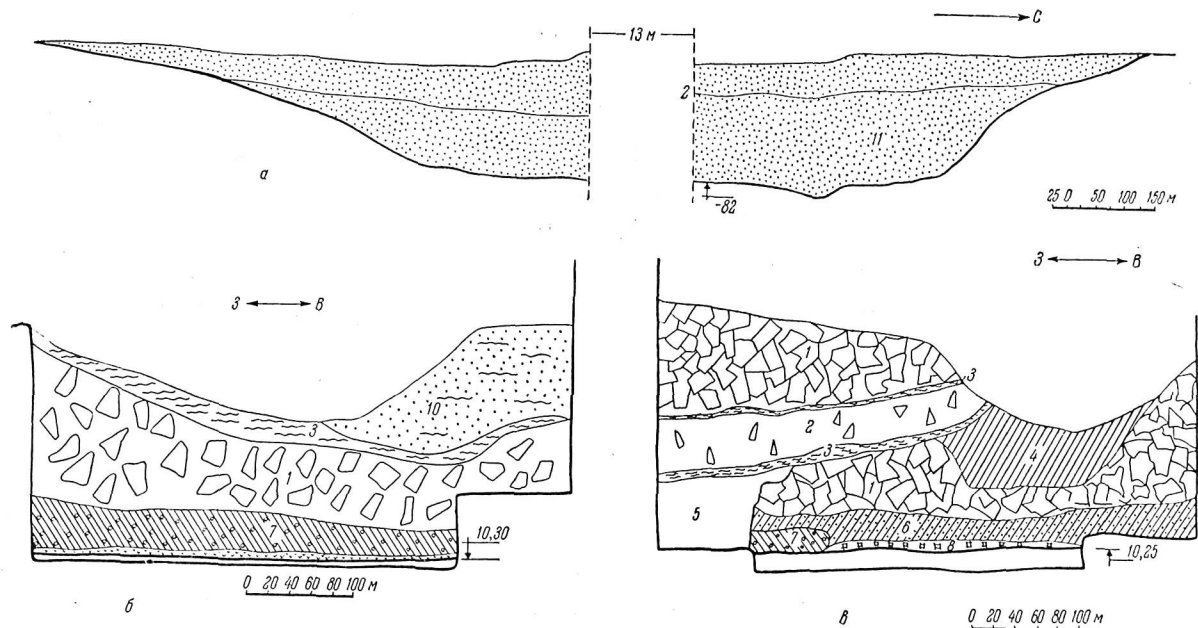

Рис. 6. Стратиграфические разрезы.

а — разрез заполнения рва вокруг замка; *б* — разрез наслоений в помещении 3 дождона; *в* — разрез наслоений в помещении 5 дождона. 1 — кирпичный завал; 2 — слой мелко разбитых кирпичей; 3 — песчаные намывы; 4 — мягкая глина; 5 — слой твердой глины с отдельными обломками кирпичей; 6 — слой мягкой глины с песком и включениями фрагментов керамики; 7 — завал из крупно- и мелко-разбитого кирпича и слоев разрушенной глиняно-саманной обмазки стен; 8 — навозный слой; 9 — мягкий слой с включениями керамики, костей животных, угольного золь; 10 — слой желтого ивациного песка с линзами песчаных намывов; 11 — слой аморфной твердой глины между полами; 12 — слой разрушенной глиняно-саманной обмазки со стен; 13 — песок

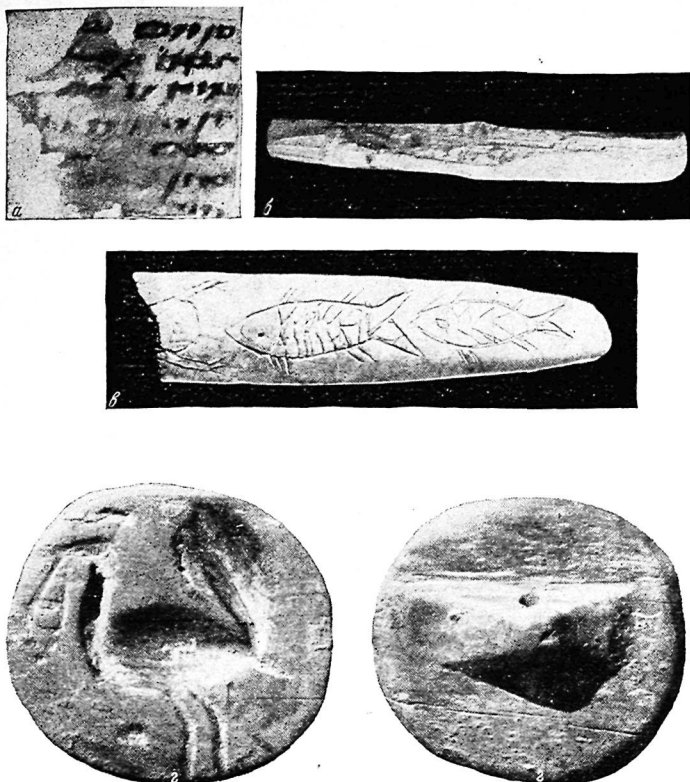

Рис. 7. Таблица находок.

а — обрывок кожи с остатком текста; б — палочка с надписью; в — предмет с изображением рыб; г — печать

Итак, если первоначально в донжоне выделялись только жилые, только хозяйственные и, видимо, парадная, купольная комнаты, и он являлся домом, рассчитанным на одну семью — семью владельца всей усадьбы, — перестройка свидетельствует, как нам кажется, о каких-то изменениях в жизни обитателей Якке-Парсана, на выяснение причин которых мы оставимся ниже.

Из культурного слоя над верхними полами донжона извлечена масса предметов — деревянных, костяных, глиняных, металлических. Особенно много находок было в центральном помещении.

1. Специального внимания заслуживают такие уникальные находки, как фрагмент кожи (2 × 5 см) с обрывком текста на древнехорезмском языке, сделанном тушью, и деревянная струганая палочка с надписью на том же языке (рис. 7, а, б). Тексты еще не прочитаны, но специалистами уже отмечено сходство начертания букв на документах из Якке-Парсана и в надписях на оссуариях из Ток-калы⁷, а также на монетах поздних

⁷ А. В. Гудкова. Некрополь городища Ток-кала. СЭ, № 6, 1963.

Афригидов и серебряных блюдах, чье хорезмийское происхождение, предполагавшееся ранее, теперь получило новое подтверждение⁸.

2. Большой интерес представляет крупная круглая деревянная печать, на которой выдолблено изображение павлина с каким-то предметом в клюве, напоминающим венук или повязку (рис. 7, з). Летящая птица, держащая в клюве венук, кольцо с лентами и т. п. — образ, хорошо известный в искусстве Востока и символизирующий, как полагают, крылатого посланца божества, несущего его дары избранному лицу.

Судя по росписям Варахии и Пянджикента, этот образ был распространен и в среднеазиатском раннесредневековом искусстве⁹. Являясь одним из атрибутов местной символики, изображения птиц, в том числе и павлина, встречаются на различных культовых предметах¹⁰. Наша находка вводит Афригидский Хорезм в ареал распространения этого образа. Следует отметить, что в Хорезме впервые найдена печать афригидского периода — до сего времени были известны только оттиски с изображением четверорукого божества, всадника и др., обнаруженные в дойжонах Тешик-калы и замка № 4¹¹.

3. Найдено также множество вещественных остатков ткачества: пучки стриженной шерсти, мотки ниток, глиняные пряслица, куски войлоков, тканей от различной одежды, в большинстве случаев старой, со множеством заплат.

Хлопчатобумажная ткань представлена довольно большим количеством фрагментов; по виду она совсем не отличается от современной среднеазиатской «маты»¹² (рис. 8, 1). Имеются фрагменты с одинаковой и разной толщиной нитей утка и основы. Сохранился остаток хлопчатобумажных женских штанов, сделанных точно таким же способом, как шьют их современные туркменки¹³, узбечки и таджички¹⁴, — из двух кусков с характерным швом посередине бедер (рис. 8, 8). Разница заключается в том, что теперь для пошивки штанов используется разная ткань — верх делается из более грубой, часто хлопчатобумажной, низ штанин надшивается более яркой и тонкой шелковой, а на Якке-Парсоне они изготовлены из одинаковой ткани. Замечательно, что на ней имеется тисненый орнамент, к сожалению, плохо сохранившийся и трудно определяемый. Можно лишь различить, что в нем повторяется один и тот же элемент так, как это показано на рис. 8, 7, где изображен один из возможных вариантов этого орнамента.

По имеющимся в наших коллекциях фрагментам можно выделить несколько разновидностей шерстяных тканей:

1. Основа из темных и светлых нитей переплетается с одинарной темной нитью утка (рис. 8, 2).

2. Переплетение более толстых, чем в первом случае, одинарных, разных по цвету (основа — темные, уток — светлые) нитей основы и утка.

⁸ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 258.

⁹ Г. А. Пугаченкова. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках. «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», № 2, Сталинабад, 1952, стр. 59; А. М. Беленицкий и др. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт историографического истолкования. В кн. «Скульптура и живопись Пянджикента», т. II, М., 1959, стр. 32—34.

¹⁰ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 59.

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 142, табл. 154.

¹² Среди находок в замке на горе Муг есть остатки таких же тканей. См.: И. Б. Бенетович. Находки на горе Муг. МИА, вып. 66, М.—Л., стр. 362.

¹³ Ата Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961, стр. 99; Полевые материалы Туркменского этнографического отряда Хорезмской экспедиции АН СССР за 1951, 1955 и 1956 гг. Хранятся в архиве ИЭ АН СССР.

¹⁴ Полевые материалы Б. Х. Кармышевой, работавшей среди узбеков и таджиков южных районов Средней Азии. Хранятся в архиве Института истории им. Ахмади Дониша АН Таджикской ССР и в ИЭ АН СССР.

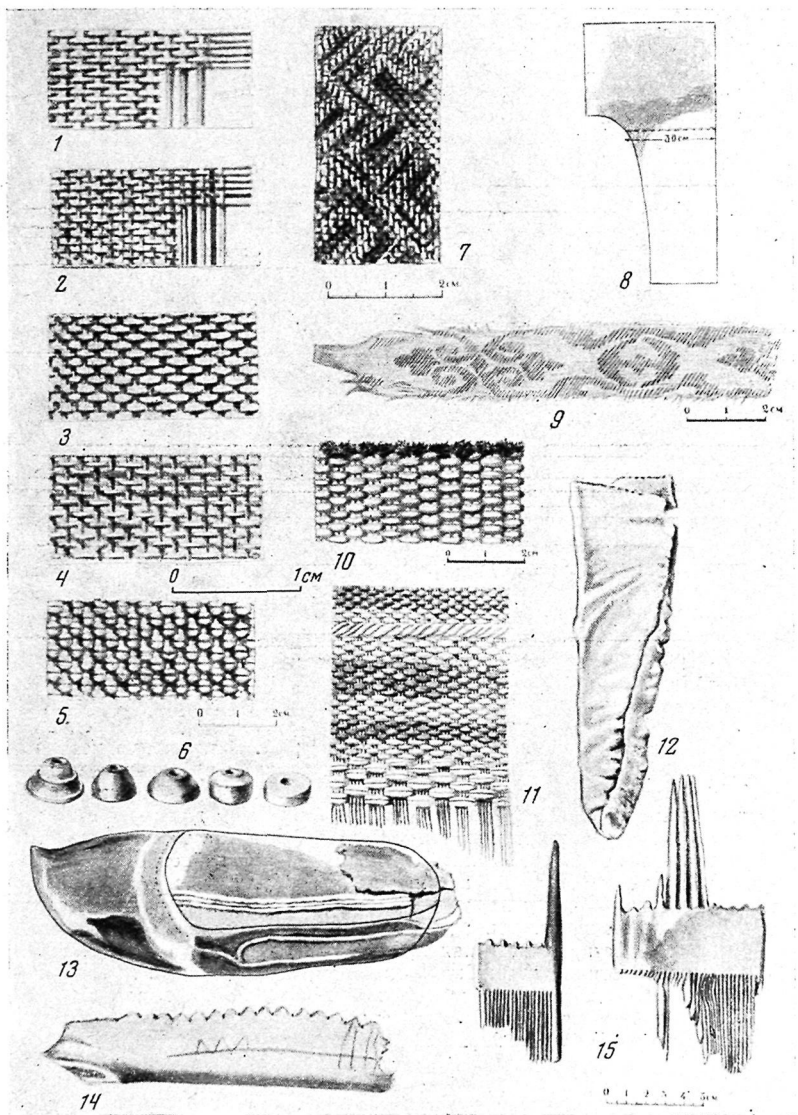

Рис. 8. Таблица находок.

1—5, 7—11 — фрагменты тканей и паласов; 6 — прислица; 12 — кожаные ножны; 13 — туфли; 14 — костяной предмет с зубчиками, видимо, использовавшийся при придеении; 15 — гребни

Из очень похожей по технике выработки ткани современное население Средней Азии еще недавно делало теплые халаты из верблюжьей шерсти (рис. 8, 3).

3. Простая ткань, образованная очень редким переплетением толстых, одинарных одинакового цвета нитей основы и утка (рис. 8, 4).

4. Основа из двойной шерстяной литки переплетается с двойной шерстяной нитью утка (рис. 8, 5).

Имеются и обрывки нескольких паласов:

1. Полосатый палас. Основа хлопчатобумажная, нити утка — шерстяные, переплетение простое. Полосы имеют разную ширину, цвет их зависит от окраски нитей утка. Каждая полоса сделана из нитей разной толщины, причем одна из них — ближе к кайме — напоминает «алоджа» на современных среднеазиатских паласах. Она состоит из многих разных по цвету нитей, скрученных в виде шнурка¹⁵. Край сделан из заплетенных в косичку, собранных по четыре хлопчатобумажных нитей утка и основы. Может быть, была бахрама (рис. 8, 11).

2. Палас простого плетения. Нити основы и утка одинарные шерстяные.

3. Палас (или мешочек типа современного чувала) шерстяной с двойной основой. Выделяются ворсовые полосы, полученные путем подрезания утка (рис. 8, 10).

Много найдено и остатков войлоков. Один из них, судя по его тонкости и прочности, мог являться частью одежды. Кстати, на нем видны следы шва. Следует особо отметить маленький фрагмент шелковой набивной ткани желтого цвета, узор на которой представляет собой сочетание элементов, встречающихся в настенной живописи древних среднеазиатских памятников¹⁶ (рис. 8, 9).

4. Из деревянных и плетеных изделий представляют интерес:

а) Большая деревянная лопата (длина рабочей части около 50 см), вырезанная из одного куска дерева (рис. 13, 13) и служившая, видимо, для разгребания зерна при его провеивании, поскольку жители современного Кырк-кызского оазиса помнят, что в старину для этой цели применяли подобные же орудия. Весьма похожа на описанную лопата в коллекции из замка на горе Муг. Да и вообще нужно сказать, что набор предметов из раскопов обоих памятников очень схож¹⁷; б). Остатки дна корзины, сплетенной из тонких, может быть, ивовых прутьев; в). Различным способом сплетенные веревки; г). Два деревянных гребня, двусторонние, размером примерно 17 × 12 см, служившие, очевидно, для расчесывания шерсти при прядении, так как и сейчас местное население пользуется такими гребнями для этой цели. Подобные предметы найдены при раскопках Тешик-калы¹⁸, а также в замке на горе Муг¹⁹ (рис. 8, 15). Кроме того, среди находок в дольжоне имеется большое количество фрагментов дерева со следами обработки; д). Найдено множество остатков кожаной обуви, в частности, почти целая небольшая по размеру, видимо, детская или женская мягкая туфля. Она спита из двух кусков кожи со швом посредине подошвы. Носок загнулся кверху. На задник наложены специально вырезанные куски кожи. Покрой этой обуви напоминает туркменское «чопаб»²⁰ (рис. 8, 13).

¹⁵ По устному сообщению Г. П. Васильевой.

¹⁶ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. В кн. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента», т. II, М., 1959, стр. 91, рис. 1, б.

¹⁷ И. Б. Бентович. Указ. соч., стр. 365, рис. 2, 3. См. также: С. В. Иванов. О находках в замке на горе Муг (керамика, плетеные и кожаные изделия, ткань). «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», Сталинабад, вып. 2, 1952.

¹⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 56.

¹⁹ И. Б. Бентович. Указ. соч., стр. 364, рис. 1, 4—6.

²⁰ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXI, М., 1954, стр. 160.

Культурный слой в комнатах донжона изобилует семенами садово-огородных культур: косточками урюка, персиков, вишен, семенами арбуза, дыни, проса, хлопчатника. Богата и коллекция костей животных: коровы, барана, верблюда, лошади, джейрана и др.

Кроме перечисленных находок, из помещений донжона было извлечено много керамики, но поскольку она не отличается от посуды из помещений дворовой застройки, описание ее будет приведено ниже.

Таким образом, состав найденных предметов разнообразен и даже в результате только предварительного их изучения можно отметить бросающуюся в глаза особенность: судя по облику вещей, материальная культура обитателей замка отличалась уже теми характерными чертами, которые стали традиционными для населения Средней Азии и сохранялись там на протяжении веков. Это еще раз доказывает, какие глубокие местные корни имеет культура современных народов Средней Азии.

Раскопки построек во дворе

Во дворе вскрыта площадь, равная 942 м² и составляющая территорию, занятую 21 помещением. Расчетка наслоений на этой площади позволила выделить стратиграфически три строительных горизонта; раскопанные помещения относятся, главным образом, к среднему и верхнему. Стратиграфическое выделение горизонтов находит подтверждение в различиях планировки соответствующих построек, причем эти различия носят принципиальный характер. Уровень полов нижнего горизонта — 164—212 см среднего — 212—250 см, верхнего — 260—280 см.

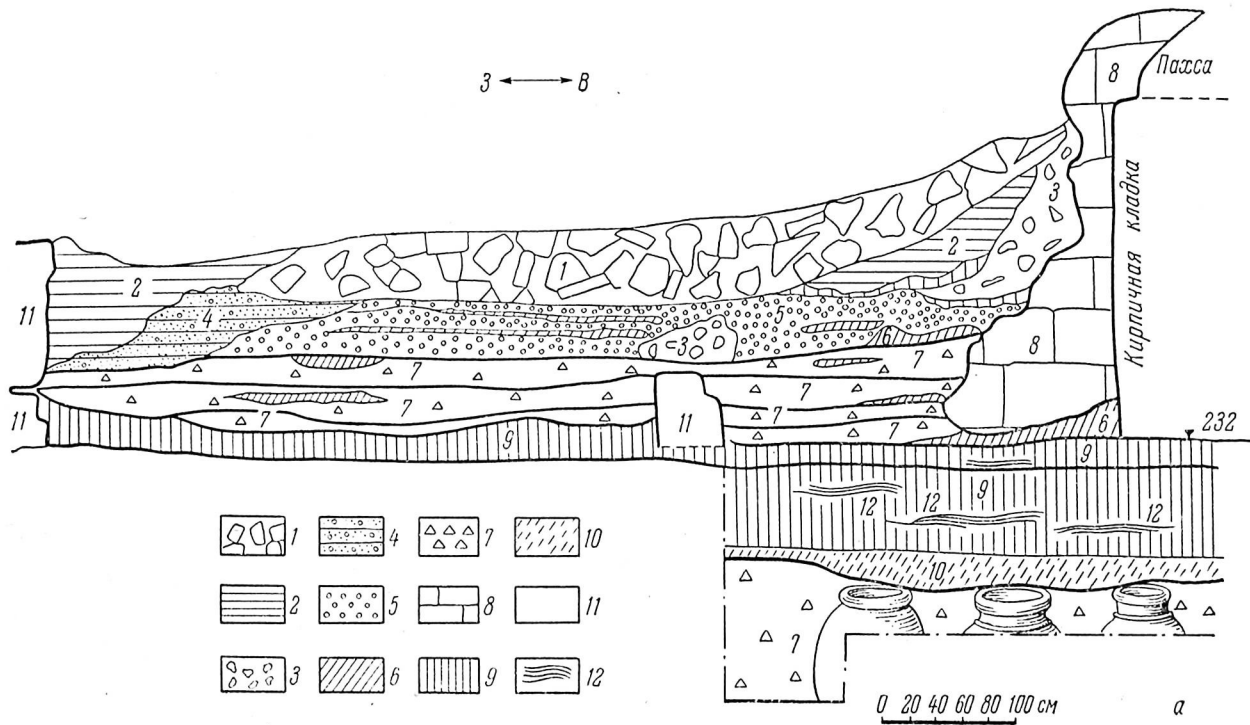
Нижний горизонт. Постройки, относящиеся к этому самому раннему периоду существования замка, не вскрыты, однако, наличие его можно с уверенностью предполагать по целому ряду признаков. Прежде всего, в результате закладки небольшого шурфа площадью 1,5 × 1,5 м в помещении 5 (средний горизонт, см. план) выяснилось, что верхние полы подстилались еще одним (четвертым по счету), подходящим к основанию крепостной стены замка, но не относящимся ко всем стенам комнаты. Под этим полом начинается платформа, на которой воздвигнут замок (уровень ее здесь — 164 см), выровненная в данном случае мелкокомковатой подсыпкой толщиной около 24 см²¹ (рис. 9, в).

²¹ Еще один шурф, заложенный в 1962 г. у подножия донжона с западной его стороны, позволил выяснить характер этой платформы и проследить последовательность наслоений памятника. Оказалось, что замок построен на развалинах какого-то поселения, скорее всего усадьбы позднекангуйского времени. В шурфе на уровне 146 см после того, как была пройдена почти метровая толща плотной глиняной массы, подстилающая последний пол афригидской эпохи, начался рыхлый культурный слой с костями и керамикой античного облика, а затем показались венчики хумов позднекангуйского времени. Учитывая, что высота подобных сосудов достигает 80—70 см, можно предполагать относительно хорошую сохранность древних построек. Кстати, кирпичную кладку одной из стен комнаты, в которой стояли хумы, удалось обнаружить тут же в шурфе (рис. 9, а).

Эту стену и хумы перекрывает пол, над которым и залегал упомянутый выше культурный слой с костями и керамикой. Указанное обстоятельство внушает подозрение, что античное поселение, как и замок, построенный на его развалинах, окажется многослойным. К афригидскому периоду относятся напластования над пятой полами, три из которых (2, 3 и 4 на рис. 9, а — счет снизу), как это удалось установить благодаря расчетке примыкающей к шурфу территории, относятся к среднему горизонту, когда жизнедеятельность в замке, видимо, достигала наибольшей интенсивности. Тогда же был построен и донжон, основание которого стоит на той же поверхности, что и постройки среднего горизонта. Расчетка западной стены донжона привела к неожиданным результатам. Выяснилось, что она сложена из сырцовых кирпичей, в то время как на том же уровне северная стена донжона сделана из пахсы. Такое несоответствие в строительном материале наводит на мысль о том, что в паховом цоколе донжона заключены остатки какого-то более раннего кирпичного сооружения афригидского времени.

Для нас в данном случае особенно важно, что в шурфе четко выделяются наслоения нижнего горизонта: здесь открыт останец стены этого самого раннего вре-

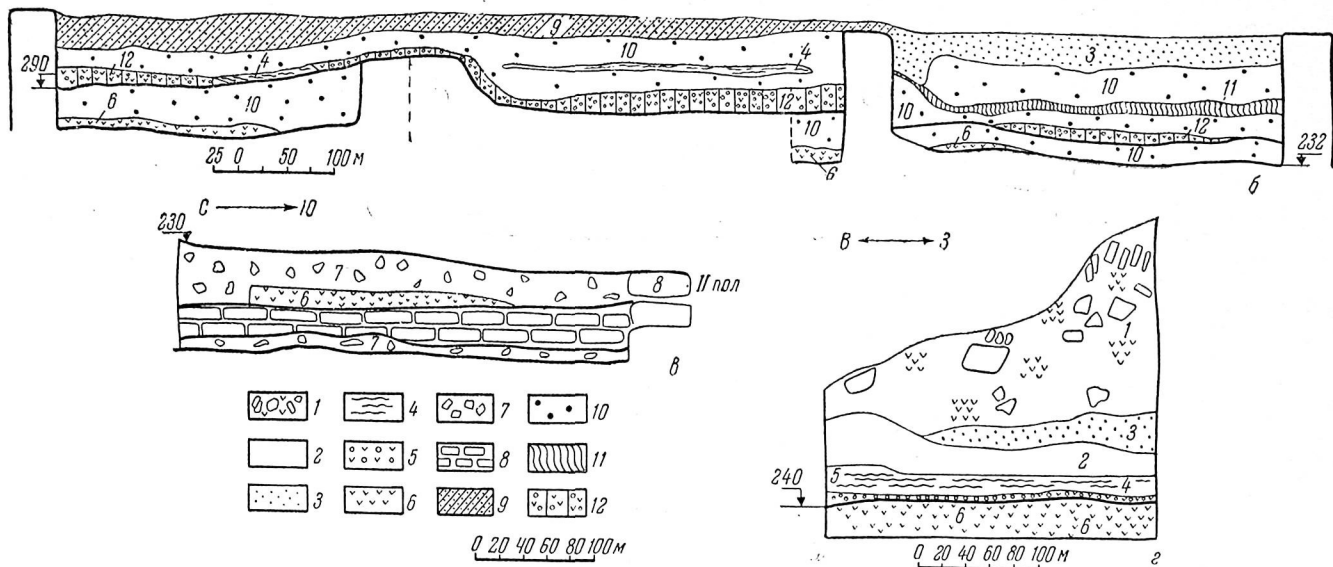

Рис. 9. Разрезы наслоений в дворовой застройке.

а — разрез участка между помещением № 10 и донжоном по линии АВ; 1 — пахсово-кирпичный завал; 2 — мягкий наносный слой; 3 — мелкокомковатый завал; 4 — мягкий слой с песком и с навозом; 5 — навозный слой с включением фрагментов керамики и костей животных; 6 — прослойки перегноя; 7 — рыхлый слой с включением фрагментов керамики, костей животных, угольков; 8 — пахсовые блоки; 9 — твердый глиняный слой; 10 — мягкий желтый слой с костями животных и керамикой; 11 — кирпичная кладка; 12 — глинисто-песчаные намывы; б — разрез наслоений в помещениях 6а, 6б и 10; в — шурф в помещении XIII. (Линии разрезов б и в проходят посредине помещений по линии ю — с (б) и по линии з — в (в)); 2 — разрез через напластования в помещении XIII; 1 — завал свода со следами огня, фрагментами керамики, угольками; 2 — твердый пахсово-кирпичный завал; 3 — наносный желтый песок; 4 — глинисто-песчаные намывы; 5 — мягкий слой серого цвета с примесью навоза и включениями фрагментов керамики, костей, угольков; 6 — мягкий слой с керамикой, угольками, золой и шлаками; 7 — твердый слой из мелких обломков кирпичей; 8 — кирпичная кладка; 9 — глинисто-песчаный рыхлый слой; 10 — твердый аморфный завал; 11 — рыхлый слой с включениями солей и гипса; 12 — мягкий перегнойный слой желтого цвета с большой примесью навоза, с фрагментами керамики, костей животных

Несмотря на то, что нижний слой замка почти не вскрыт, есть основания полагать, что планировка первоначального Якке-Парсана должна была очень существенно отличаться от той, которую он имел в последующее время.

Так, раскопки выявили, что многие стены помещений среднего горизонта являются надстройкой более старых стен, произведенной без учета расположения прежних дверных проемов и т. д.²² Кроме того, уже сейчас можно думать, что первоначально замок имел обходную стрелковую галерею. Это установлено следующим образом. Вдоль южной и западной крепостных стен Якке-Парсана расчищены вытянутые в один ряд комнаты, отделенные от остальной застройки очень мощной стеной, толщина которой превышает 2,5 м (рис. 10 а, 12, в). Помещения имели сводчатые потолки, поскольку на отдельных участках стен, высота которых и сейчас достигает 2,5 м, сохранились остатки пяты свода, а в завале встретилось значительное количество кирпичей, характерных для этого рода перекрытий. Кирпичи имеют размеры 30 × 20 × 10 см и сформованы из глины с большой примесью самана. Для лучшего скрепления сглиняным раствором на одной из сторон кирпича пальцами сделаны глубокие оттиски. Поскольку не сохранилось ни одного кольца свода, даже просевшего, конструкцию его и кривизну установить невозможно.

Наличие в заполнении помещений большого количества фрагментов античной посуды, главным образом толстостенной кангюйского времени, дает основание полагать, что свод имел расклинку керамикой, что вообще для кладки сводчатых перекрытий позднеафригидской эпохи нехарактерно. Интересно отметить среди этой керамики такие любопытные фрагменты, как ручка кувшина, украшенная паленым рельефным изображением головы льва. Применение для расклинки посуды именно кангюйского времени не удивительно, так как мы видели выше, что замок был возведен на развалинах усадьбы этого времени.

Раскопки выявили, что поперечные стенки, отделявшие одну из упомянутых комнат от другой, поставлены на поверхность, уровень которой соответствует полам среднего горизонта (+202—240 см), и до строительной платформы (+164 см) они не продолжают. Так стена, разделявшая комнаты 5 и 9, стоит на культурных наслоениях нижнего горизонта. Аналогичный факт зафиксирован в комнате 12, где небольшой шурф показал, что южная стена здесь также не идет до нижних слоев и построена в период настилки второго пола (+240 см). Далее совершенно несомненно также, что тонкая, в один кирпич, перегородка, разделяющая помещения 1 и 5, неодновременна строительству основных крепостных стен. Кроме того, можно с уверенностью полагать, что первоначально помещения 18 и 13 составляли единое целое, и стена между ними воздвигнута позже.

Все эти факты позволяют заключить, что первоначально вдоль западной и южной стен Якке-Парсана (и, надо полагать, вокруг всего замка) шел сводчатый коридор, вернее, стрелковая галерея, подобная встречающимся в античных крепостях, таких, например, как Аяз-кала 1 и Ангка-кала. Поэтому вполне закономерно было открытие в южной (помещение 7) и западной (8 и 12) крепостных стенах бойниц, эффектно выложенных

мени существования замка и подходящий к нему пол (его уровень 210 см). Разница в уровнях нижних полов объясняется неровностью поверхности древних развалин, которые, конечно, были далеко не идеально выравнены, превращаясь в платформу для постройки замка.

²² В шурфе, заложенном у донжона в 1962 г., также отчетливо видно, что возникновение построек среднего горизонта связано с перестройкой и что, кроме того, они, возможно, были воздвигнуты после некоторого перерыва обитания в усадьбе. На возможность этого перерыва указывает то обстоятельство, что поверхность останца стены раннеафригидской постройки крайне разрушена и покрыта слоем наносов, глиняный раствор между кирпичами выветрен, кое-где заметны следы огня.

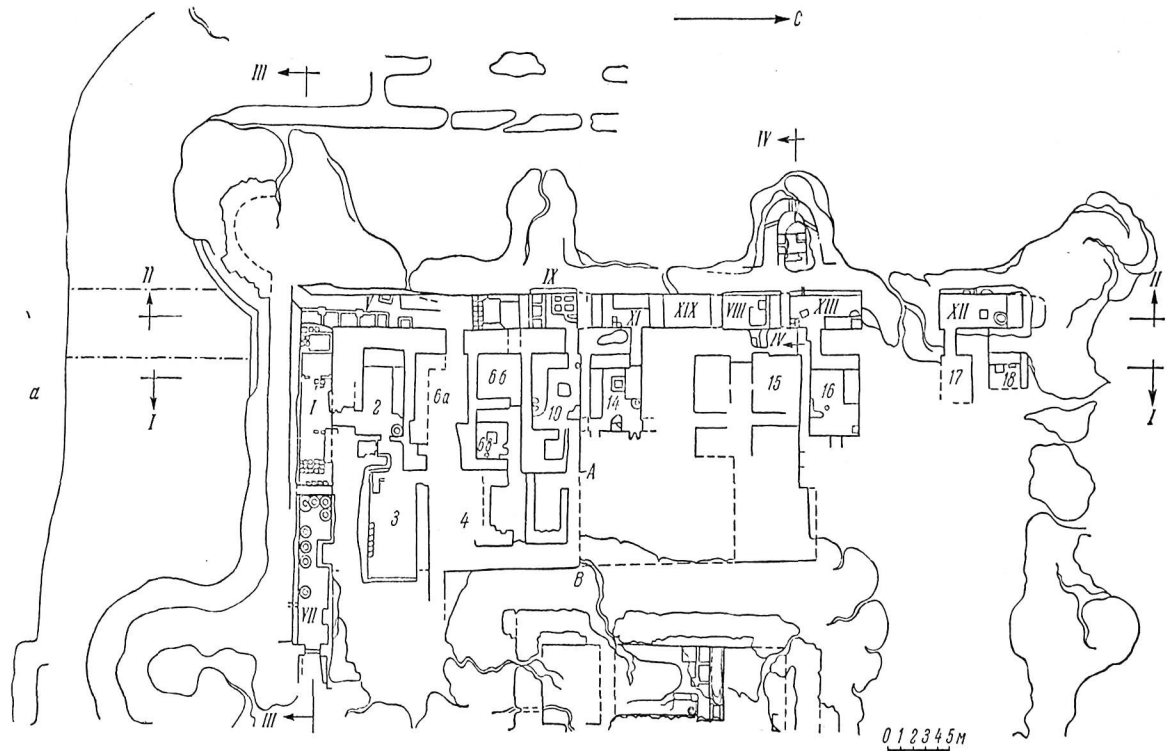

Рис. 10 а. План дворовой застройки. Средний горизонт

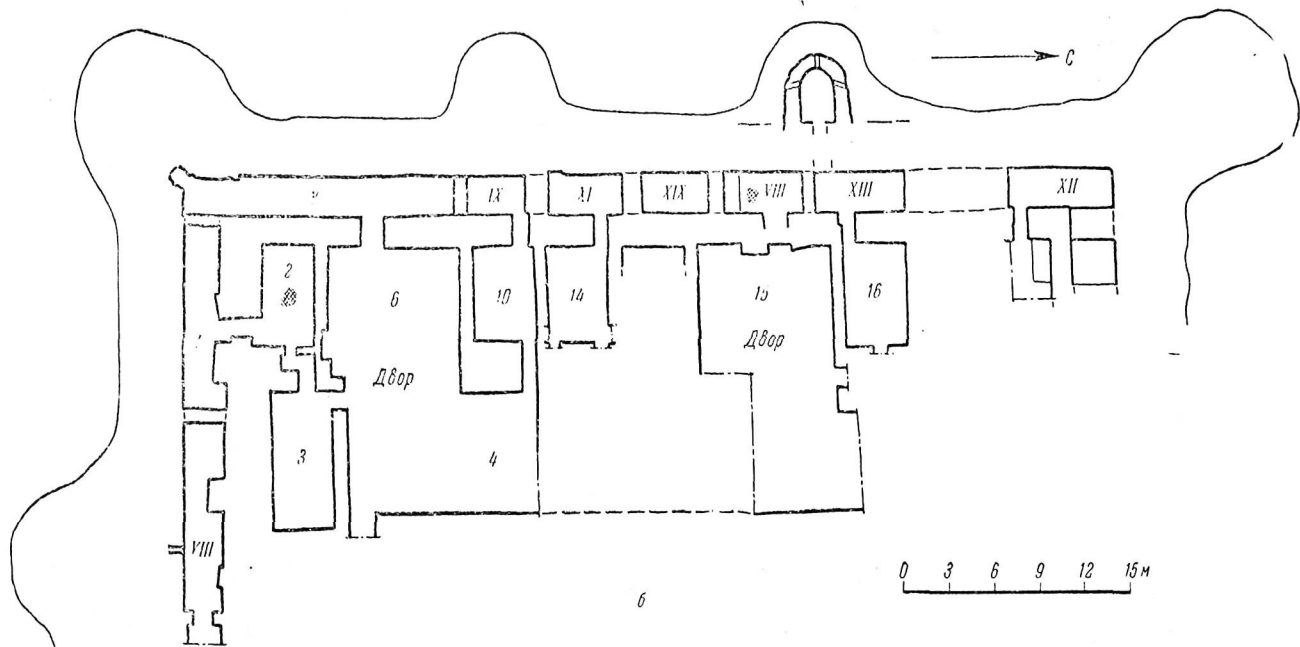

Рис. 10 б. План дворовой застройки. Верхний горизонт

кирпичом. Бойницы плоскоперекрытые, высотой 88 см, ширина в верхней части — 18 см, в нижней — 26 см. То обстоятельство, что они найдены далеко не везде, объясняется лишь крайней разрушенностью стен. По целому ряду признаков эти бойницы можно отнести именно к нижнему горизонту, а не к среднему и верхнему. Главным доказательством этого положения является сопоставление уровней: отметка дна бойниц в помещении 7 равна 260 см, в то время как уровень пола среднего горизонта — 270 см. Кроме того, хумы, стоящие в этой комнате, закрывают бойницы и совершенно ясно, что в период, когда существовала эта хумана, надобность в бойницах полностью отпала (рис. 11, в).

Кстати, та же картина наблюдалась и при раскопках средней, третьей по счету (начиная от юго-западного угла) башни; на втором полу, соответствующем полам среднего горизонта сводчатых комнат (в галерее), оказались сплошные ячейки закровов, занимающие всю площадь башни. Видимо, в период, когда первый этаж стрелковой галереи при помощи кирпичных перегородок был превращен в складские (преимущественно) помещения, нижние помещения башни тоже стали хранилищами запасов продовольствия.

Средний горизонт. В застройке двора, относящейся к среднему горизонту, отчетливо выделяются отдельные комплексы, состоящие из двух-трех помещений. Каждый из этих комплексов не сообщался с соседним. Все они вытянуты от крепостной стены к доюнку.

В юго-западном углу замка в такой комплекс входят помещения 1, 2 и 3. Помещение 1, длиной 11 м и шириной 3 м, вытянуто вдоль крепостной стены и является, как и все комнаты, расположенные таким образом, частью первоначальной сводчатой галереи, о чем говорилось выше²³. Помещение было заполнено крупнокомковатым завалом, образовавшимся за счет разрушения свода, с вкраплениями наносного песка. В верхних слоях этого завала встречались фрагменты керамики афригидской эпохи, в основном — толстостенных хумов.

Результаты расчистки пола и конструкций, помещавшихся на нем, позволяют сделать заключение, что помещение было хозяйственное. Весь его западный конец, а также частично и восточный, занимали закрома с тонкими кирпичными стенками, в которых найдены семена проса и какого-то другого растения, пока не определенного (рис. 12, в). В центральной части помещения вдоль крепостной стены, видимо, стояли хумы, врытые в пол. В пользу этого свидетельствуют расчищенные нами две ямы с фрагментами стенок и днищ толстостенных сосудов. Следов очага в комнате не обнаружено. Проход из данного помещения в соседнее, 2, образовался в результате вырубки части стены древней стрелковой галереи: отчетливо видны следы каких-то рубящих инструментов на черновой поверхности кирпичной кладки, особенно на горизонтальной плоскости получившегося таким образом порога.

Помещение 2 имеет вид неправильного прямоугольника. Вдоль западной и северной стен его расположены кирпичные суфы шириной 1—1,5 м и высотой 0,3 м; в центре на полу заметны следы большого кострища, в юго-западном углу находится еще один очаг, сделанный из старой хумчи. Вся восточную часть комнаты занимает массивное кирпичное сооружение, устроенное, видимо, специально для хранения посуды и продовольственных запасов. Это помещение мы условно назвали «тамбуром» (рис. 10а). Почти все внутреннее пространство «тамбура» площадью 1,12 × 1,7 м занято высокой кирпичной полкой, на которой стояло шесть сосудов-горшков ручной лепки и несколько водоносных кувшинов. Здесь же были обнаружены арбузные семечки и кости животных.

²³ Помещения, образованные перегородками из старой стрелковой галереи, входят в каждый комплекс дворовой застройки. Для удобства они везде будут обозначены римскими цифрами.

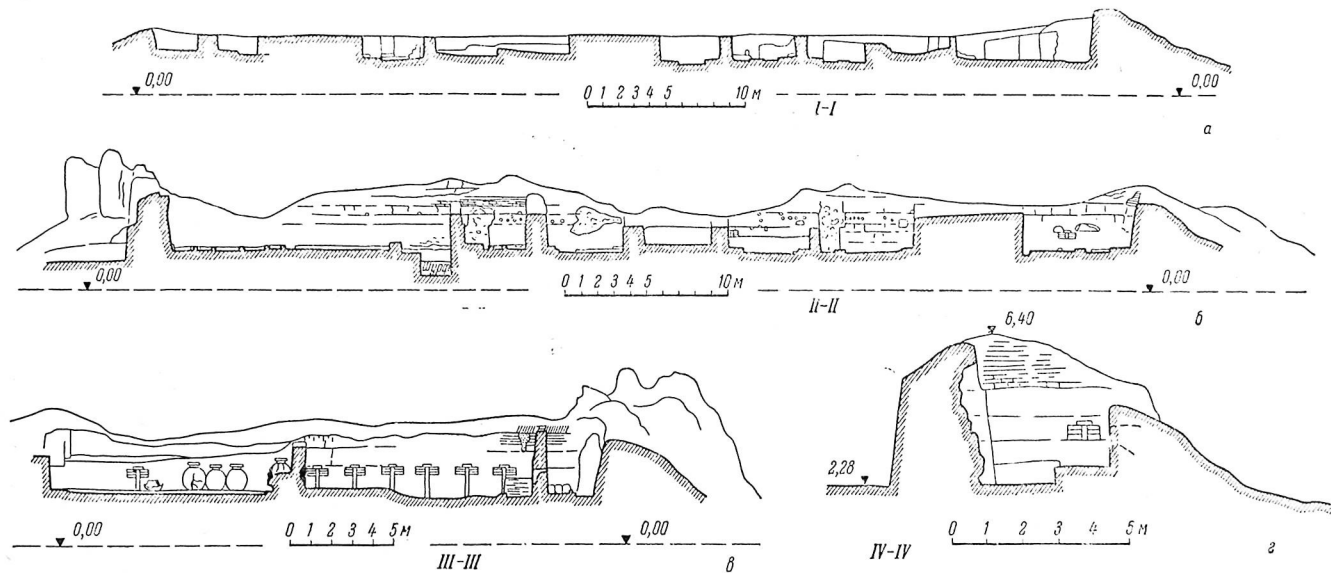

Рис. 11. Архитектурные разрезы

Следующее помещение, 3, входившее в тот же комплекс, лишено каких-либо конструкций; не замечено в нем и следов очага. Глиняные полы неоднократно подправлялись, ремонтировались, укреплялись мелким керамическим ломом и обломками кирпичей. Толщина этих наслоений достигает 50 см (от отметки +219 до +266 см).

В юго-западной части двора замка располагалась еще одна группа помещений, из которых пока вскрыто только одно — VII. В нем оказалось семь целых хумов, которые заполняли всю комнату, оставляя свободным лишь незначительное пространство у входа (рис. 12, б). Хумы имеют ту же форму, что и обнаруженные на Тешик-кале (VIII в. н. э.) и в других афригидских замках VII—VIII вв. У них яйцевидной формы тулово, четко выделенное горло и венчик-валик, украшенный ямками от вдавленных, сделанных пальцами. На тулове каждого из них виден знак, причем все знаки различные. Около хумов обнаружены кружка и сосуд горшководной формы.

Западную часть дворовой застройки Якке-Парсана составляет 9 групп помещений, большинство из них раскопано лишь частично. Самая южная группа, состоящая из комнат V, 6а, 6б и 6в, имеет сложную историю. Фактически это два комплекса, объединенные первоначально общим для них помещением V. Последнее имеет длину 17 м и ширину 2,6 м и соединено арочным проемом с юго-западной башней замка. Всю южную часть комнаты занимают один большой загром (7 × 1,3 м), разделенный узкими кирпичными перегородками на пять отделений, и кирпичная суфа против него у западной стены комнаты (рис. 12, а). Около суфы находятся два других, маленьких загрома с остатками джугары. Аналогичный по виду и содержанию загромчик имеется и у восточной стены рядом с большим, описанным выше. Нынешняя высота всех этих конструкций не превышает 23—25 см.

Данное помещение связано дверным проемом с рядом последовательно сообщающихся комнат — 6а, 6б и 6в. В первых двух еще не открыт тот уровень, который соответствует описываемому среднему горизонту. Однако в комнате 6а сквозь верхние наслоения проступают очертания суфы (у западной и южной стены) и, надо думать, планировка ее не будет отличаться от уже известной по описанному выше соседнему помещению 2. Судя по некоторым деталям, здесь имелся и «тамбур», срубленный в последний период существования замка (рис. 10а).

В помещении 6в, имевшем аналогичный план, вдоль западной и южной стен расположены низкие кирпичные суфы-лежанки, ширина которых не превышает 1 м, у восточной стены — водопоглощающее приспособление, сделанное из горла старой хумчи, в центре кирпичная вымостка — очаг. На ней в небольшом углублении стоял маленький лепной горшок. Такие очаги-вымостки известны в Хорезме по археологическим данным с глубокой древности²⁴. Они очень напоминают хивинские «тандырча»²⁵, служившие для обогрева, однако, можно считать установленным, что в данном случае на такой выкладке разводился костер, на котором готовилась пища.

Следует заметить, что первоначально помещения 6б, 6в и северная часть V, отгороженная от остальной части комнаты глухой стеной, составляли единый комплекс, не сообщавшийся с соседними комнатами 6а и V (южная часть). Однако, в какое-то время, стратиграфически выраженное тем же средним горизонтом, они объединились в одну группу благодаря тому, что была срублена перегородка в комнате V и прорублен проход, соединивший помещения 6а и 6б.

²⁴ Е. Е. Неразик. Археологическое обследование Куны-Уаза в 1952 году. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 384.

²⁵ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. СЭ, № 2, 1949, стр. 63.

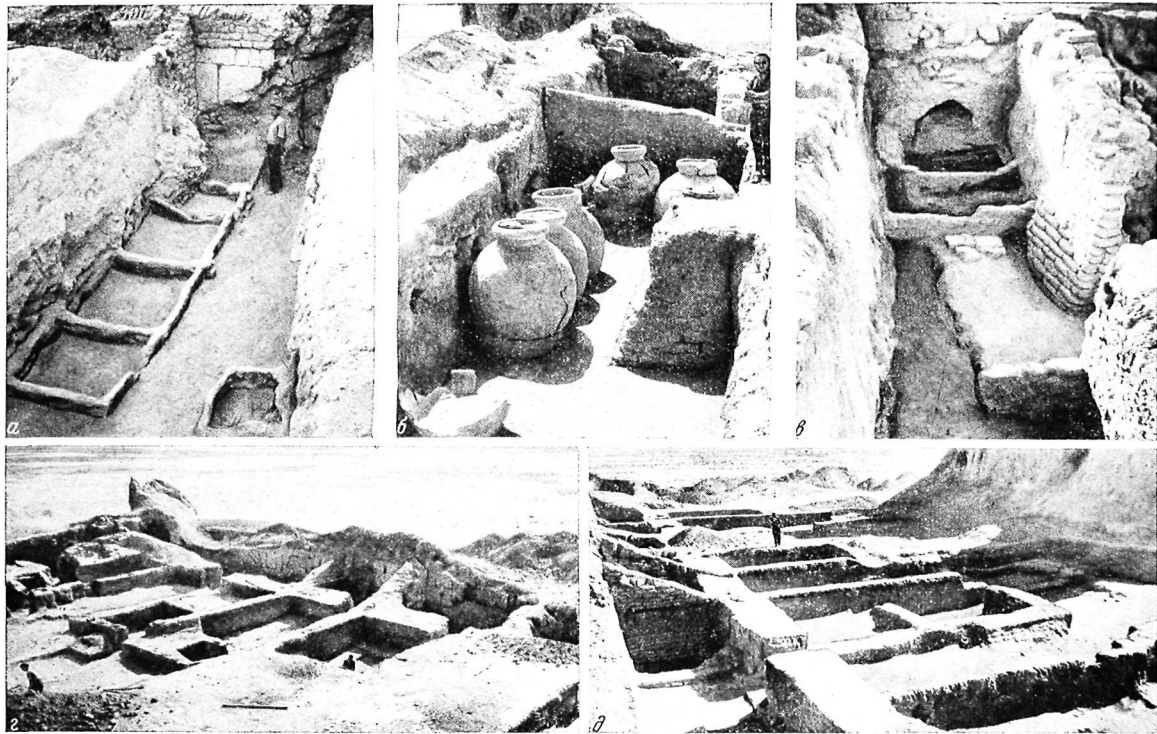

Рис. 12. Помещения дворовой застройки замка.

а — комната V; б — комната VII; в — комната I; г — раскопки в юго-западном углу замка; д — общий вид раскопок в западной половине замка

Следующий комплекс составляют помещения IX и 10. Первое, площадью $4 \times 2,3$ м, сплошь заполнено закромами, использовавшимися для хранения джугары, на что указывают находки зерен этого растения. Один заком занимал всю южную часть комнаты, другой, шириной 1,3 м, был пристроен возле западной и, частично, северной стен. В последний период существования замка, при настилке верхних полов, о которых речь пойдет ниже, эти закрома были забутованы.

Смежная комната 10, сообщающаяся с описанной выше узким проходом, значительно превосходит ее по площади и подобна по плану помещениям 2, 6а и 6в. Ее западную и южную стены огибает невысокая кирпичная лежанка шириной немногим больше одного метра, в центре находится прямоугольная выкладка — очаг размером 70×100 см с низким бортиком по краям. Поверхность выкладки сильно обожжена, в середине небольшое, видимо, выжженное углубление, вокруг на полу рассыпаны зола и угли. Другой очаг поставлен на суфу у южной стены и сделан из керамического сосуда, обожженного глиной. Высота его достигала 45 см, диаметр дна — около 40 см, наполнение состояло из пепла и золы. Стенки сосуда сильно прокалены. Этот очаг подобен обнаруженным на донжоне тандырам и, видимо, не отличался от них назначением.

Восточная часть помещения выгорожена двумя тонкими кирпичными стенками и превращена, как и в комнате 2, в самостоятельную крохотную комнатку — «тамбур» (рис. 4, в). Она оказалась пустой — сделанные там находки сводились только к нескольким фрагментам толстостенных сосудов, и поэтому о назначении ее судить пока не представляется возможным. Пространство между описанными группами помещений и донжоном, площадью 12×17 м, разделено на три отделения довольно тонкими кирпичными стенками, от которых сохранились лишь основания, причем каждое из них соответствует определенной жилой секции (см. рис. 4, в). Назначение их пока не совсем ясно, может быть, здесь отдыхали. Более фундаментальная кирпичная стена, толщиной 1 м, отгораживает их от донжона таким образом, что между последним и застройкой остается лишь узкий проход.

Следующая секция состоит из комнат XI с кирпичной суфой у южной стены и закомом, разделенным на три отделения, и 14, совершенно аналогичной по плану описанному выше помещению 10 из соседней секции, с той разницей, что очаг-тандыр помещается не на суфе, а у северной стены на полу. Костер разжигался в данном случае непосредственно на участке, выгороженном на полу специальным тонким и низким глиняным барьерчиком, теперь сnivelированным с поверхностью пола, покрытой золой и пеплом почти на всей площади комнаты. Рядом с этим кострищем найдены четыре целых лепных закопченных горшка и кружка, а также обломки крупных каменных жерновов и несколько железных предметов.

Мы описали южную часть западной половины двора замка. Северная часть раскопана в гораздо меньшей степени. Однако, уже сейчас есть основания полагать, что и здесь планировка подчинялась тем же принципам, и эту часть территории двора занимало четыре или пять комплексов, аналогичных описанным выше. В каждом из них раскопано только одно помещение у крепостной стены, и лишь в одной секции вскрыто два. Секция состоит из помещений XIII и 16. Первое, соединенное узким дверным проемом с башней, имеет кирпичную суфу у восточной стены, на которой поставлена ячейка закома, где найдены остатки джугары. Такой же заком пристроен к суфе в месте ее соприкосновения с северной стеной комнаты. В юго-западном углу расчищена квадратная выкладка из четырех кирпичей. На полу найдены остатки нескольких крупных каменных жерновов.

В западной стене непосредственно под пятой свода, то есть на высоте примерно 240—250 см от пола, имеются две небольшие подквадратной

формы нишки со следами копоти. По-видимому, здесь стоял светильник. Рядом с ними видны следы гнезд от балок, вероятно, поддерживавших деревянную полку. В заполнении комнаты, наряду с античной керамикой так же, как и в помещении 1, встречались обломки посуды афригидской эпохи, кости и пр., местами же наблюдались следы копоти (рис. 9, 2). Все это — признаки разрушенного культурного слоя, просевшего вниз после разрушения свода верхнего этажа древней обходной галереи.

Вторая комната имеет знакомый нам план с суфами у двух стен — на этот раз у северной и западной — и круглым углубленным очагом в центре. «Тамбура» здесь нет, возможно, он будет открыт при дальнейших раскопках данного участка двора. Однако, и в этом случае юго-восточный угол помещения обособлен от остальной его площади тонкой кирпичной стенкой. Пространство к югу от описанной комнаты вплоть до помещения 14 частично не вскрыто, частично вскрыто только до верхнего уровня (участок 15). В каждом из прочих (пока только предполагаемых) комплексов расчищено, как уже было сказано выше, по одному помещению у стен VIII и XII.

В первом вдоль северной и частично западной стен находятся закрома, состоящие из отдельных ячеек на полу; в центре заметен небольшой выжженный участок пола — след от кострища.

Второе так же, как и комната V, подходит к углу замка и также должно было бы сообщаться с угловой башней. Однако, такого отчетливого арочного проема, ведущего в башню, как в юго-западном углу, здесь не обнаружено. Нужно полагать, что он заложен и будет выявлен на большой глубине, где стены, вероятно, лучше сохранились, чем на описываемом уровне. В помещении XII открыта кирпичная суфа шириной 1,3 м у северной стены, рядом с ней вкопан хум, от которого сохранилось только днище. Подле него находится квадратная обожженная выкладка-очаг. В восточной стене под пятой свода так же, как и в комнате XIII, есть несколько маленьких закопченных ниш.

В описанных помещениях найдены предметы, главным образом, хозяйственного обихода — из железа, кости, камня, глины. Это прежде всего железное земледельческое орудие, видимо, лопата, хорошо сохранившаяся, с остатками скобы для прикрепления к деревянной рукоятке (рис. 13, 11, 12). Нужно сказать, что до сих пор при раскопках памятников афригидской эпохи подобных находок не было, если не считать остатка кетменя из замка 92. Из других железных изделий упомянем крючки, ножи — однолезвийные черешковые и серповидный изогнутый типа современных садовых — и подпрямоугольной формы пряжку с отломанным язычком (рис. 13, 4, 5, 7—9, 10). Все эти предметы находят себе полные аналоги в коллекциях из синхронных среднеазиатских памятников, в частности, Согда²⁶.

Найдены также бронзовые пряжка (рис. 14, 8 на стр. 32) и большое незамкнутое кольцо, многочисленные усеченно-конической формы глиняные пряслица, обломки больших каменных жерновов и много керамики, на описании которой мы здесь останавливаться не будем. Особый интерес представляют две парные костяные обкладки лука, подобные найденным в одном из помещений Топрак-калы²⁷. Совершенно не понятно пока назначение поделок из ребер животных, сильно залощенных с обеих сторон (рис. 14, 15, 16). На одной из них резцом нанесены изображения

²⁶ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента. МИА, вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 133, рис. 376, 10, 14, 17. Б. А. Литвинский, Э. Гулямова и Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956). Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. 4, Сталинабад, стр. 147, рис. 8, 2—5.

²⁷ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. ТХЭ, т. 1, М., 1952, стр. 35, рис. 22.

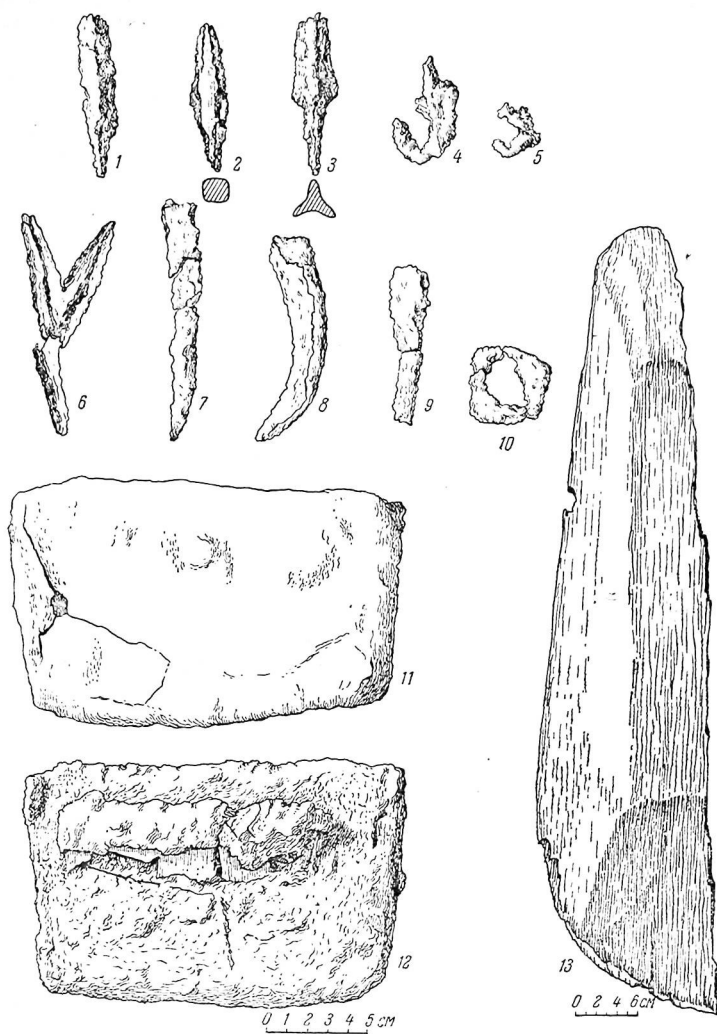

Рис. 13. Таблица находок.

1—3, 6 — наконечники стрел; 4—5 — крючки; 7—9 — пояги; 10 — привязка; 11—12 — дощаты; 1 — 12 — изделия из железа; 13 — изделие из дерева

рыб, изывущих за каким-то загадочным существом (рис. 7, в)²⁸. Для датировки помещений среднего горизонта большой интерес могло бы представить несколько бронзовых монет, найденных там, если бы они не оказа-

²⁸ В коллекциях из раскопок Ток-калы и других памятников левобережной части дельты Аму-Дарьи имеются подобные предметы, сохранившиеся, в отличие от описанных нами, целиком. Изучавший их Ю. Маньлов выдвинул предположение

лись крайне стертymi, и поэтому нечитаемыми. И, наконец, мы еще вернемся к тому, что во многих компатах встречаются каменные ядра эт пращи.

Верхний горизонт. В последний период существования замка нового строительства не происходит — жизнь продолжается в прежних помещениях. Стены их имеют следы ремонта, их укрепляли приставными лащовыми блоками или сырцовыми кирпичами (рис. 12, в). Любопытно, что в компате VII, несколько изменившею первоначальную конфигурацию, хумы оказались засыпанными и погребенными под полом верхнего горизонта. Комнаты во всех случаях, за исключением помещения VIII, совершенно лишены каких-либо конструкций. Лишь в некоторых из них (2, XIII и XII) зафиксированы пятна кострищ. Полы всюду мягкие, неровные, иногда с сильным наклоном. Их можно было бы принять за поверхность разрушения, если бы не следующие факты: 1) над ними имеется культурный слой, включающий керамику, кости и пр.; 2) поверхность, служащая верхним полом, специально выравнивалась, для чего закрома, относящиеся к нижнему слою, забутовывались; 3) с этим периодом связаны существенные, как мы увидим ниже, изменения в планировке застройки двора. Последнее и является главным основанием для выделения этого стратиграфического горизонта. Дело в том, что стены некоторых помещений в последний период существования Якке-Парсана были срублены, в результате чего, например, вместо трех комнат — 6а, 6б и 6в — получился обширный двор, где находился, судя по заполнению, скот (рис. 9, б и рис. 10, б). Такой же двор образовался на участке возле помещений VIII, XIII и 16 (рис. 10, б), где сквозь верхние полы проступают срубленные нижние конструкции (участок 15).

Пространство между постройками и дождевом в это время использовалось, как и дворы, для содержания скота — поверхность и здесь покрыта толстыми слоями навоза. Слабая мощность культурных наслоений в помещениях является признаком непродолжительности обитания в них. Видимо, вскоре они были заброшены: в завале невысоко над полами комнат IX и 14 найдены осколки алебастровых оссуариев.

В постройках верхнего горизонта очень мало находок хозяйственно-бытового назначения типа пряслиц, жерновов и пр., которыми изоблювал слой среднего горизонта. Здесь найдены только немногочисленные детали поясного набора и украшения. Это несколько стеклянных мелких бусин голубого, синего и желтого цвета (рис. 14, I), бронзовая серьга так называемого «салтовского типа», часто находимая при раскопках среднеазиатских памятников VII—VIII вв. н. э. (рис. 14, б)²⁹, наременный бронзовый наконечник (рис. 14, 10), бронзовые же пряжки и бляшки (рис. 14, 2, 8, 11). Очень похожи на них аналогичные предметы кочевников в верхних слоях Баласагуна³⁰ (VIII—IX вв.), а также Куюк-калы (VIII в. н. э.) на Кухана-туа.

Из других находок укажем бронзовый туалетный сосудик (рис. 14, 12). Кроме того, в завале стен и сводов комнат у крепостной стены найдено несколько железных наконечников стрел — крупных трехлопастных черешковых³¹, широко известных в Средней Азии в VI—VIII вв., и других, пулевидных, также распространенных здесь в это время (рис. 13, I—3).

(которое нам кажется вполне вероятным), что это — иглы для плетения рыболовных сетей. См.: Ю. Манылов. Костяные изделия VII—XI вв. с городищ левобережной дельты Аму-Дарьи (на примере Ток-калы, Куюк-калы и Хайван-калы). Рукопись. Архив Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР.

²⁹ А. М. Беленицкий. Указ. соч., стр. 99, рис. 8.

³⁰ Л. Р. Кызласов. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. «Труды Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции», т. II, М., 1959, стр. 216, рис. 45, 3, 5, 19.

³¹ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 215, рис. 44, 8 и др. МИА, вып. 15, М.—Л., 1950, табл. 42, рис. д; Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского от-

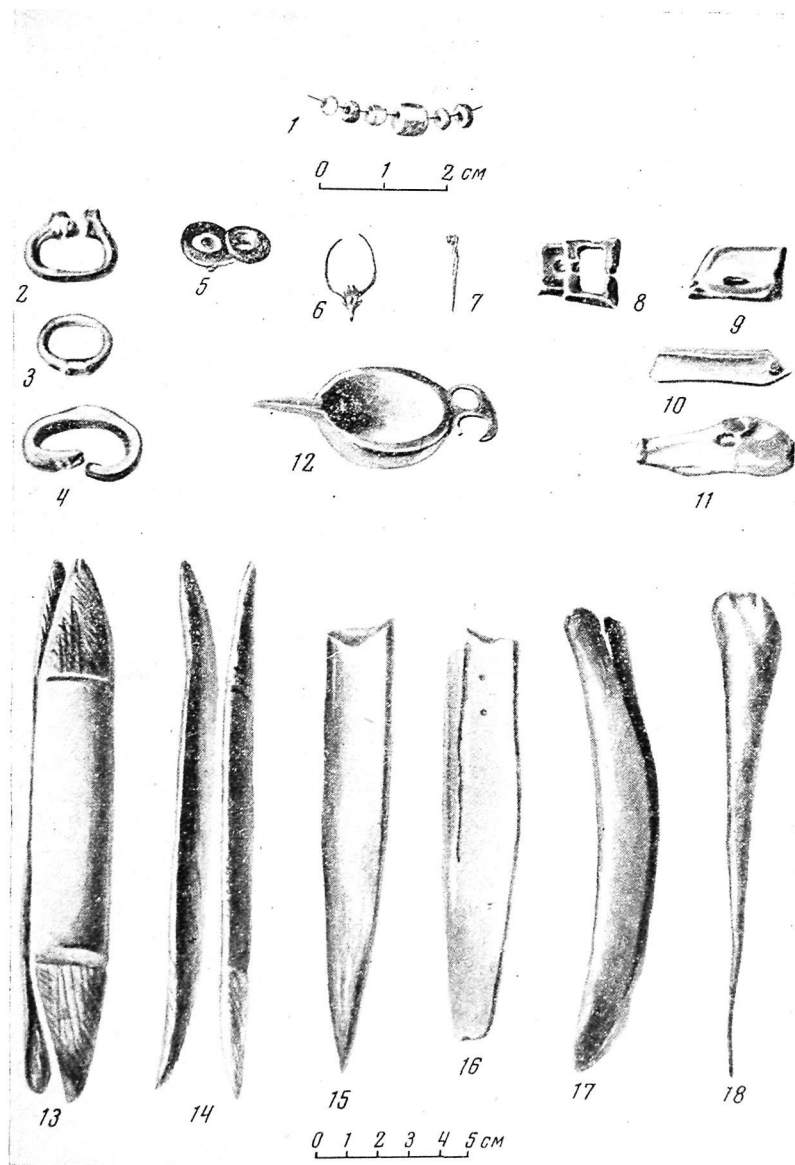

Рис. 14. Таблица находок.

1 — бусы; 2, 4, 5, 8 — пряжки; 9—11 — парменные бляшки; 3 — кольцо; 6 — серьга; 7 — булавка;
 12 — туалетный сосудик; 13—14 — обкладка лука; 15 — проволка (?);
 16—18 — бронзовые предметы; 13—18 — костяные предметы

Последним из раскопов, заложенных на Якке-Парсане, явилась траншея, прорытая с целью проверить предположение о наличии вокруг Якке-Парсана рва.

Траншея имеет длину 14 м, ширину — 1,5 м и проведена через ров и пашлония за крепостной стеной замка на участке у юго-западной башни. Поверхность развалин возвышается здесь по отношению к окружающим такырам на 3,8 м у крепостной стены и на 1,45 м у начала рва. Край платформы, от которого начинается ров, укреплен небольшим валом, слабо выраженным на южной стороне замка. На восточной и северной он гораздо более отчетлив. Глубина траншеи у основания крепостной стены достигает 1,40 м. На этой глубине у основания крепостной стены была обнаружена поверхность, по уровню примерно совпадающая с поверхностью полов в постройках нижнего горизонта внутри замка, покрытая намывами и кое-где пятнами размытого культурного слоя. Почти горизонтальная, она образует на расстоянии 10 м от крепостной стены отчетливый край рва. На этой поверхности была сделана подсыпка из мелкокомковатой пахсы, служившая основанием для пахсовой пристройки к крепостной стене, первоначальную толщину которой еще предстоит выяснить. Возможно, у стены на указанном уровне были легкие постройки; здесь имеются остатки очага, но нет никаких признаков стен (зато они есть на платформе с северной стороны замка).

Траншея была доведена до начала рва и продолжена дальше; она пересекла ров, однако, в середине его на участке в 13 м ее докопать не удалось в связи с крайней трудоемкостью работ. Оказалось, что ширина рва менялась: первоначально она была равна 23 м. Затем, после расширения платформы путем подсыпки мелкокомковатого грунта, одновременно с которым крепостную стену укрепили новой пахсовой обкладкой, ров соответственно сузился до 18 м. Берега его отчетливо выражены, причем внутренняя сторона рва была несколько круче внешней. Глубина рва в последний период его существования превышала 2 м. Он заполнен наносным желтым песком, наличие же уплотненной такырообразной полосы на глубине около 1 м от поверхности — доказательство двух периодов постепенного естественного заполнения рва (рис. 6, а).

В заключение в связи с вопросами датировки памятника следует упомянуть о находках посуды, составляющих, как всегда, основную массу вещественных остатков. Мы умышленно не останавливались на ее описании, говоря о раскопках донжона и дворовой застройки, поскольку керамика, извлеченная оттуда, представляет единый комплекс, пока не поддающийся расчленению в хронологическом отношении.

Керамика нижнего горизонта — это очень незначительное количество фрагментов, извлеченных из шурфов, и о ней также лучше говорить в связи с материалом, полученным из верхних слоев, к описанию которого мы и переходим.

Преобладающую часть интересующего нас комплекса составляют сосуды, уже известные нам благодаря раскопкам других хорезмских памятников VII—VIII вв. и по формам и по технике изготовления³². Хумы представлены вариантами, различающимися только толщиной стенок и формой венчиков: либо это огромные толстостенные сосуды с яйцевидным туловом, четко выделенным горлом и венчиком-валиком, украшенным ямками от пальцевых вдавлений (рис. 15, 12, 13), либо стенки их более тонки и венчик имеет вид двух валиков равной или разной толщины (рис. 15, 8—9). Иногда между валиками налепливается глиняная гофрированная пальцами

ряда в 1957 году. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. 5. Сталинабад, 1959, стр. 88, рис. 2, 11.

³² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 144—145; Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХЭ, т. IV, М., 1959, стр. 221—260.

полоска. Особо следует отметить лишь находку фрагмента хума, несколько отличающегося от описанных: у него плоский венчик-валик, лежащий непосредственно на плечиках, украшенных волнообразным прочерченным орнаментом. Сосуд был покрыт снаружи зеленоватым ангобом, сделан из глины с большим количеством дресвы и шамота и включениями гипса. Обжиг недостаточный (рис. 15, 10).

Среди посуды из Якке-Парсана широко распространены обе известные нам разновидности хумчей³³. Сосуды, относящиеся к первой из них, обычно имеют весьма разнообразные по форме венчики, однако, на Якке-Парсана пока найдены только фрагменты хумчей, горло которых опоясывают либо три валика (рис. 15, 11), либо одна налестная, продавленная пальцами полоска под отогнутым бережком-валиком (рис. 15, 4). Хумчи второй группы — низкие, широкие, приземистые сосуды с налестной гофрированной полоской на венчике (рис. 15, 5—7).

Одним из самых массовых видов керамики замка являются водоносные кувшины обычной формы³⁴. Среди них есть много экземпляров со сливом, образованным путем вмятин, сделанных пальцами (рис. 15, 14, 21—26). Найдены также и узкогорлые кувшины, однако их значительно меньше; один из них совершенно целый (рис. 15, 20). Сравнивая его с аналогичными сосудами, производившимися населением других раннесредневековых областей Средней Азии, можно установить, что он слегка напоминает некоторые кувшины из Пянджикента (относящиеся к так наз. «второму типу узкогорлых кувшинов» по схеме Б. И. Маршака)³⁵, отличаясь от них формой слива и отсутствием валика на плечиках. Вообще следует отметить, что данные сосуды и еще кружки являются, пожалуй, единственными видами керамики афригидской эпохи, которые находят аналогии с керамикой сопредельных областей Средней Азии, да и то можно говорить только о довольно отдаленном сходстве.

В помещениях дождона найдено два довольно узкогорлых близких по форме сосуда (венчик, к сожалению, в обоих случаях отбит). У них широкое, приземистое, слегка суживающееся книзу тулово и маленькая кольцевидная ручка, прикрепленная на выгуклых плечиках сосудов. Один из них имеет рельефный пояс на горле (рис. 15, 19), другой привлекает внимание наличием на плечиках необычного спиралевидного прочерченного орнамента (в то время, как вообще кувшины орнаментировались крайне скупо) (рис. 15, 16).

Обнаружено также несколько мелких кувшинчиков, подобных извлеченным из замков 19 и 92 Беркут-калинского оазиса (слои VII—нач. VIII вв. н. э.; сведения об этих сосудах публиковались ранее) (рис. 15, 17, 18).

Из прочей тонкостенной посуды, сделанной на кругу, в коллекции, собранной на территории Якке-Парсана, имеются кружки, миски, чаши и некоторые другие мелкие сосуды. Кружки не отличаются разнообразием форм, однако, наряду с уже известными по публикациям обычными кружками с чуть выделенным суживающимся горлом и рельефным пояском при переходе к плечикам (рис. 16, 12), имеются и другие с расходящимися наружу краями и маленькой ручкой, прикрепленной к стенке близко к краю (рис. 16, 13). Они похожи по форме на некоторые кружки из Джеты-Асаров, но резко отличаются по технике изготовления. Чаши имеют самую простую и широко распространенную форму, известную со времен античности. Они тонкостенны, хорошо обожжены и сформованы из тонко отмученной глины (рис. 16, 14).

³³ Е. Е. Н е р а з и к. Указ, соч., стр. 239—240, рис. 5.

³⁴ Там же, стр. 240—243, рис. 6, 1—2, 5—10.

³⁵ Б. И. М а р ш а к. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. н. э. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V, Л., 1961, стр. 190, табл. 8, 5.

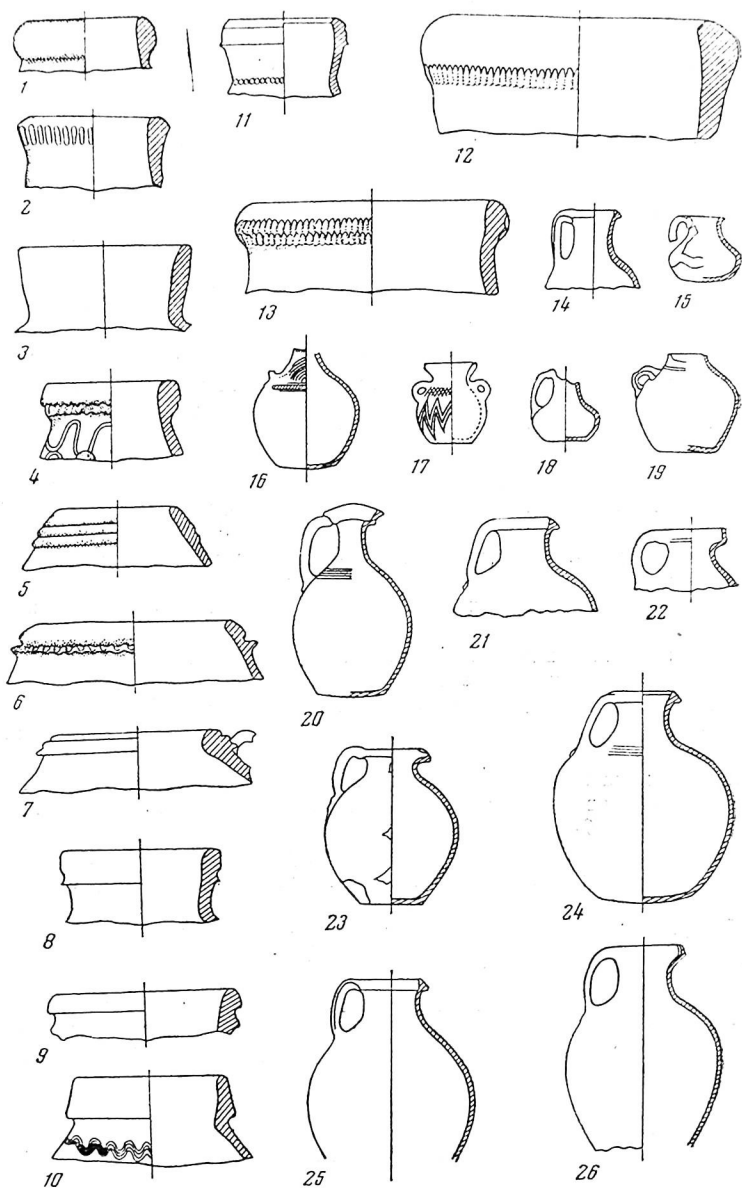

Рис. 15. Таблица керамики.

1—3, 8—10, 12—13 — хумы; 4—7, 11 — хумчи; 11—26 — кувшины

То же самое можно сказать и о мисках. Это широкие (диаметр устья колеблется от 20 до 27 см) и низкие изделия с плоским бережком-закраиной, выступающей либо внутрь сосуда, либо кнаружи (рис. 16, 15—17). Миски, как правило, хорошо обожжены, сделаны из глины без грубых примесей, почти всегда, как, впрочем, и вся остальная керамика из Якке-Парсана, покрыты светлым, желтовато-зеленоватым ангобом.

Совершенно не знакомый до сих пор по форме сосуд был найден в помещении V (дворовая застройка): маленький, плоскодонный, с почти вертикальными стенками, под тупым углом перегибающимися к устью и более плавно ко дну. Верхняя часть тулова (после перегиба) украшена глубокими прочерченными полосками, благодаря чему она как бы опоясана тремя рельефными валиками. Маленькая ручка-выступ прикреплена к плечикам (рис. 16, 18). Сосуд сделан из хорошо отмученной глины, прекрасно обожжен, покрыт снаружи желтовато-зеленоватым ангобом.

До сих пор речь шла о керамике, изготовленной на кругу. От руки делались преимущественно горшки и низкие жаровни-сковороды. Горшки лепились из плохо промытой глины с массой отощавших ее примесей. Они всегда сильно закопчены не только снаружи, но и внутри, что свидетельствует о пребывании их на открытом огне. Подобная форма горшков уже известна из материалов, опубликованных ранее³⁶. Различаются варианты по большей или меньшей изогнутости и высоте горла (рис. 16, 1—14, 19—23, 28). Многие сосуды украшены различными налепами: очко-видными, в виде пишечек, кольца, трезубца, иногда в известном сочетании. На раскрытии семантики подобного орнамента останавливается в своей книге Е. М. Пещерева³⁷, видящая в нем передачу антропоморфных элементов. Следует подчеркнуть, что из якке-парсанской посуды так украшались только лепные горшки, служившие для варки пицци, что тем более склоняет к мысли о возможном символическом, связанном с какими-то древними верованиями, смысле этой орнаментации.

Найдено много фрагментов, а иногда и совершенно целых крышек от таких горшков. Они имеют полусферическую форму с отогнутой кверху закраиной и увенчаны шпешком или петлеобразной ручкой. Многие крышки орнаментированы рядами насечек, сочетанием волнообразных или прямых линий и пр. (рис. 16, 24—26). Некоторые экземпляры изрешечены специально сделанными дырочками. Небезынтересно, что подобной формы горшки делались и на кругу и тогда им придавалась, естественно, более правильная форма со слегка утолщенным и отвернутым бережком и рельефным пояском на горле (рис. 16, 27).

Описанный комплекс керамики имеет, как мы старались показать, прямые аналогии с материалом, извлеченным из верхних слоев (VII — начало VIII вв. н. э. многих памятников Беркут-калинского оазиса (Тешик-кала, Беркут-кала, замки 36, 92, 19 и др.). Из этого комплекса резко выделяются следующие формы сосудов, найденных также при раскопках помещений двора и донжона: а) хум со слегка утолщенной закраиной, б) хум без венчика с горлом в виде раструба (рис. 15, 3).

Сосуды покрыты желтым ангобом и сделаны на кругу из глины, содержащей большое количество дресвы и мелкораздробленного гипса. Возможно, что тулово первых двух хумов имело прочерченный орнамент в виде сетки, нанесенной крупнозубчатым штампом. Во всяком случае, найдены фрагменты крупных сосудов с подобным орнаментом.

Эти хумы явно тяготеют к более раннему, чем VII — начало VIII в. н. э. времени, примыкая к материалу, извлеченному из верхних слоев городища

³⁶ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 145, таб. 53; Е. Е. Перазник. Указ. соч., стр. 248—250, рис. 9.

³⁷ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 92—97, рис. 32.

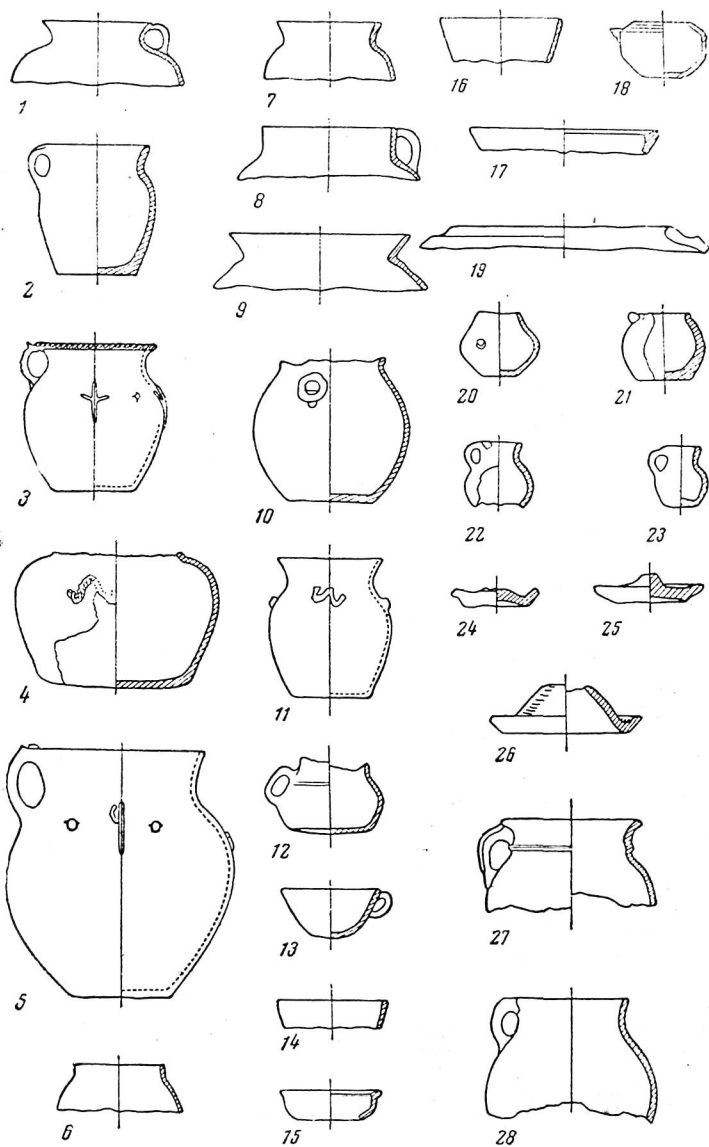

Рис. 16. Таблица керамики.

1—11, 19—23, 27—28 — горшки; 12—13 — кружки; 14 — чаша; 15—17 — миски;
18 — сосуд; 24—26 — крышки

Куня-Уаз (IV—V вв. н. э.)³⁸. Можно полагать, что они существуют в верхних слоях Якке-Парсана пережиточно (хум, описанный выше под 3, был использован вторично) и, вероятно, окажутся характерными для керамики нижнего горизонта. Она представлена пока очень незначительным количеством обломков мелких и толстостенных сосудов, форму которых по этим фрагментам восстановить невозможно. Однако, наряду с ними найдены осколки сосуда, по форме близко напоминающий горшки из позднекушанских слоев памятников Хорезма, в частности, из Куня-Уаза³⁹, с той разницей, что он сделан из более грубого глиняного теста, покрыт уже не хорошим, красным, а мутным желто-зеленым ангобом и гораздо более массивен.

Вся эта группа керамики, взятая в целом, учитывая и отмеченные выше разновидности хумов, найденных в верхних горизонтах, предшествует VII—VIII вв. н. э. Скорее всего ее можно отнести к IV—V вв. н. э. Это намечающееся хронологическое определение керамики нижнего горизонта дает уже некоторое основание для установления времени постройки крепости.

В этой связи важно отметить, что в 1958 г. в юго-западном углу замка была найдена крупная бронзовая монета, скорее всего Аскаджувара (сер. V в. н. э.). Кроме того, нужно полагать, что в пользу более раннего времени, чем VII—VIII вв. н. э., свидетельствуют такие архитектурно-планировочные особенности, как наличие в раннем Якке-Парсане обходной стрелковой галереи, или такие приемы строительной техники, как расклинка сводов керамикой, что сближает замок с памятниками античной эпохи. Все это дает возможность предположить, что во всяком случае в IV—V вв. н. э. Якке-Парсан уже существовал.

Последний период его истории (верхний горизонт) твердо датируется монетами чеканки «царя Хамджерда» началом VIII в. н. э. К этому времени, как мы видели, относится и основная масса найденной керамики. Не противоречит этой датировке и находка во дворе в помещении 2 над верхним полом кувшина явно хорезмийского происхождения, типичного для посуды верхних слоев Куюк-калы, где подобные кувшины датированы хорезмийскими монетами VIII в. н. э. (рис. 15, 17).

* * *

Таким образом, имеющийся сейчас материал не дает пока возможности датировать каждый из выделенных нами трех строительных горизонтов (мы оставляем в стороне данные разведочных шурфов 1961—1962 гг.) и позволяет наметить лишь нижнюю и верхнюю границы существования памятника (IV — начало VIII вв. н. э.). В то же время из всего сказанного ясно, что каждый из описанных горизонтов соответствует определенному важному этапу в жизни обитателей крепости; эти этапы рисуются нам следующим образом.

I. Даже то немногое, что известно о раннем Якке-Парсане, позволяет внести дополнения в существовавшее до сих пор представление об этом памятнике. Уже сейчас можно сказать, что ранний Якке-Парсан представлял собой усадьбу, построенную по принципу хорезмских античных крепостей с обходной стрелковой галереей. Крепостные стены и вход были укреплены башнями, но уже овальной формы, в отличие от более типичных для античности прямоугольных или квадратных⁴⁰.

³⁸ Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма афригидского периода, стр. 227—228, рис. 1, 1, 2.

³⁹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ, т. IV, М., 1959, стр. 158, рис. 35, 31.

⁴⁰ Башням в укреплениях античного Хорезма в некоторых случаях также придавалась овальная форма, например, на городище Кюзели-гир.

II. Возникновение мощного замка вместо довольно архаичной по своим архитектурно-планировочным приемам укрепленной усадьбы знаменует, видимо, важные изменения, произошедшие в жизни страны и связанные со становлением феодализма. Главные оборонительные функции приобретает донжон, резко возвышающийся над остальными постройками замка. Нижний этаж в стрелковой галерее и башнях был превращен в ряд помещений, преимущественно складских, и соответственно оборонительные функции целиком переносятся на верхние площадки. Может быть, именно в этот период замок окружается широким рвом, поскольку на строительство донжона требовалось огромное количество земли, скорее всего и полученной при рытье рва.

Во внутренней застройке замка различаются изолированные секции, предназначенные, видимо, для обитания отдельных малых семей, составляющих большесемейную общину. Каждая из таких секций обязательно включает складское и жилое помещения, причем последние во всех случаях совершенно однотипны по плану. Эта особенность расположения комнат, присущая, кстати, не только планировке Якке-Парсана, но и других хорезмских памятников VII—VIII вв.⁴¹, дает некоторое представление о структуре большой семьи-кеда афригидской эпохи и позволяет заключить, что каждая малая семья, входившая в состав общины, получила уже известную долю хозяйственной самостоятельности. Можно надеяться, что специальное исследование этого вопроса позволит хотя бы отчасти выяснить, что представляла собой большая семья-кед раннесредневекового Хорезма.

III. Верхний строительный горизонт отражает период, когда замок приходит в упадок. Стены требуют ремонта, часть их срублена и вместо помещений образуются обширные дворы, где содержится скот. Жилой массив значительно уменьшается. Следует предположить, что основным жильем в эту пору становится донжон, перестроенный таким образом, что каждая его комната оказывается приспособленной для жилья. Любопытен набор вещей в главном купольном помещении донжона: это, в основном, предметы ткачества — необработанная шерсть, войлок, нитки, фрагменты тканей. Одежда, судя по остаткам, была сделана из грубой шерстяной и простой хлопчатобумажной тканей, и очень много раз чинена.

Все это не вяжется с общим парадным обликом помещения и всем оформлением донжона, которому больше отвечают такие находки, как обрывок тонкой шелковой ткани или деревянная печать с изображением павлина. Последние, вероятно, остались от прежнего хозяина замка, так как отмеченные факты преобразований, произведенных в нем, заставляют предположить смену владельцев крепости. Есть данные, позволяющие предположить, что эта смена произошла не мирным путем, а в результате военного столкновения, красноречивым свидетельством чего являются следы пожара на стенах донжона и многочисленные каменные ядра от пращей, найденные в помещениях среднего периода дворовой застройки.

Это предположение может быть подкреплено и другими фактами. Следует учесть, что последний период обитания в замке относится к началу VIII в. н. э. Известно, что в это время в Хорезме было восстание, руководимое братом хорезмшаха Хурразадом и царем Хамджердом. Есть предположение, что этот последний правил в Нижнем Хорезме⁴², причем результаты работ последних лет в низовьях Аму-Дарьи подтверждают, как нам кажется, эту гипотезу⁴³.

⁴¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 142; Е. Е. Неразник. Работы 1953—1956 гг. в Беркут-калинском оазисе. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 126.

⁴² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 191.

⁴³ А. В. Гудкова и В. П. Ягодин. Археологические исследования на городище Ток-кала. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 5, 1961.

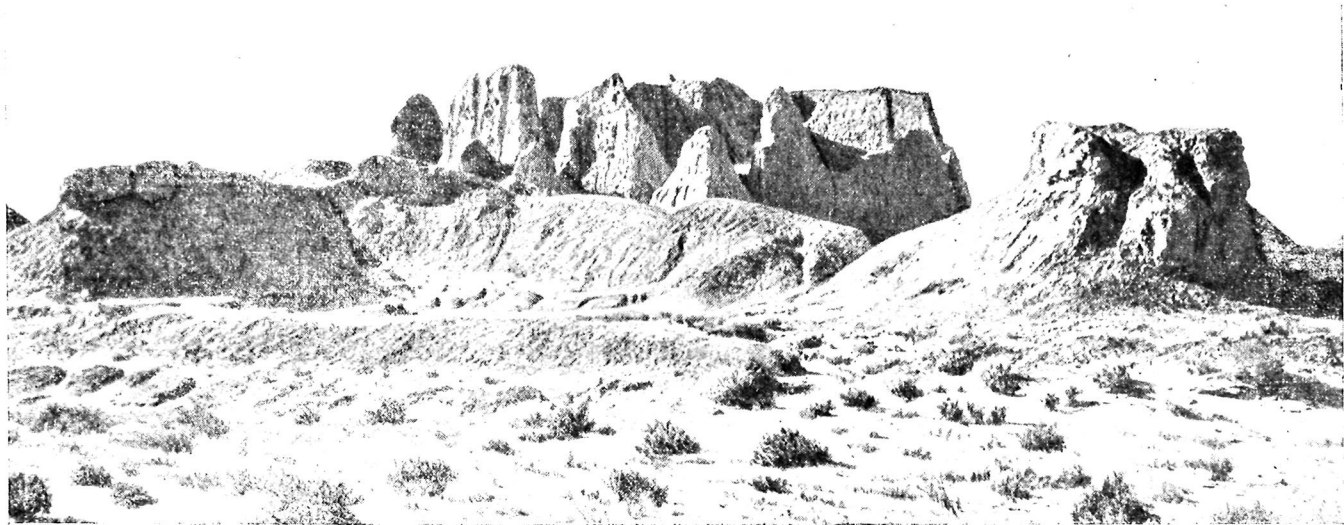

Рис. 17. Общій вид замка с юга

Некоторые раннесредневековые авторы утверждают, что в руках у митейников какое-то время находились столичные области Хорезма⁴⁴, то есть как раз тот район, где расположен Якке-Парсан. В этом плане небезынтересно, что в слое над верхними полами замка найдена лениная посуда, совершенно отличная от местной хорезмийской и абсолютно подобная той, которая составляет массовый материал, найденный на памятниках правого берега дельты Аму-Дарьи, где и располагалась, вероятно, область, подчиненная Хамджерду.

Следовательно, не исключено, что Якке-Парсан был захвачен повстанцами, изгнавшими его прежнего владельца — сторонника хорезмшаха, и вскоре после этого замок был окончательно заброшен в результате разгрома восстания арабами.

---

⁴⁴ Chronique de Tabari traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohamed Belami par M. H. Zotenberg. Paris, 1867, t. IV, p. 176—177.

Н. П. Вактурская
О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ ХОРЕЗМА

Раскопки Ярбекир-калы

В 1958 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР провела первые рекогносцировочные раскопки на одном из городищ левобережного Хорезма, известном ныне под названием Ярбекир-калы¹. Это городище, расположенное в бассейне Даудана, находится примерно в 60 км к юго-западу от Куля-Ургенча, районного центра в Туркменской ССР.

До этого Ярбекир-калу уже дважды обследовал С. П. Толстов — в 1946² и затем в 1950 г. во время узбойского маршрута³. Городище тогда было тщательно осмотрено, произведены его обмеры и собран подъемный археологический материал, но раскопок не производили. Составленные С. П. Толстовым на основе внешнего осмотра общее описание памятника, его план и характеристика собранных на нем вещественных материалов помещены в ряде работ⁴.

Обследуя городище Ярбекир-калу, С. П. Толстов установил, что оно является остатками города феодальной эпохи и что ранее на этом месте находилось античное поселение. Целью работ 1958 г. было определить основные этапы жизни городища и получить материалы, характеризующие культуру в последний период существования этого поселения. В соответствии с этой задачей на Ярбекир-кале был заложен стратиграфический шурф и вскрыты три помещения, относящихся к верхнему слою (рис. 1).

Стратиграфический шурф площадью $2 \times 3,5$ м был заложен на укрепленной части городища, примерно в 15 м от северной его стены. При углублении шурфа площадь его на уровне 5,5 м от поверхности уменьшилась до $0,5 \times 0,5$ м. Идти дальше вниз уже было невозможно и потому рытье шурфа пришлось закончить на этой глубине, не достигнув материка. Верх шурфа (рис. 2) прошел через восемь глинобитных полов. Нижний пол находился на глубине около 2 м от поверхности. Обмазки полов чередовались с глинистыми слоями забутовки, толщина которых в отдельных случаях превышала 40 см. Керамика, найденная на верхних полах, относилась к золотоордынскому времени, на нижних — к хорезмшахскому.

¹ Ярбекирский отряд работал в следующем составе: начальник отряда Н. П. Вактурская, научный сотрудник Р. Л. Садоков, архитектор Ю. В. Стеблюк, тонограф Н. И. Игонин, фотограф Ю. А. Аргиропуло, шофер Я. И. Здонов и шесть рабочих.

² С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, № 2, М., 1947.

³ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. I, М., 1958, стр. 22.

⁴ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1950 г. СА, М., 1953, вып. 18, стр. 314; он же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., стр. 22, рис. 5, 6.

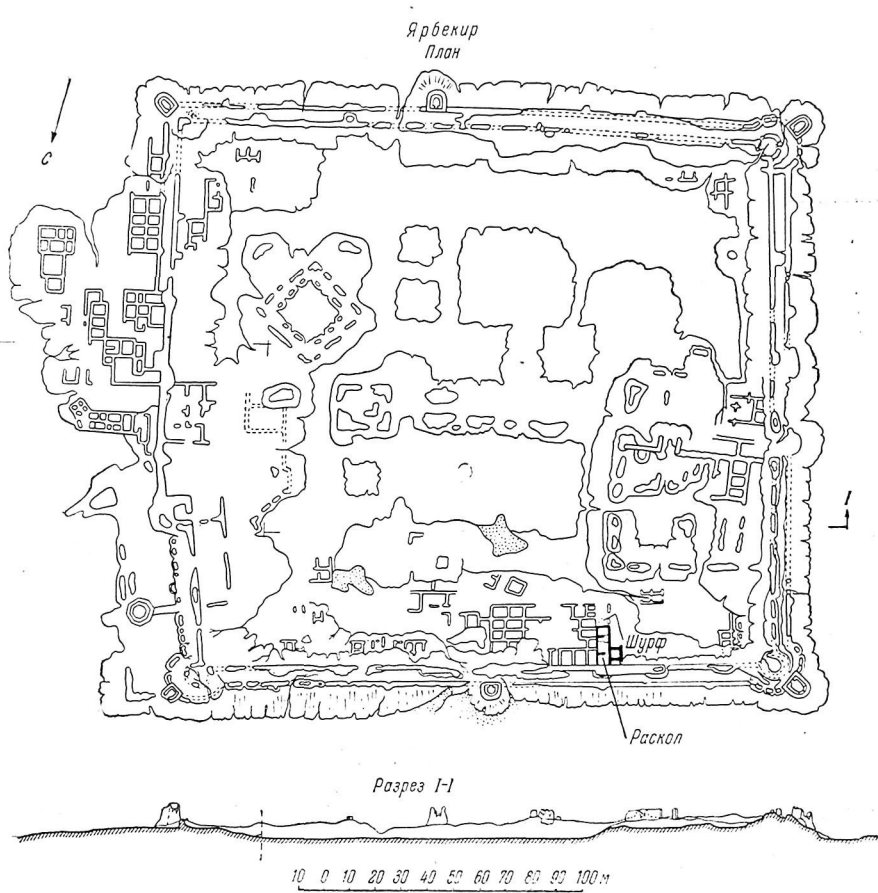

Рис. 1. План Ярбекир-калы

Под средневековыми слоями, общая толщина которых приближается к 2,5 м, залегали античные напластования мощностью свыше 3 м. Они представляли собой плотную глинистую массу с керамикой и другими культурными остатками. Ниже 3,5 м от поверхности в этих слоях стали попадаться куски керамических шлаков. На уровне 3,7 м плотные глинистые наслоения сменились рыхлым слоем с угольками, пеплом, керамикой и обожженными костями, который продолжался до глубины 4,2 м. Среди обнаруженных в этом слое гончарных изделий были хумы, аналогичные найденным на Кой-Крылган-кале и датирующиеся кангуйским временем. Глубина шурфа была доведена до 5,5 м от поверхности, но античные слои продолжались и ниже.

Расчищенные на городище в верхнем его слое три помещения (рис. 2) относятся к золотоордынской эпохе. Одно из них (1) примыкает вплотную к северной крепостной стене городища, а два другие последовательно расположены одно за другим за южной его стеной. По сохранности они

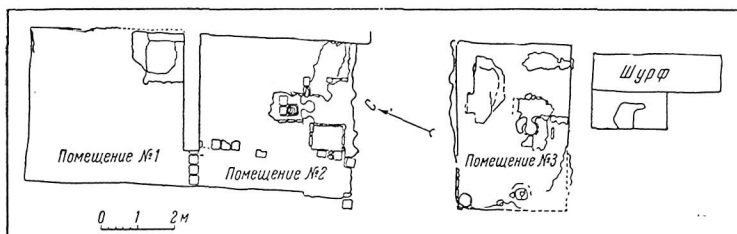

Рис. 2. Ярбекир-кала. План и разрез шурфа и раскопа у северной стены

не одинаковы. Помещение 1 сохранилось местами на высоту почти 3 м, а в наиболее отдаленном от него помещении 3 южная стена смыта до основания. Во всех раскопанных помещениях стены сложены из разномерных сырцовых кирпичей (22×11 ; 27×6 ; $28 \times 5,5$; 30×6 ; $32 \times 10-12$; 37×10 ; $38 \times 10-12$ см), за исключением нижней части стен, где имеется несколько рядов обожженных кирпичей ($25 \times 4-5$ см). Стены со стороны помещений облицованы глиной с саманом. Перекрытия всюду были плоские. На это указывают и балочные гнезда в стенах помещения 1 и лежавшие в завале над полом куски глиняной потолочной обмазки с отпечатками камыша. Полы были глинобитные.

Заполнение комнат состояло из находившегося над полом глинистого слоя с кусками сырцовых и обожженных кирпичей, пластами стеной штукатурки и кусками глиняной обмазки потолков (толщина этого слоя не превышает 15—20 см) и лежавшего поверх него песка, который заполнил помещения, когда их перекрытия уже обрушились и они стояли открытыми. В помещении 1 мощность песчаного слоя достигала почти 3 м, в помещении 3 он сходит на нет. В помещении 1 в песке на глубине около 2 м, считая от верха стен в северо-западном углу, обнаружен разбросанный детский костяк. В завальном слое над полом найдены отдельные обломки керамики золотоордынского времени, косточки абрикосов и персиков и несколько костей животных.

Помещение 1 в плане квадратное, размером 4×4 м. Его северная стена имеет высоту более 3 м, а южная — 1,7 м. Проход, находившийся в

западном конце южной стены, вел в помещение 2. Ширина прохода — 90 см. Помещение 1, очевидно, было хозяйственным. В его северо-восточном углу помещался жернов (дигерман), следы установки которого вполне определенно проявлялись при расчистке. В восточной стене, ближе к ее северному концу, зачищена небольшая овальная ниша, основание которой на 1,3 м выше уровня полов. Размеры ниши: высота — 40 см, ширина — 30 см и глубина — 40 см.

Пол был прорезан ямами, вероятно имевшими хозяйственное назначение. Одна из них, прямоугольных очертаний (ее глубина — 10 см), находилась в юго-восточном углу помещения. Она была сделана еще до того, как пол покрыли обмазкой, и частично разрушена более поздней ямой размерами 65 × 80 см и глубиной 50 см, которая прорезала ряд нижних полов, четко проявляющихся на ее стенках. На то, что данная комната имела хозяйственное назначение, указывает и отсутствие в ней очагов: два слабых очажных пятна, обнаруженных при зачистке на полу у западной стены, были несомненно случайного происхождения.

Второе раскопанное помещение (2) примыкало к первому с южной стороны и имело примерно те же размеры. Его северная стена является одновременно южной стеной помещения 1, южная же сохранилась в высоту всего на 0,5 м. В помещении 2 было два прохода: один в северной стене, соединявший помещение 2 с помещением 1, и второй, шириной 80 см, — в южной, расположенный точно напротив первого. В проходах пол был вымощен обожженными кирпичами. Помещение 2, в отличие от первого, явно имело жилой характер — в нем находились суфа и очаг. Суфа, примыкавшая к восточной стене, занимала почти две трети комнаты. Край ее был сложен из обожженных кирпичей, а поверхность обмазана глиной. Очаг помещался в южной части помещения. Это был небольшой ульвидный тандыр, помещенный в обкладку из обожженных кирпичей, сверху обмазанную глиной. К очагу примыкали три прямоугольных углубления, облицованные по стенкам (их высота около 25 см) обожженными кирпичами. В одном из углублений, расположенном у топочного отверстия, помещалась ташна — приспособление для умывания. Ташна имела вид небольшого узкого колодца с кирпичными стенками, перекрытого кирпичом со сквозным отверстием для стока воды в центре.

Помещение 3 площадью 3 × 4, в южной части разрушено до основания. Оно, как и помещение 2, было тоже жилым, в нем также были суфа и очаг. Суфа занимала юго-западную часть помещения. Примыкавший к ней очаг был того же типа, что и очаг в помещении 2. Около него, перед топкой, находилось прямоугольное углубление (размером 100 × 60 см и глубиной 15 см) со стенками, выложенными кусками сырцовых и обожженных кирпичей. Глинобитный пол местами просел и на нем проявляются кирпичные облицовки ям нижнего строительного горизонта. На полу около западной стены вышли две округлые ямы диаметром 40 и 45 см. Глубина первой — 25 см, второй — 30 см.

На полах раскопанных помещений лежала керамика золотоордынского времени. Кроме гончарных изделий, в помещении 2 найдена медная монета хорезмийской чеканки с именем Джанибека (1345—1346 гг.), в помещении 3 — пряслице, сделанное из стенки глиняного сосуда с бирюзовой поливой, обломок колечка из стеклянной пасты и монета. У колечка ободок темно-зеленый, украшенный бирюзовыми глазками, щиток красный, в виде пятилепесткового цветка. Найденная там же медная монета чеканена в Хорезме от имени Бердибека (1357—1359 гг.).

Итак, работы 1958 г. подтвердили высказывавшееся ранее предположение о заселении Ярбекир-калы в античное время. Нижние из вскрытых в шурфе слоев относятся к кангюйскому времени. Над античными лежали средневековые культурные слои. Отсутствие в шурфе промежуточных напластований не дает возможности собрать данные о судьбе Ярбекир-калы

в период раннего средневековья. Следы этого периода, по-видимому, были уничтожены в эпоху хорезмшахов, когда здесь готовилась площадка под застройку. В хорезмшахский период, являвшийся для всей страны временем экономического и политического подъема, жизнь на Ярбекир-кале была довольно оживленной. В золотоордынскую эпоху город продолжал существовать и развиваться. В XV в. он был оставлен его населением и с тех пор более не возрождался.

Раскрытие в верхнем слое три помещения дали материалы, характеризующие культуру города в конце его существования. Две из вскрытых комнат (2 и 3) были жилыми, с суфами и очагами в виде небольшого тандыра в кирпичной обкладке. В полу перед топкой имелись прямоугольные углубления, куда, очевидно, выгребали золу из очага. Для умывания пользовались ташной. Третье помещение (1) было хозяйственным — с ямами в полу и жерновом, помещавшимся в одном из его углов.

Средневековый город Шахрлик в бассейне ДAUDANA

Весной 1961 г. археолого-топографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР во время маршрута на левом берегу нижнего течения Аму-Дарьи обнаружил в бассейне ДAUDANA, одного из древних левых протоков Аму-Дарьи, развалины средневекового города, о существовании которого ранее не было известно.

Найденное городище (рис. 3) находится примерно в 90 км к юго-западу от Куна-Ургенча и носит ныне, что было установлено путем опроса окрестных туркмен, название Шахрлик, буквально — «городок». Расположено оно на восточном берегу средней части дамбированного извилистого протока, берущего начало в русле северного ДAUDANA. С другой, восточной стороны городища проходил большой канал, от которого в западном направлении тянулось несколько ответвлений. Второй канал, выходящий из ранее упомянутого протока и имевший в основном широтное направление, пересекал городище в северной его части.

Все окрестности Шахрлика до самой Ак-калы (отождествляемой ее исследователями с упоминаемым письменными источниками городом Адаком) на северо-западе и до Ярбекир-калы на юго-востоке усеяны развалинами средневековых сельских поселений⁵ и пересечены мелкой оросительной сетью со следами старых полей вдоль нее⁶. Находимые там повсюду вещи — керамика, предметы украшений, монеты — позволяют датировать весь этот обширный культурный оазис хорезмшахским и золотоордынским временем.

Как полагает Б. В. Андрианов, изучавший ирригационную сеть в районе Шахрлика, первоначально, вплоть до начала XIV в., все существовавшие там каналы были самотечные. Однако в XIV в., видимо, уровень воды, поступавшей в основной канал, снизился и тогда в мелкую оросительную сеть стали подавать воду с помощью особых водоподъемных сооружений — чигирей. На месте их установок поныне сохранились опромные ямы, до 10 м в диаметре, на береговых отвалах которых лежат обломки чигирных сосудов.

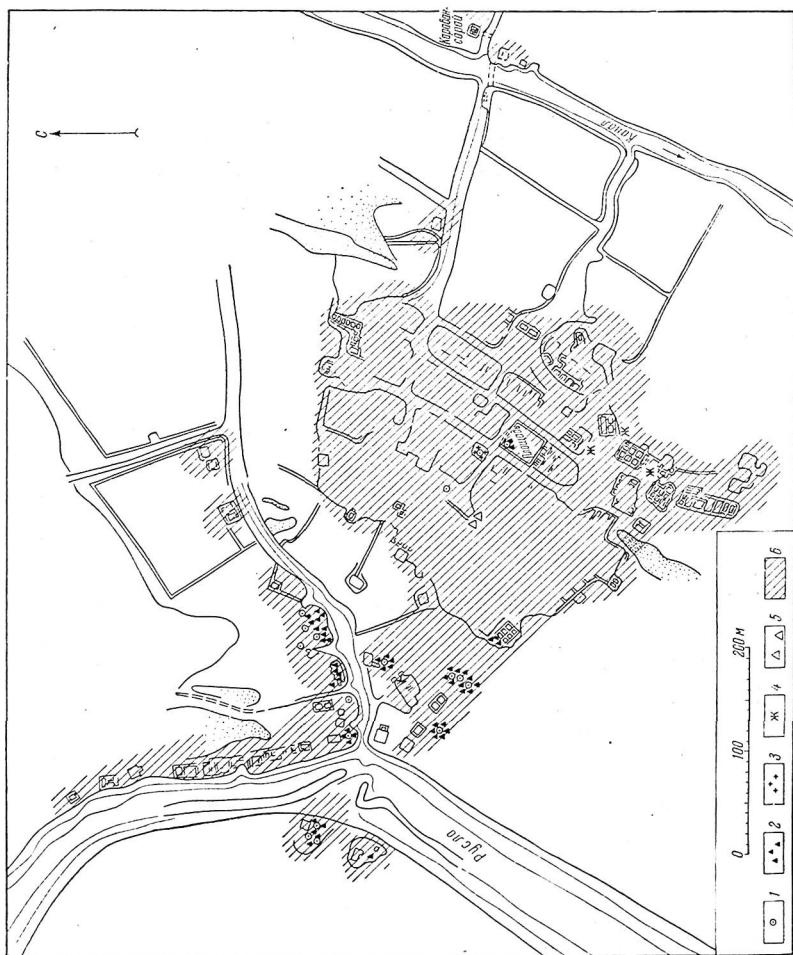
Городище Шахрлик, являвшееся центром этой земледельческой округи, занимает площадь около 15 га. Максимальная протяженность его застроенной территории с северо-запада на юго-восток — около 750 м.

⁵ Некоторые из этих поселений описаны в статье О. А. Вишневецкой, помещенной в этом сборнике.

⁶ Топографические описания Шахрлика и его окрестностей составлены по материалам Б. В. Андрианова.

Рис. 3. Шахрлик.
Общий план городища.

1 — остатки керамических
лещей, керамические плитки;
2 — обломки бракованной
посуды; 3 — следы стельно-
ного производства; 4 — ос-
татки мастеровских исследо-
вателей; 5 — остатки мас-
терских мелников; 6 — тер-
ритории массовых находок

Характерной чертой городища является полное отсутствие на нем следов каких-либо оборонительных сооружений. Ныне от былой его застройки мало что сохранилось и внешне оно представляет просто группу холмов, различных по своей величине и форме. Тем не менее планировка городища довольно четко читается на его поверхности во всех основных его чертах. При осмотре развалин удалось определить несколько кварталов и улицы города и выделить большую свободную от застройки площадь размером примерно 50 × 50 м, находившуюся почти в самом центре городской территории.

Хотя Шахрлик не имел укреплений, однако, несомненно, что в свое время это был крупный торгово-ремесленный центр. На его территории обнаружены остатки керамического, стекольного, металлургического и других ремесел. Из ремесленных производств города наиболее развитым было гончарное. Квартал керамистов самый обширный, его площадь достигала 3—3,5 га, он занимал всю северо-западную часть городища. В нем сохранились основания нескольких обжигательных печей, расположенных на берегах каналов недалеко от воды, и были выявлены кучи бракованной посуды и керамических шлаков.

Стекольное производство находилось почти в центре города: на его месте осталась россыпь кусков необработанного стекла и стекольных шлаков. Восточнее помещались медники; мастерские металлургов занимали юго-восточную окраину городища. В число занятий населения Шахрлика входило также ткачество. Это подтверждают найденные дисковидные пряслица, сделанные из стенок круговых сосудов серого и кремowego обжига.

Как уже говорилось выше, Шахрлик в это время имел не только ремесленное, но и торговое значение. На высокое развитие в нем торговли указывает обилие собранных на городище монет, а также наличие на нем развалин караван-сарая.

Около городища, на северном берегу канала, проходившего через северную его окраину, имеются развалины нескольких строений внутри четырехугольной глиняной ограды, являющиеся, как можно полагать, остатками резиденции феодального правителя города.

Поверхность городища оказалась довольно обильно усыпана различными бытовыми предметами, основную массу которых, как и на прочих средневековых памятниках Хорезма, составляли гончарные изделия — поливные и неполивные. Из других вещей встречались железные и медные подделки, предметы украшения, обломки строительных материалов — обожженных кирпичей и облицовочных поливных плиток — и медные монеты.

Собранную на городище керамику можно подразделить на три хронологически разные группы — хорезмшахского, золотоордынского и тимуридского времени.

Гончарные изделия хорезмшахской эпохи, как и тимуридской, попадают на Шахрлик довольно редко. На городище найдены: поливная чаша замахшарского типа, какие характерны для X—XI вв., но встречаются иногда и позже, до начала XIII в.; темно-серые чаши, близкие тем, которые выпускали хорезмийские мастера в хорезмшахский период, и высокий сосуд серого обжига с ручкой над устьем (рис. 5, 28), подобный встречавшимся в Каваткалинском оазисе, оставленном, как известно, в период монгольского нашествия.

Золотоордынская керамика составляет подавляющее большинство собранных на городище гончарных изделий. Представлены все основные виды поливной и неполивной посуды, бытовавшей в Хорезме в XIII—XIV вв.⁷ Это, во-первых, поливные глиняные сосуды (рис. 4) — чаши на кольцевом поддоне с полихромной росписью (рис. 4, 10) и изделия с зеленой поливой

⁷ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. ТХЭ, т. IV, стр. 316 и сл.

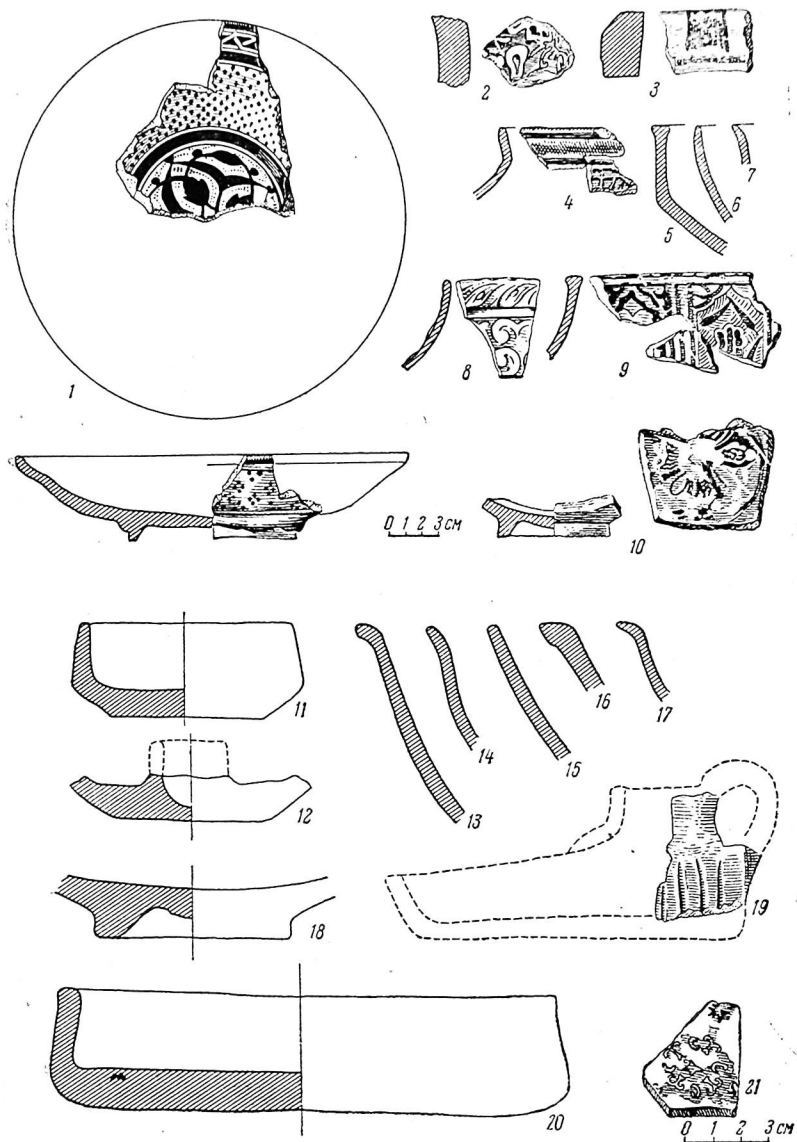

Рис. 4. Шахрлик.

4—10 поливная керамика XIII—XIV вв.; 11—21 — гончарные изделия с зеленой поливкой

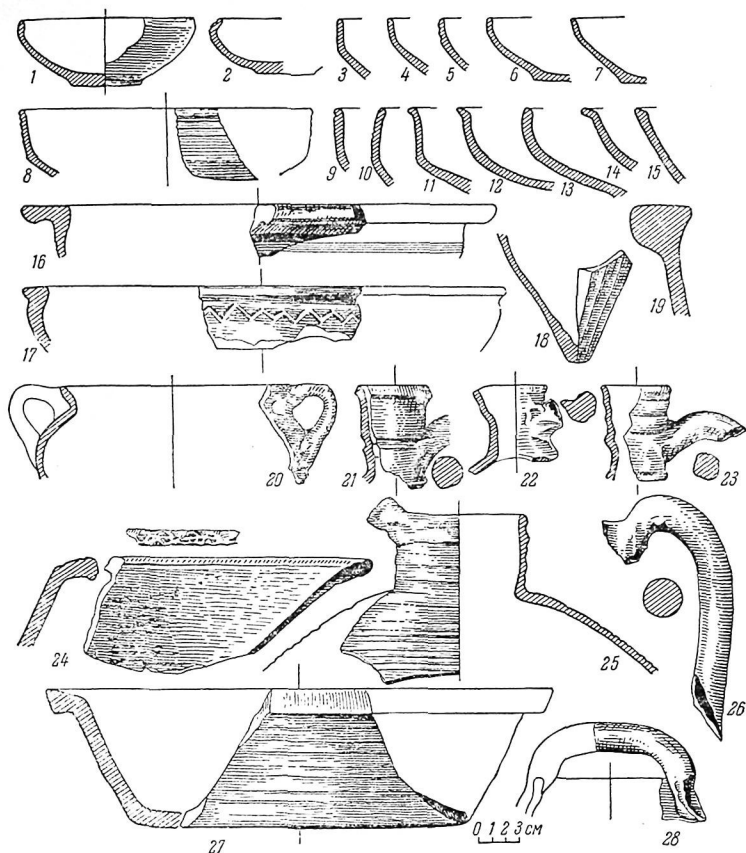

Рис. 5. Шахрлик. Неполненная керамика

(рис. 4, 11—21), иногда украшенные гравировкой и штампованными узорами, и, во-вторых, поливные кашинные изделия следующих типов: а) с бирюзовой поливой и черной росписью (рис. 4, 1); б) с двуцветной росписью по светлому фону (рис. 4, 9); в) с белым рельефным узором на сероватом точечном фоне, расцвеченном крупными синими точками (рис. 4, 8), г) с синей поливой, рельефным узором и темной росписью (рис. 4, 4); д) с зеленоватой, под селадон, поливой; е) изделия с глухой непрозрачной поливой молочно-белого, бирюзового и синего цветов; некоторые из них украшены надглазурной росписью цветными — белой и красной — эмалями.

Неполивные сосуды (рис. 5) характеризуются серым и красновато-кремовым обжигом. Различаясь по цвету черепка, они повторяют одни и те же формы. Многие из них хорезмийских видов и форм. Таковыми являются открытые крупные сосуды вида ямов (рис. 5, 19), хумы, кувшины с низкой ручкой округлого сечения (рис. 5, 25, 26), одноручные узкогорлые кувшины (рис. 5, 21—23), кувшины и фляги для воды из штампованных частей со сложным рельефным узором, различной формы чаши с кольцевым поддоном (рис. 5, 8—17), плоскодонные конические миски (рис. 5,

24, 27) в ряде случаев с темным ангобом и полосчатым лощением. Не хорезмийского происхождения были небольшие плоскодонные чашечки типа шал (рис. 5, 1—7) и кувшины, представленный обломком отлогих плечей с двумя поясками прочерченного линейно-волнистого узора.

Из других гончарных изделий следует отметить дигири (рис. 5, 18) — сосуды, использовавшиеся в чигирных установках, и очажки с прочерченным ромбовидным узором, подобные тем, какие, появившись в Хорезме в предмонгольское время, бытовали затем в течение всего золотоордынского периода.

Третью, наиболее позднюю группу керамики, тимуридскую, составили поливные глиняные и кашинные изделия с одноцветной синей росписью по белому фону, изготовлявшиеся во всей Средней Азии в XV—XVII вв. по образцу привозных фарфоровых изделий типа «кобальт»; глиняные чаши с двуцветной — черной и синей — росписью и кувшины с зеленобирюзовой поливой на внутренней стороне.

Из неполивной керамики к данной группе относятся: большой хум сероватого обжига, украшенный налетной полоской с округлыми вдавлениями, крайне напоминающий хумы Таш-калы XV—XVII вв., и, по-видимому, плоскодонная миска с довольно отлогими бортами и широким плоским бережком; она красноватого обжига и с кремовым ангобным покрытием.

Наряду с керамикой на Шахрлике были собраны в обломках каменные котлы, аналогичные уже известным по находкам на других среднеазиатских памятниках⁸.

Из медных изделий (рис. 6) на городище подняты медный колокольчик (рис. 6, 7), какой-то предмет в виде небольшого полого полушара с коротким плоским отростком-ушком (рис. 6, 2), являвшийся, возможно, загонкой для бубенчика, но он мог быть также сосудиком для сурмления; маленький обломок бронзового дисковидного зеркала (рис. 6, 1) с рельефным узором на тыльной стороне и многие бесформенные обломки, по которым вид изделий не может быть установлен.

Из железных изделий на Шахрлике были подняты ножи двух видов — с черенком (рис. 6, 9) и без черенка (рис. 6, 10) — крупные гвозди с округлой шляпкой (рис. 6, 6) и отдельные обломки от разных других поделок.

В число стеклянных изделий входит несколько разбитых сосудов (рис. 6, 12, 16) и куски от круглых оконных стекол с загнутым краем (рис. 6, 11), аналогичные найденным ранее на других среднеазиатских городищах XII—XIV вв.⁹

Среди украшений (рис. 7) были бусы, пронизки, подвеска и кольца.

Бус много и они очень разнообразны и по форме и по материалу. Чаще всего встречаются голубые кашинные подцилиндрической формы, датируемые по находкам в Хорезме XIV в.¹⁰ Жители Шахрлика наряду с кашинными носили бусы из цветной стеклянной пасты с прожилками и глазчатые. Они были как крупные (до 2 см в диаметре), так и мелкие, типа бисера. Отдельные бусы сделаны из полудрагоценных камней — сердолика и лазурита — и ископаемых раковин.

⁸ М. Е. Массон. Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 г. «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 74, рис. 36; Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. ТХЭ, т. II, М., 1960, стр. 414; Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР. ТХЭ, т. I, 1952, стр. 188; она же. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 488.

⁹ С. А. Трудновская. Стекло с городища Шах-Сенем. ТХЭ, т. II, стр. 421; Е. Д. Давидович. Стекло из Инсы. «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 388 и сл.

¹⁰ Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР, стр. 188.

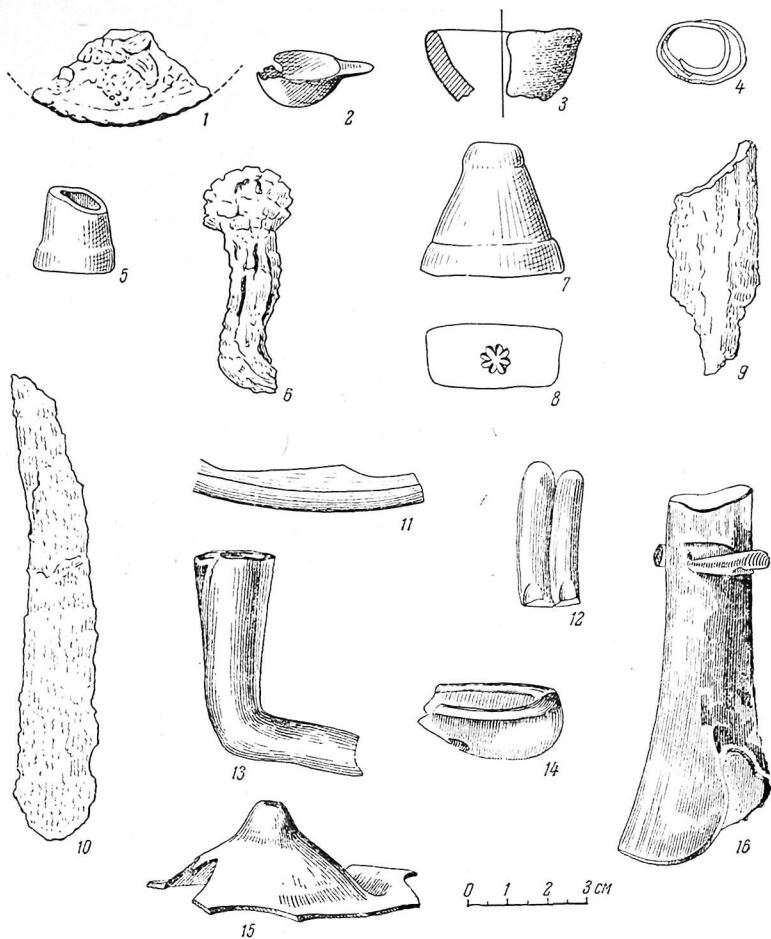

Рис. 6. Шахрлик.

1, 2, 4, 7, 8 — изделия из меди; 6, 9, 10 — из железа; 11—16 — из стекла; 3 — тиглик

Найденные на Шахрлике раковины каури, судя по имеющемуся в них небольшому отверстию, носили в ожерелье, как и бусы, но не исключено также, что их нашивали на одежду.

Пронизки были нескольких форм, но все из цветной стеклянной пасты. Подвеска в виде сильно стилизованного животного сделана из алебастра.

Кольца из темной стеклянной пасты имели ободок подтреугольного сечения и овальный щиток. Точно такие же кольца ранее были найдены в Хазараспе, в слое, содержавшем керамику и монеты золотоордынского времени.

Среди найденных предметов были две небольшие округлые вставки (одна из прозрачного красного стекла, вторая из голубой стеклянной

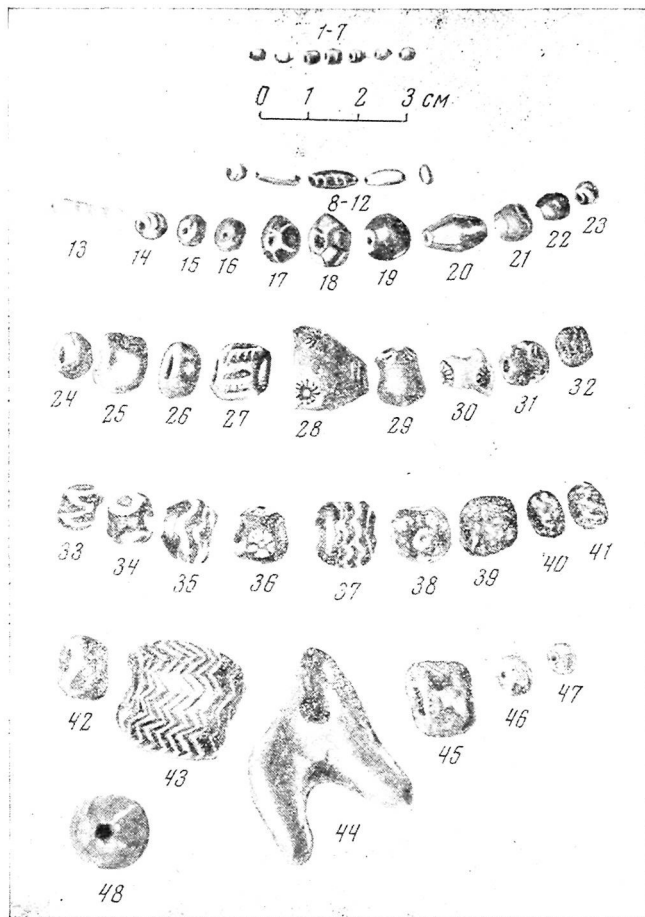

Рис. 7. Шахрлик.

Бусы: 1—15, 20—23, 28—41, 43 — из стеклянной пасты; 16, 17, 19 — из сердолика; 18 — из лазурита; 24—27, 42, 45 — из кашши с бирюзовой поливой; 46—47 — из ископаемых раковин; 44 — подвеска из алебастра; 48 — костяная пуговица

пасты). Они являются, вероятно, вставками от металлических колец, но столь же возможно, что ими были украшены и какие-то другие ювелирные поделки.

Из других находок следует отметить небольшую костяную пуговицу плосковыщуклой формы и обломки небольших тигельков, использовавшихся для расплавления металла при отливке мелких поделок из бронзы и меди.

Особый интерес представляет найденный на Шахрлике обломок очень крупной морской раковины, которая, как и каури, происходит из Индийского океана и также свидетельствует о сношениях, поддерживавшихся населением Шахрлика с далекой Индией.

На городище собрано около 400 монет, определены 316.

Среди них оказались две монеты XIII в., одна чеканена Мухаммедом ибн-Токешем в 610 г. х. (1213—1214 гг.), пять тимуридских и 305 золотоордынских, чеканенных, за исключением шести сарайских, в Хорезме с 1301 по 1388 гг.

Итак, материалы, собранные на городище Шахрлик, позволяют предполагать, что в основе Шахрлика находится поселение хорезмшахского времени. Свидетельством этому являются найденные на его территории предметы этой эпохи, включая монету Мухаммеда ибн-Текеша. Это поселение, развиваясь, со временем превратилось в город, который особенно интенсивно жил в золотоордынский период. Можно полагать, что переживаемый городом в XV в. упадок является следствием завоевательных походов Тимура в Поволжье.

Письменные источники в числе средневековых городов Хорезма времени монгольского владычества в Средней Азии называют город Яны-Шехр. С ним в свое время де Гук отождествил одноименное городище на Сыр-Дарье. Но это предположение де Гук убедительно опроверг В. В. Бартольд, который считал, что Яны-Шехр должен был находиться где-то западнее Вазира¹¹.

Городище Шахрлик расположено к юго-западу от Дев-Кескена — развалин Вазира — и расстояние от него до Дев-Кескена меньше, чем до Куни-Ургенча, что вполне согласуется с предположением В. В. Бартольда о месте расположения Яны-Шехра. Хронологически оно соответствует Шемаха-кале, которую С. П. Толстов отождествил с Терсеком, упоминаемым восточными авторами одновременно с Яны-Шехром. Все это позволяет предположить, что городище, найденное весной 1961 г. в бассейне Даудана, является остатками отмечаемого в письменных источниках средневекового города Яны-Шехра.

В заключение следует добавить, что город, развалины которого были открыты и впервые обследованы Хорезмской экспедицией в 1961 г., будучи торгово-ремесленным центром, как и другие города феодальной эпохи, внешне не походил на уже известные археологам средневековые города Средней Азии. Отличительной чертой этого города, возникшего и развивавшегося (как об этом можно судить по собранному на его развалинах археологическому материалу) в мирной обстановке золотоордынской Средней Азии, является полное отсутствие каких-либо оборонительных сооружений. Последние, как это уже неоднократно отмечалось в литературе, в условиях золотоордынского государства утратили свое основное оборонительное назначение и их тогда перестали возводить, хотя еще при хорезмшахах все города были укрепленными. То, что в эпоху Золотой Орды новых городских стен не строили, подтверждается на примере ряда других средневековых городов Хорезма — Шемаха-калы, Ярбекир-калы и др., где возникшие в период Золотой Орды новые кварталы за пределами прежних городских укреплений оставались неукрепленными.

На примере Шахрлика видно, что не все городские центры феодальной Средней Азии имели крепостные сооружения. Некоторые из них, а именно основанные в золотоордынский период, оставались неукрепленными.

Наличие укреплений, возникновение которых было обусловлено исключительно той конкретной исторической обстановкой, в которой возник и развивался данный город, не является обязательным отличительным признаком средневековых городов Средней Азии. Они, как известно, прежде всего были экономическими центрами, местом средоточения развивавшегося при феодализме ремесленного производства.

¹¹ В. В. Бартольд. Дорожник XIV в. от Бистама до Куни-Ургенча. ЗВО, т. XV, 1920—1903 гг., СПб., 1903, стр. 48.

О. А. Вишневская

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ХОРЕЗМА**

В числе других задач, стоявших перед левобережным археолого-топографическим отрядом в полевом сезоне 1959 г., было обследование средневековых сельских поселений. Выбор района работ, — территории, лежащей между крепостями Замахшар и Даудан-кала, и междуречья Дарьялыка и Северного Даудана к северу от Мангыр-кала (рис. 1), — был обусловлен общим планом изучения древних ирригационных систем левобережного Хорезма. К материалу, полученному при изучении этих районов в 1959 г., добавлены в настоящей статье данные маршрута 1958 г. о сельских поселениях в окрестностях городища Куны-Уаз. Работа отряда носила характер маршрутного обследования, в результате которого был получен довольно обширный топографический, архитектурный и керамический материал.

**Поселения хорезмшахского времени
(XII — начало XIII в.)**

Наиболее полно поселения этого времени представлены в районе городища Замахшар. К этому крупному торгово-ремесленному центру¹ тяготела большая густо населенная сельская округа. На водах канала Чермен-яб, проходившего к северу от этого города, базировались многочисленные сельские поселения. Для более детального обследования нами были выбраны два из них.

Поселение в урочище Сюзанлы (точка 716), примерно в 10 км к юго-западу от Замахшара, расположено на южном ответвлении Чермен-яба. Центром его является феодальный замок площадью 115 × 95 м со входом, имеющим предвратное сооружение, образованное округлым выступом стены (прием, характерный для этого времени)². Стены замка, сохранившиеся местами на высоту до 6 м, сложены из чередующихся слоев разбитой на блоки пахсы (высота слоев 0,9 и 0,25 м, ширина блоков в первом слое 0,8, во втором — 0,3 м), толщина их достигает 2 м. Сложенные из таких же блоков пятигранные угловые башни, из которых лучше других сохранилась юго-западная, в верхней части разделаны полуколонками. На каждой из стен размещено еще по две сейчас сильно разрушенных башни. Внутренняя застройка замка, за исключением небольшого ольвишего

¹ См. в настоящем сборнике статью Н. Н. Вактурской «О средневековых городках Хорезма».

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 169.

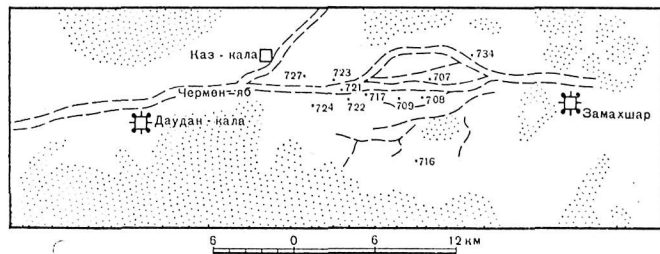
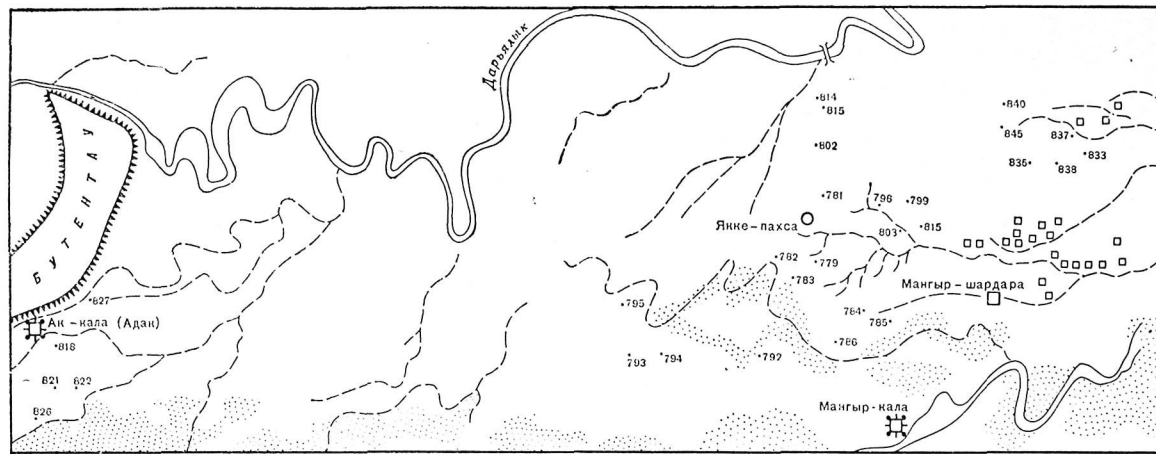

Рис. 1. Схематическая карта района работ археолого-топографического отряда

бугра близ ворот, скрывающего остатки какой-то постройки, не сохранилась. К замку примыкают садово-бахчевый и парковый комплексы, последний с прямоугольной каптар-ханой, в нишах которой местами сохранилась глиняно-саманная штукатурка.

Замок стоит на хвостовых ответвлениях проходящего к западу от него канала, вверх по которому на протяжении примерно километра размещено поселение с четкой планировкой огороженных глинобитными стенами и примыкающих одна к другой усадеб, в пределах которых видны развалины домов.

Подземный материал на поселении и замке крайне скудный; преобладает керамика серого обжига, процент поливной посуды незначителен.

Поселение в урочище Дарьялык-куль (точки 707—709, 717, 723, 724, 727—729) расположено к западу от Замахшара примерно на том же расстоянии, что и первое поселение, и вытянуто вдоль берега Чермен-яба на разветвленной сети отходящих от него более мелких каналов. Протяженность поселения примерно 7 км при ширине в 2,5—3 км. В значительной части оно скрыто под грядями барханных песков, тем не менее по свободным от песков участкам можно судить о характере его планировки. Отличительной чертой этого поселения является отсутствие в нем феодального замка. Владелец поселения, видимо, жил в городе (явление, довольно распространенное для Средней Азии и Ирана X—XV вв.)³.

Близость города наложила свой отпечаток на направление хозяйства. Насколько можно судить по характеру сохранившихся гряд, преобладающую роль в сельском хозяйстве играло разведение садово-бахчевых культур, находивших сбыт в городе. Может быть, поэтому поселение производит впечатление довольно богатого при большой плотности расселения.

В восточной части поселения размещены три наиболее крупные и хорошо сохранившиеся усадьбы. Первая из них (точка 707) размером 65 × 55 м имела дом у западной стены и крестообразную в плане каптар-хану в северо-восточном углу. Внутри усадьбы видна планировка сада (ширина гряд 3,5—4 м с интервалом 1 м). Здание размером 10 × 12 м сложено из обожженного кирпича и окружено айваном, пол которого выложен поставленным на ребро сырцовым кирпичом. Возможно, что это остатки какого-то общественного сооружения, а жилым был другой дом, стоявший в непосредственной близости от него.

Вторая усадьба (точка 708) самая крупная — размером 130 × 100 м, дом в ней расположен напротив середины южной стены. Прямоугольная каптар-хана, нишки которой облицованы штукатуркой, находится в северо-западном углу.

В третьей усадьбе (точка 709) почти всю ее западную сторону занимает жилой дом. В северной части дома один из входов вел через айван в сад. Стены дома толщиной 1 м облицованы алебастром. Передняя стенка зуфы в айване сложена из поставленных на ребро обожженных кирпичей размером 20 × 20 × 4 см. Южная часть дома, частично скрытая под песком, примыкает к расположенному в юго-западном углу сада зданию размером 11,6 × 8,0 м, на юго-западном углу которого, являющемся одновременно углом усадьбы, возведена восьмигранная башня, сохранившаяся в высоту на 6 м. Планировка здания прослеживается плохо. Несомненно, однако, что это центральное сооружение усадьбы, сохранившее в себе черты укрепленного замка.

На свободной от песков центральной (территориально) части поселения на площади около 1 кв. км размещено 22 усадьбы (рис. 2).

³ И. П. Петрушевский. Земельные и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.-Л., 1960, стр. 285; о н же. Городская знать в государстве хулагинов. СВ, V, М.-Л., 1948, стр. 92—93, 96; Б. Н. Заходер. Хоросан и образование государства сельджуков. ВИ, 1945, № 5—6, стр. 130—131.

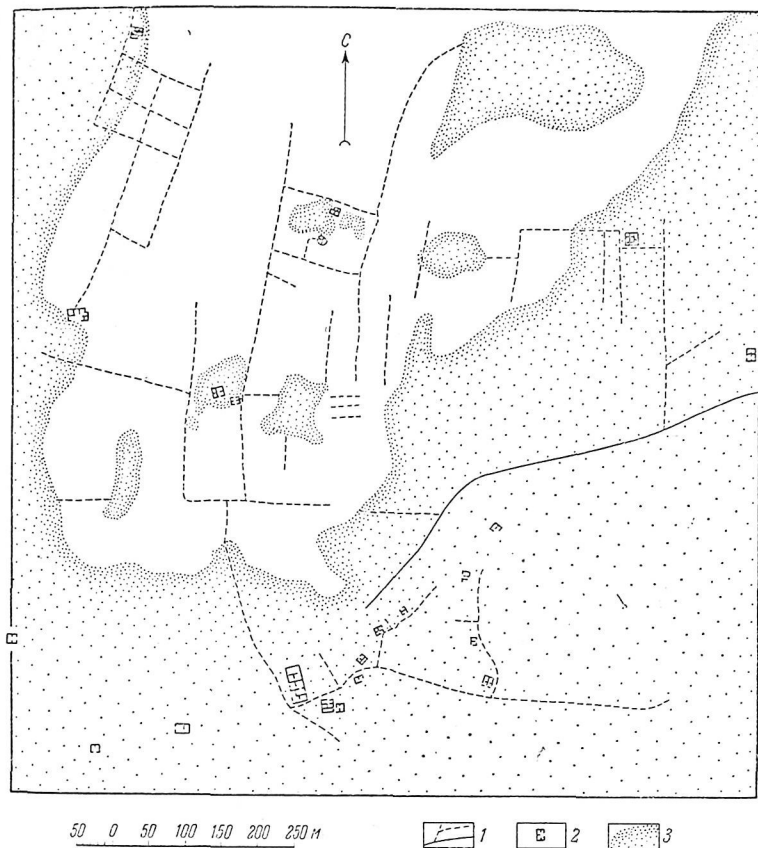

Рис. 2. Поселение хорезмшахского времени в урочище Дарьялык-куль близ Замахшара. План центральной части (точка 717).

1 — следы ирригации; 2 — развалины усадеб; 3 — пески

Незанятая постройками площадь пересечена арыками с сохранившейся местами планировкой полей внутри орошаемых участков.

Степень сохранности домов и усадеб чаще всего очень плохая: смыты стены, захвачен разрушением и культурный слой. Размеры домов — от 10×7 до 30×20 м. По планировке они делятся на дома с центральным помещением и группирующимися вокруг него комнатами и дома, разделенные коридором на две половины. Внутри помещений просматриваются закрома, суфы и круглые керамические очаги диаметром 25—40 см с прочерченным геометрическим орнаментом на внутренней стороне. Вне пределов домов в ряде случаев обнаружены длинные, состоящие из нескольких ячеек очаги, достигающие размеров $2,6 \times 0,9$ м. С северной или западной стороны некоторых домов находились айваны. Стены домов возводились из пахсы и лишь в одном случае они сделаны из сырцового кирпича размером 30×30 см (стена сложена в три кирпича, обычно же толщина стен не превышает 70 см). В строительстве для разного рода

внутренней отделки помещений применялся обожженный кирпич, размеры 24—25 × 24—25—4,5 см.

Собранный здесь подъемный материал представлен главным образом многочисленными фрагментами поливной керамики, характерной для хорезмшахского времени, что позволяет датировать все поселение этим временем. Следует отметить, что среди керамических изделий часто встречаются кухонные варочные горшки шаровидной формы с уплощенным дном, сохранившим следы подсыпки. К сведенному внутрь краю сосуда примазан низкий венчик с широким бережком, горизонтальным или немного опущенным внутрь. Горшки тонкостенные, изготовленные на круге, отличительной особенностью их является большое количество песка в

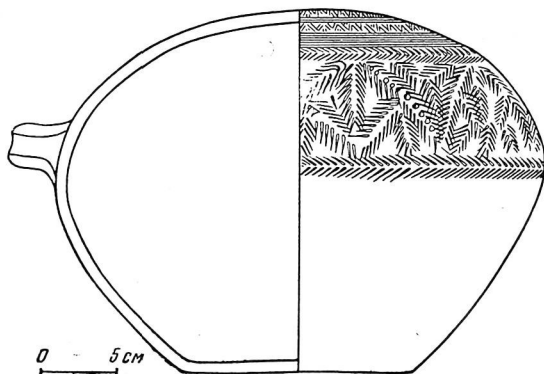

Рис. 3, а. Сероглиняная орнаментированная фляга (точка 727)

тесте. По плечам, а иногда по бережку сосуда украшены штампованным или прочерченным узором, поверхность их покрыта серым ангобом. Появление такого типа сосудов связано с распространением в хорезмшахское время круглых керамических очагов.

Особого внимания среди находок заслуживают две фрагментированные сероглиняные фляги с большим количеством песка в тесте (рис. 3, а, 3, б). По форме они приближаются к кувшинам; дно плоское, тулово около него подрезано ножом. Верхняя часть тулова орнаментирована. Две петлевидные ручки, между которыми находилось горло, расположены сбоку. Орнамент на обоих экземплярах однородный с небольшими вариантами. Он строится на сочетании прочерченного геометрического узора, заключенного в концентрические кольца, и орнамента, выполненного в виде налепов с насечками и изображающего колосья, размещенные по определенной системе в крайнем кольце композиции.

На поселении был найден фрагментированный иранский кувшинчик из кашина с высоким цилиндрическим горлом, ручкой прямоугольного сечения и круглым носиком. Плечи у сосуда покатые, в месте перехода от горла к плечам невысокий валик. Сосуд облицован изнутри подкрашенной голубоватой поташевой, а снаружи — глухой голубой оловянной поливой. Поверх нее нанесена полихромная роспись в виде стилизованных растительных узоров и орнаментальных концентрически расположенных полос по верхней части горла и плеч. Почти на каждом доме обнаружены фрагменты сфероконусов, а иногда и целые экземпляры, часто украшенные штампованным орнаментом или же облицованные бирюзовой поташевой поливой.

Помимо керамики, на поселении собраны изделия из железа, (в основном ножи), бронзы (колокольчики, ложка, подвеска, кольцо со щитком) и многочисленные бусы (рис. 4, б). Набор последних довольно однообразен. Это кашинные бусы с бирюзовой поливой, пастовые с инкрустацией и подвески из раковин. Кроме того, на развалинах одного дома найдены две вставки для перстней; на одной, сделанной из темно-зеленого камня, процарапана арабская надпись.

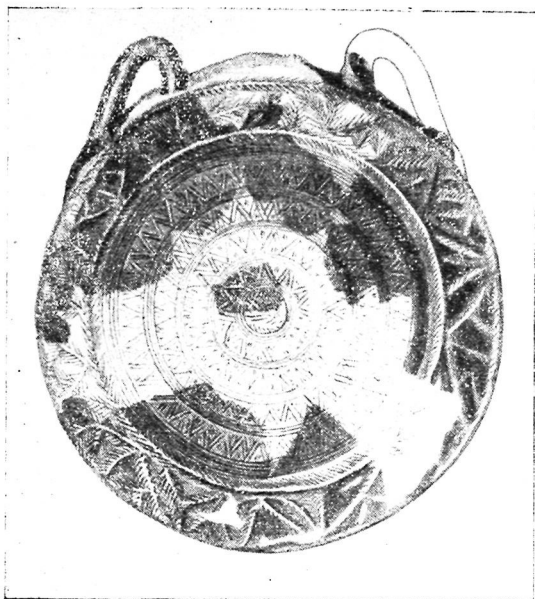

Рис. 3, б. Сероглиняная орнаментированная фляга (точка 727)

Изделия из стекла представлены донными частями сосудов на дисковидном поддоне, ручками, высоким со сливом горлом кувшина и фрагментами оконного стекла.

Сделанные из глины серого обжига фигурки животных изображают, видимо, быков и верблюдов.

Отличительной особенностью следующего поселения (точка 734) является широкое использование в строительстве обожженного кирпича. Среди развалин домов выделяются остатки мечети. Здание вытянуто с востока на запад, размер его 60×90 м. Сложенные из пахсы стены были, видимо, облицованы обожженным кирпичом. По внешнему периметру мечети шел айван, пол которого (или суфа) был образован поставленными на ребро сырцовыми кирпичами (подобный айван уже отмечен нами в одной из построек поселения в урочище Дарьялык-куль). Посередине западной стены мечети на поверхности найдены куски резного окрашенного алебаstra, видимо, остатки декора михрабной ниши, очень напоминающие резной алебастр из мечети хорезмшахского времени на городище Шах-Сенем⁴.

⁴ Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. ТХЭ, т. II, стр. 419.

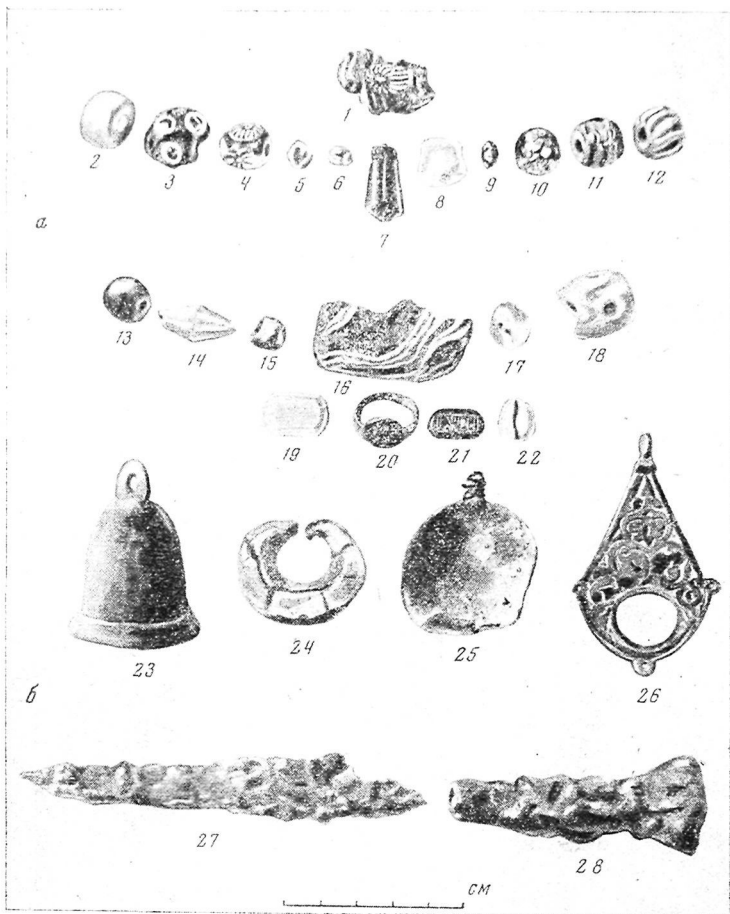

Рис. 4. Украшения. Изделия из бронзы и железа.

a — с поселения золотоордынского времени (точка 845); *б* — с поселения хорезмшахского времени (точка 717)

2—6, 8—15, 17, 18 — бусы; 2, 15, 18 — кашши с бирюзовой поливой; 3, 4, 10—13 — стекловидная паста; 5, 6 — стекло; 8, 9, 11, 17 — камень; 1, 7, 16, 22, 26 — подвески; 1, 16 — стекловидная паста; 7 — сердолик; 22 — раковина каури; 26 — бронза; 19, 21 — каменные вставки для перстня; 20 — бронзовый перстень; 23 — бронзовый колокольчик; 24 — бронзовая лунница (?); 25 — бронзовая ложка; 27 — железный нож; 28 — поделка из железа

При продвижении на запад в районе Даудан-кала нами был обследован небольшой феодальный замок Каз-кала, расположенный на ответвлении канала Чермен-яб (рис. 5, *a*). Замок, квадратный в плане (62,5 × 63,0 м), ориентирован почти точно по странам света. По углам и посередине сложенных из пахсы стен (высота блоков около 1 м) сохранились развалины поставленных впритык к стенам башен. Такими же башнями был оформлен и вход, расположенный посередине восточной стены. Видимо, в декоративных целях кладка во входе велась чередующимися слоя-

ми пахсы 65 и 25 см высотой. Высота сохранившихся стен — 6 м, предвратного сооружения — 7,2 м. Поверхность внутреннего двора замка перед входом поднята над поверхностью такыра на 1,6 м.

Жилая застройка располагалась по внутреннему периметру, лучше всего она сохранилась в северо-восточном углу. Подъемный материал, состоящий из немногочисленных фрагментов керамики, в основном неполной, сосредоточен по линии разрушения жилой застройки. Преобладают керамика хорезмшахского времени, но встречаются отдельные фрагменты сосудов X—XI вв.

В сильно занесенных песками окрестностях городища Даудан-кала не удалось выделить отдельные поселения, прилегающие же к крепости развалины, видимо, принадлежали уже пригороду.

Полученный в районе Замахшара и Даудан-калы материал позволил определить степень освоения данной территории в эпоху средневековья. Особенно интенсивно, как это показало обследование, местность была заселена в хорезмшахское время, тем не менее в каких-то масштабах, судя по находкам отдельных фрагментов керамики и монет, жизнь продолжалась здесь и в золотоордынский период, хотя поселений этого времени нами не найдено.

На втором этапе работы проводилось обследование территории между речья Дарьялыка и Северного Даудана между Ак-калой (Адаком) на востоке и Мангыр-Шардара на западе. В отличие от предыдущего района здесь после монгольского завоевания жизнь полностью возобновилась.

Среди поселений хорезмшахского времени можно выделить несколько групп, расположенных на небольшом расстоянии одна от другой и составляющих фактически один большой земледельческий район.

Первая группа представлена небольшим поселением (точка 792), состоящим из развалин 10—15 усадеб. Планировка домов ясна лишь в двух случаях. И в том и в другом центральное положение в доме занимает небольшой дворик, вокруг которого группируются жилые и хозяйственные помещения. Стены домов сложены из пахсы, но в отделке применялся обожженный кирпич.

Вторая группа включает в себя два крупных поселения. Первое (точки 798, 799, 803) стоит на ответвлениях большого идущего в широтном направлении канала. На развалинах домов, сохранившихся на небольшую высоту, часто не удается проследить их внутренней планировки. Всего в поселении насчитывается не менее пятидесяти усадеб, стоящих на разветвленной оросительной сети. Размеры сохранившихся усадеб достигают 140×115 м, а размеры стоящих на них домов колеблются от 5×8 до 25×27 м. Поселение имело замок площадью 50×55 м со входом в северной стене. Замок расположен в западной части поселения на берегу проходящего здесь магистрального канала и сейчас сильно разрушен и замыт.

В нескольких километрах к юго-востоку находится второе поселение (точки 808—815). Усадьбы расположены здесь небольшими группами в 3—4 дома вдоль магистрального канала и его ответвлений на довольно значительном расстоянии друг от друга. Сохранность домов в усадьбах неодинакова, но большинство сильно разрушено, часто вплоть до культурного слоя. Различны и типы домов от небольших двух-трехкомнатных до многокомнатных со сложной планировкой, достигающих размеров 35×20 м. В одном случае (точка 808) дом разделен центральным коридором.

Следующая группа поселений хорезмшахского времени расположена на протоке к северу от Мангыр-Шардара. В нее входит небольшое поселение на северном берегу древнего протока (точка 833) и большая феодальная усадьба с примыкающим к ней поселением на противоположной стороне.

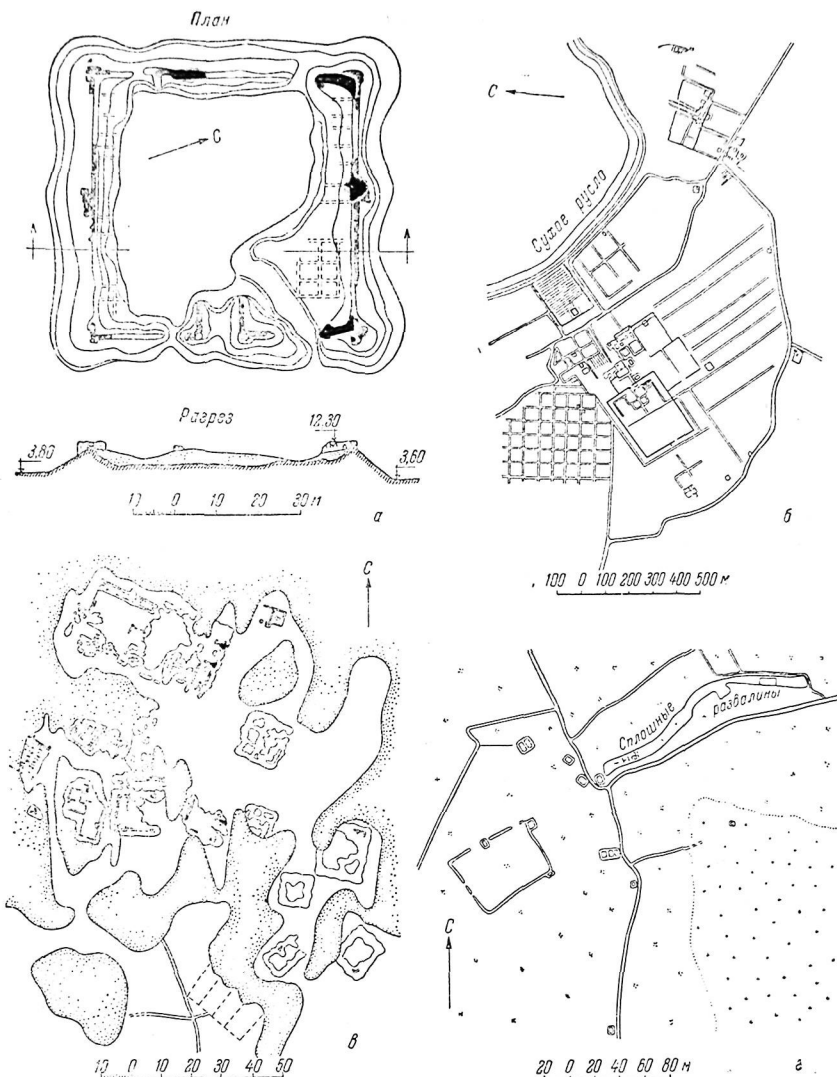

Рис. 5. Планы средневековых поселений.

а — Киз-кала; б — феодальная усадьба и поселение хорезмшахского времени (точки 838 и 839); в — поселение золотоордынского времени к северо-западу от городища Куния-Ууз; з — поселение XVI в. близ Ак-калы (Адака)

Феодальная усадьба, живописно расположенная на берегу протока, занимает площадь 1,5 км² (рис. 5, б). В центре ее находится дом, возведенный, видимо, из обожженного кирпича, а сейчас представляющий собой оплывший бугор размером 50 × 30 м при высоте около 2 м, усыянный

обломками обожженного кирпича и изрытый ямами, образовавшимися от выборки его. В западном углу примыкающего к дому двора сохранились развалины здания размером 20×18 м, на поверхности которого найдены фрагменты штукатурки с росписью красным, черным и белым цветом по алебастру, положенному на гач с примесью жженой соломы. Помимо росписи, были найдены небольшие обломки рельефных украшений и карнизов. Судя по одному из фрагментов штукатурки, нанесенной на лежащие под углом обожженные кирпичи, здание имело купольное или сводчатое перекрытие, или же в стенах его, сложенных из обожженного кирпича, находились сводчатые ниши.

Дом усадьбы окружен сложной системой обнесенных валами участков, являвшихся, видимо, садами, парками и бахчами. Внутри некоторых из них видна разбивка на гряды, интервалы между гребнями которых равны 3, 6 и 8 м. Расположенное к западу от дома поле разбито на квадраты с длиной стороны около 50 м. Размер самого крупного участка, находящегося к западу от дома, — 308×232 м; он разделен поперечной стеной, а в северо-восточной его половине видны бугры, образовавшиеся от бывших здесь построек. Аналогичные развалины есть и на других участках. Это, очевидно, остатки каких-то хозяйственных, жилых или парковых сооружений. Усадьба пересечена системой арыков, отходящих от магистрального канала, огибающего ее с юга; вдоль последнего разбросаны небольшие крестьянские усадьбы.

К востоку, в месте разветвления магистрального канала, стоит небольшое поселение, включающее несколько усадеб. Одна из них по планировке напоминает миниатюрный замок с башнями по углам и жилой застройкой внутри, в одном из углов. Два других дома имеют широко распространенную планировку — это дома с центральным коридором, по обе стороны которого располагаются жилые и хозяйственные помещения.

Поселение и феодальная усадьба, видимо, одновременны, хотя керамика на поселении чисто хорезмшахская, а на усадьбе встречаются формы, переходные от хорезмшахской и золотоордынской. Последнее обстоятельство можно отнести за счет более быстрого проникновения новых форм керамики в богатую усадьбу, вероятнее всего, загородную резиденцию какого-то крупного феодала.

Поселения золотоордынского времени

Запустевшие после монгольского завоевания земли Западного Хорезма к концу XIII в. начинают вновь осваиваться; этот процесс продолжается и в XIV в. Объясняется этот подъем значительной ролью Хорезма в истории развития Золотоордынского государства⁵.

Поселения, возникшие в золотоордынское время, по своей планировке заметно отличаются от поселений предшествующего периода. В каждом из них можно выделить центр, беспорядочно застроенный тесно стоящими домами с очень небольшими приусадебными участками, и идущие по периферии свободно расположенные усадьбы. С подобным типом поселений мы впервые столкнулись в 1958 г. при обследовании окрестностей городища Куяя-Уаз. Здесь, на хвостовых ответвлениях канала, берущего начало в Северном Даудане, размещено несколько небольших поселений. Наиболее крупное из них, расположенное на расстоянии менее километра к северо-западу от Куяя-Уаза, было, видимо, резиденцией местного феодала, т. к. здесь помимо крестьянских домов находится небольшая укрепленная усадьба (рис. 5, в).

Характерно, что как на этом, так и на нескольких других, притом небольших, состоящих всего из нескольких домов поселениях этого

⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 308.

района, находящихся на незначительном расстоянии от центрального имеются кладбища. Это может свидетельствовать о том, что каждую из вновь возникавших деревень заселяли общины, уже не связанные друг с другом в родоплеменном отношении и поэтому хоронившие умерших на отдельных кладбищах. Поселения сильно разрушены, собранный подъемный керамический материал и монеты датируют их второй половиной XIV в. Это позволяет связывать запустение всего района с одним из походов Тимура на Хорезм.

Большинство поселений западной окраины Хорезма сохранилось значительно лучше, развалины домов возвышаются на высоту одного, двух, а иногда и трех метров. Нами было зафиксировано более десяти различных по величине, но однородных по характеру планировки поселений (точки 779, 781—784, 786, 795, 821, 822, 826, 835, 837, 844, 845). Мы приведем описание лишь двух, наиболее полно обследованных.

Первое поселение (точка 822) расположено примерно в 5 км к юго-востоку от Ак-калы на ответвлениях идущего к западу от него в меридиональном направлении канала. На площади 0,25 км² размещено около пятидесяти домов, причем наиболее густо застроенной является северо-восточная часть поселения. Несколько обособленно стоит юго-восточная группа домов, сейчас отделенная проходящей через поселение дорогой, разрушившей его южную часть.

Развалины домов, сохранившиеся на высоту до 3 м, расположены в непосредственной близости друг к другу и лишь на западной окраине дома имеют усадьбы. Земельные угодья находились за пределами поселка. Стены домов возведены из тахсы, но в строительстве применялся обожженный кирпич, видимо, для внутренней отделки, а в ряде случаев и поливные изразцы. Восстановить планировку домов на данной стадии разрушения не представляется возможным, хотя следы стен проступают на поверхности.

Собранные на развалинах усадеб обломки сосудов и монеты позволяют датировать поселение золотоордынским временем, хотя изредка здесь встречаются отдельные фрагменты более ранней и более поздней керамики. Найдены также фрагменты сферокубусов (один из них, целый, украшен штампованным орнаментом), бусы (чаще всего пастовые с инкрустацией) и несколько железных криц.

Наибольший интерес вызывает самое крупное из встреченных нами поселений этого времени, расположенное в 4—5 км к югу от плотины Салак-бент на Дарьялыке (точка 845, рис. 6).

Поселение стоит в развилке каналов, огибающих его с северо-запада и востока; от этих каналов отходят арыки, орошающие площадь, занятую поселением, числящуюся примерно в 1,5—2 км².

Проведенная съемка центральной и прилегающей к ней части поселения позволила разобраться в его топографии. В скученной и на первый взгляд хаотичной застройке центральной части можно проследить улицы с выходящими на них домами, местами образовавшими полосы сплошной застройки, и подходящие к центру арыки, теряющиеся среди развалин домов, или же закапчивающиеся в водоемах-хаузах. Отходящие от центра улицы обрываются за примыкавшими к нему усадьбами.

В северо-восточной части центра поселка расположено однокамерное, построенное из обожженного кирпича здание размером 25 × 10 м, ориентированное короткими сторонами на северо-запад и юго-восток; вероятно, это мечеть.

В юго-западной части поселения на усадьбах обнаружены остатки керамического производства: развалины печей, керамические шлаки, фрагменты бракованной посуды, в том числе поливной. К северу от керамических печей находилось кладбище. На поверхности такыра видны прямоугольные по своим очертаниям скопления обломков обожженного кирпича,

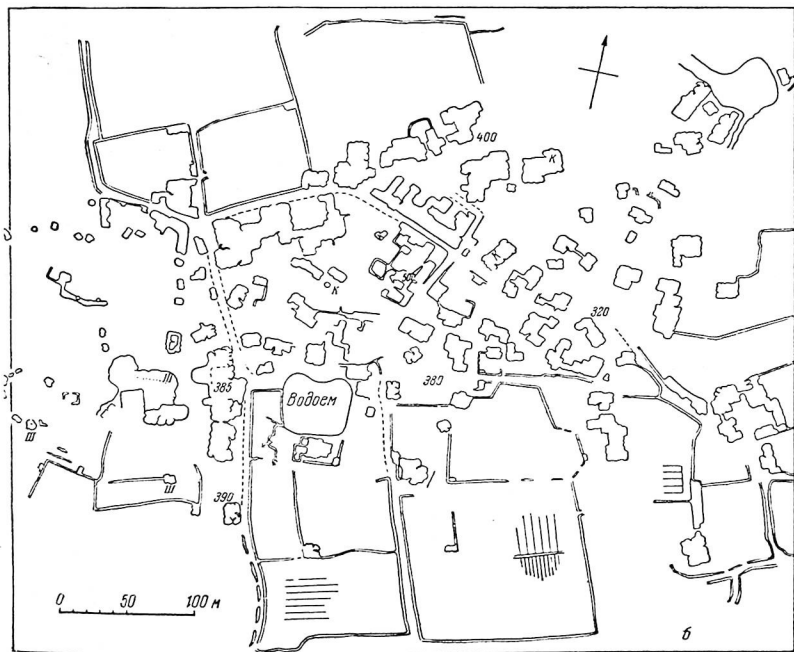
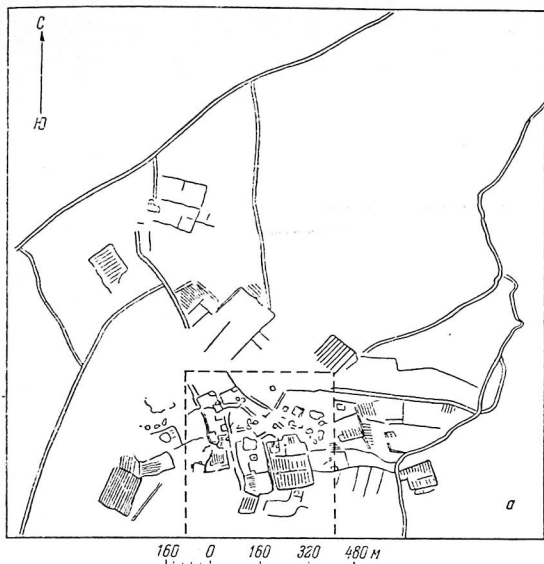

Рис. 6. Поселение золотоордынского времени (точка 845).

а — схематический план ирригационной сети и расположения поселения; б — план поселения

Рис. 7. Фрагменты керамических изделий с зооморфным сюжетом из поселений золотоордынского времени.

а — точка 845; б — точка 837; в — точка 822; г — точка 248

ориентированные с северо-запада на юго-восток. Один бугор в этой части поселения является развалинами мазара.

Размеры и планировка усадеб довольно разнообразны; обнесенные стенами, они, помимо жилого дома, в ряде случаев имели второе, небольшое по размерам, строение, обычно расположенное либо посередине усадьбы, либо же у одной из ее стен. Проведенная зачистка на одном из таких строений вскрыла остатки прямоугольного помещения, стоящего на паховом цоколе, высота которого около 2 м.

Степень сохранности домов не одинакова; лучше они сохранились по окраинам, в центральной же части разрушение захватило даже культурный слой. Весьма вероятно, что гибель поселения сопровождалась пожа-

ром: во многих местах на поверхность выходит черный горелый слой. Стены домов возведены из пахсы с применением в ряде случаев обожженного кирпича (размерами $24-26 \times 24-26 \times 4,5-5$ см) и поливных изразцов. Такие сравнительно хорошо украшенные дома были сосредоточены главным образом в центральной и западной частях поселения. Планировка построек, к сожалению, прослеживается плохо, хотя контуры отдельных стен видны на поверхности. Планировка части домов в центре поселения, видимо, представляла собой замкнутое каре жилых и хозяйственных построек вокруг внутреннего двора.

Собранный на поселении обильный подъемный материал представлен в основном керамикой, поливной и неполивной, характерной для золотоордынского времени, в том числе фрагментом дна сосуда с изображением птицы (рис. 7). Кроме керамики, здесь найдены бусы, подвески, обломки бронзовых зеркал, изделия из железа и стекла. Основная масса бус изготовлена из стеклянной пасты — голубой и черной. Бусы из голубой пасты имеют цилиндрическую форму и ребристую поверхность. Шаровидные бусы сделаны из черной пасты и украшены либо сплошной полихромной инкрустацией, либо инкрустацией в виде белых и полихромных глазков, а иногда волнистых зеленых и желтых линий. Несколько реже встречаются кашинные цилиндрические бусы с бирюзовой поливкой. Найдены также одна бусина из сердолика усеченно-пирамидальной формы и плоская перламутровая бусина. Находятся подвесок единичны. Одна из них сделана из темного камня и украшена резным геометрическим орнаментом, вторая — из черной пасты с глазками, третья — сердоликовая овального сечения (рис. 4, а).

Изделия из стекла представлены фрагментированным кувшином уплощенно-шаровидной формы с вогнутым внутрь дном. По плечам сосуд украшен рельефными концентрическими поясками и фестонами.

На поселении было найдено более 70 бронзовых монет и небольшой обломок золотой монеты.

Наконец, надо коротко описать небольшое поселение XVI в., расположенное в 1,5 км к юго-востоку от Ак-калы (Адака) на разветвлении одного из каналов, берущего свое начало в русле протока Дарьялыка (Кичкине-Дарья) к востоку от крепости (точка 818, рис. 5, з). Все поселение состоит из небольших чаще всего одно- или двукамерных домов, стоящих вдоль русла арыка. По восточному ответвлению его на протяжении 200 м идет полоса сплошной застройки, на которой выделяются отдельные однокамерные дома. Стены их внизу сложены из плит ракушечника, а в остальной части — из сырцового кирпича размерами $25-26 \times 25-26 \times 5$ см. Толщина стен несколько более 0,5 м. Собранная с поселения керамика, в том числе актамского типа, позволяет датировать его XVI в. Вверх по руслу были зафиксированы небольшие группы домов того же времени и чигирные установки на русле.

Таким образом, в результате маршрутного обследования был открыт ряд сельских поселений хорезмшахского, золотоордынского и более позднего времени (XVI в.), что позволило определить степень интенсивности жизни на данной территории в соответствующие периоды.

Густонаселенная сельская округа городов Замахшар и ДAUDAN-КАЛА⁶, как это было установлено, пришла в запустение в результате монгольского завоевания и хотя жизнь в самих городах, а в какой-то степени и в их окрестностях возобновилась в золотоордынское время, она уже не достигла прежнего уровня.

В противоположность этому район междуречья Северного ДAUDANA и ДАРЬЯЛЫКА, также пришедший в запустение после нашествия монголов,

⁶ Если для Кават-калинского оазиса Б. В. Андрианов исчисляет плотность населения в 200—250 человек на 1 км², то здесь (точка 717) плотность при тех же расчетных данных вдвое большая. См.: Б. В. Андрианов, МХЭ, вып. 1, стр. 147.

был вновь освоен в прежнем объеме в XIV в. и снова превращен в пустыню в результате походов Тимура на Хорезм.

Поселения XVI в. обнаружены нами лишь на одном из протоков Дарьялька близ Ак-калы (Адака). Полученный материал при обследовании междуречья Дарьялька и Северного Даудана позволяет прийти к выводу, что в золотоордынское время на данной территории характер планировки сельских поселений несколько меняется. Если в предшествующий хорезмшахский период усадьбы располагались вдоль арыков на сравнительно большом расстоянии друг от друга, то в золотоордынское время сельские усадьбы образуют своего рода поселки, особенно тесно застроенные в центральной части. Объяснение этому, возможно, следует искать в исторической обстановке этого времени, когда вследствие опустошительного монгольского нашествия и вхождения Хорезма в состав Золотоордынского государства были нарушены традиционные формы жизни. Следует отметить, что немногочисленные усадьбы XVI века, отмеченные нами в этом районе, вновь располагаются изолированно друг от друга.

Большое здание близ Ярбекир-калы

В 1958 г. производились рекогносцировочные раскопки крупного общественного сооружения, расположенного в 700 м к востоку от Ярбекир-калы⁷. Оно было обнаружено при изучении аэрофотоснимков и предварительно обследовано в предыдущем сезоне Б. И. Вайнберг. Полученный при этом керамический материал позволил датировать памятник хорезмшахским временем.

Это интереснейшее сооружение несомненно создавалось по заранее разработанному и весьма четкому плану. По замыслу строителей, оно, видимо, должно было иметь форму квадрата, сторона которого достигала 200 м. Две взаимно перпендикулярные, пересекающиеся в центре улицы делили этот массив на четыре одинаковых квартала. Каждый квартал должен был состоять из большого квадратного внутреннего двора, окруженного по периметру полосой небольших однотипных помещений. Следует отметить, что в двух южных комплексах были построены лишь помещения, примыкавшие к улицам, с внешней же стороны периметр постройки не был замкнут. Однако, особенности планировки сооружения как общие, так и частные (например, наличие проходов на улицу в середине стен южных кварталов), свидетельствуют, что строительство по каким-то причинам не было завершено⁸ (рис. 8).

Стандартный жилой комплекс состоял из двух комнат и айвана, сообщавшихся между собой, но изолированных от соседних помещений. Любопытной, трудно объяснимой особенностью планировки является то, что айваны выходят на улицу или на наружную сторону постройки и жилые ячейки непосредственно с внутренними дворами не соединены. Эту особенность планировки можно объяснить тем, что сооружение было караван-сараям, являющимся одновременно и базаром. Однако окончательно вопрос о назначении памятника может быть решен после стационарных раскопок.

Масштабы караван-сарая позволяют предположить, что он сооружался на торговом пути, имевшем важное государственное значение. Достаточно сказать, что здесь после завершения постройки должно было быть свыше 750 помещений, образовавших более 250 жилых ячеек.

На месте помещения улиц, имевших ширину 5 м, располагалась центральная площадь, занимавшая пространство около 300 м². Нами был

⁷ Работы проводились с 14 по 24 июля научными сотрудниками Б. И. Вайнберг и О. А. Вишневецкой с участием рабочих-землекопов.

⁸ Предположить возможность разрушения части постройки в данном случае, как показало изучение памятника, нельзя.

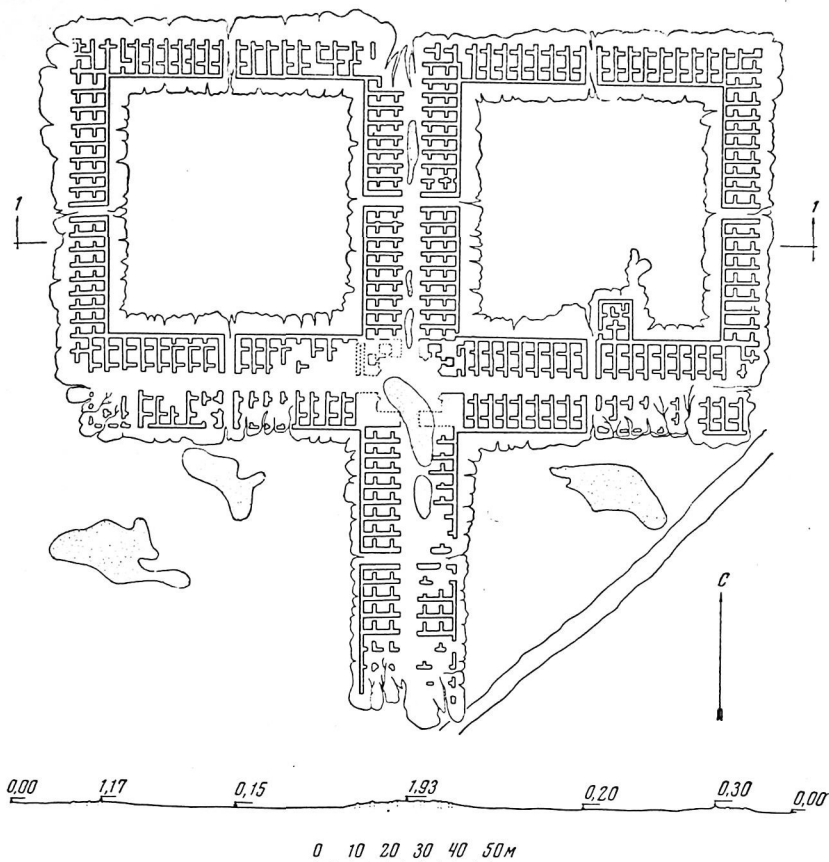

Рис. 8. Здание близ Ярбекира. План

раскопан ее северо-восточный угол и примыкающий к нему с севера стандартный жилой комплекс (рис. 9, 10).

Стены караван-сарая, сохранившиеся на высоту более 2 м, сложены из сырцового кирпича размерами $27-28 \times 27-28 \times 5-5,5$ см, ширина их колеблется от 0,9 до 1,2 м (стены двора). Кирпичи положены в перевязку, толщина постельных швов 2-3 см, вертикальных — 1-2 см. Дверные проемы шириной 0,95 м имели арочное перекрытие, над которым выкладывалась внешняя разгрузочная арочка. На уровне пят арок (2 м) в северной и южной стенах помещений 1 и 2 защищены гнезда балок, видимо, служивших опорами для подмостков при строительстве. Аналогичные конструкции арок и строительные приемы встречаются в сырцовых постройках Мервского оазиса XII—XIII вв.⁹

⁹ Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII, стр. 236; она же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI, стр. 207—208.

Следов перекрытий помещений не сохранилось, вероятнее всего, это были сырцовые своды, рухнувшие в то время, когда помещения уже были занесены песком. Пол в помещениях глинобитный, лотчи без культурного слоя над ним. Во всех помещениях жилого комплекса найдено лишь несколько фрагментов сероглиняных сосудов и немного костей млекопитающих.

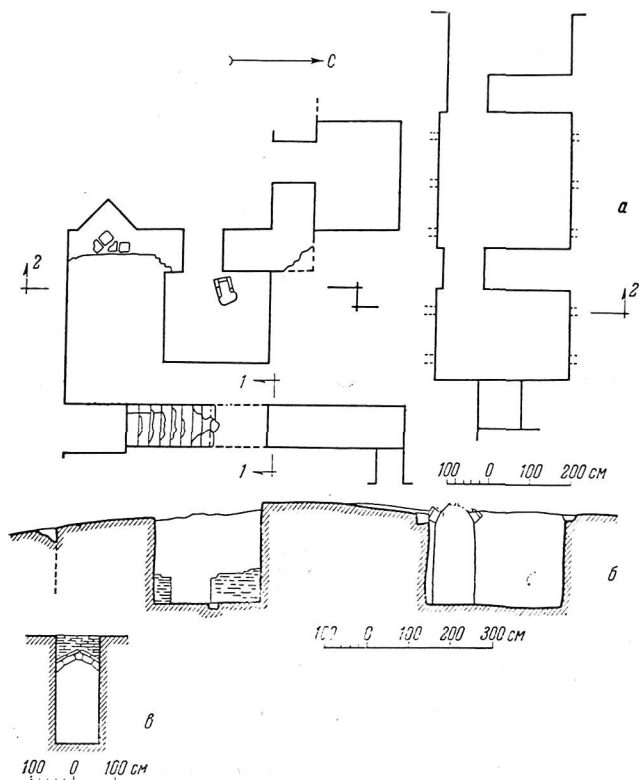

Рис. 9. Здание близ Ярбекира.

а — план; б — разрез по 2—2

На центральную площадь в ее северо-восточном углу выходило два изолированных помещения и лестница из шести ступеней, перекрытых обожженным кирпичом, ведущая с улицы на площадку второго этажа. С севера к лестнице примыкало вытянутое помещение, относящееся к соседнему жилому комплексу, с которым оно сообщалось через дверь в восточной стене.

Стены, ограничивающие центральную площадь, были облицованы обожженным кирпичом. У поворота на восточную улицу был зачищен треугольный выступ-пилястр шириной в 1,45 м, выступающий за плоскость стены на 0,75 м. Вероятно, такие выступы обрамляли проемы всех улиц.

Помещения, выходящие на центральную площадь, до уровня 1 м над полом были засыпаны песком, ниже лежал завал из обожженного кир-

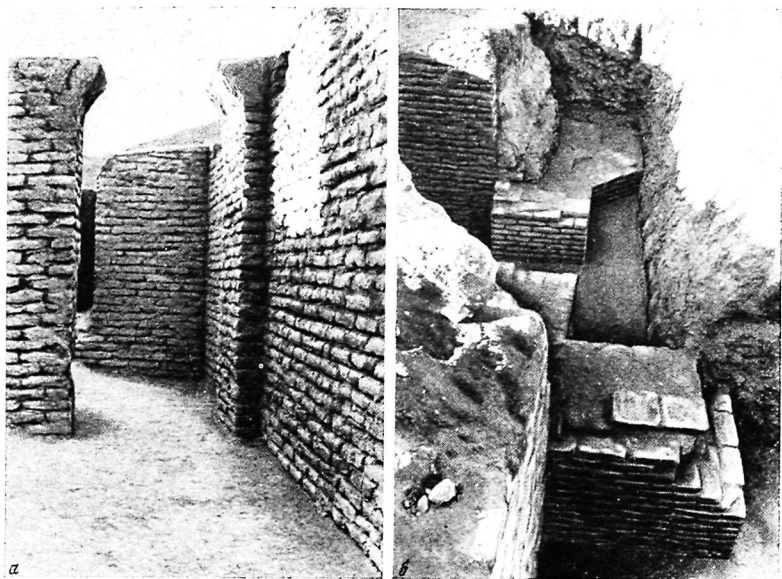

Рис. 10. Здание близ Ярбекира.

а — дверной проем между помещениями жилого комплекса; *б* — раскопки северо-восточного угла площади

пича. Находок на полу практически нет, в помещении 5 зачищен небольшой прямоугольный очаг из поставленных на ребро обожженных кирпичей. Очаг имел округлое углубление для закладки топлива. В пол перед лестницей были втоптаны фрагменты сероглиняного варочного котла, сильно закопченного. В помещении за лестницей найдено значительное количество обломков посуды.

Остановимся несколько подробнее на описании керамики, поскольку она служит основой для датировки памятника. Неполivные сосуды представлены одним целым и двумя фрагментированными сероглиняными кухонными горшками сферической формы. Их поверхность покрыта темным ангобом, в тесте — примесь дресвы. Утолщенный край горшков сведен внутрь, дно округло-уплощенное, формировавшееся на дресвяной подсыпке. У одного из сосудов при переходе тулова в дно — небольшой выступ, видимо, для большей устойчивости на очаге. По плечам горшки украшены прочерченной волнистой линией, а в одном случае — полосой штампованного орнамента в сочетании с лежащим под ней поясом из прочерченных арочек. Кроме того, найден фрагмент отогнутого наружу края сферического горшка того же теста с прочерченным по плечам линейно-волнистым орнаментом и фрагмент края сегментовидной чаши из глины светлого обжига, облицованный светло-желтым ангобом.

Полivные сосуды изготовлены из глины кремового обжига, покрыты изнутри светлым ангобом и облицованы прозрачной свинцовой поливой. Отметим фрагментированную полусферическую чашу с отогнутым краем на дисковидном поддоне, украшенную внутри гравировкой и росписью, исполненной коричневой и зеленой красками.

Вторая чаша — сегментовидная, с изломом в верхней части, сильно фрагментированная, украшена геометрическим узором, нанесенным темно-

коричневым, зеленым и белым по подглазурному светло-коричневому фону.

Кроме этих двух чаш, найден фрагмент тарелки с гравированным узором и зелеными пятнами росписи.

Описанный керамический комплекс находит себе четкие аналогии в изделиях XII — начала XIII вв. (Кават-кала, Нариянджан, Замахшар), что позволяет датировать памятник этим временем. Этой датировке не противоречат ни его архитектурные особенности, ни установленная раскопками кратковременность использования помещений. Можно с достаточной достоверностью полагать, что строительство огромного каравансарая, предпринятое правительством Хорезма, было прервано монгольским нашествием. Позднейшим перестройкам памятник, видимо, не подвергался и сравнительно небольшие дополнительные раскопки позволят достаточно полно охарактеризовать этот апервоклассный архитектурный комплекс хорезмшахского времени.

В. Н. Ягодин

**МАРШРУТНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЧАСТИ
ПРИАРАЛЬСКОЙ ДЕЛЬТЫ АМУ-ДАРЬИ**

Территория Приаральской дельты Аму-Дарьи до недавнего времени оставалась мало изученной в археологическом отношении. Первые большие разведочные маршруты в этом районе были проведены в 1945—1947 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР.

В дальнейшем работу по изучению археологических памятников дельты продолжил Каракалпакский комплексный научно-исследовательский институт АН Узбекской ССР¹. В 1958 г. археологическим отрядом этого института произведено маршрутное обследование правого берега дельты², затем в 1960 г. проведены еще два маршрута, в одном из которых обследовалась вся территория левобережья Приаральской дельты.

Настоящая статья посвящена публикации материалов этого маршрута. Он прошел по территории от городища Гяур-кала Ходжейлинская (Миздахкан) на юге до побережья Аральского моря на севере и от русла Аму-Дарьи на востоке до плато Устюрт на западе (рис. 1). При подготовке маршрута были учтены все сведения, содержащиеся в литературе, посвященной указанному району, государственные фотопланы и картографические материалы. Существенную роль в выявлении памятников сыграли также расспросные сведения, в частности, сообщения работавших в этом районе этнографических экспедиций.

На памятниках, изученных во время маршрута, произведены топографическая съемка, шурфовка, сбор подъемного материала, а также сделано их подробное описание³.

Первым памятником, обследованным в 1960 г., было городище Мончаклы, которое находится в 9 км по направлению запад-запад-юг от г. Шуманай Ходжейлинского района Кара-Калпакской АССР.

¹ В 1959 г. Институт преобразован в Каракалпакский филиал АН Узбекской ССР.

² А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Некоторые итоги археологических работ сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР в 1958 г. ИАН СОН, Ташкент, 1960, № 1, стр. 41—49; они же. Археологические исследования в правобережной части современной дельты Аму-Дарьи в 1958—1959 гг. МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 236—261.

³ Городище Гяур-кала, также находящееся на левом берегу дельты, в маршруте не обследовалось, так как в литературе уже имеется описание результатов рекогносцировки, произведенной на этом памятнике А. Ю. Якубовским (см. его статью «Городище Миздахкан», ЗКВ, т. V, Л., 1930). Кроме того, мы планировали произвести на Гяур-кале раскопки, которые и были осуществлены нами в 1962 г.

Городище (рис. 2) расположено на совершенно плоской местности и издали имеет вид большого плоского холма. В плане оно неправильной формы, приближающейся к прямоугольной. Углы ориентированы по сторонам света.

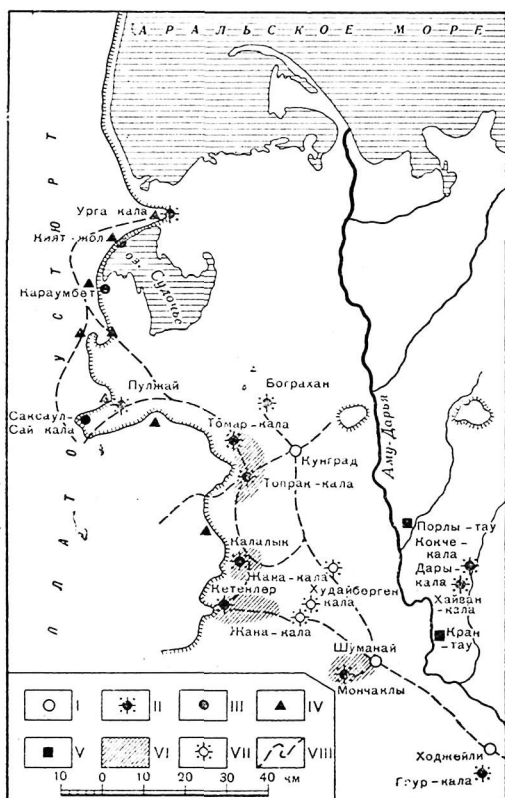

Рис. 1. Схематическая археологическая карта левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи.

I — современные населенные пункты; *II* — древние города и крупные крепости; *III* — небольшие древние укрепления; *IV* — сигнальные башни; *V* — крупные местонахождения древней керамики; *VI* — участки со следами древней ирригационной сети; *VII* — городища XVIII—XIX вв.; *VIII* — маршрут 1960 г.

Общая площадь городища превышает 20 га. Стены представляют собой большие оплывшие валы, сохранившиеся на значительную высоту. Восточный, южный и западный углы были укреплены башнями, сейчас имеющими вид округлых сильно оплывших выступов. Место въезда в настоящее время определить невозможно.

Крепость была окружена глубоким рвом. Сейчас на его месте сохранилось сильно размытое понижение, опоясывающее крепость по периметру. С востока ко рву подходят несколько мелких русел или очень нечетко выраженных каналов. Вероятно, через них осуществлялось наполнение рва и снабжение населения города водой. В юго-западной части

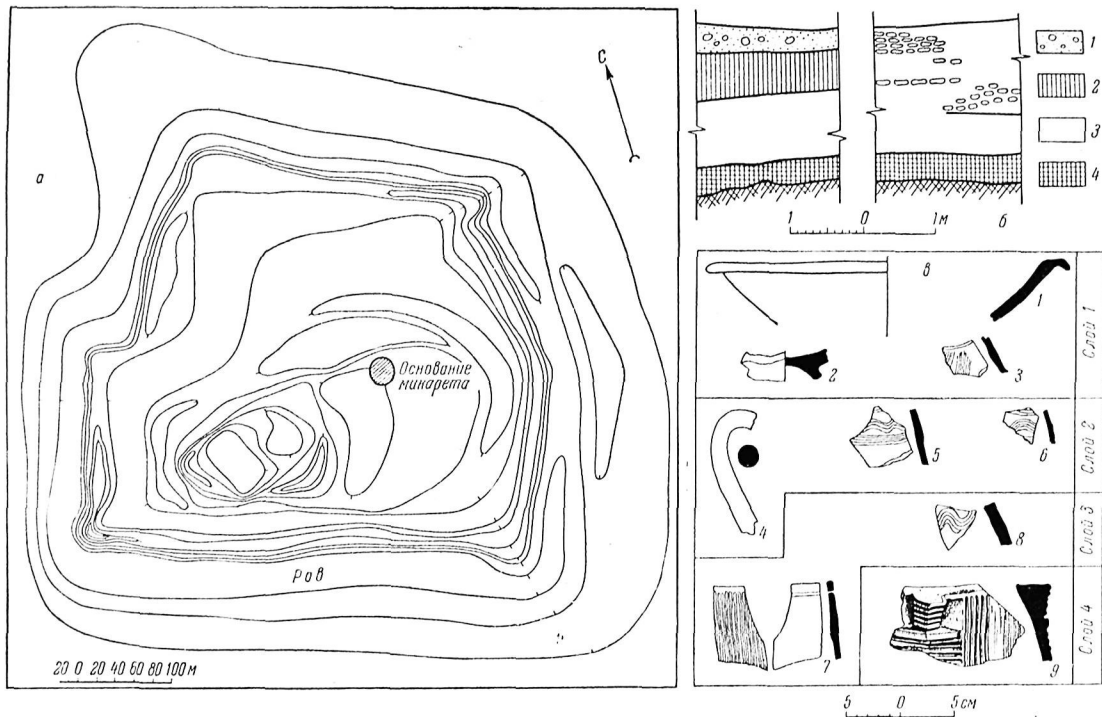

Рис. 2. Городище Мончаклы.

a — план; *б* — разрез траншеи 1; 1 — плотный глинистый слой коричневого цвета с известковыми штинами; 2 — суглинок мглистый, коричневого цвета, с включениями древесных углей, фрагментов керамики и жженой глины; 3 — суглинок плотный серовато-коричневый с обломками жженой глины и керамики; 4 — естественный, пылеватый, коричневого цвета слой; *а* — керамика из траншеи

городища возвышается сильно оплывший неправильных очертаний холм. Характер рельефа позволяет предполагать, что некогда наиболее высокая часть холма была ограждена стеной и, вероятно, представляла собой цитадель. Холм возвышается над окружающей местностью на высоту более 5 м. Некоторая расчлененность рельефа может указывать на наличие нескольких отдельных крупных зданий, в процессе разрушения слившихся в одно большое возвышение.

Все пространство к северу и востоку от цитадели вплоть до стен городища занято большими и малыми возвышениями и буграми, являющимися, вероятно, остатками отдельных зданий или целых групп построек. Многие из них были сооружены из жженого кирпича, на что указывает огромное количество его обломков, устилающих все внутреннее пространство памятника.

К востоку от цитадели находится большой бугор, сплошь состоящий из жженого кирпича. В середине бугра расположена воронкообразная яма глубиной до 3 м⁴. Бугор в плане круглый, диаметр его основания приблизительно равен 18 м. Не вызывает сомнения, что бугор является остатками некогда стоявшего здесь минарета.

По всей площади городища разбросано довольно много фрагментов керамики, датирующейся XIII—XIV вв. Особенно много ее на склонах крепостных стен.

Окрестности городища изобилуют следами интенсивной человеческой деятельности. Вероятно, все это пространство было занято обширной сельскохозяйственной округой — рустаком. С восточной и отчасти северной сторон городища следы рустака уничтожены более поздней распашкой. С северо-запада, юго-запада и запада на плоской равнине прекрасно видны следы сложной, сильно развитой ирригационной сети, следы обваловки полей. Среди них возвышаются кое-где невысокие плоские бугры с керамикой того же времени, что и на городище. Бугры эти, по всей видимости, являются остатками отдельно стоящих крестьянских усадеб.

Магистральный канал, питавший водой всю эту округу, тянется от городища к западу. На этом канале, в полукилометре от городища, обнаружены следы крупного керамического производства. Керамика, собранная на всех этих развалинах и на канале, датируется XIII—XIV вв.

Для выяснения стратиграфии городища Мончаклы на его территории в 20 м к востоку от развалин минарета был заложен и доведен до материка шурф размером 2 × 1 м. Общая мощность культурных слоев в месте заложения шурфа составляет около 2,5 м.

Расположение наслоений, вскрытых в шурфе, и материал, полученный из него, показывают, что нижние слои были перемешаны при перестройке, произведенной в XIII в., и перекрыты затем слоем XIII—XIV вв.

Типологический анализ керамики, извлеченной из перемешанных слоев, позволяет выделить в ней группу, датирующуюся IX—XI вв., и группу, датирующуюся XII—XIV вв.

Керамика IX—XI вв. сконцентрирована во 2-ом, 3-ем и 4-ом слоях шурфа. Этим временем датируются фрагменты облицованного желтым ангобом желтоглиняного кувшина (рис. 2, в, 6)⁵ и стенки хума (рис. 2, в, 8) с волнистым гребенчатым орнаментом⁶.

Интересный фрагмент найден в слое 2 (рис. 2, в, 5). Эта часть кув-

⁴ Местные жители брали для своих нужд кирпич из этой воронки. Несколько домов, построенных из этого кирпича, находятся по соседству с городищем. Большинство надгробий мусульманского кладбища, занимающего всю площадь цитадели, также сооружено из этого кирпича.

⁵ Аналогии см: Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма. ТХЭ, вып. IV, М., 1959, стр. 275, рис. 2, 4, 8.

⁶ Там же, стр. 273—274.

шина, сделанного из такого же глиняного теста, из какого изготовлялась хорезмийская керамика XII—XIV вв, однако, с линейным и волнистым гребенчатым орнаментом, весьма характерным для кувшинов IX—XI вв. Видимо, перед нами своеобразная переходная форма от керамики IX—XI вв. к керамике XII—XIV вв.

Вся остальная посуда датируется XII—XIV вв. Представлена она фрагментами круглой ручки (рис. 2, в, 4)⁷ и стенок (рис. 2, в, 3)⁸ сероглиняных кувшинов, а также миской, по внутренней поверхности облицованной черным ангобом (рис. 2, в, 1)⁹. Таким образом, анализ материала, извлеченного из шурфа, показывает, что жизнь на городище возникает в IX—XI вв. и непрерывно продолжается до конца XIV в.

Рассмотрение всего материала, полученного при обследовании городища Мончаклы и его окрестностей, позволяет предполагать существование большой округи, базировавшейся на одном канале и имевшей своим центром городище Мончаклы.

На описанном памятнике мы локализуем упоминаемое географом Ибн-Русте селение Варгада, находящееся, по его словам, «...в 4 фарсах ниже Джурджани...»¹⁰.

В 36 км к северо-западу от городища Мончаклы находится городище Кетенлер (Кетен-кала). Памятник (рис. 3) окружен современными совхозными полями и несколько возвышается над ними. В 1959 г. он был обследован Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции¹¹.

Городище занимает площадь около 5 га, имеет прямоугольную в плане форму и вытянуто с юго-востока на северо-запад. Две его стены, юго-западная и юго-восточная, сохранились в виде оплывших валов, расчлененных отдельными буграми и понижениями и поднимающихся на высоту до 5 м над окружающей местностью. Северо-восточная и северо-западная стены не сохранились, внешний контур этих стен определяется по пологому краю платформы городища. На южном углу сохранились остатки башни в виде округлого выступа. Башня сложена из шахсы. Внутреннее пространство городища представляет собой слабо расчлененный такыр, на котором почти не сохранилось следов былых планировок. Городище окружено широким сильно оплывшим ровом, сейчас занятым современными посевами. Ров наполнялся водой из канала, слабые следы которого сохранились в 100 м к юго-западу от памятника. На поверхности городища было найдено довольно много керамики.

Для выяснения стратиграфии городища на его территории около середины юго-восточной стены, у ее основания, был заложен шурф размером 3 × 1 м, вскрывший культурные наслоения мощностью до 2,5 м. Анализ материалов, полученных из этих наслоений, позволил установить наличие единого по времени культурного слоя.

Керамика, извлеченная из шурфа, представлена хорошо известными хорезмийскими формами XIII—XIV вв. Среди этой керамики много фрагментов сероглиняных кувшинов с высокой, круглой в сечении ручкой (рис. 3, в, 3, 5), конических мисок с полочковидным венчиком, облицованных серым ангобом и имеющих орнамент, нанесенный лощением (рис. 3, в, 2, 4)¹². Нередко встречаются обломки хумов с полочковидным венчиком (рис. 3, в, 1)¹³.

⁷ Аналогии см. там же, стр. 304—305, рис. 21, 3.

⁸ Там же, стр. 307, рис. 22, 8.

⁹ Там же, стр. 308, 310, рис. 25, 3.

¹⁰ Ибн-Русте. *Китаб ал-алак ан-нафиса*. МИИТ, т. I, М.-Л., 1939, стр. 150.

¹¹ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итига. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1960 гг. МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 27.

¹² Аналогии см.: Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 308, 310, рис. 44, 95—96.

¹³ Там же, рис. 44, 56—60.

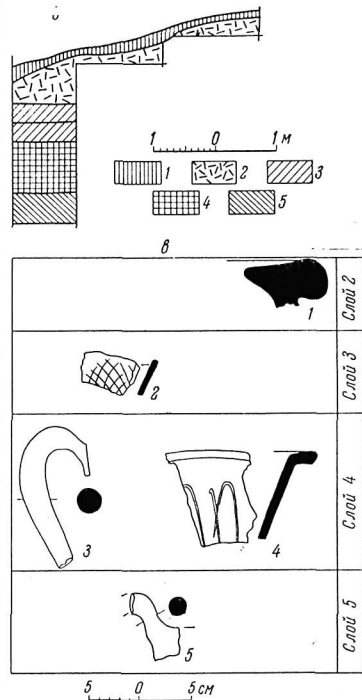
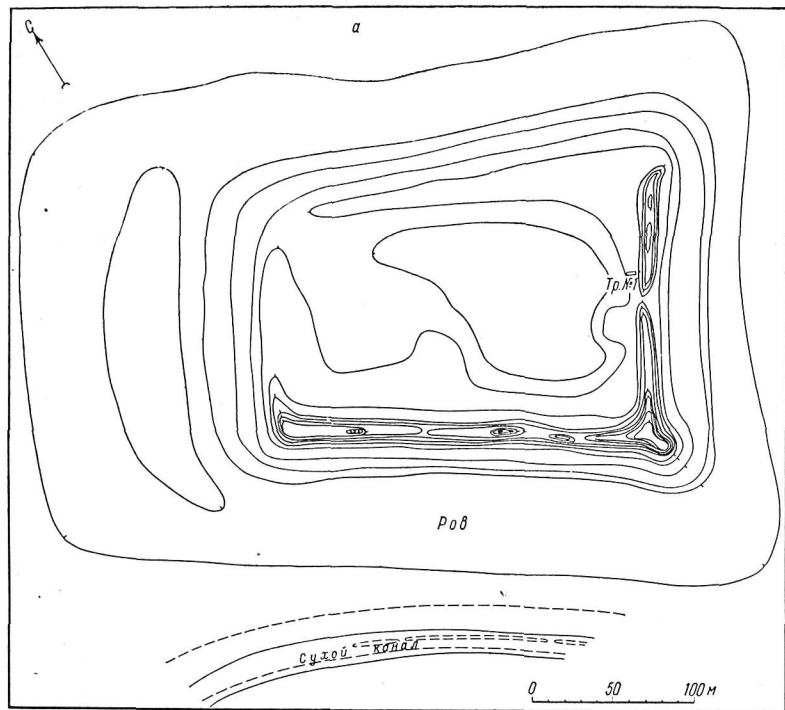

Рис. 3. Городище Кетенлер.

a — план; *b* — разрез траншеи 1; 1 — глинистые натеки; 2 — разрушенная пахта; 3 — культурный слой — глинистый, пористый, зеленого цвета; 4 — рыхлая, мокрая глина с незначительным количеством керамики и костей; 5 — глина плотная, темного цвета; *a* — керамика из траншеи 1

Подъемный материал, найденный на городище, полностью аналогичен материалу, извлеченному из шурфа, а также датируется XIII—XIV вв.

Вокруг городища сохранились многочисленные скопления битого жженого кирпича и фрагментов керамики, указывающие на места древних строений.

Следы густой застройки сохранились и в более отдаленных окрестностях городища. На расстоянии 5—6 км к югу и востоку среди современных полей имеются многочисленные россыпи керамики и битого жженого

кирпича, перемещенных на поверхность при пахоте. Сохранились также большие бугры или целые группы бугров из битого жженого кирпича, участки древних каналов на нераспаханных местах. По этим остаткам каналов удалось, в частности, проследить на расстоянии 1 км к югу от городища крупный древний канал, проходивший вдоль его юго-западной стороны. По всей видимости, это остатки магистрального канала, питавшего водой всю округу вокруг Кетен-калы. К западу и северу от нее никаких следов застройки не имеется.

На территории этой округи находились здания с великолепным изразцовым декором. Развалины одного из них обнаружены в полукилометре к юго-востоку от Кетен-калы. Здесь была вскрыты

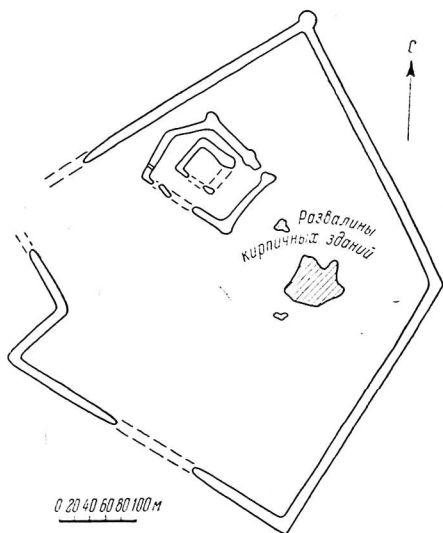

Рис. 4. Городище Калалык

стены из жженого кирпича и множество обломков поливных изразцов.

Богатство архитектурного декора позволяет предполагать наличие остатков незаурядного сооружения, может быть, большой мечети или мавзолея. Сами изразцы по ряду признаков можно датировать XIV в.

Вся керамика, собранная в окрестностях городища Кетенлер, полностью аналогична керамике, найденной на самом городище, как подъемной, так и полученной из шурфа, а также датируется в целом XIII—XIV вв. Очевидно, что все описанные развалины представляют хронологически одновременный комплекс и являются, по всей видимости, остатками большого рустака, центром которого была Кетен-кала, помещавшаяся на его северо-западной окраине.

В 12 км к северу от городища Кетенлер находится другой археологический памятник, который местное население знает под именем «Калалык». Он расположен на плоской полузаросшей пустынной в настоящее время равнине, лежащей у подножия восточного чинка плато Устюрт. Памятник (рис. 4) сильно разрушен неоднократной распашкой его территории и многочисленными ямами, выкопанными окрестными жителями при добыче жженого кирпича.

Городище сохранилось в виде системы низких оплывших глинистых валов. В плане оно представляет собой неправильный четырехугольник, ориентированный углами по сторонам света. Южный угол этого четырехугольника вдавлен внутрь. На некоторых участках стены памятника не

сохранились, однако, его планировка в целом читается четко. Северный угол укреплен башней, сейчас имеющей форму округлого выступа; на остальных углах никаких остатков башен не отмечено. Не отмечено и следов рва, вероятно, полностью уничтоженного распахкой. Общая площадь памятника — около 23 га. Внутри городища у середины юго-западной стены в 20 м от нее сохранились остатки цитадели площадью около 2 га. Она пятиугольная в плане. Внутри этого пятиугольника имеется прямоугольник, образованный стенами какого-то большого здания. На западном, северном и восточном углах цитадели сохранились в виде округлых выступов следы оборонительных башен, кроме того, башнеобразный выступ имеется на северо-восточной стене цитадели.

Все городище усыпано многочисленными осколками жженого кирпича; в ряде мест скопления его образуют большие плоские бугры, указывающие на места древних построек. Стены городища, цитадели и здания внутри нее возводились, видимо, из пахсы и сырцового кирпича, а для застройки внутри городища широко применялся жженный кирпич.

На небольшом расстоянии к северо-востоку от памятника сохранились очень нечеткие следы древнего канала.

На городище был заложен небольшой шурф, позволивший установить культурный слой, датируемый, судя по находкам в нем хорезмийской керамики, XII—XIII вв. Тем же временем датируется вся подъемная керамика. Таким образом, городище Калалык в целом относится к хорезмшахскому периоду.

Следующим обследованным во время маршрута памятником является городище Топрак-кала, расположенное в 20 км к северу от городища Калалык. Оно было открыто и нанесено на археологическую карту во время маршрутных работ Хорезмской экспедиции АН СССР в 1946 г. Тогда был снят схематический план городища, сделаны его описание и сбор подъемного материала. В 1959 г. памятник обследовался Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции¹⁴. Краткие сведения о Топрак-кале опубликованы Я. Г. Гулямовым¹⁵. Памятник (рис. 5) расположен на пустынной равнине на краю культурной зоны. Равнина в районе городища в целом ряде мест прорезана глубокими дельтовыми руслами недавнего происхождения.

Городище построено на вершине невысокого плоского холма, сложенного из желтоватых и зеленоватых глин. Стены его сейчас имеют вид высоких оплывших глинистых валов, в плане представляющих неправильный пятиугольник. Признаков, указывающих на наличие башен, нет. Место вероятного входа в городище угадывается по глубокому понижению, имеющемуся в южной стене. Общая площадь, занимаемая памятником, немного более 0,5 га. Внутреннее пространство плоское, слегка покатое с юга на север. К северной стене примыкает большое плоское подпрямоугольное возвышение, вероятно, остатки большого здания. Следов каких-либо других планировок на поверхности проследить не удастся. Почти все внутреннее пространство городища занято мусульманским кладбищем. По периметру памятник опоясывает хорошо сохранившийся до настоящего времени ров.

От подошвы склона к югу тянется цепочка глинистых бугров разного размера.

Вся внутренняя территория городища, склон холма, бугры и пространство между ними покрыты редкими россыпями фрагментов керамики, кусками битого жженого кирпича. Размеры сохранившихся экземпляров — 20 × 20 × 4, 21 × 21 × 3,5 и 30 × 30 × 4 см. Качество выделки

¹⁴ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 27.

¹⁵ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 154.

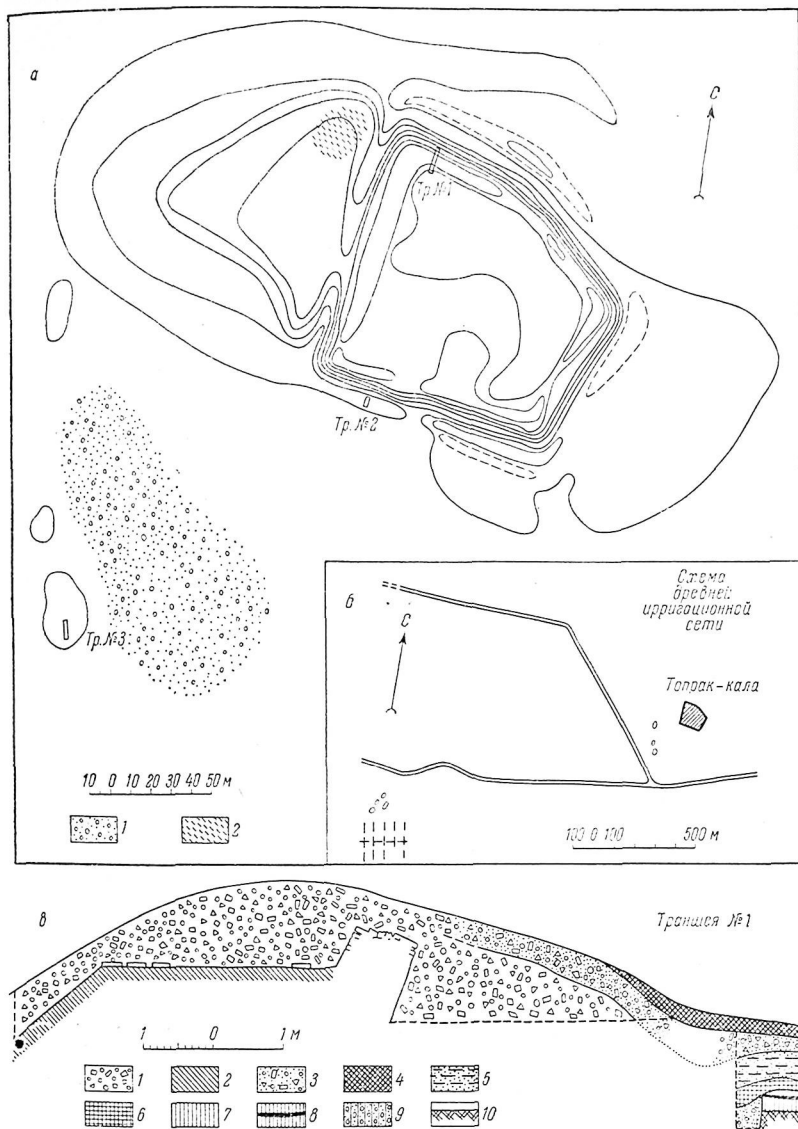

Рис. 5. Топрак-кала Куйуградская.

а — план; 1 — редкие россыли керамики; 2 — завал шлаков; б — схема древней ирригационной сети; в — разрез по траншее 1; 1 — кирпичный завал (осастки стены); 2 — пахсоный доколь; 3 — кирпичный завал с глинистыми натеками; 4 — слой глинистых намылов с прослойками золы; 5 — рыхлый глинистый слой с золой и древесными углями; 6 — суглинок желтого цвета; 7 — глина плотная, светло-серого цвета; 8 — черный углистый слой; 9 — заполнение ямы (комья глины, керамика, кости); 10 — материк

кирпичей невысокое, часто они покороблены. Кроме этого, на самом городище нами найдены немногочисленные обломки облицовочных плиток из ганча с резным узором на них. На склоне холма довольно много керамических шлаков, особенно большое скопление их у северо-западного угла городища.

Нами были заложены три траншеи. Траншея 1 (рис. 5, в) прорезала северную стену городища. В результате ее закладки выяснилось, что стены городища возведены на мощном пахсовом цоколе, фасадная часть которого крутым склоном спускается в глубокий ров. К внутренней вертикальной плоскости цоколя прислонена такая же стена, поднимающаяся над ним. Пространство между ними плотно забито строительным мусором. Построенная таким образом стена имеет толщину 4 м. На южном конце траншеи у основания стены был заложен шурф размером 100×100 см, прорезавший культурные отложения мощностью до 1,4 м. Было обнаружено два культурных слоя, отделенных стерильной прослойкой один от другого. Хронологическое различие между ними установить не удалось. Анализ материала, извлеченного из шурфа, позволяет определить общую дату для всех его напластований — от XII до XIV в.

Траншея 2 длиной 3 м и шириной 1 м была заложена во рву у основания южной стены городища и доведена до материка. При ее закладке вскрыты очень характерные для стоячих вод отложения, подтвердившие наличие рва вокруг городища.

Траншея 3 заложена на самом большом из бугров, находящихся к юго-западу от городища. Длина ее 10 м, ширина 1 м. Установлено, что на бугре естественного происхождения было построено здание из сырцового кирпича размером $35 \times 35 \times 8$, $40 \times 40 \times 6$ и $35 \times 30 \times 6$ см. Полученная из траншеи хорезмийская керамика позволяет датировать его XII—XIV вв.

К западу от городища имеется еще несколько аналогичных бугров с подобной же керамикой. Это позволяет предполагать существование за стенами городища неукрепленного поселения, датированного XII—XIV вв., т. е. одновременного Топрак-кале.

В районе Топрак-калы сохранились остатки ирригационной сети. В 200—250 м к югу от городища на плоской равнине хорошо прослеживается ложе большого древнего канала. К востоку оно выходит на современные культурные земли и теряется в них, к западу заметно хорошо и на большом протяжении. В 200—250 м к юго-западу от Топрак-калы канал разделяется на два ответвления; оба они идут по направлению к мысу Даут-ата, потом следы их исчезают, теряясь в более поздних руслах.

У южного ответвления, недалеко от места, где следы канала исчезают, находится несколько бугров с керамикой, по внешнему виду аналогичных буграм у Топрак-калы. К югу от этих бугров сохранились остатки планировок древних полей в виде сети больших прямоугольников, очень слабо выделяющихся в рельефе, но отличающихся окраской: светло-серые прямоугольники ограничены неглубокими понижениями красноватого цвета. В 1—1,5 км к западу от Топрак-калы начинают прослеживаться следы другого большого канала, вероятно магистрального, идущего вдоль чинка по направлению к урочищу Томар-куль, в котором опять образуется разветвленная ирригационная сеть.

Все каналы имеют вид невысоких глинистых валов с понижением на их середине. Ширина этого понижения 6—8 м, расстояния между подошвами валов, являющихся остатками береговых отвалов, 22—24 м, высота валов над равниной 0,8—1,0 м.

На буграх, ирригационной системе, на полях и на самом городище было собрано довольно много фрагментов керамики. Рассмотрение подъемного материала, найденного на городище Топрак-кала, позволяет выделить небольшую группу керамики, датированную IX—XI вв. Ни в одной

из траншей, заложенных на городище, подобной керамики не обнаружено.

Многочисленными экземплярами представлена керамика следующей хронологической группы — XII—XIV вв. Аналогичная керамика была найдена в траншее на городище и на буграх, расположенных рядом с ним.

Таким образом, мы можем отнести все зафиксированные нами постройки Топрак-калы и на буграх рядом с ней к XII—XIV вв. Керамику IX—XI вв. связать с какими-либо слоями или сооружениями на городище на данном этапе исследований не представляется возможным.

Анализ подъемного материала с ирригационной системы, полей и находящихся на них бугров позволяет выделить те же две хронологические группы, что и на городище.

В результате рассмотрения всего описанного выше материала городище Топрак-кала предстает перед нами как отдельная небольшая сильно укрепленная крепость, окруженная со всех сторон неукрепленными сельскими поселениями, ирригационной сетью и полями. Иными словами перед нами типичная средневековая сельскохозяйственная округа-рустак, в которую, по-видимому, входили все земли, базировавшиеся на описанном выше двойном канале.

Поскольку в траншеях, заложенных на городище, был выявлен лишь слой XII—XIV вв., залегающий на материке, материал IX—XI вв. вряд ли относится к самому памятнику, а является, вероятно, показателем того, что рустак возникает в период IX—XI вв. Его центр, Топрак-кала, строится позднее, в XII—XIV вв.

Вслед за Я. Г. Гулямовым¹⁶ мы считаем возможным отождествить Топрак-калу с древним населенным пунктом Куджаг, единственное упоминание о котором имеется у арабского географа ал-Истахри¹⁷.

В 8—10 км к северу от Топрак-калы была обнаружена группа городищ, названных нами по имени урочища, где они расположены: Томар-кала 1, Томар-кала 2 и Томар-кала 3.

Следы человеческой деятельности были обнаружены повсюду между Топрак-калой и урочищем Томар-куль. Как уже отмечалось выше, западнее Топрак-калы под чинком плато Устюрт по плоской равнинной местности тянется большой сухой древний канал. Вдоль канала по обе его стороны постоянно встречаются большие и малые бугры с редкими находками керамики на них, ответвления, отходящие в обе стороны от основного русла, а также слабые следы полей в виде нечетко прослеживаемых длинных прямоугольников. В урочище Томар-куль, расположенном в 7 км к северу от мыса Даут-ата, вся эта ирригационная система (рис. 6, в) сохранилась лучше всего, здесь же сконцентрировано и наибольшее количество развалин. Наиболее крупными из них являются городища Томар-кала 1, 2 и 3.

Севернее урочища древний канал входит в современную культурную зону и его следы теряются.

Городище Томар-кала 1 (рис. 6, а) расположено на плоской полузасохшей пустынной равнине. Городище приподнято над окружающей равниной на высоту до 1,5 м и в плане представляет собой фигуру, подобную параллелограмму. Стены имеют вид сильно оплывших широких валов. На внешней стороне южной стены есть значительный округленных очертаний выступ, вероятно, являющийся остатком портала входа. Внутреннее пространство городища — это ровная, слегка понижающаяся к центру

¹⁶ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 154.

¹⁷ Ал-Истахри. Китаб месалик ал-мемалик. МИТТ, т. I, стр. 179.

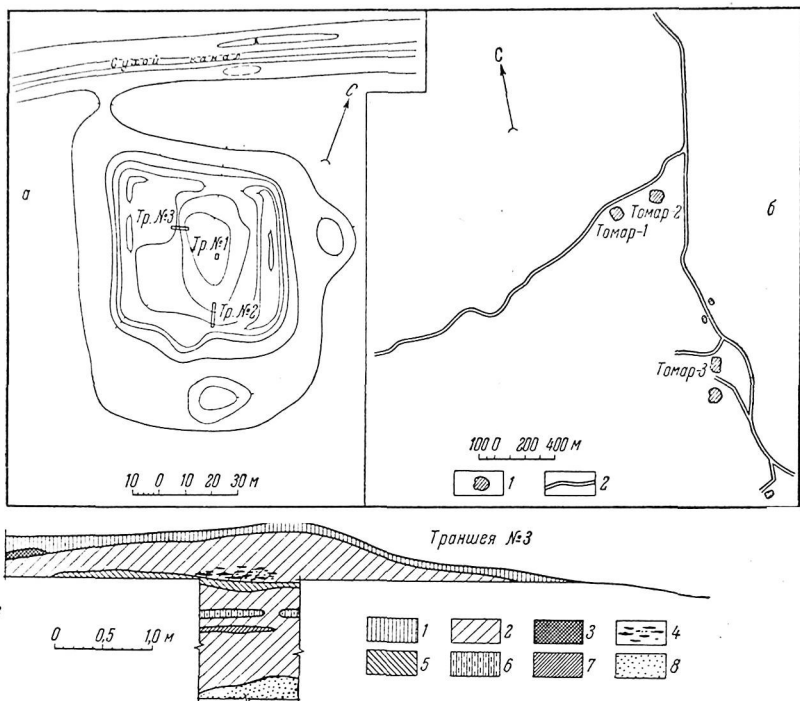

Рис. 6. Археологические памятники урочища Томар-куль.

а — Томар-кала 1, план; **б** — ирригационная система; 1 — городища и развалины отдельных зданий 2 — древние каналы; **в** — разрез траншеи 3; 1 — рыхлый разрушающийся слой суглинка; 2 — суглинок плотный, коричневый, с включением угольков, известковых пятен и отдельных фрагментов керамики и костей животных; 3 — зола с глиной; 4 — древесные угли; 5 — суглинок мягкий, серо-коричневый, с включениями угольков, керамики и костей; 6 — суглинок рыхлый, зеленоватого цвета; 7 — зола; 8 — аллювий, мелкозернистый, серый

поверхность. В северо-западном углу находится подпрямоугольное возвышение размером приблизительно 20×18 м, очевидно, являвшееся остатком какого-то здания. С внешней стороны городища напротив середины восточной и южной стен находятся невысокие овальные бугры, также являющиеся остатками каких-то построек. Общая площадь, занимаемая памятником, — менее 1 га.

Особенности микрорельефа позволяют предполагать наличие рва, ооясывавшего памятник и оба прилегающих к нему бугра. К рву подходит большое, хорошо сохранившееся до настоящего времени русло сухого канала, проходящего в широтном направлении вдоль северной стены городища на расстоянии 25—35 м от нее.

На памятнике были заложены три траншеи: в центре городища (1), на внутреннем склоне южной стены (2) и на восточном склоне подпрямоугольного возвышения в северо-западном углу городища (3). С помощью траншей предполагалось выяснить характер культурных напластований и построек, а также получить материал для датировки памятника.

В траншее 1 обнаружены стерильные суглинистые напластования, походящие на мощный слое серого с отдельными ржавыми пятнами аму-

дарьинского аллювия. Лишь в самом верхнем слое траншеи почти на поверхности обнаружены следы золы и древесного угля. Указанные остатки не являются древними. На поверхности памятника сохранились следы недавно стоявших здесь юрт. О существовании на городище несколько лет тому назад небольшого аула говорили и опрошенные нами местные жители. Траншея 1 позволила установить, таким образом, незастроенность и отсутствие следов культурных отложений в центре городища.

Траншея 2 показала, что стена, окружавшая городище, была построена из пахсы. Пространство под стеной было не застроено, однако, оно как-то использовалось, о чем свидетельствует слой пылеватой супеси с редкими включениями углей и фрагментов керамики. Начинаясь прямо под стеной, слой на некотором расстоянии от нее выклинивается, дальше следует свободное от культурных настижений пространство, аналогичное зафиксированному при закладке траншеи 1. Таким образом, с помощью шурфа 2 выяснилось, из какого материала были сложены стены, и был определен характер культурного слоя у их основания. Немногочисленные фрагменты обнаруженной в траншее хорезмийской ремесленной керамики могут быть датированы XII в.

Траншеей 3 (рис. 6, в) был вскрыт культурный слой, мощность которого достигает 1,6—1,7 м. Слой состоит из уплотненного коричневого цвета суглинка с многочисленными зольными и углистыми прослойками зеленой пористой глины, включениями древесных углей, фрагментов керамики и костей животных. Стратиграфически слой представляет собой единое целое. Подстигается вся эта толща культурных отложений серым аму-дарьинским аллювием с отдельными ржавыми пятнами. Следов каких-либо конструкций при закладке траншеи 3 не обнаружено.

В слое найдено довольно много керамики. Имеются фрагменты сосудов как изготовленных на гончарном кругу, так и лепных. Последние представлены невыразительными обломками стенок. Ремесленная керамика желтоглиняная, красноглиняная и сероглиняная. Имеются отдельные фрагменты поливных сосудов. Материал, извлеченный из шурфа, в целом датируется XII в. Анализ керамики, поднятой на городище, позволяет установить для нее ту же дату.

Подводя итоги рассмотрения материала, собранного на городище Токмар-кала 1, можно сделать следующие выводы:

1. Полное отсутствие в траншее и среди подъемного материала фрагментов жженого кирпича и установленное при закладке траншеи 2 применение пахсы свидетельствуют о преимущественном использовании последней при возведении оборонительных стен и построек городища. Вероятно, наряду с пахсой использовался и сырцовый кирпич.

2. Материал, полученный при изучении напластований, вскрытых в траншеех, показывает, что внутреннее пространство городища было незастроенным, постройки (или постройка) обнаружены только в северо-западном углу городища. Учитывая малую площадь памятника и характер его застройки, можно предполагать, что это развалины укрепленной сельской усадьбы, внутреннее незастроенное пространство которой использовалось, возможно, как загон для скота.

3. Анализ материала, извлеченного из шурфа, и подъемного материала позволяют датировать памятник XII веком.

4. Наряду с употреблением высококачественной поливной и неполовной посуды, являющейся несомненно продукцией городских ремесленников, в быту обитателей усадьбы использовалась лепная посуда домашнего производства.

В 120—130 м к востоку от городища Томар-кала 1 располагается городище Томар-кала 2. Памятник имеет подпрямоугольную в плане форму и занимает площадь около 1 га. На середине его восточной стены есть большой округлый выступ, может быть, как и на городище Томар-кала 1, являющийся остатками башни.

У середины южной стены находится оплывший выступ подпрямоугольных в плане очертаний, обращенный внутрь двора. Заложенный на нем шурф показал наличие культурного слоя, чрезвычайно бедного находками. Внутреннее пространство городища представляет собой совершенно плоскую глинистую площадку без малейших следов каких-либо сооружений. Как показывает анализ микрорельефа, городище было окружено рвом, соединявшимся у его северо-западного угла с большим ныне сухим каналом, проходящим в обратном направлении в 15—20 м от северной стены городища.

Анализ рельефа показывает, что перед нами памятник, совершенно аналогичный городищу Томар-кала 1, т. е. сельская укрепленная усадьба с незастроенным двором и небольшим жилым зданием.

Собранная на городище керамика представлена почти исключительно фрагментами сероглиняных горшков со штампованным орнаментом, аналогичным тому, который украшает горшки, извлеченные из траншеи 1 городища Томар-кала 1. Подобные сосуды датируются в Хорезме XII—XIV вв. Однако, поскольку оба памятника, как явствует из их топографии, представляют собой единый комплекс, городище Томар-кала 2 так же, как и городище Томар-кала 1, можно датировать XII в.

В 1 км к югу от Томар-кала 1 и 2 находится третье подобное им городище — Томар-кала 3, гораздо более разрушившееся, чем первые два. Собранная на нем керамика аналогична керамике, найденной на Томар-кала 1 и 2, и датируется тем же временем.

Помимо трех описанных городищ в урочище имеется несколько больших и малых бугров, являющихся остатками отдельных неукрепленных построек. Судя по найденной на них керамике они датируются так же, как и три большие городища. И городища и бугры располагаются непосредственно у магистрального канала или у его ответвлений. Причем интересно то, что все большие городища расположены в головах крупных ответвлений от магистрального канала.

В 12—13 км к северо-востоку от урочища Томар-куль находится огромное городище Бограхан. Так же, как и Топрак-кала, оно было открыто и нанесено на археологическую карту в 1946 г. во время маршрутных работ Хорезмской экспедиции. Тогда же был произведен сбор подъемного материала и сделано общее описание городища. В 1959 г. оно обследовано Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции¹⁸. Краткие сведения о памятнике опубликованы Я. Г. Гулямовым¹⁹. Памятник состоит (рис. 7, а) из цитадели, шахристана и огромного неукрепленного рабада. Цитадель сохранилась в виде сравнительно небольшого на 2,5 м поднимающегося над уровнем шахристана плоского возвышения, примыкающего изнутри к середине северо-восточной стены шахристана.

Шахристан в плане подпрямоуголен. Углы его ориентированы по сторонам света. Стены сохранились в виде сильно оплывших валов, поднимающихся над уровнем окружающей равнины на высоту 3—4 м. Прямоугольная форма шахристана нарушена тем, что северный угол его как бы вдавлен внутрь. Общая площадь памятника 4 га.

¹⁸ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 27

¹⁹ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 151—152.

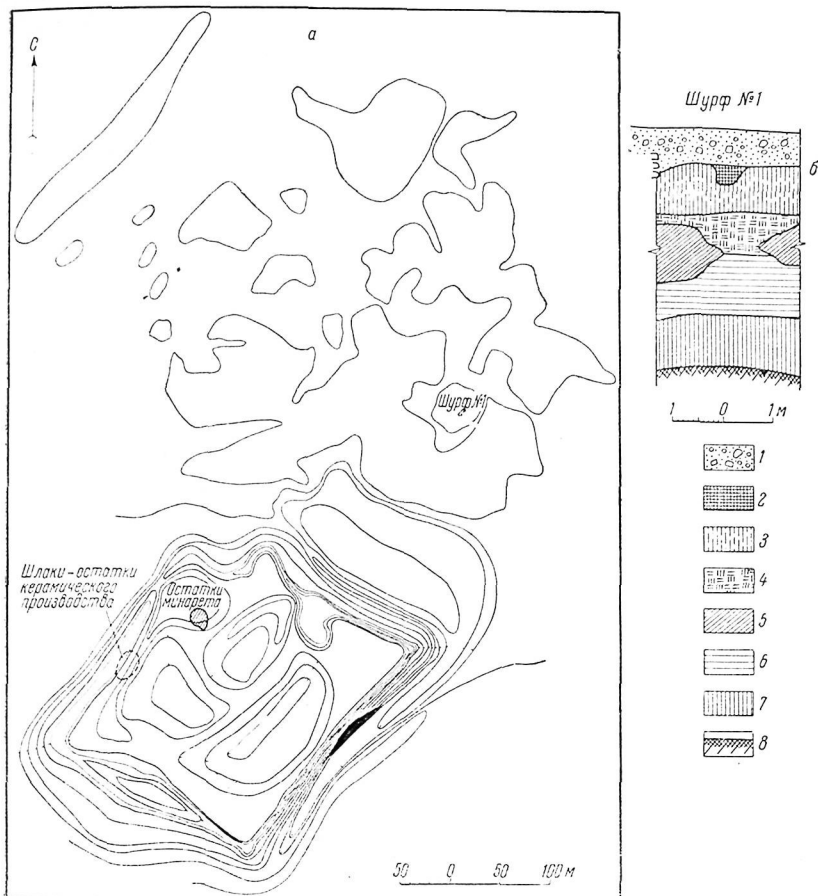

Рис. 7. Городище Бограхан.

а — план; б — шурф № 1 на городище Бограхан; 1 — глинистый сильно засоленный слой с включениями древесных углей и обломков жженных кирпичей; 2 — скопление золы, углей и прокаленных комьев глины; 3 — мягкий глинистый слой с отдельными включениями древесных углей и керамики; 4 — культурный слой зеленого цвета с большим содержанием древесных углей, керамики, костей; 5 — плотная аморфная глина; 6 — глинистый культурный слой желтого цвета с большим содержанием древесных углей, фрагментов керамики, костей животных, с отдельными прослойками серого аллювия в нижней части; 7 — плотная темная глина с отдельными включениями древесных углей; 8 — материк (серый амударынский аллювий)

В 40 м к югу от северного угла в северо-западной стене имеется резкое понижение, разрывающее стену и указывающее на место бывших ворот шахристана. У ворот с внешней стороны стен памятника сохранились остатки строений, вытянутых сплошной полосой к северо-западу от ворот на 80—100 м. Вероятно, эти развалины являются остатками базарных зданий, поскольку известно, что базары в средневековых городах Средней Азии обычно располагались у ворот.

Восточный и южный углы шахристана были укреплены башнями, сохранившимися сейчас в виде округлых выступов. Следует отметить общую

примитивность оборонительной системы Бограхана по сравнению с укреплениями синхронных памятников Хорезма.

Вся внутренняя площадь городища имеет следы сплошной застройки, сохранившейся сейчас в виде низких плоских бугров, покрывающих большую часть пространства, ограниченного стенами шахристана. Из-за сильной разрушенности построек проследить без раскопок характер планировки памятника не удалось.

Вдоль юго-восточной стены шахристана тянется плоская, пониженная до уровня окружающей равнины полоса, на которой следы застройки отсутствуют. Примерно у середины северо-западной стены с ее внутренней стороны сохранились следы гончарного производства в виде россыпи керамических шлаков. У этой же стены, ближе к северному углу шахристана, высятся большой, до 5 м в высоту, конической формы бугор, состоящий из битого обожженного кирпича. Диаметр бугра по основанию 18—20 м. Не исключено, что бугор является остатком минарета. Так же определяет этот бугор и Я. Г. Гулямов. У минарета он помещает развалины «...большого здания XI—XII вв. по-видимому, соборной мечети»²⁰.

Судя по большому количеству обломков жженого кирпича, обломков блоков из тесаного белого камня и обломков фасонных архитектурных деталей, сделанных из этого же камня, — все эти материалы широко применялись в постройках шахристана.

На шахристане, помимо находок строительных материалов, обычны находки фрагментов керамики, стекла и т. п., датирующиеся IX—XIV вв.

С севера за стенами шахристана раскинулся огромный неукрепленный рабад, занимающий площадь около 25 га. Рабад представляет собой скопление совершенно оплывших плоских бугров, в расположении которых не прослеживается никакая системы. Бугры имеют высоту над окружающей равниной не более 1 м. Некоторые из них стоят особняком, другие сливаются друг с другом. И отдельно стоящие бугры и слившиеся настолько велики, что, вероятно, представляют развалины не отдельных зданий, а целых комплексов построек, планировка которых нигде без раскопок не устанавливается. Подъемный материал представлен только обломками жженого кирпича. Судя по этим довольно многочисленным находкам, жженный кирпич был строительным материалом, часто применявшимся при возведении зданий рабада.

С северо-запада рабад огражден плоским, сильно оплывшим глинистым валом, имеющим длину 280 м и являющимся, вероятно, остатком дамбы, защищавшей город от затопления паводковыми водами.

Все высокие места как шахристана, так и рабада, заняты мусульманским, существующим до настоящего времени, кладбищем.

На одном из бугров южной части рабада недалеко от северной стены шахристана был заложен шурф размером 300 × 100 см. Шурф доведен до материка. Мощность вскрытых культурных отложений около 2,5 м.

Керамика, в изобилии встречающаяся во всех слоях шурфа за исключением слоя I, представлена характерными формами хорезмийской ремесленной посуды. Датирующими являются фрагменты желтоглиняных и красноглиняных кувшинов²¹ (рис. 8, 7, 10), хумов с гребенчатым орнаментом²² (рис. 8, 8), поливных мисок с эпиграфическим орнаментом²³ (рис. 8, 2, 5) и лених сферической формы крышек с блоковидной ручкой²⁴ (рис. 8, 3, 9). Все перечисленные формы были распространены в Хорезме IX—XI вв. Особого упоминания заслуживает находка большой

²⁰ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 152.

²¹ Аналогии см.: Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 276—278, рис. 2, 3, 4, 6, 7, 8, рис. 18, 8, 9, 13, 14.

²² Там же, стр. 274, рис. 1; Е. Е. Неразник. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 376.

²³ Аналогии см.: Н. Н. Вактурская. Указ. соч., рис. 13.

²⁴ Там же, стр. 280—281, рис. 5, 6, 8.

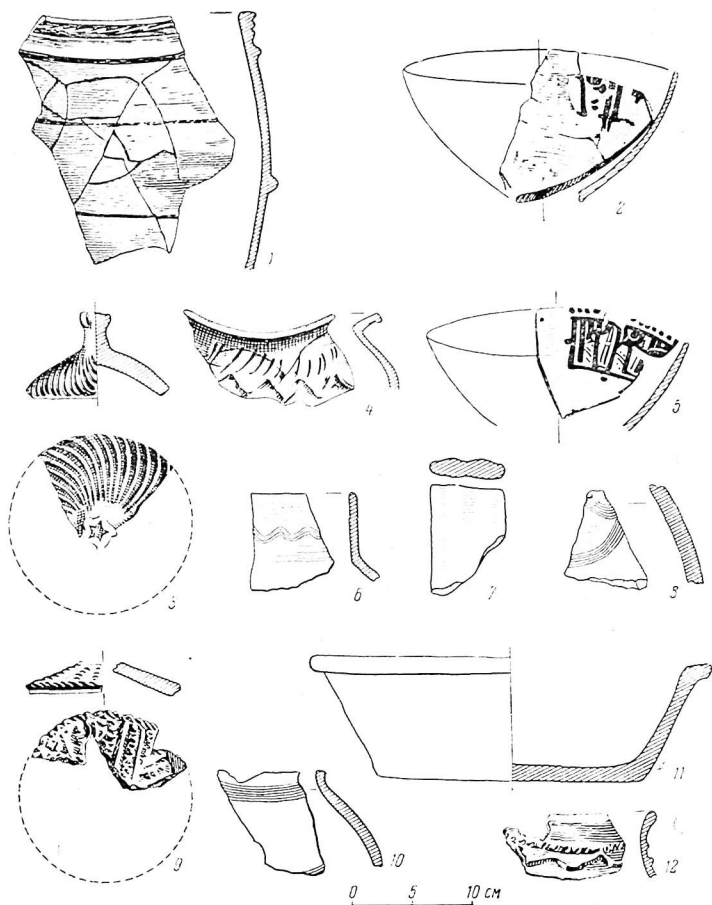

Рис. 8. Керамика городища Бограхан (шурф 1).

плоскодонной конической формы миски с полочковидным венчиком (рис. 8, 11), изготовленной на гончарном круге из хорошо перемешанного теста. Цвет черепка в изломе желтый. По форме сосуд находит аналогию с хорезмийской керамикой XII—XIV вв.²⁵ Однако, в этот период подобные миски имеют серый цвет черепка в изломе. Желтый цвет теста характерен для IX—XI вв. Видимо, описанный сосуд является своеобразной переходной формой, датирующейся XI—XII вв.

II, наконец, следует отметить находку сосудов баночной формы (рис. 8, 1), датируемых XII—XIV вв. по аналогиям с керамикой средневековых памятников Хорезма²⁶. Комплексе керамики, извлеченной из

²⁵ Там же, стр. 312, рис. 25, 3.

²⁶ Там же, стр. 313, рис. 25, 2.

шурфа, скорее всего относится к XI—XII вв. Рассмотрение всей совокупности подъемного материала с городища Бограхан и керамики, взятой из шурфа, позволяет датировать памятник в пределах IX—XII вв.

Городище Бограхан мы считаем возможным отождествить с населенным пунктом Мазминия (Мадкаминия или Бадминия), о котором упоминают ал-Истахри²⁷, ал-Мақдиси²⁸, а также персоязычный аноним «Худуд ал-алем»²⁹.

Кроме того, мы считаем возможным отождествление с Мазминией селения Берабид, о котором упоминает Ибн-Русте³⁰. Основанием для этого служат те топографические указания, которые дает Ибн-Русте относительно местоположения селения Берабид³¹.

Сведения письменных источников с Мазминии и Берабиде неоднократно рассматривались В. В. Бартольд³², однако, он не делал никаких попыток локализовать их. В большинстве случаев подобные попытки во времена В. В. Бартольда были бы безрезультатными в связи с тем, что археологически территории по нижнему течению р. Аму-Дарьи были совершенно не изучены. Впервые попытку локализации Мазминии предпринял Я. Г. Гулямов³³.

На расстоянии 36—37 км к западу от городища Бограхан находится еще один крупный археологический памятник — Пулжай. Археологами он был открыт в 1946 г. во время маршрутных работ Хорезмской экспедиции АН СССР. Тогда же с его поверхности был собран подъемный материал, проведено описание и снят схематический план крепости. Краткие итоги этого обследования были опубликованы Я. Г. Гулямовым³⁴.

Памятник состоит из нескольких частей. На краю плато Устюрт находятся развалины башни. От башни вниз идет пологий склон, оканчивающийся отвесным обрывом высотой в 15—20 м. Над самым обрывом на мысу находится крепость (рис. 9, а). Внизу за обрывом простирается огромная дельтовая равнина. Прямо под обрывом мыса, на котором расположена крепость, раскинулось огромное неукрепленное поселение. Башня на плато по конструкции и назначению аналогична многим другим башням, встречающимся по чинку Устюрта от Аральского моря до Сарыкамышской впадины³⁵. Башня была сложена из тесаного камня. В настоящее время она совершенно разрушена и представляет собой довольно высокую квадратную в плане грудку тесаных каменных блоков и их обломков.

Крепость, сохранившаяся гораздо лучше, имеет в плане очертания квадрата, длина ее стороны равна 75 м. Площадь, занимаемая ею, несколь-

²⁷ Ал-Истахри. Указ. соч., стр. 178.

²⁸ Ал-Мақдиси. Ахсан-ат — Такасим фи-мáрифат ал-акалим. МИТТ, т. I, стр. 187.

²⁹ Худудал-алем. МИТТ, т. I, стр. 216.

³⁰ Ибн-Русте. Китаб ал-алак ан-нафиса. МИТТ, т. I, стр. 150.

³¹ Следует отметить, что переводчики сомневаются в правильности чтения этого названия и высказывают предположение, что это, возможно, то же, что и Баратегин других авторов (см.: МИТТ, т. I, стр. 150, сноска 6). Однако, анализ топографических сведений, сообщаемых Ибн-Русте, позволяет сомневаться в правильности подобного предположения.

³² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 151, 153; он же. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. «Известия Туркестанского отдела РГО», т. IV, Ташкент, 1902, стр. 32—33; он же. К истории орошения Туркестана, стр. 84, 85.

³³ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 152.

³⁴ Там же, стр. 153—154.

³⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 249.

ко менее 1 га. На внутреннем пространстве крепости местами сохранились следы планировок в виде невысоких бугров и всхолмлений. Стены крепости сильно разрушены и превратились сейчас в высокие глинистые валы. Все четыре угла и середина каждой из стен укреплены башнями, сложенными из пахсы. Башни на стенах, полукруглые в плане, сохранились гораздо хуже угловых, овальных в плане. Место въезда в крепость в настоящее время определить уже невозможно. Две стены крепости, обращенные к плато, огибают глубокий ров, выбитый в скальном грунте мыса, и высокий вал, расположенный перед ровом. Судя по большому количеству каменных тесаных плит, разбросанных по территории крепости, они широко применялись при ее возведении. Кроме тесаного камня, в строительстве использовались пахса, сырцовый и жженный кирпич; сохранившиеся экземпляры последнего имеют размеры $22 \times 22 \times 4$ см.

Подъемный материал, обнаруженный на территории крепости, беден. Помимо уже называвшихся каменных плит и кирпичей найдены фрагменты ремесленной керамики, как поливной, так и неполивной. Вся найденная на крепости керамика представлена типичными хорезмийскими формами IX—XIV вв. Следует отметить также находку бронзовой кованой ложки с длинной витой ручкой.

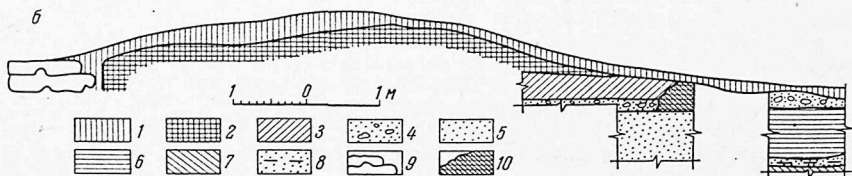
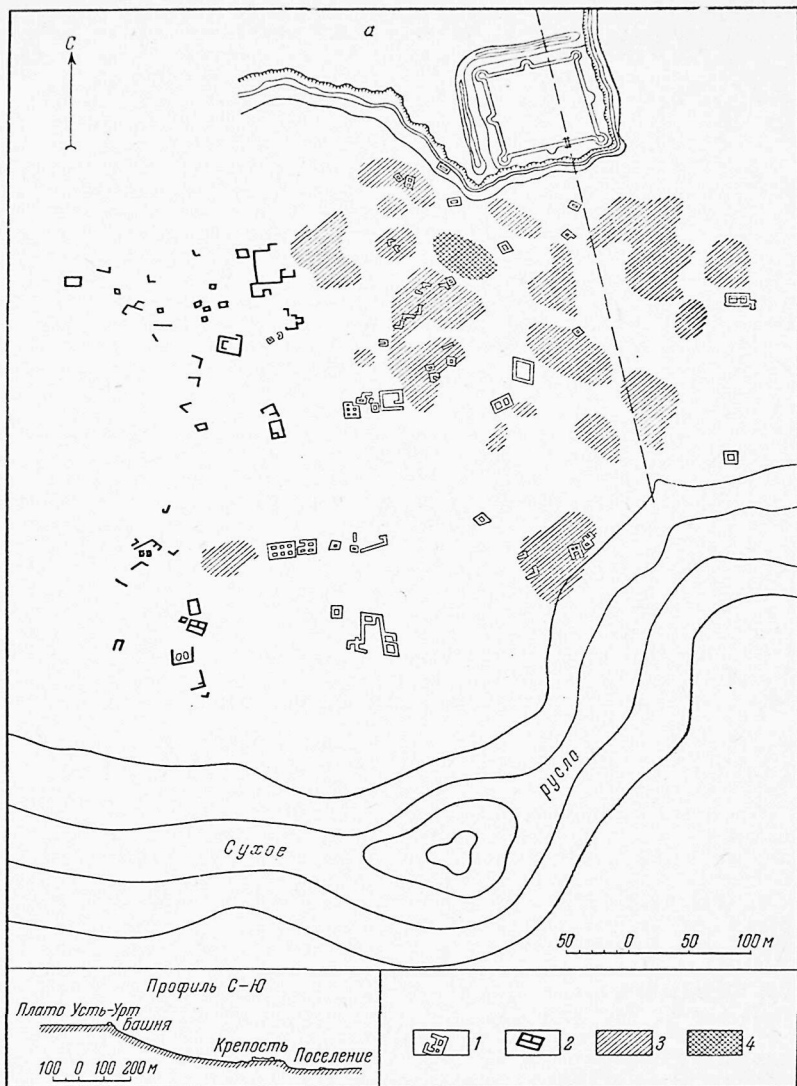
Неукрепленное поселение, раскинувшееся на равнине под крепостью, в настоящее время сохранилось в виде слегка всхолмленного пространства, усыпанного фрагментами керамики, стекла, металла, обломками каменных тесаных плит, жженого кирпича и т. д. Все это пространство занято развалинами различных построек. В большинстве случаев они разрушены до основания и представляют собой просто большие участки развеемого культурного слоя. Однако, в ряде мест удается проследить планировку древних построек, иногда частично, а иногда и полностью. На юге поселения проходит, выдерживая общее широтное направление, широкое сухое русло. На западе оно «впадает» в соленое озеро Караумбет, на востоке входит в зону разрушающихся такыров и теряется в них. Об одновременности этого русла и поселения свидетельствует тот факт, что целый ряд развалин построек находится непосредственно на береговом склоне русла.

Большие россыпи морских раковин *Cardium edule* на всей площади поселения и в русле свидетельствуют о том, что в прошлом эта территория была затоплена морем, в результате чего поселение и оказалось разрушенным (размытым) до основания. Следы развалин прослеживаются на протяжении многих километров к югу и востоку от поселения.

Планировка поселения беспорядочна, однако, удается выделить отдельные его части — ремесленную, жилую, некрополь. Остатки квартала гончаров прослеживаются к югу от крепости, где находится большое скопление керамических шлаков среди выходов культурного слоя, местами прокрасленного до красноты. Восточнее квартала гончаров большой участок развеемого культурного слоя, в котором найдено несколько фрагментов каменных жерновов и один огромный жернов, сохранившийся полностью.

Значительная часть поселения занята жилыми постройками. Их остатками являются обширные участки развеемого культурного слоя, а также постройки, планировка которых сохранилась частично или полностью, если нижняя часть здания была возведена из тесаного камня. В этом случае культурный слой в помещениях обычно смыт и развеян, однако, керамика, находившаяся в нем, осталась лежать внутри помещений.

Помимо тесаного камня, при строительстве жилых сооружений применялся кирпич как сырцовый, так и жженный. Размеры отдельных экземпляров последнего — $23 \times 22 \times 4$ и $22 \times 22 \times 4$ см. Таких же размеров жженный кирпич в сооружениях некрополя и крепости. Сырцовый кирпич обычно применялся для возведения внутренних перегородок. Найдены каменные базы колонн и фрагменты облицовочных плиток с голубой поливой.

Постройки состоят из прямоугольных помещений, число которых колеблется от 2 до 15.

Анализ подъемного материала со всей территории памятника позволил установить его общую дату — от IX до XIV в.

Весьма интересные результаты дало рассмотрение подъемного материала, найденного на отдельных сооружениях. Как уже отмечалось выше, оставшийся фундамент позволяет в ряде случаев «прочитать» планировку построек, а содержимое культурного слоя дает возможность судить о характере слоев, заполнявших помещения.

Нами, например, были определены два отдельных дома, снята их планировка и по помещениям собран подъемный материал. Анализ его позволил установить одновременность домов и датировать дом 1 хорезмшахским временем, а дом 2 — золотоордынским временем.

С запада поселения широкой полосой тянутся погребальные сооружения. Общая планировка могильника совершенно бессистемна. Погребальные сооружения представляют собой прямоугольные ограды, сложенные в основании из больших блоков тесаного камня. Иногда ограда ограничивается одним прямоугольником, иногда состоит из целой системы прямоугольников различного размера. При строительстве этих оград часто применялся фигурно обработанный камень. Фрагменты таких архитектурных деталей в изобилии разбросаны по территории некрополя.

Внутри оград расположены многочисленные могилы, сейчас сохранившиеся в виде невысоких прямоугольных в плане глинистых возвышений или обозначающиеся на поверхности пятном, также прямоугольным в плане.

Встречаются и одиночные могилы без всяких оград. Надгробия на могилах сооружались из различных материалов. Часть могил была закрыта каменными плитами, часть построена из сырцового кирпича, после разрушения которого остались невысокие глинистые возвышения. Многочисленные грунтовые бугорки, разбросанные по всему кладбищу, свидетельствуют о существовании простых земляных насыпей. Остатки подобных насыпей преобладают, их здесь многие сотни. Длинная ось всех надгробий ориентирована по линии юго-восток — северо-запад.

Анализируя общую планировку Пулжайского могильника, нельзя не отметить и такой резко бросающейся в глаза детали, как наличие, во-первых, — богатых комплексов захоронений, находящихся в пределах одной ограды («ограда» — условно, т. к. возможно, что эти сооружения имели перекрытия) или в пределах целой системы оград, лежащих одна к другой, и, во-вторых, — отдельных захоронений. Планировка могильника в целом и его отдельных сооружений дает новый материал для суждения о некоторых сторонах общественных отношений, существовавших у населения Пулжая.

Как уже указывалось, значительное количество погребений представлено целыми группами, объединенными одной оградой или целой системой их. Если обратиться к современному этнографическому материалу, можно легко убедиться в наличии подобного рода погребальных сооружений и

Рис. 9. Крепость и поселение Пулжай.

а — план; 1 — развалины жилых домов; 2 — развалины построек некрополя; 3 — участки интенсивно развееваемого культурного слоя; 4 — выходы горелых слоев; б — разрез траншеи 1; 1 — глинистые натеки (разрушающаяся пахса); 2 — пахсовая кладка крепостной стены; 3 — рыхлый глинистый завальный слой с отдельными золистыми линзами; 4 — плотный завальный слой с обломками сырцового кирпича; 5 — мягкий слой песка и битых сырцовых кирпичей с многочисленными включениями фрагментов керамики, костей и древесных углей; 6 — слой перегнивших органических остатков с прослойками золы, угля, фрагментами керамики и костей; 7 — материк (плотный, беловатый известняк); 8 — серый мелкозернистый песок с отдельными включениями древесных углей; 9 — грубо оббитые блоки известняка; 10 — каменная кладка

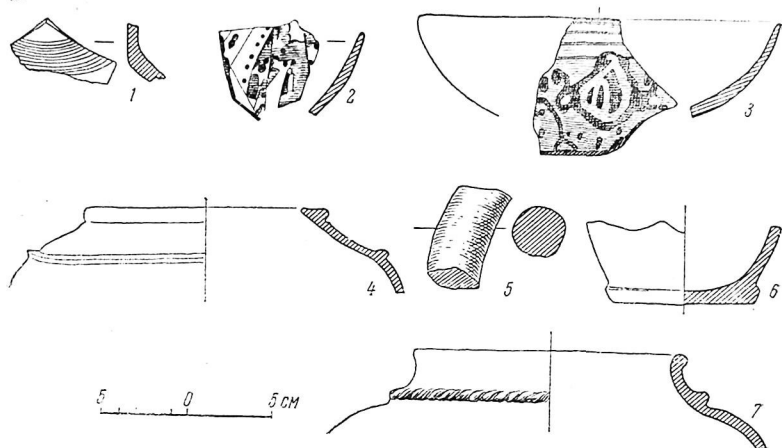

Рис. 10. Керамика из траншеи 1 крепости Пулжай.

у современного населения Хорезма — у узбеков³⁶ и у каракалпаков³⁷, в частности. Наибольшее сходство обнаруживают подобного рода захоронения с захоронениями на каракалпакских кладбищах, где в пределах одной ограды хоронили членов одной большесемейной общины. Иногда к первоначальной ограде пристраивалось постепенно еще несколько. Нечто подобное мы наблюдаем и на пулжайском могильнике.

Мы можем, таким образом, предполагать, что пулжайские погребения в оградах также являются усыпальницами, в которых хоронили членов большой группы людей, объединенных узами кровного родства и общим хозяйством и составляющих, видимо, большесемейную домовую общину. Сохранение ее «на всем протяжении истории феодального Хорезма» подчеркивает и С. П. Толстов³⁸.

Судя по богатству погребений, в «оградах» подобного рода она существовала лишь у наиболее зажиточной части населения Пулжая. Что касается более бедных слоев населения, то им, по всей вероятности, принадлежат многочисленные одиночные могилы с простыми земляными насыпями.

На крепости Пулжай была заложена траншея размером 11×2 м, под прямым углом пересекающая крепостную стену. В результате закладки траншеи были обнаружены остатки крепостной стены мощностью около 4 м. С внешней стороны у ее основания выявлена укреплявшая это основание кладка из огромных необработанных каменных плит. С внутренней стороны стены находится культурный слой, отделенный от материка прослойкой чистого песка. Здесь же была открыта кладка из кирпича-сырца размером $26 \times 26 \times 6$ см.

Культурный слой состоит из многочисленных прослоек золы, древесных углей, прослоек темной плотной глины, кусков пахсы, кирпича-сырца, костей, фрагментов керамики и т. д.

³⁶ Г. П. Снесарев. Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. КСИЭ, 1960, вып. 33, стр. 60—71.

³⁷ Пользуясь случаем, чтобы выразить благодарность аспиранту Института этнографии АН СССР Есбергенову Х., ознакомившему меня с материалами о погребальных обрядах у каракалпаков.

³⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 164.

Керамика преимущественно представлена маловыразительными обломками стенок сосудов. Однако, наряду с ними имеется и целый ряд определяющихся черепков. Датированными находками являются: фрагменты красноглиняных ремесленных кувшинов³⁹ (рис. 10, 1), фрагменты желтоглиняных ремесленных расписных чаш (рис. 10, 2, 3), облицованных тонким слоем прозрачной свинцовой поливы⁴⁰; фрагменты шаровидных сероглиняных ремесленных сосудов (рис. 10, 4), облицованных черным ангобом⁴¹, и обломок вертикальной круглой в сечении ручки сероглиняного кувшина⁴² (рис. 10, 5). Особенно интересна находка в траншее лепного сосуда (рис. 10, 7), сформованного из плохо промытого глиняного теста с примесями грубомолотого шамота. Обжиг произведен на костре. Внешняя поверхность сильно закопчена. Аналогии этому сосуду нам неизвестны, однако, поскольку он найден в слое, то он датируется так же, как и весь керамический комплекс, происходящий из этого слоя.

Аналогии описанной керамике позволяют датировать культурный слой, вскрытый в траншее, хорезмшахским временем. Этим же временем, видимо, следует датировать и крепость в целом.

Материалы, полученные в результате проведенного нами обследования, позволяют установить следующую схематическую историю развития всего памятника.

На базе имевшихся здесь протоков дельты Аму-Дарьи в IX—XI вв. возникает поселение, существование которого подтверждают фрагменты керамики этого времени, собранные на его месте⁴³. Поскольку данную керамику не удалось связать ни с одним из осмотренных нами остатков построек, вопрос о том, каким было это первоначальное поселение, остается открытым.

Значительное развитие поселения происходит в XII — начале XIII вв. Это связано с образованием огромной империи Хорезмшахов и общим подъемом экономической и культурной жизни Хорезма этого времени. В X в. начинается строиться мощная оборонительная система на северо-восточных рубежах государства⁴⁴. В последующие века она расширяется и совершенствуется. Одной из пограничных крепостей, видимо, и была возведенная в XII в. крепость Пулжай. Под защитой крепости у ее степ вырастает большой и оживленный город, занимавший очень выгодное географическое положение, так как он лежал на большой караванной дороге, связывавшей Среднюю Азию с Восточной Европой. Город, вероятно, имел немаловажное значение как посредник в торговле между степными племенами и оседлым земледельческим населением Хорезма.

На контакты с окружающими степными племенами указывает находка фрагмента лепного, видимо, нехорезмийского происхождения горшка в траншее на территории крепости, а также находки подобных сосудов на поселении.

Монгольское нашествие и крушение империи Хорезмшахов вносят значительные изменения в дальнейшую судьбу города. Изменение государственных границ сделало ненужной всю систему оборонительных сооружений, воздвигнутых хорезмшахами на северо-восточных рубежах своей империи. В связи с этим приходит в упадок и запустение крепость Пулжай. Однако, город продолжает жить и в золотоордынское время.

В конце XIV в. город разделяет общую судьбу Хорезма, разгромленного Тимуром. После этого разгрома пришла в упадок вся прилегающая

³⁹ Аналогии см.: Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 275, рис. 2, 4, 8.

⁴⁰ Аналогии см.: Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 286—293.

⁴¹ Там же, стр. 313—314, рис. 26, 1.

⁴² Там же, стр. 304—308.

⁴³ Наличие керамического материала этого времени было отмечено на Пулжае еще при первом его обследовании С. П. Толстовым (см. его работу «По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 238).

⁴⁴ Там же, стр. 249—250.

система, питающая районы левобережной дельты. Жизнь в этом когда-то густонаселенном районе прекращается.

Вслед за Я. Г. Гулямовым мы считаем возможным отождествлять Пулжай с древним селением Гит⁴⁵, название которого упоминают ряд средневековых авторов, писавших о Хорезме⁴⁶.

В 10—11 км к западу от городища Пулжай, у соленого озера Караумбет, на плоской слабо поросшей кустами саксаула равнине находятся развалины безымянного укрепления, названного нами Саксаул-сай-кала по имени урочища, где находится памятник. Городище расположено на южном берегу сухого русла в 1,5 км от чинка плато Устюрт.

Памятник очень плохо сохранился. Сейчас он выглядит как прямоугольник площадью 40 × 40 м, ограниченный низкими, менее 1 м в высоту глинистыми валами. Стены городища ориентированы по сторонам света. На валах найдено довольно много крупных известняковых обработанных плит, свидетельствующих о том, что при строительстве стен наряду с пахсой или сырцовым кирпичом применялись и каменные блоки. Внутреннее пространство городища совершенно плоское, без каких-либо построек. На валах стен и внутри городища разбросаны многочисленные фрагменты керамики. Несмотря на ее немногочисленность, она довольно разнообразна и анализ ее позволяет датировать памятник хорезмшахским временем.

В целом же памятник может быть определен как одна из крепостей в общем ряду оборонительных сооружений на северо-западной границе Хорезма и «варварской степи».

В 50 км к северу от Пулжай находится археологический памятник, известный у местного населения под именем Урга-кала⁴⁷. В 1959 г. он был обследован Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР⁴⁸.

Этот своеобразный памятник расположен на известняковом мысу Урга, у подножья которого находится одноименный рыбацкий поселок, лежащий на берегу оз. Судочье.

Памятник расположен на самой оконечности мыса, отвесным обрывом обращенного к современному поселку. От мыса к равнине плато идет пологое повышение. В 350 м к северо-западу от памятника в точке, откуда на многие километры просматривается плоская равнина плато, находятся развалины сторожевой сигнальной башни, сложенной из крупных блоков тесаного камня. Сейчас башня сильно разрушена.

Сама Урга-кала представляет собой крепость, имеющую только одну стену, отгораживающую мыс от плато. Стена сохранилась в виде плоского, сильно оплывшего и размытого глинистого вала. Вход в укрепление, вероятно, осуществлялся по узким проходам, оставленным между обрывом и стеной. Памятник занимает площадь немного менее 1 га.

Следов рва перед стенами нет. На внутреннем пространстве укрепления имеются следы застройки в виде массы бугров и всхолмлений. В ряде мест прослеживаются даже контуры планировок. Однако, рельеф памятника сейчас сильно искажен, так как окрестное население в течение многих лет выбирало на территории укрепления прекрасные блоки из белого тесаного камня и использовало их затем при строительстве современных построек. В результате вся территория памятника сплошь перекопана, покрыта ямами и крайне замусорена.

⁴⁵ Я. Г. Гулямов, Указ. соч., стр. 146.

⁴⁶ Ал-Истахри. Указ. соч., стр. 179; ал-Макдиси. Указ. соч., стр. 188.

⁴⁷ План памятника см.: С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 27, рис. 9, 2.

⁴⁸ Там же, стр. 27.

В обрезах многочисленных ям, осмотренных нами, повсюду выходит культурный слой. Подъемного материала на памятнике немного. Представлен он, помимо блоков тесаного камня, битым жженым и сырцовым кирпичом (конструкции из жженого и сырцового кирпича были зафиксированы и в обрезах ям) и фрагментами керамики. Среди керамики преобладает сероглиняная круговая, попадаются обломки каменных котлов, имеются фрагменты лепной посуды.

Для выяснения стратиграфии крепости на ее территории были заложены два шурфа. В шурфах и в обрезах ям установлено наличие только одного культурного слоя, мощностью от 0,5 до 1,3 м, залегающего непосредственно на известняковой скале. Слой глинистый, состоит преимущественно из обломков сырцовых кирпичей, кусков плотной глины, жженных кирпичей. Несколько целых экземпляров последних имеют размеры $26 \times 26 \times 5$ и $33 \times 17 \times 6$ см. Очень немного в слое костей животных, угольков и золы. Керамика представлена несколькими очень невыразительными фрагментами. Местами в нижней части слоя встречаются прослойки золы. В шурфе 2 и в обрезах нескольких ям удалось зафиксировать слой аналогичного характера, но со следами сильного пожара в виде большого количества угля, золы, докрасна прокаленной глины, опаленных сырцовых кирпичей и т. д. Анализ наслоений в шурфах и в обрезах ям позволяет установить, что крепость была разрушена и погибла в результате большого пожара.

Рассмотрение керамического материала, собранного на территории крепости Урга-кала, — как подъемного, так и из шурфов, — позволяет датировать памятник хорезмшахским временем. Найденная здесь лепная посуда, видимо, также относится к указанному времени.

Следует отметить, что Урга-кала является в Хорезме не единственным памятником такого рода. Аналогичная крепость — Ербурун-кала на мысу Ербурун — была обнаружена Устюртско-Аджаибским отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г.⁴⁹ Ербурун-кала датируется хорезмшахским (XII—XIII вв.) периодом и является наряду с Урга-калой одной из многочисленных крепостей, защищавших подступы к Хорезму со стороны степных племен, живших на Устюрте.

⁴⁹ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 78—79.

Ю. В. Стебляк

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА XVIII — XIX вв.

XVIII—XIX вв. являются тяжелым периодом в жизни народов Средней Азии. Борьба за централизацию власти и междоусобные войны подрывали экономику, тяжелым бременем ложась на плечи трудового населения. Грабительские набеги и непомерно большие налоги давали правителям значительные средства, часть которых вкладывалась в строительство оборонительных сооружений, дворцов, общественных зданий и мавзолеев. Для Хивинского ханства этот период является временем интенсивного строительства. При Аллакули-хане (1825—1842 гг.) и Мухаммед-Амин-хане (1845—1855 гг.) Хива обогатилась рядом монументальных сооружений, должных утверждать могущество правителей и государства.

Эти сооружения, созданные талантливыми хорезмийскими мастерами, имеют несомненную историческую и архитектурную ценность. Народные мастера возродили забытое искусство майолики, придав ей своеобразный колорит и рисунок. Хивинские декораторы-керамисты и зодчие-строители продолжали и развивали традиции монументального среднеазиатского зодчества тимуровской эпохи и бухарской архитектуры шейбанидского периода. Их высокое мастерство и творческий размах нашли свое выражение в строительстве жилых домов, общественных зданий и погребальных сооружений.

По всей территории ханства также шло строительство, правда по размаху и богатству отделки уступавшее столичному, но, несомненно, сыгравшее большую роль в развитии среднеазиатской народной архитектуры. Именно в небольших сооружениях, располагавшихся вдали от административного центра ханства, свободнее проявлялась творческая изобретательность народных мастеров-строителей.

При сборе материала к разделу «Культовые сооружения Средней Азии» среднеазиатского историко-этнографического атласа были проведены обследования памятников погребальной архитектуры, расположенных в Западном Казахстане, на Устюрте, в Северной Туркмении, в Каракалпакии, в Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областях. В Хорезме, отличающемся обилием данного рода сооружений, проведено сплошное обследование. Здесь было зафиксировано и обмерено более ста различных погребальных сооружений¹.

В этой статье публикуются сведения о памятниках южной части бывшего Хивинского ханства — наиболее экономически развитой и плотно населенной области, — в некоторых районах которой живут до настоящего

¹ Обмер памятников и выполнение чертежей сделаны автором. Фотографическая фиксация памятников произведена Г. П. Снесаревым.

времени потомки древнего коренного населения оазиса, сохранившие отдельные обряды и обычаи, восходящие к домусульманскому периоду².

Погребальные сооружения необычайно разнообразны по своим формам. Обычно к этой категории памятников относят и простые земляные холмы и всемирно известные мавзолеи. В данной статье термином «погребальные сооружения» будут именоваться постройки, имеющие архитектурное значение, в отличие от простых, «рядовых», погребальных сооружений.

При анализе архитектурных приемов, применявшихся народными мастерами для рядовых погребальных сооружений («торт-кулак», «сагана с пештаком») ³, наблюдается во многих случаях подражание приемам, использованным в монументальных памятниках, однако, специфика малых форм предопределяет и их самостоятельное развитие. В ряде случаев развитие форм рядового погребального сооружения (особенно, если захоронение коллективное) приводит к увеличению их масштаба, усложнению форм, обогащению декоративными элементами («гумбез», «кош-гумбез», «сагана-там»⁴).

Архитектурные формы погребальных сооружений Хорезма весьма разнообразны, но в основной массе это портално-купольные сооружения; центрические встречаются значительно реже.

Композиционное выделение портала — наиболее характерный прием для монументальных зданий, в том числе и погребальных сооружений позднего средневековья. В решении плоскости портала намечаются два основных направления: 1) входная ниша портала получает П-образное обрамление, 2) плоскость портала расчленяется рядами прямоугольных панно с вписанными в них стрельчатыми нишами или сквозными арками. Ряд памятников сочетает в себе оба приема. При анализе собранного материала было установлено, что погребальные сооружения XVIII—XIX вв. в южной части Хивинского ханства в решении плоскости портала локализируются по определенным районам: П-образный портал характерен для районов, прилегающих к Хиве и Куния-Ургенчу; портал, оформленный ярусами ниш, находит наибольшее применение в погребальных сооружениях, расположенных в районе Хазараспа, где этот прием получил наиболее четкое выражение.

Интересно отметить, что строители погребальных сооружений старались даже в незначительных по величине пештаках отразить тот или иной прием. Это объясняется, по-видимому, сосуществованием в Хорезме двух строительных школ, причем мастера, придерживавшиеся «хивинского» направления, несомненно, принимали за образцы погребальные сооружения средневекового Хорезма, что определяет данное направление как

² Г. П. Снесарев. Мазендская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. «XXV Международная конференция востоковедов». Доклады делегации СССР, М., 1960.

³ Торт-кулак (четыре уха) — казахское рядовое захоронение, подобное по форме большому погребальному сооружению, которое в плане подражает жилой укрепленной усадьбе (хаули) с башенками-контрфорсами. Постепенное уменьшение масштаба изменило эти конструктивные элементы, которые в конечной стадии сделались просто небольшими возвышениями по углам ограды. Сагана — одиночные или коллективные склепы, которые характерны для захоронений в некоторых районах Южного Хорезма. Обычно же сагана является памятником над подземными захоронениями. Иногда к сагане с торцовой стороны пристраивается высокая стенка, напоминающая примитивный пештак (портал).

⁴ Гумбез (купол) так же, как и сагана, является либо склепом для одиночного или коллективного захоронения, либо памятником над подземным погребением и представляет собой небольшое сооружение в виде купола, поставленного на невысокое квадратное основание. Иногда одна из стен оформляется порталом. Кош-гумбез (два купола) — два построенных вилотную или два облокированных (имеющих одну общую стену) гумбеза, иногда объединенных пештаком. Сагана-там — казахский вид рядового захоронения — возводится из каменных тесаных плит в виде квадратной или прямоугольной ограды с резьбой по камню и росписью (см.: А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 140—142).

местное и более древнее. «Хазараспский» же прием характерен для некоторых памятников Бухары, где он, однако, не получил окончательного оформления, и только в Хорезме мастера, придерживающиеся бухарской школы, создали в XVIII—XIX вв. своеобразный «хазараспский» тип портала.

Эти памятники выделяются оригинальностью и типичностью форм, архитектурно-конструктивными приемами, декоративной отделкой и интересны как образцы различных видов хорезмийских погребальных сооружений XVIII—XIX вв. При изучении памятников было уделено большое внимание легендам, связанным с данными сооружениями⁵.

Мазар Саид Шапоат Азиза

Памятник расположен на кладбище Имарат-баба в Хивинском районе, в 13 км от Хивы по дороге на Куля-Ургенч. Здесь были зафиксированы два погребальных сооружения, различных по своим объемам, но сходных в решении портала. Более интересным является описываемый мазар.

На резных дверях обоих мазаров имеются даты их изготовления (1262 г. х. и 1210 г. х.). Дверь с датой 1210 г. х. (1795 г.) принадлежит мазару Саид Шапоат Азиза. Записанные на Султан-бабе легенды связывают строительство погребальных сооружений Султан-бабы, Вали-Аталыка и Саид Шапоат Азиза с именем хивинского мастера, внесенного в «саджару» (список), которая хранится у хивинского «уста» Руземета Арбабы.

Не исключено, что красивая резная дверь с датой 1210 г. х. могла принадлежать другому сооружению, но сравнение мазара с другими обследованными памятниками и примененный в сооружении конструктивный прием пересекающихся арок, который тяготеет к бухарской архитектуре XVI—XVII вв., позволяют считать датировку памятника 1795 годом более вероятной, нежели концом XIX в., как предлагает Л. Н. Воронин⁶.

Согласно легенде, в мазарах погребены Имарат-баба (Саид Шапоат Азиз) и Мир Мухаммед Азиз из арабов поколения имама Хусейна, родом из Мешада (Мешхеда). «Святому» Саид Шапоат Азизу приписывается проведение арыка Ханабад⁷. Недалеко от кладбища располагается кишлак Шейх Мешед, предки жителей которого пришли сюда якобы вместе со «святым» Саид Шапоат Азизом из Мешада.

Погребальное сооружение представляет собой двухкупольное здание с высоким пештаком, имеющим характерное для «хивинского» направления П-образное оформление (рис. 1). При прямоугольном плане (11,05 × 5,85—6,00 м) сооружение имеет несколько усложненное объемно-пространственное решение (рис. 2). Высокий и массивный портал «спорит» с объемом центрального помещения, перекрытого стройным куполом, что характерно почти для всех сооружений с сильно развитым пештаком. По величине купол, перекрывающий заднее помещение (усыпальницу), больше основного купола, но приземистая форма и более низкое положение придадут ему композиционно подчиненное значение.

Центральным объемом является тилау-хана⁸, представляющая собой небольшое квадратное (3,30 × 3,35 м) помещение высотой 6,90 м, перекрытое стрельчатым куполом, высота подъема которого равна половине

⁵ Погребальные сооружения Средней Азии обычно именуется «мазарами», но необходимо отметить, что местное население называет мазаром не всякое погребальное сооружение, а лишь место паломничества, связанное с именем какого-либо мусульманского «святого».

⁶ Л. Н. Воронин. Кирпичная фактура стены. «Труды Среднеазиатского индустриального института». Строительный факультет, вып. 4, Ташкент, 1939, стр. 96—98.

⁷ Интересно отметить, что строительство почти всех магистральных каналов и больших арыков связано в среднеазиатских легендах с именами «святых», являющихся якобы создателями или покровителями этих каналов.

⁸ Помещение, где обращаются с просьбами к «святому».

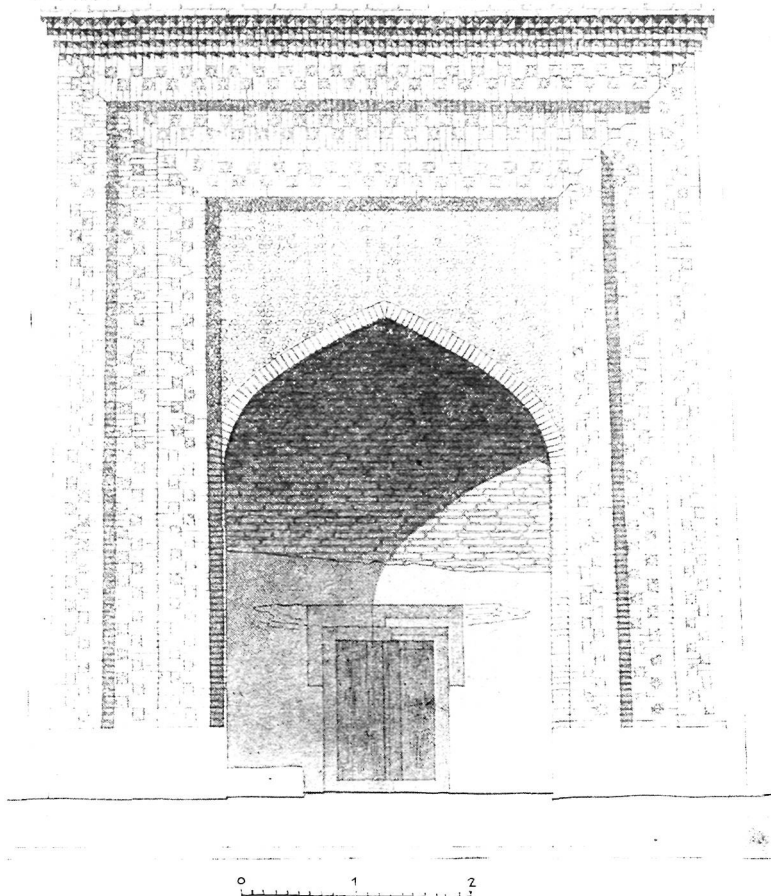
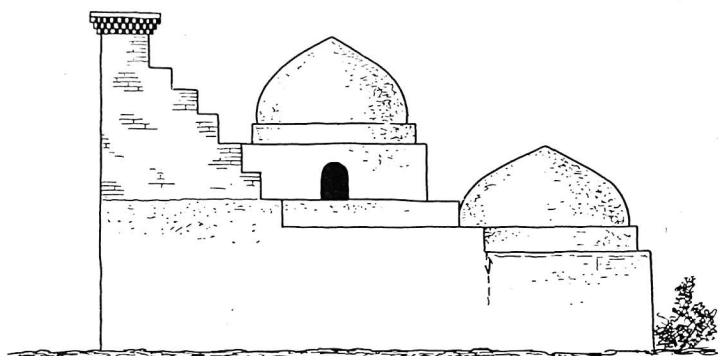

Рис. 1. Мазар Саид Шапоат Азиза. Портал.

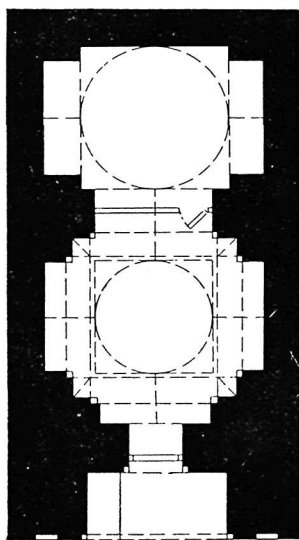
диаметра основания. Диаметр купола меньше стороны основания перекрываемого им квадратного помещения. Это наиболее совершенный конструктивный прием, так как сокращением пролета купола облегчается его возведение.

Прием перекрещивающихся арок, зародившийся в XV в.⁹, связан с трудностями, возникающими при выкладывании сложного узла пересечения арок, и не всегда был доступен рядовым строителям. Поэтому данный прием, получивший широкое распространение в бухарской архитектуре XVI—XVII вв., в сооружениях XVIII—XIX вв. встречается довольно редко. Применение его в мазаре Саид Шапоат Азиза позволило мастеру

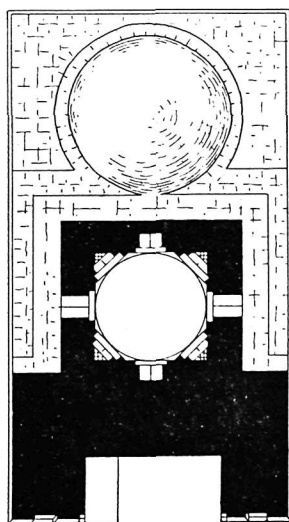
⁹ В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии. КСИИМК, вып. 28, 1948, стр. 109.

a

б

в

Рис. 2. Мазар Саид Шапоат Азиза.

а — боковой фасад; б — план мазара; в — план мазара на уровне проемов четверика

увеличить расстояние между противоположными стенами до 4,5 м и перекрыть помещение куполом с диаметром основания, равным всего 2,4 м. Данный прием, рациональный для больших сооружений, в сооружении масштаба мазара Саид Шапоат Азиза теряет свой конструктивный смысл, но дает интересное решение интерьера и, в какой-то мере, выявляет творческие возможности мастера (рис. 3).

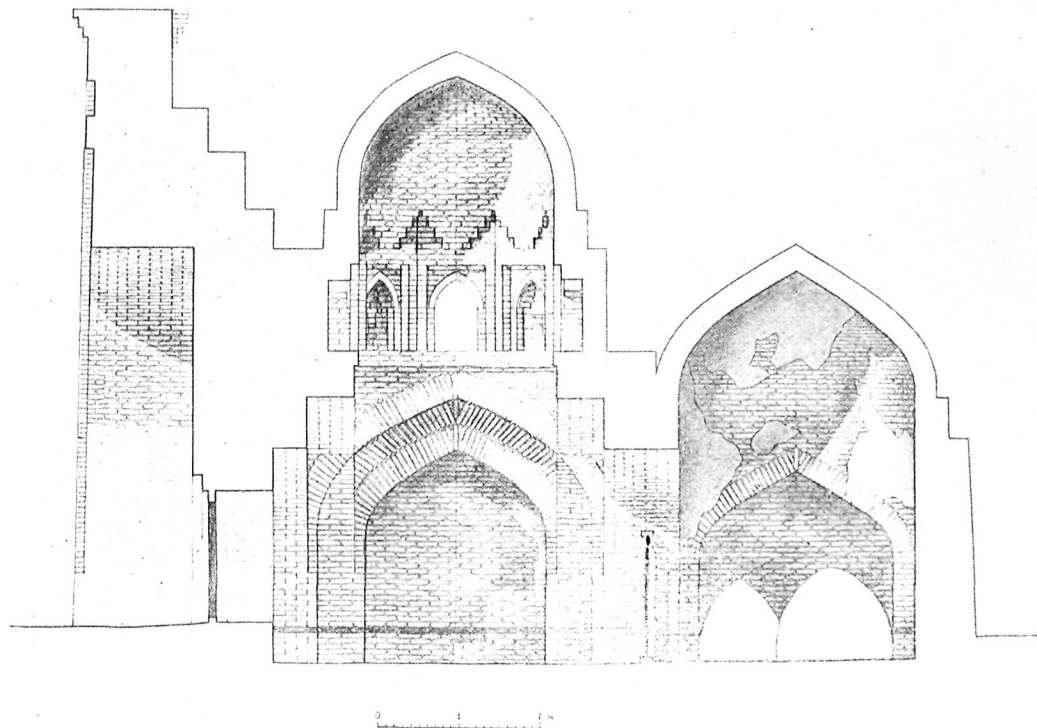

Рис. 3. Мазар Саид Шаноор Азиза. Продольный разрез

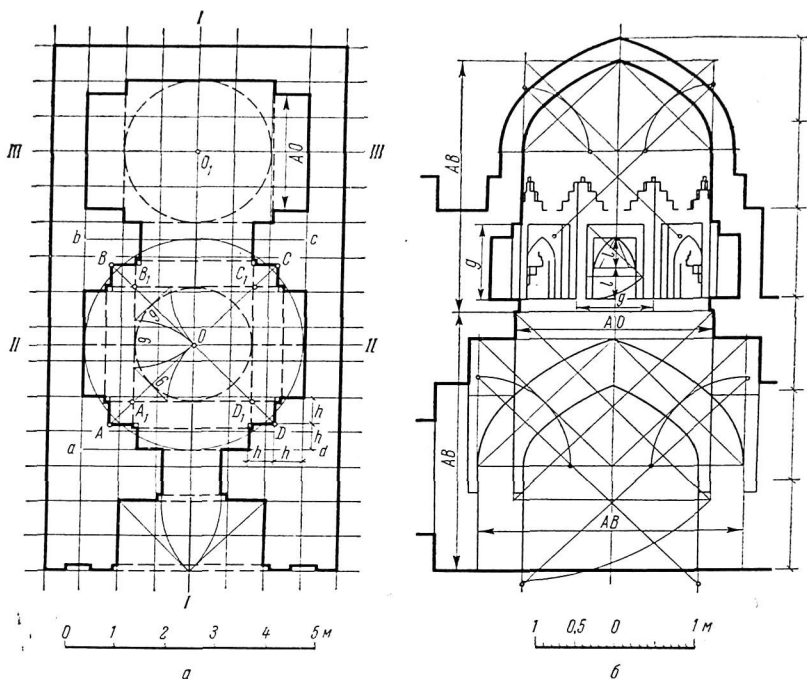

Рис. 4. Мазар Саид Шапоат Азиза.

a — объемно-пространственный анализ плана; *б* — анализ плана

На квадратном основании, образованном перекрещивающимися арками, возведен восьмерик, который с внешней стороны не выражен и имеет объем четверика. Углы решены стрельчатыми арками, вписанными в прямоугольные ниши. Внутренняя конструкция ниши — половина маленького купола, опирающегося в углу на два ряда ячеек. Переход от восьмерика к круглому основанию купола осуществлен посредством небольших ниш с уступчато-треугольным завершением, образованным напуском кирпичей. Этот довольно старый прием отмечен нами также в мазаре Султан-бабы (южные предгорья хребта Султан-Уиз-даг), построенном якобы тем же мастером. Снаружи на четверике возведен невысокий барабан, который, в свою очередь завершаясь небольшим уступом, переходит в купол.

Заднее помещение, имеющее две гробницы типа «сагана», отделено от тилау-ханы деревянной несложного рисунка решеткой, высотой 1,5 м. Помещение имеет квадратный ($2,90 \times 3,02$) план. Расхождение в размерах сторон произошло явно по ошибке мастера, вследствие чего глубину боковых ниш пришлось сделать также разной (82 см и 74 см). Переход от квадратного основания к куполу осуществлен посредством простых парусов.

Мазар возведен из обожженного квадратного кирпича размерами $26 \times 26 - 28 \times 4 - 5$ см. Портал облицован кирпичом значительно лучшего качества и имеющим габариты $24 \times 24 \times 4$ см, а также половинками кирпича. Плоскость портала решена трехрядным П-образным обрамлением вокруг глубокой стрельчатой входной ниши. Портал венчается тремя спаренными рядами положенных углом кирпичей, образующих ячеистый

карниз, завершенный двумя рядами обычной кладки, — решение, характерное почти для всех порталов поздних сооружений Хорезма. Прием облицовки портала спаренными кирпичами, чередующимися с резными керамическими вставками, возрождает древние традиции оформления стеной плоскости¹⁰. Резные керамические вставки имеют несложный рисунок, вырезанный по размеченным линиям, сохранившимся на глиняной поверхности.

Тимпан порталной арки заполнен геометрическим орнаментом, набранным из небольших керамических плоских элементов в виде секторов окружности. Сложенные из них небольшие шестилучевые звезды располагаются плотно друг к другу в шахматном порядке, заполняя всю плоскость тимпана. Несложный орнамент составляет основу спокойного и простого декоративного оформления мазара.

В целом сооружение привлекает строгостью форм, сдержанным декоративным оформлением и довольно тщательным выполнением кладки, что весьма редко встречается в поздних периферийных погребальных сооружениях Хивинского ханства.

Произведенный анализ соразмерностей основных членений дал интересные результаты (рис. 4). Основным модулем для построения плана является «гыз» (приблизительно 74 см). Ханкинский мастер сообщил, что гыз, употреблявшийся хорезмийскими строителями в начале нашего века, равнялся величине немного большей аршина. Это значение гыза с конца XVIII в. встречается у среднеазиатских народов и имеет связь с русской дореволюционной метрологией¹¹. В то же время этот размер соответствует 2,5 кирпичам, которые в свою очередь являются естественными модулями для небольших элементов¹².

Несомненно, что мастер пользовался предварительным вычерчиванием плана на бумаге, — прием, часто встречавшийся в практике среднеазиатских строителей¹³. Основой чертежа являлась нанесенная на бумагу прямоугольная сетка с шагом, равным 74 см, — графический прием, применяемый мастерами уже много веков¹⁴.

Анализ построения плана дает в какой-то мере возможность проследить творческий процесс работы зодчего, в арсенале технических приемов которого большое место занимали математические и геометрические построения. Горизонтальные габариты здания мастер устанавливал размером 8 × 15 гязов. Затем довольно просто подходил к определению размеров пилонов и входной ниши. Делением фасада на 4 части он находил границы ниши. Последовательное деление на 2 путем сложения разбивочной веревки является одним из основных приемов построения¹⁵. Глубина входной ниши равна половине ее ширины, т. е. 2 гязам. Ширина входного проема определяется засечками радиусом, равным диагоналям квадратов, образующих основание входной ниши.

Установив толщину стены, равную 2,5 кирпичам (1 гызу), мастер получал расстояние между противоположными стенами центрального помещения (6 гязов). Приняв во внимание, что внутренние поперечные стены

¹⁰ Л. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 85.

¹¹ М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингу в дореволюционный период. Сталинабад, 1957, стр. 176.

¹² М. С. Булатов. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии. «Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии», вып. 3, Сталинабад, 1953, стр. 11.

¹³ А. К. Писарчик. Строительные и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1, 1954, стр. 251.

¹⁴ Н. В. Бакланов. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI века. «Материалы по истории архитектуры, народов СССР. Сообщения по истории и теории архитектуры», вып. 4, М., 1944, стр. 9 и сл.

¹⁵ В. Л. Воронина. К вопросу о древней метрологии Средней Азии. КСНМК. вып. 39, М.—Л., 1951, стр. 68; М. С. Булатов. Указ. соч., стр. 41.

несут усиленную нагрузку и ослаблены проемами, он определяет центр будущего помещения (0 — пересечение осей I—I и II—II). Радиусом, равным 3 гязам, мастер, описав окружность, определяет толщину стены с проходом (3,5 кирпича).

Вокруг окружности строится квадрат (abcd). Ширина боковых ниш равна 3 гязам, т. е. половине стороны квадрата a b c d. Оставшиеся по сторонам ниши расстояния делятся на две равные части, чем определяется глубина боковых ниш (52—57 см). Образовавшийся квадрат ABCD является основанием центрального помещения. Сторона этого квадрата (AB) и половина его диагонали (AO) в дальнейшем служат единицами измерения для вертикальных размеров.

Метод пропорционирования, основанный на использовании стороны и диагонали квадрата, приводит к геометрической прогрессии со знаменателем $\sqrt{2}$. Прием применения различных единиц для горизонтальных и вертикальных промеров характерен для среднеазиатского зодчества¹⁶.

Сторона квадрата $A_1B_1C_1D_1$, образовавшегося после пересечения подпружных арок, равна половине диагонали квадрата ABCD (AO). Площадь квадрата $A_1B_1C_1D_1$ равна половине площади квадрата ABCD. Разность между стороной квадрата A_1B_1 и шириной боковой ниши дает два небольших (12 см) характерных уступа. Толщина второй поперечной стены равна 3,5 кирпичам. Построение плана заднего помещения ясно из чертежа. Основные границы помещения совпадают с линиями графической сетки. Стороны квадрата — 4×4 гяз, глубина ниш — 1 гяз, ширина равна AO.

Объемно-пространственное решение также основано на геометрических построениях. Внутренняя высота до вершины купола равна двум сторонам квадрата основания помещения (2 AB). Прямоугольник, одна из сторон которого A_1B_1 , а высота равна AB, имеет функцию $\sqrt{2}$. Высота уступов, с которых начинается конструктивное членение, равна половине ширины боковой арочной ниши (1,5 гяз). Высота всех арок и куполов равна половине их основания, т. е. построение кривой осуществляется по принципу квадрата и варьирования размера большого радиуса¹⁷. Разбивка четверика на восьмерик производилась методом засечек радиусом, равным половине диагонали четверика. Высота прямоугольных ниш восьмерика равна стороне его основания. Отношение высоты и ширины прямоугольной ниши восьмерика — $\sqrt{2}$. Построение кривой маленьких арок ведется по принципу равнобедренного треугольника.

Общая наружная высота центрального объема (учитывая повышение уровня грунта), равная 7,15 м, делится на 6 равных частей. Половина высоты (3 части) отводится основному объему, одна шестая — четверику и две шестых — куполу с барабаном. Общая высота центрального объема равна высоте портала (без карниза). Наружная высота заднего помещения равна четырем частям. Пропорции портала также подтверждают применение геометрических построений.

Произведенный анализ вполне убеждает, что сооружение проектировалось на основе определенных традиционных приемов, включающих в себя математическую закономерность и простейшие геометрические построения¹⁸. Все это дает основание утверждать, что подобные методы архитектурного построения были прочно унаследованы от старых мастеров и использовались даже рядовыми строителями более позднего периода.

¹⁶ В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 66.

¹⁷ А. К. Писарчик. Указ. соч., стр. 285—288.

¹⁸ Анализируя объемно-пространственное решение памятников культового зодчества (мечеть Деггарон и мавзолей Исмаила Самани), М. С. Булатов приходит к выводу, что зодчие бухарской архитектурной школы как в IX—X вв., так и в XV в., обладали значительными знаниями и вводили в приемы построения определенную математическую закономерность. См.: М. С. Булатов. Указ. соч.

Мастерам, возводившим погребальные сооружения, приходилось вкладывать в строительство минимум средств и декоративного материала. Но скромная отделка при интересных конструктивных приемах придавала своеобразию облику сооружений.

Несомненно, что мазар Саид Шапоат Азиза — произведение талантливого мастера и является хорошим образцом хорезмийской погребальной архитектуры конца XVIII в.

Мавзолей Вали-Аталька и мазар Шейх Мухаммед Амина

Памятник расположен в южных предгорьях Султануиздагского хребта (Бирунийский район, Кара-Калпакской АССР) рядом с большим мазаром Султан-Ваис-бабы. Согласно легендам, рассказанным шейхами этого мазара, в мавзолее захоронен визирь Аллакули-хана — Вали-Атальк, строивший якобы мазар Султан-баба и расположенную рядом с ним мечеть. Сам Вали-Атальк родом из Шавата, где до сих пор имеются будто бы его потомки. Построив погребальное сооружение для Султан-Ваис-бабы, рассказывает легенда, Вали-Атальк уехал домой и однажды увидел во сне Султан-бабу (известный мусульманский «святой»), который якобы приказал построить рядом с выстроенным зданием мавзолей для самого Вали-Аталька. Вали-Атальк сообщил о своем сне Аллакули-хану и тот распорядился, чтобы он на ханские средства построил хороший мавзолей. Через два месяца после завершения строительства Вали-Атальк умер. Он являлся руководителем строительства, а мастером считают «уста», возводившего мазары Султан-бабы и Саид Шапоат Азиза.

В исторической литературе упоминается имя Вали-Аталька, канглик-кипчака, являвшегося эмиром у хана Мухаммеда Рахима I (1806—1825)¹⁹.

Во всяком случае, сравнивая мавзолей Вали-Аталька с мазаром Саид Шапоат Азиза, можно отнести их к творениям одного мастера либо близких по творческим приемам мастеров. Мавзолей Вали-Аталька (рис. 5, б), имея много общего с мазаром Саид Шапоат Азиза, в то же время отличается рядом конструктивных и архитектурно-декоративных приемов.

В решении портала зодчий объединяет «хивинский» и «хазараспский» приемы: тройная П-образная рама вокруг входной стрельчатой ниши завершается пятью прямоугольными панно с вписанными в них стрельчатыми нишами. Весь портал венчается традиционным карнизом. Пропорции пештака значительно более стройные, нежели в мазаре Саид Шапоат Азиза, и приближаются к отношению $\sqrt{2}$ (без карниза). Декоративное оформление также сходно: те же сдвоенные кирпичи с керамическими резными вставками, но несколько иного рисунка (рис. 6, в). Тимпан входной арки завершался небольшими керамическими консолями. Поле тимпана было оформлено керамическими элементами, от которых ничего не сохранилось, кроме отпечатков на растворе.

Облицовка портала велась обожженным кирпичом ($21 \times 21 \times 4$ см), отличающимся по размеру и качеству обжига от основных кирпичей, имеющих размеры $23-24 \times 23-24 \times 5$ см. Все внешние вертикальные линии имеют наклон к центру сооружения. Это характерно не только для данных погребальных сооружений, но и вообще является специфической чертой средневековой строительной техники.

Ширина П-образного обрамления несколько меньше ширины портала, и на углах образуются запады (33×33 см). Во многих сооружениях они либо срезаны, либо заполнены трехчетвертными колоннами («гюльдаста»). В данном сооружении угловой запад не заполнен. Ширина мавзолея (6,95 м) больше ширины портала (5,65 м); портал в то же время на 158 см выдвинут вперед. Центральное купольное помещение сильно смещено

¹⁹ МИТТ, М.—Л., 1938, т. II, стр. 357—372.

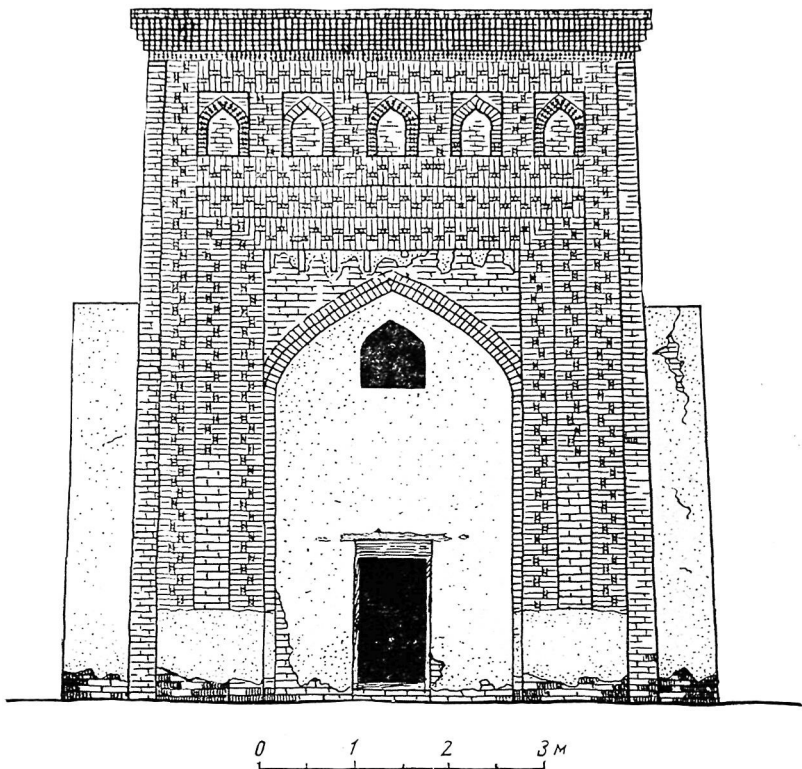

Рис. 5. Мавзолей Вали-Аталыка. Портал

к пештаку за счет уменьшения до 11 см глубины ниш в его передней и задней стенах. Боковые же стрельчатые ниши имеют глубину 125 см, вследствие чего центральное помещение в плане становится прямоугольным.

Образованный подружными арками и поперечными стенами квадрат переходит в восьмиерк приемом, аналогичным приему, примененному в мазаре Саид Шапоат Азиза, однако, отсутствует ячеестое заполнение угловых стрельчатых арок, а стрельчатые проемы восьмиерка выходят на четыре стороны. Переход к круглому основанию от восьмиерка осуществлен простым напуском кирпичей над углами восьмиерка. Снаружи восьмиерк также не выражен. Купол имеет стройное стрельчатое очертание. Последующие обмазки придали ему несколько килевидную форму.

Из центрального помещения ведут два проема (75 × 67 см) в задние помещения, перекрытые системой сводов и двух куполов. Пазухи сводов заложены, а образовавшаяся плоская кровля имеет невысокий (17 см) парпет из поставленных на ребро кирпичей. Одним из декоративных приемов, употреблявшихся хорезмскими мастерами, является завершение отдельных объемов рядом вертикально поставленных кирпичей («дацдана»). Часто такой пояс проходит и ниже. Последующая обмазка скрывает рисунок кладки. Но на одном из углов здания прослеживается подобный же

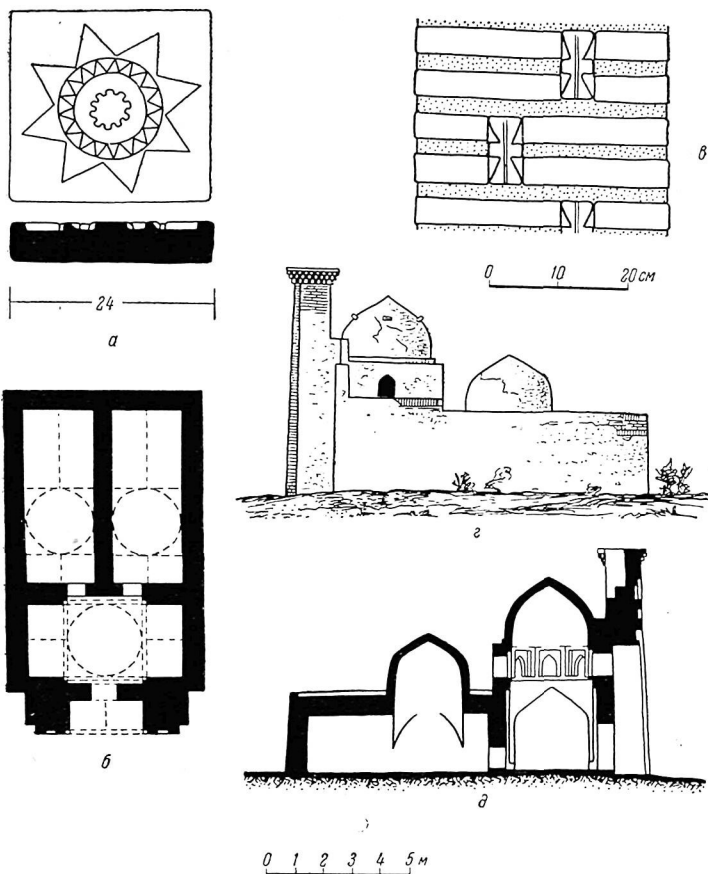

Рис. 6. Мавзолей Вали-Аталыка.

а — кирпич с узором; *б* — план мавзолея; *в* — декоративная кладка; *г* — боковой фасад; *д* — продольный разрез

ряд вертикальных кирпичей, заканчивающийся установленным вертикально (по квадратной плоскостью наружу) кирпичом с вырезанным геометрическим рисунком (рис. 6, *а*). В восьмилучевую звезду вписан круглый пояс, составленный из треугольных элементов, а в центре узора небольшой круг с десятью выступающими зубчиками-лепестками. Прием нанесения рельефного рисунка не на специальную керамическую плитку, а непосредственно на ложковую плоскость строительного кирпича встречается в строительной практике очень редко.

Современное состояние мавзолея удовлетворительно.

Мавзолей интересен как образец поздней хорезмийской архитектуры, который техническими приемами декоративной кладки, резьбой по терракоте и сильно развитым порталом продолжает традиции древнего среднеазиатского зодчества.

Мазар Шейх Мухаммед Амина, находящийся рядом с селением Янги-Базар (южнее Тап-сака) Хазараспского района, является типичным образцом «хазараспского» направления в решении плоскости портала (рис. 7).

Здание имеет всего одно квадратное в плане помещение (5,35 × 5,40 м), перекрытое пятиметровым стрельчатым куполом, увенчанным керамическим навершием («кубба»). Фасадная стена несколько толще и общие наружные размеры плана здания равны 7,5 × 8,5 м. Сооружение, возведенное из жженого кирпича, имеет обычный уклон наружных плоскостей стен. Ширина порталной ниши равна $\frac{1}{3}$ ширины портала. Боковые пилоны сильно развиты за счет введения мотива прямоугольных панно с вписанными в них стрельчатыми нишами. Прямоугольное панно, обрамляющее входную арку, по высоте совпадает с верхом второго яруса боковых панно. Третий ярус имеет пять аналогичных, однако, несколько меньшего размера ниш, над которыми возведен четвертый ярус, также состоящий из пяти небольших прямоугольных ниш, но в них вписаны стрельчатые сквозные проемы. Четвертый ярус обрамляется с трех сторон полосой керамических поливных вставок, имеющих форму маленьких арочек. Цвет поливы зеленовато-голубой.

Портал завершается обычным карнизом. Над прямоугольным входом имеется стрельчатое окно, забранное резной деревянной решеткой, орнамент которой представляет собою широкую стрельчатую раму с геометрическим рисунком, окаймляющую сложный растительный узор, — прием, характерный для работ хивинских резчиков (рис. 8, б). Дверь имеет необычайно тонкую и красивую резьбу, заполняющую всю ее плоскость (рис. 8, а). Основу рисунка верхней половины двери составляют шесть сблочированных рамок с надписью. Нижняя половина узора решена просто: поля между геометрической основой и обрамлением всей двери заполнены красивым и тонко прорисованным растительным орнаментом. По изяществу рисунка и тонкости его выполнения это произведение несомненно способно занять достойное место в сокровищнице хивинского искусства позднего периода.

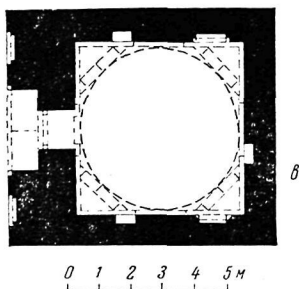
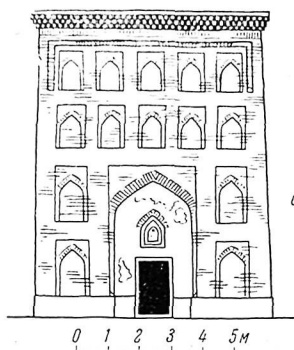

Рис. 7. Мазар Шейх Мухаммед Амина.

а — портал; б — продольный разрез;
в — план

Посвятительная надпись на двери мазара содержит дату возведения сооружения и имя погребенного²⁰. Собрать легенды у местного населения о деятельности Шейх Мухаммед Амина не удалось.

Здание, выстроенное в 1855/56 г., является образцом небольших погребальных сооружений «хазарасиского» типа, не имеющих прямых аналогий решения порталной плоскости в сооружениях более раннего времени. Одной из особенностей конструкции мазара является не совсем обычное для сооружений небольших размеров соотношение пролета купола и толщины стен. Зодчий

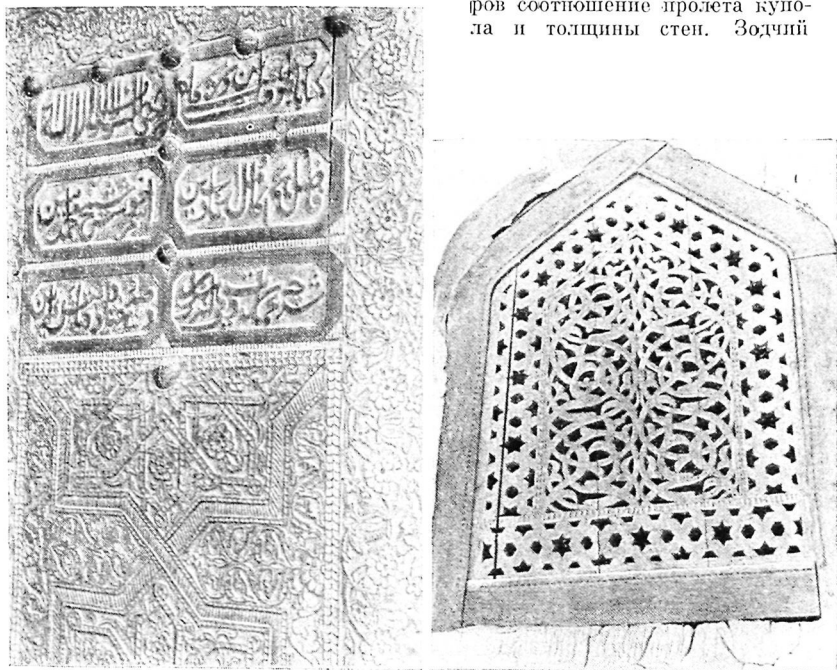

Рис. 8. Мазар Шейх Мухаммед Амина.

а — фрагмент резной двери с надписью; б — деревянная резная решетка

отлично сознавал работу конструкций и не стремился создать излишний запас прочности. До настоящего времени сооружение имеет хорошую сохранность.

Мазар Каллали-баба

Особый интерес представляют два небольших мазара, расположенные на кладбище в 13 км от Ургенча по дороге на Янги-Арык. Мазары, один из которых носит имя Каллали-баба, а другой безымянный, интересны своей необычной для этого времени формой (рис. 9—10).

Эти центрические сооружения почти одинаковы по размерам, конструктивным приемам и материалу. Сходные и в объемно-пространственном решении, они отличаются друг от друга лишь пропорциями и отдельными элементами.

²⁰ Перевод надписи сделан А. Г. Подольским.

Центрическая композиция для однокамерных погребальных сооружений подобного типа зарождается в Средней Азии в IX—XI вв. Прием встроенных по углам колонн восходит к мавзолею Исмаила Самани (X—XI вв.) и мавзолею Аламбердара близ Керки (XI в.)²¹. Много веков спустя мастер повторил древние композиционные приемы, но в другом материале и с другой интерпретацией.

В мазаре Каллали-баба основной массив стен до срезанного по углам четверика выложен из трех рядов пахсы. Наружная плоскость стен имеет

сильный уклон, что усиливает впечатление монументальности этого сравнительно небольшого сооружения. Выше конструкции возводятся из сырцового кирпича. Конструктивный переход в интерьере здания от квадратного основания к куполу происходит на уровне третьего ряда пахсы посредством перекинутых через углы деревянных балок, на которые опирается верхний слой пахсы. Прием этот весьма характерен для небольших погребальных сооружений XIX—XX вв. Образовавшийся квадрат со срезанными углами переходит в круг посредством напуска кирпичей. Основание купола выделено пояском из выступающих углом кирпичей, выше которого располагаются небольшие проемы. Купол имеет стрельчатую форму с

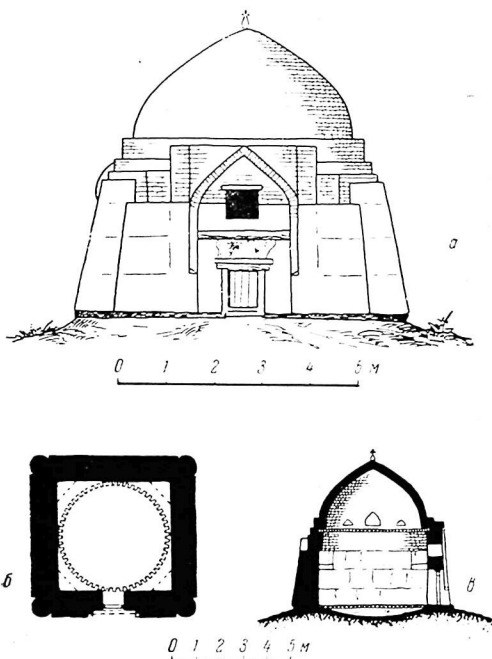

Рис. 9. Мазар Каллали-баба.

а — фасад; б — план; в — разрез

характерной двухцентровой кривой. Вершина купола увенчана керамическим навершием.

Передняя стена мазара оформлена небольшим П-образным пештаком, не выступающим за плоскость стены. Неглубокая стрельчатая ниша имеет небольшой прямоугольный проход и окно над ним. Незначительные размеры пештака, композиционно подчиненного главному объему, сближают мазар с древними погребальными сооружениями, в которых портал находится еще в стадии зарождения. Вполне естественно, что строитель оценил органичный и компактный прием центрических сооружений с незначительным развитием фасадной стены.

Прием встроенных по углам колонн получает в данном сооружении своеобразное выражение. Здесь это уже не колонны («гюльдаста»), а характерные для хивинских хаули башенки-контрфорсы («кунгра»), завер-

²¹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 266—271.

шенные небольшими куполками. Поверхность угловых пилонов оформлена вертикальными бороздками.

Для обоих мазаров характерен постепенный переход уступами от основания к куполу, что придает сооружениям стройность, компактность и монументальность.

Легенда связывает сооружение мазара с именем, вернее прозвищем, «святого», бывшего в свое время ашпазом (поваром) у шейха мазара Мухтара-Вали. Будто бы, когда Каллали-баба умер, то один из влиятельных людей выстроил для него этот мазар, но сам тоже умер, не успев перенести в него тело Каллали. Поэтому якобы мазар и не имеет гробницы. Согласно другой легенде, могила святого «ушла» под землю.

Безымянный мазар имеет аналогичные конструкции и архитектурное решение, но более стройные пропорции. Оба мазара интересны с точки зрения типологии погребальных сооружений и редкими для этого времени формами.

Мазар Биби²Ходжар

Последним из обследованных нами сооружений является мазар Биби Ходжар, расположенный в 40 км к северо-востоку от Хивы. Сооружение, являющееся комплексом нескольких различных по решению и назначению помещений, имеет интересную композицию. Основой мазара является парадное квадратное

помещение «кори-ханы» (помещение для чтения корана) с плоским перекрытием и одной центральной колонной (рис. 11). К нему примыкают остальные помещения, перекрытые куполами. Композиционный прием, примененный здесь, несомненно, оригинален, но купола примыкающих к кори-хане помещений, являясь выразительным архитектурным элементом, «спорят» с большой, но невысокой кори-ханой. Предположить же существование большого купола, перекрывавшего кори-хану, трудно, так как несмотря на то, что стены имеют значительную толщину, нет никаких следов перестройки, а плоское балочное перекрытие органично связано со стенами помещения.

Во всяком случае, схема комплекса несколько необычна для мазара и близка небольшим хивинским домам, где композиционную основу составляет высокий айван с примыкающими к нему жилыми комнатами.

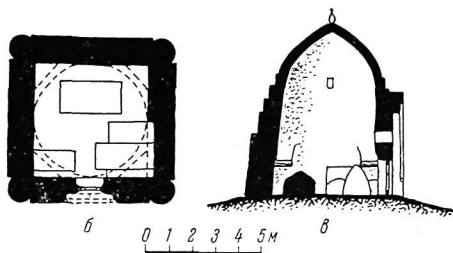
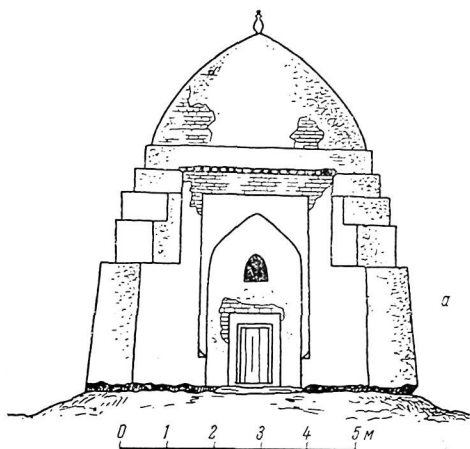
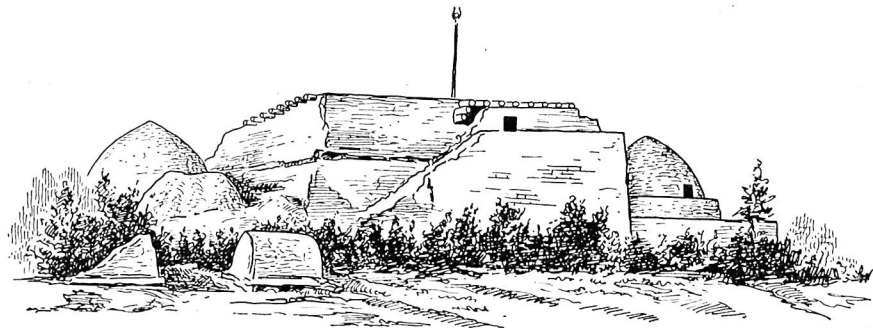
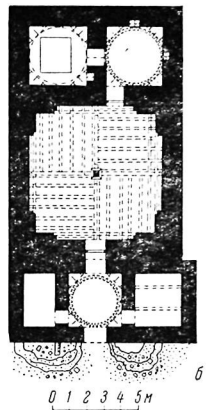

Рис. 10. Безымянный мазар.
а — фасад; б — план; в — разрез

a

б

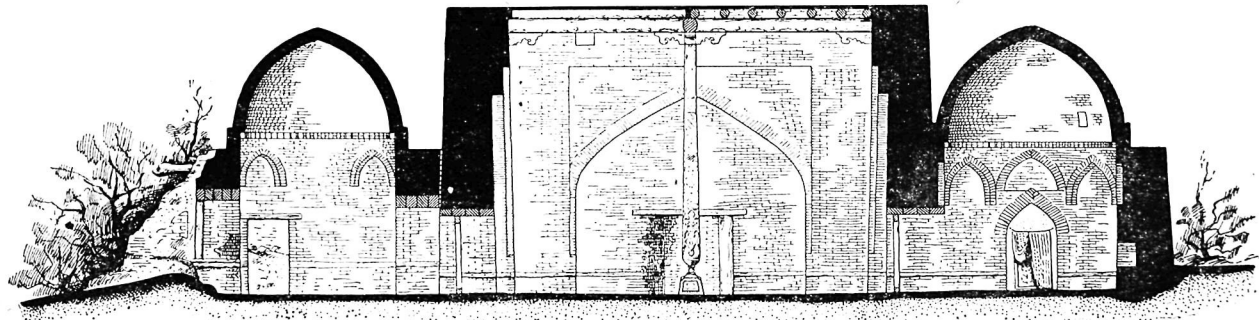

Рис. 11. Мазар Биби Ходжар.
a — общий вид; *б* — план; *в* — продольный разрез

Как и во многих хивинских айванах, здесь также композиционно-декоративным центром является деревянная резная колонна с красивым и тонким орнаментом²². Форма колонны традиционна, однако, «кузаги» (шаровидное основание колонны) имеет вследствие высоко поднятых четырех листообразных элементов («модохиль») не форму шара, а скорее каплевидную форму. На $\frac{3}{4}$ тело колонны заполнено орнаментом, располагающимся поясами различной высоты. Стройная пятиметровая колонна является хорошим образцом высоко развитого хивинского искусства XVIII—XIX вв. (рис. 12).

Колонна увенчана двумя перекрещивающимися резными и расписными подбалками, на которые опираются четыре орнаментированных прогона. Прогонны разбивают плоскость потолка на четыре квадрата, расположение балок в которых дает наилучшее распределение нагрузок на прогоны. На балки опирается плоский настил. Расстояние между балками заполнено орнаментом, распадающимся на отдельные квадраты с законченной композицией орнамента в каждом. Основой композиции рисунка каждого квадрата является четырехлепестковый цветок, ориентированный либо по осям, либо по диагоналям квадрата. Поля лепестков, центр цветка и оставшиеся поля квадрата заполнены тонким геометрическим или растительным орнаментом. Роспись потолка имеет теплый колорит, хотя цветовая гамма очень разнообразна. Элементы рисунка на балках и прогонах повторяют по общей конфигурации подобные элементы, имеющиеся на резной деревянной колонне (рис. 13).

Несмотря на то, что композиционным центром помещения является колонна и богатое перекрытие, зодчий, стремясь придать помещению официально-культовый характер, решает плоскости стен интерьера четкой схемой прямоугольного панно с вписанной в него широкой стрельчатой аркой.

Из помещения кори-ханы невысокий проем ведет в небольшое (3,45 × 3,20 м) помещение тилау-ханы. Квадратное в плане помещение переходит к круглому основанию купола посредством стрельчатых арок, расположенных по углам помещения и смыкающихся основаниями с подобными же арками в центре стен. Переход от восьмигранника осуществлен небольшими ларусами. Основание купола выделено рядом выступающих углов кирпичей. Построение кривой купола ведется на основе равнобедренного тре-

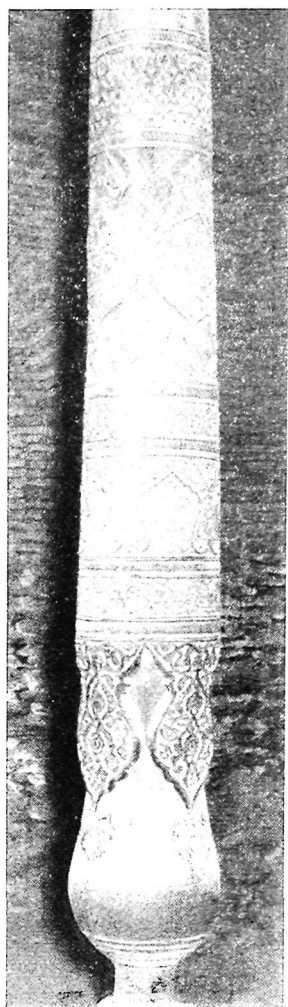

Рис. 12. Мазар Биби Ходжар.
Резная колонна

²² В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана, стр. 31—35, 76—83.

Рис. 13. Мазар Биби Ходжар. Орнаментированный потолок

угольника. Широкий арочный проход соединял тилау-хану с «гур-ханой» (усыпальницей), сейчас он переделан в небольшой прямоугольный проем с дверью. Гур-хана аналогична тилау-хане (3,45 × 3,32 м) и отличается от нее незначительными деталями.

К описанному комплексу со стороны фасада пристроено несколько позднее три небольших помещения, оформленных порталом, в настоящее время полностью разрушенным. Центральное проходное помещение (3,10 × 3,10 м) похоже на два предыдущих купольных помещения, но пропорции его более стройные. Поясок, отделяющий основание купола, выражен и с наружной стороны. Отсутствуют арки восьмерика по осям помещения. Из центрального помещения ведут два прохода в боковые помещения, одно из которых служило «ошханой» (кухней). Эти помещения перекрыты сводами («балхи»). Один свод сильно разрушен. Пристроенная группа помещений, несомненно, изменила первоначальный облик сооружения. Современное состояние стен и деревянных конструкций удовлетворительное.

Записанная нами легенда связывает сооружение гробницы и мазара с именем Биби Ходжар, которая вместе с другими проповедниками прибыла из Аравии для распространения ислама и сбора религиозных налогов (закята). Ее сын Кубра Наджм-уд-дин-Ахмед-ибн-Омар был известным шейхом и погиб во время нашествия Чингиз-хана на Ургенч. Его могила находится в Куния-Ургенче в мазаре Наджмеддина Кубра. Биби Ходжар, согласно легенде, была погребена на месте настоящего мазара, и захоронение 850 лет простояло без гумбеза. Один из четырех живших здесь шейхов был из поколения Наджмеддина Кубра. Однажды он якобы увидел во сне Биби Ходжар, которая велела ему построить гумбез на средства паломников, платящих закят. Начавшееся строительство увидел Мухаммед Амин-хан и пожелал выдать деньги на завершение постройки, но шейх отказался принять дар, заявив, что его деньги «беззакятные», т. е. нечистые. А если хан желает вложить средства, то пусть на них будет выстроена рядом с мазаром мечеть. Мечеть была построена (в настоящее время она полностью разрушена, ее резная дверь находится в мазаре). Мраморная плита из мечети с высеченным на ней текстом была недавно обнаружена в полу одного из домов и доставлена в мазар. Содержание надписи носит религиозный характер и не дает возможности более точно определить период строительства мазара.

Композиционный прием, характер резьбы на двери и колонне, роспись потолка — все это указывает на близость данного сооружения к хивинской архитектуре и позволяет датировать мазар серединой XIX в.

В задачу данной статьи не входило ознакомление читателя со всем разнообразием среднеазиатских погребальных сооружений XVIII—XIX вв. На примерах отдельных наиболее интересных памятников мы стремились показать, что народные мастера Хорезма, соорудившие мавзолеи (являющиеся в какой-то степени для всех эпох показателем уровня развития архитектуры), достигали высокого строительного мастерства. Они творчески подходили к архитектурному наследию прошлого и создавали оригинальные сооружения. Строители обладали значительными навыками и знаниями, вводя в приемы архитектурных построений определенные математические закономерности, умело применяя декоративные приемы.

Публикуемые материалы свидетельствуют о том, что обследованные нами погребальные сооружения обладают чертами, характерными для архитектуры данной эпохи, отличаясь от подобных сооружений более раннего времени.

Г. А. Пугаченкова

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ХОРЕЗМСКОГО ЗОДЧЕСТВА

В 1958 году в связи с организацией при Министерстве культуры Туркменской ССР Отдела по охране памятников культуры возникла необходимость составления общей сводки для учета различных категорий исторических памятников Туркменской республики. Среди них видное место занимают памятники зодчества, которыми с Туркменией может соперничать лишь Узбекистан. Благодаря деятельности Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции в южных областях республики и Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в северных ее районах уже проделана значительная работа по выявлению и изучению архитектурных объектов былых эпох. Однако, далеко не все они имеют необходимую научную документацию, а некоторые вообще выпали из поля зрения специалистов. Вот почему осенью 1958 г. был организован выезд в Ташаузскую область¹ специальной группы во главе с автором настоящего сообщения при участии коллектора — студента археологического отделения САГУ Б. Тургунова и шофера Ташаузского автопарка П. И. Четвергова.

Отряд работал с 22 октября по 2 ноября. Основными нашими задачами были: регистрация и обследование малоизвестных памятников Ташаузской области для установления их историко-культурной значимости, выяснения технического состояния, определения необходимости консервационных работ или капитального ремонта.

Несмотря на сжатые сроки, удалось изучить ряд малоизвестных объектов, имеющих большое значение для истории архитектуры. Публикация этих материалов, как нам кажется, восполнит некоторые пробелы в изучении эволюции архитектурной школы феодального Хорезма².

Ак-Сарай динг и мазар Лалазем-ата

К числу наиболее ранних памятников относится интереснейшее шатрово-башенное сооружение, которое местное население называет Ак-Сарай динг. Еще в 30-х гг. оно было сфотографировано и фотография его хранилась в фотоархиве Научно-исследовательского института истории Туркменской ССР, но местоположение памятника (севернее Даргана, на левобережья Аму-Дарьи) было обозначено неточно³. Как удалось установить,

¹ В настоящее время Ташаузская область ликвидирована. См. Указ Верховного Совета Туркменской ССР от 5 января 1963 г.

² Публикуемые обмеры и фотографии исполнены автором.

³ Н. М. Б а ч и н с к и й. Искусство старых зодчих Туркмени. Автореферат диссертации. М., 1950, стр. 22.

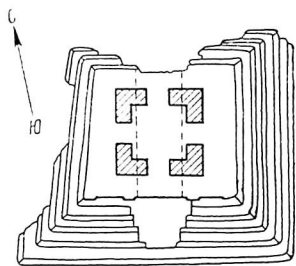
Рис. 1. Ак-Сарай динг. Общий вид

в действительности, он находится на землях колхоза «Москва» Тахтинского района бывшей Ташаузской области, почти в 200 км от Дарган-ата и весьма далеко от Аму-Дарьи. Здание возвышается близ проезжей дороги, возле него расположено заброшенное, старое (но не очень древнее) кладбище, на котором высится купольный мазар.

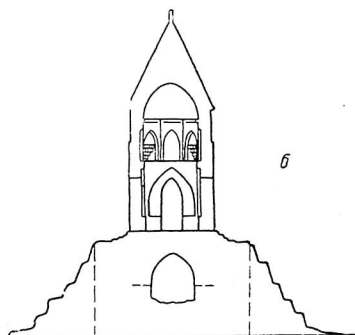
Ак-Сарай динг построен из жженого кирпича размерами $27 \times 27 \times 4,5$ см (варианты длины сторон 26—28 см) на глиняном растворе. Здание подвергалось однажды реставрации, в процессе которой нижний этаж был обложен ступенчатым паховым футляром с пяти уступами, в основание которого была введена камышовая прокладка для защиты от действия почвенных солей. Внешние плоскости стен второго этажа были покрыты ганчевой штукатуркой, со временем почти везде обвалившейся. На северо-восточном фасаде нижнего этажа выщерблены кирпичи, подкупольный барабан бороздит трещина, но в целом техническое состояние памятника удовлетворительное. Здание двухэтажное (рис. 1 и 2).

Первоначально первый этаж, квадратный в плане ($6,60 \times 6,60$ м), имел прямые стены, контур которых прослеживается лишь вверху пахового футляра. Здесь имеется сквозной проход шириной 1,90 м, перекрытый

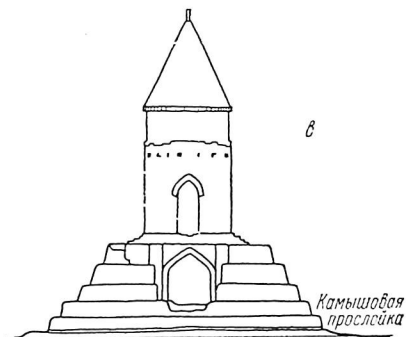
стрельчатым сводом. Завалы глины заполняют внутреннее пространство помещения почти до уровня пят свода, но на одной из его несущих стен видны стрелки расположенных перпендикулярно арочек каких-то проемов. До производства вскрытий трудно судить, выходили ли эти проемы на боковой фасад, или вели в какие-то камеры; последнее предположение вероятнее, так как иначе толщина боковых стен была бы непомерной (до 2,30 м).

а

б

в

0 1 2 3 4 5 6 7 8 м

Рис. 2. Ак-Сарай и динг.

а — план; б — разрез; в — южный фасад

На юго-западном фасаде видны кирпичные пиллястры, обрамляющие арку прохода и фланкирующие углы.

Второй этаж имеет вид стройного, квадратного в плане павильона (3,88 × 3,67 м) с четырьмя сквозными арками по осям. Его композицию определяют три объема: близкий к кубу, над которым возвышается невысокий цилиндрический барабан, и отделенный плоской кирпичных сталактитов конус наружного шатрового купола. В интерьере — также трехчастное членение: над стенами с вписанными в них сквозными арками расположен восьмигранный парусов, а над ним почти полусферическая, но с заострением в ключе скупья внутреннего купола. Нишевые паруса имеют ячеисто-консольное заполнение углов из пяти последовательно выпущенных рядов кирпичной кладки (рис. 3).

Общая высота сооружения достигает 14 м.

Ак-Сарай динг очень оригинальное произведение средневекового хорезмского зодчества. Прежде всего возникает вопрос о его назначении. Мавзолей ли это, как полагает Н. М. Бачинский? С первого взгляда это как будто и так, а между тем ряд соображений противоречит такому предположению. Прежде всего обращает внимание ориентация постройки не по странам света, как этого требует мусульманская похоронная обрядность, а с юго-запада на северо-восток. Странным кажется и проход-

ной характер сводчатого помещения в первом этаже: едва ли стали бы располагать могилу почитаемого лица в проходе, не оградив ее ничем.

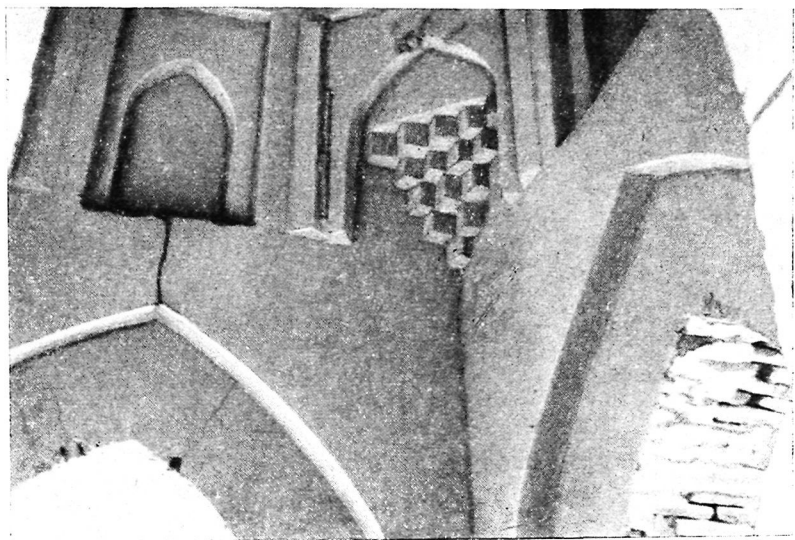

Рис. 3. Ак-Сарай динг. Подкупольная конструкция

Помещение затянуто глиной, нет в нем никаких следов от надгробия. Если здание реставрировали, обложив его для большей прочности пахсой, то в первую очередь позаботились бы о состоянии могилы. Ак-Сарай динг стоит на территории старого кладбища, но никакого культа, который обязательно слагается вокруг старинных могил, в среде местного туркменского населения с ним не связано. А между тем на кладбище имеется мазар — плохонький купольный мавзолей XVIII—XIX вв., который доныне является местом поклонения, о чем свидетельствуют многочисленные votivnye тряпочки, подвешенные на шесте, и ведущая к входу проторенная тропка.

Видимо, не случайно население присвоило этому памятнику название Ак-Сарай динг, т. е. Башня Белого дворца (Белонабатная). Термином «динг» в Туркмении обозначают те высокие стоящие отдельно или встроенные в комплекс жилищно-хозяйственных сооружений двухэтажные башни, которые возводились в XVIII—XIX вв. при усадьбах и играли как хозяйственно-бытовую, так и оборонную роль в неспокойную пору межплеменной борьбы⁴. Очевидно, в народе Ак-Сарай динг рассматривался именно как сооружение гражданской, а не культовой архитектуры. Не служил ли Ак-Сарай динг парадным привратным сооружением богатой усадьбы или загородного дворца какого-то крупного феодала? Лишь после производства археологических раскопок можно будет окончательно решить вопрос о назначении этого памятника, который, бесспорно, заслуживает детальных исследований.

Что касается времени возведения Ак-Сарай динга, то оно определяется на основании сравнительного анализа.

Шатрово-башенные композиции очень типичны для хорезмской архитектуры поры развитого феодализма. Мавзолей XII в. — Фахраддина Рази и Текеша в Куия-Ургенче⁵, безымянный в урочище Иркибай и мавзолей

⁴ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. «Труды ЮТАКЭ», т. III, М., 1953, стр. 9, 17, сл., 27 и др.

⁵ Архитектурные памятники Туркмении. Под ред. Н. М. Бачинского. М.—Ашхабад, 1939, стр. 80 и сл.

Хасани-Саурани (XIV в.)⁶, могут служить характерными образцами. Общая стройность пропорций и отсутствие пещтака в Ак-Сарай динге позволяют склониться к более ранней датировке, отнести строительство здания к XI—XII вв., так как для шатровых сооружений XIII—XIV вв. присуща большая тяжеловесность форм и наличие портала. Архитектуре этого времени вполне отвечают и конструктивные особенности — кладка из жженого кирпича на глиняном растворе, двойной купол (шатровый внешний и округлый внутренний)⁷, ячеисто-консольное заполнение пишевого паруса⁸, характер начертания арочных кривых, наконец, общая стройность пропорций памятника.

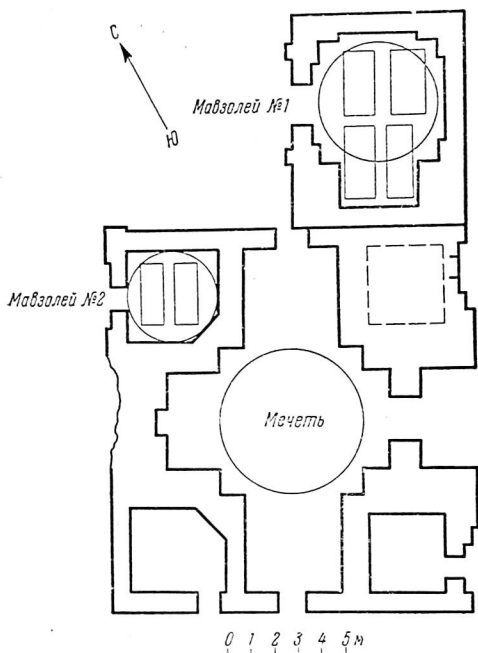

Рис. 4. Мазар Лалазем-ата. План

Рази, Текеша, Тюрабек-Ханым в Куния-Ургенче, видимо — Наринджан-баба (внешний купол его разрушен), Хасани-Саурани близ Хльвы, безмяный в урочище Ирклибай; в северотуркестанских районах — мавзолей Бабаджи-Хатун в Головачевке, Гумбез Манаса и Бобо-Теряж в долине Таласа, Вегум-Мишара, мавзолей Байтака, Кок-Кесене в оренбургских степях (оба последних, может быть, более позднего времени). Каждый памятник иллюстрирует какую-то новую композиционную разработку единого архи-

⁶ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 80, рис. 19, стр. 91, рис. 25.

⁷ Ср. упомянутые куния-ургенчские мавзолеи Фахрадина Рази и Текеша.

⁸ О консольно-ячеистых парусах в южнотуркестанских памятниках архитектуры XII в. см.: Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 247 и сл.

⁹ В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, табл. 61.

Архитектурный образ здания своеобразен и выразителен. Прямых аналогий ему в архитектуре Средневекового Востока нет. Его композиция отчасти напоминает некоторые колокольни Армении (например, в Татевском монастыре), но лишь отчасти, и это скорее совпадение приема при ином назначении и ином характере архитектурной системы⁹.

В Средней Азии шатрово-башенные композиции получают заметное развитие в XII—XIV вв. главным образом в северных районах — в Хорезме, в Семиречьи, причем сохранившиеся памятники (все — мавзолеи) являются собой разнообразные варианты этой темы. Вот перечень основных известных памятников этого типа: в Хорезме — мавзолеи Фахрадина.

Рис. 5. Мазар Лалазем-ата. Главный вход

тектурного типа — красноречивое свидетельство творческой неистощимости народных зодчих и активного формирования архитектурного стиля.

Ак-Сарай динг представляет своеобразное решение все той же темы. Если мысленно снять облегающий его понизу поздний ступенчатый паховый футляр, памятник предстанет перед нами как башенное сооружение с очень стройными пропорциями, впечатление от легкости которых усиливается двухъярусным построением композиции, устройством сквозных арочных проемов в обоих этажах, заостренной формой купольной скуфьи. Отсутствие какого-либо архитектурного декора несколько не снижает силы эстетического воздействия этого сооружения, подлинная «архитектурность» которого достигнута органическим слиянием формы и конструкции, объемно-пространственным выражением идеи через цикл чисто архитектурных приемов.

В Тахтинском районе нами обследован еще один небезыntenесный архитектурный памятник — мазар Лалазем-ата. Он расположен на землях колхоза имени А. М. Горького, в местности Бедеркент, совершенно заросшей непроходимой тугайной растительностью, куда можно пройти по единственной тропе. Постройка частично разрушена.

Это значительное архитектурное сооружение включает две смежные постройки (рис. 4). Основная представляет собою квадратную в плане мечеть. Главный фасад подчеркнут порталом с глубокой стрельчатой нишей, возвышающейся над уровнем стен, но лишь слегка выступающей из плоскости фасада. Внутри — квадратное, перекрытое куполом (диаметром 6 м) пространство со сводчатыми нишами, очень глубокими по поперечной оси, менее значительными по главной. Напротив входа — ниша михраба. В углах постройки размещено 4 помещения. Два с выходами на главный фасад — квадратные, два противоположных — подквадратные, с одним из углов, срезанным наискось.

Расположенное в северном углу помещение являлось мавзолеем; оно чисто прибрано, здесь висят две саганы и туг с многочисленными вотивными тряпочками. Три прочих комнаты, видимо, играли роль живых или хозяйственных хуждр.

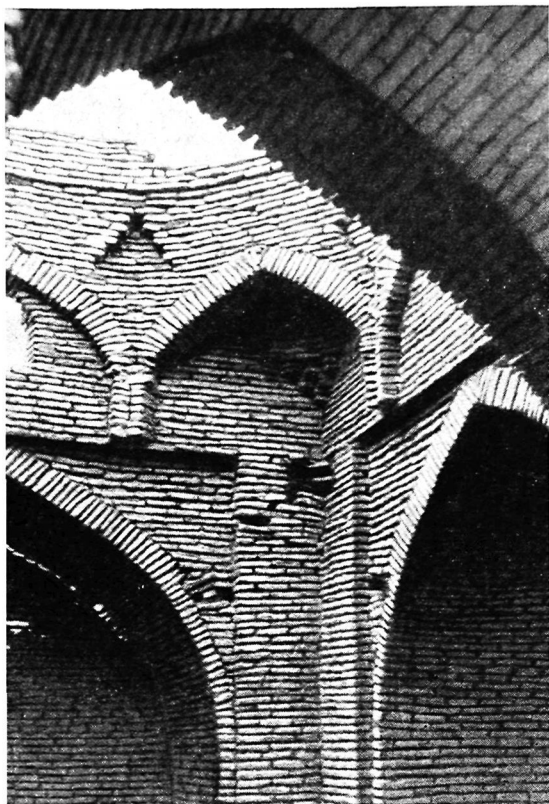

Рис. 6. Мазар Лалазем-ата. Интерьер мечети

С северной стороны, вплитык к мечети, пристроен другой мавзолей (1), угол которого наполовину закрывает вход в мечеть. Его квадратное в плане помещение имеет глубокую нишу в южной части. Вход, выделенный пештаком (рис. 5), обращен на юго-запад, т. е. в сторону, прямо противоположную входу в мечеть. Внутри находится 4 саганы; мавзолей этот и надгильники в запущенном состоянии.

Строительный материал обеих построек — жженный кирпич размерами 27—28 × 5 см (реже 26 × 4 см); кладки произведены на глиняном растворе. Это единство материала и сходство строительных приемов свидетельствуют, что перед нами лишь два этапа единого строительства, что мавзолей 1 был сооружен вскоре же после возведения мечети.

Перекрытия — сводчато-купольные. В главном зале мечети и в мавзолее 1 купола основаны на восьмиграннике нишевых парусов, в углах которых устроены небольшие трехрядные ячеисто-консольные паруса (рис. 6). Купол мавзолея 2 основан на парусах перспективно-консольного типа. Угловые худжры перекрыты сводами балхи.

Здание Лалазем-ата лишено какого-либо декора. Внутри и снаружи — простая, «рабочая» фактура кирпича при обнаженности конструктивных

кладок. Облику памятника присуща суровая монументальность. Его композицию формируют традиционные объемы: порталы со стрельчатыми сводами, разномасштабные сферокопические скупфы трех куполов, плоскости стен с глухой гладью кладки или же расчлененные стрельчатыми, в П-образных рамках лишами.

Определение времени сооружения Лалазем-ата затруднено в связи с отсутствием прямых датирующих данных. Сама постройка столь крупной мечети свидетельствует о том, что она была рассчитана на значительный приток посетителей из какого-то близрасположенного населенного пункта. Между тем вся местность так густо заросла тугаями, что на ней не видно никаких остатков ни былых строений, ни могил. Понадобился изрядный промежуток времени, пока все это покрыли непроходимые заросли, и лишь глубокое сухое русло заброшенного арыка свидетельствует о существовании здесь старой земледельческой культуры. Очевидно, возведение мечети и мавзолеев относится к сравнительно далеким от нас временам.

Учитывая приемы строительной техники, можно поставить Лалазем-ата в хронологическом ряду сразу же вслед за кирпичными мавзолеем Дев-Кескена и близко к мазару Исмамут-ата, интересному архитектурному ансамблю того же района¹⁰. С последним памятником Лалазем-ата сближают общие архитектурные принципы, масштабность, ничем не декорированная, грубоватая фактура кладок. Возможно, что возведение комплекса Лалазем-ата, так же как и Исмамут-ата, восходит к концу XVII в.— периоду некоторого оживления сельской жизни в этом районе.

Кроме двух описанных выше памятников, в Куния-Ургенском районе нами обследованы развалины Кызыл-Гумбез, о которых сообщил т. А. Клычев. От здания остались лишь цоколи и одна из стен, возведенных из добротного жженого кирпича (25×26×4,5) на глиняном растворе.

Внутренняя поверхность стены оштукатурена ганчем. Сохранилась часть тропы и настенная арка с очень четкой и красивой по начертанию кривой. Внутри мавзолея имеется три непропорционально длинные (явно более поздние) саганы. На одной из них уцелел участок древней облицовки из кирпичей превосходной ярко-голубой поливы, по качеству подобной глазурованным облицовкам куния-ургенских мавзолеев XIV в. К этой эпохе расцвета феодального Хорезма, очевидно, восходит и время сооружения Кызыл-Гумбеза.

Мавзолеи Дев-Кескена

Более поздний по времени весьма интересный комплекс памятников представляет группа мавзолеев на городище Дев-Кескен на южной оконечности Устюрта. Обследование этого пункта было осуществлено в 1946 г. С. П. Толстовым, предположительно отождествлявшим его с городом Вазиром — «столицей западнорезмийского удельного княжества XVI—XVII вв.»; при описании его руин С. П. Толстов упомянул «поздне-средневековые мавзолеи»¹¹. Участник работ Устюртского отряда архитектор М. А. Орлов в своей публикации также говорит о мазарах у восточных ворот города и внутри крепости¹². Поскольку оба названных автора, отмечая существование этих погребальных памятников, не останавливаются на их описании, мы считаем целесообразным дополнить сведения о Дев-Кескене характеристикой мазаров.

¹⁰ Ю. В. Стеблюк. Исмамут-ата (К типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии). СЭ, № 3, 1959, стр. 89—97.

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 52—53.

¹² М. А. Орлов. Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 160—161, рис. 8, 9.

В 1958 г. нами были осуществлены обмеры, зарисовки и фотофиксация дев-кескенских мавзолеев, что позволяет теперь подойти с определенной оценкой к этим небезынтересным в историко-архитектурном отношении сооружениям.

Народные туркменские легенды возводят историю Дев-Кескена к незапамятным временам. Вот предание, связанное с этим городом, записанное

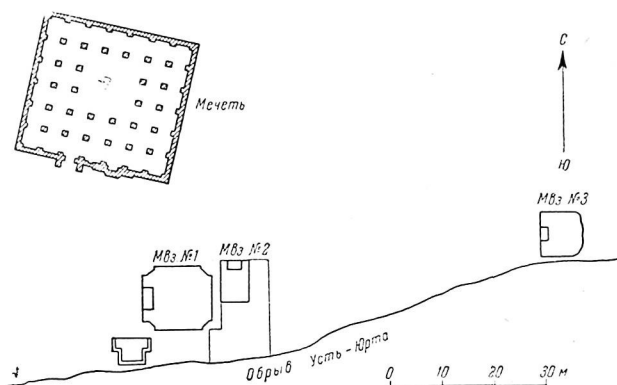

Рис. 7. Дев-Кескен. План ансамбля культовых зданий

нами со слов начальника куня-ургенчского райкомхоза Аннакули Клычева — большого любителя и знатока местной старины. Элементы фольклора явственно сливаются здесь с сюжетами классической среднеазиатской литературы.

...Давным давно областью по Дарьялыку и Сарыкамышу правил могущественный Эджем-шах (по другому варианту — Ибрагим-шах); считают, что он не был ни туркменом, ни иранцем. Была у него дочь — красавица Ширин, которая воспылала ответной любовью к горячо ее полюбившему бедняку-каменотесу Пархаду. Решительно не желая брака молодых людей, но вместе с тем и не желая огорчить прямым отказом свою любимицу, Эджем-шах заявил, что отдаст ее за человека, который пророев в скалах Устюрта ров и соорудит укрепление. Хотя Пархад был искуснейшим каменотесом, такая титаническая работа была и ему не по плечу. Однако, Ширин проявила хитрость: в то время, как днем трудился один Пархад, она по ночам заставляла работать тысячи принадлежавших ей рабов.

Прошло некоторое время — и вот Эджем-шаху докладывают, что крепость и ров готовы. Пораженный и разъяренный шах заявляет, что здесь что-то нечисто, что крепость эта — дело рук не человека, а дэва (дэв, див — злой дух). Тем не менее данное обещание нужно было выполнять. И вот, не желая все же отдать Ширин за простолудина, шах сам пустился на хитрость: ночью поставил тысячу рабов, которые углубили в одном из участков ров, а наутро сказал: «Видишь, твой Пархад не трудился сегодня, а между тем дэв сделал свое дело. Он обманщик и замуж за него ты не пойдешь!» От горя и глубокой тоски, овладевшей им, Пархад умер; отсюда название крепости — «удавленный дэвом» — Дев-Кескен; вслед за ним умирает и Ширин. Для них-то якобы и отстроены два мавзолея, смежно расположенных в южной части города, над обрывом Устюрта.

Созданный Пархадом город, расположенный на вершине, где некогда росло множество деревьев, а внизу протекала река, получил название Шахри-Амакия («Прекраснейший город», «Дивноград»).

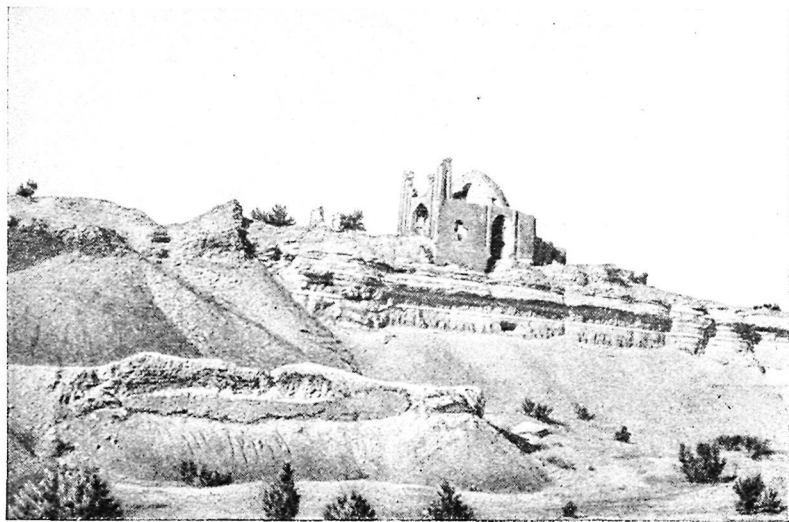

Рис. 8. Дев-Кескен. Мавзолей 1

На территории крепости явственно видны следы большого пожара — бугры золы, которые попеременно с глиной оплывших стен и археологическими остатками обозначают местоположение бывших домов. И только три кирпичных мавзолеев, да руины мечети высятся в южном участке почти над самым обрывом Устюрта¹³ (стр. 7).

Эти четыре монументальных сооружения составляют единый (хотя и не вполне одновременный) архитектурный ансамбль. Приведем описание построек, приняв для мавзолеев условную нумерацию — 1, 2, 3.

Мавзолей 1 (рис. 8) ориентирован по странам света, главный фасад его обращен на запад. Материал постройки — обожженный кирпич размерами 26—27×4,5 см. Кладка — на глиняном растворе. Цоколь высотой до 1 м сложен из аккуратно подтесанного плитняка; длина плит 30, 32, 35 — до 37 см, толщина 7—8 см (варианты — от 6 до 10 см). Интерьер мавзолея, фасадные ниши, сталактитовое венчание пещака и его панель оштукатурены ганчем.

Мавзолей имеет единственное квадратное помещение (рис. 9, а). По внешнему контуру это квадрат со срезанными под 45° углами. По главному фасаду его выдвинут сильно возвышенный пещак, по трем остальным фасадам расположены небольшие порталы с глубокими сводчатыми нишами и П-образными рамами, которые не выступают из плоскости стен, но возвышаются над их гребнями.

В перекрытии всех этих сводов использована система ганчевых щитовидных парусов с рельефными гуртами, создающая переход к конховому полукуполу, звездчатому в основании (в горизонтальной проекции он образует половину 16-тигранника). На угловых срезах мавзолея также устроены полуосьмигранные в плане ниши со стрельчатым завершением и конховым ребристым полукуполом. На поверхности ганчевых парусов выгравированы кирпичные выкладки — звездчатые и в ёлку.

¹³ В статье М. А. Орлова (см.: М. А. Орлов. Указ. соч., стр. 161) говорится не о трех, а лишь о двух мазарах на южном обрыве и совсем не упомянута мечеть.

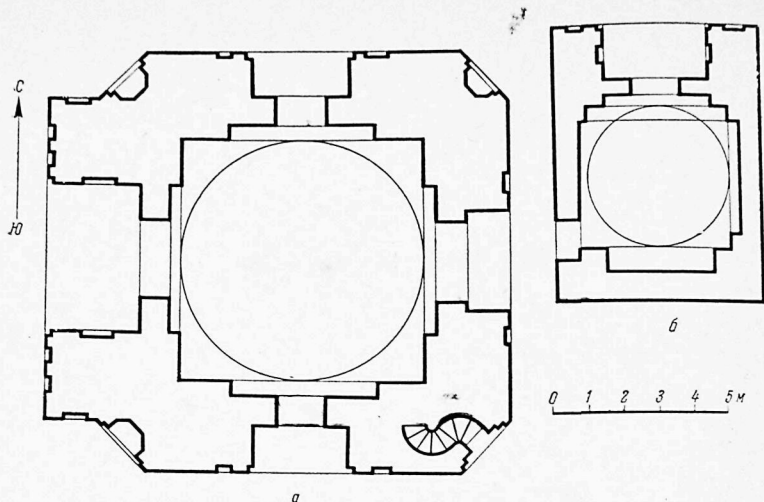

Рис. 9. Дев-Кескен. План мавзолеев:

а — мавзолея 1; б — мавзолея 2

В юго-западном углу мавзолея устроена винтовая лестница, ведущая к куполу.

В интерьере — четкое трехчастное расчленение: плоскости стен заключают неглубокие, но обширного пролета стрельчатые ниши со стрельчатыми же входными проемами на осях. Выше, отделенный горизонтальной тягой, следует переходный к куполу восьмигранник с арочными нишами по главным осям и с нишевыми парусами по диагоналям. Паруса выведены в виде сомкнутого свода, а в углах заключают трехрядный ячешто-консольный парус. Арки здесь имеют своеобразное очертание (рис. 10). Выше следует стрельчатый купол толщиной всего лишь в два кирпича. В кладку его введены расположенные concentрическими кругами отдельные выпущенные наружу кирпичи. Основанием купола служит небольшой четверик и невысокий восьмигранный барабан. Внутри переход от восьмигранника парусов к кольцевой кладке купола смягчен восьмью парусками консольно-ячештого типа; в этом уровне на главных осях имеется 4 оконца (рис. 10).

Главный фасад, обращенный на запад, выделен, как уже было указано, пештаком. Последний сильно пострадал от времени — кладки между устоями выше порталного свода разрушены почти полностью. Тем не менее, архитектоника его совершенно ясна: порталная арка в четырехкратном охвате П-образных, выступающих и западающих рам, боковые устои с заметным скосом граней, сталактитовая шарафа, некогда завершавшая верх; над аркой размещалось западающее на полкирпича прямоугольное поле. Неширокие боковые грани пештака расчленены надвое узкой, западающей полосой. Никаких следов наружного архитектурного декора памятник не сохранил. Более того — на нем остались следы, свидетельствующие о том, что строительные работы были внезапно прекращены. Это подтверждают неспиленные концы арчевых балок на пештаке, введенные в качестве связей и для устройства подмостей, необходимых в процессе отделочных работ; об этом говорят и те западающие рамы между доплатками, которые были предназначены, по-видимому, для изразцового декора.

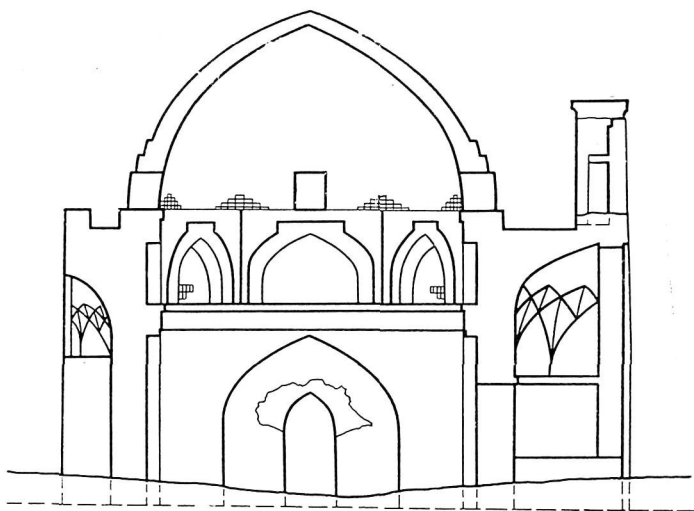

Рис. 10. Дев-Кескен. Мавзолей 1. Разрез

М. А. Орлов датировал «мазары на южном обрыве... XVI, если не началом XVII вв.»¹⁴ Между тем, датировка мавзолея 1 достаточно точно определяется на основании анализа его стилистических особенностей.

Характерной деталью в конструкции порталных сводов является система ганчевых щитовидных парусов, образующих переход к конховому полукуполу (рис. 11, а, б; рис. 12). Это те несложные еще типы пространственных оболочек, которые присущи среднеазиатской архитектуре второй половины XV в.; в XVI столетии уже возникают более развитые и усложненные комбинации сетчато-парусных систем¹⁵.

Планировочная схема мавзолея — квадрат со срезами углов, с выделенным шестаком и со сводчатыми нишами по главным осям близка к планировке мазара Абу-Наср Парса в Балхе (60—70-е гг. XV в.)¹⁶, хотя объемная композиция и богатейший архитектурный декор этого роскошного памятника, разумеется, не могут идти ни в какое сравнение со скромным, провинциальным дев-кескенским мавзолеем. Сходен по композиции и Зиарет близ Бурджигурда (иранский Хорасан), конструктивные детали которого явно восходят к XV столетию¹⁷.

Очевидно, мавзолей 1 был отстроен в правление Султан-Хусейна Байкары, к концу XV в., когда Вазир переживал период известного благоде-

¹⁴ М. А. Орлов. Указ. соч., стр. 160.

¹⁵ Об эволюции в среднеазиатской строительной технике XV в. системы перекрытий на щитовидных парусах и пересекающихся арках см.: Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. Ташкент, 1957, стр. 11 и сл.

¹⁶ O. Niedermayer. *Afganistan*. Leipzig, 1924, стр. 65, рис. 204, 205; R. Вугон. *Timurid Monuments in Afghanistan*; «Иранское искусство и археология. III-й международный конгресс. Доклад», М.—Л., 1939, стр. 36, табл. XVI.

¹⁷ D. N. Wilber. *The Architecture of Islamic Iran. The Il Khanid Period*. Princeton, 1955, стр. 133, табл. 47, 48, рис. 18, 19. Автор ошибочно датирует Зиарет временем около 1300 г., чему противоречит характер строительных конструкций. См. рец. Г. А. Пугаченковой, СА, 1959, № 3.

ствия и на территории его возводились монументальные здания. Прекращение строительства, незавершенность декоративной отделки могли явиться следствием распри и неурядиц, раздиравших к концу царствования Султан-Хусейна тимуридскую державу, северные области которой стали объектом притязаний местных правителей и узбекских ханов.

Никаких следов погребения в мавзолее нет. Сейчас его зал играет роль зиарат-ханы для расположенного рядом мавзолея 2. Именно здесь, под сводом пештака, приходившие порою издалека на зиарат туркмены гото-

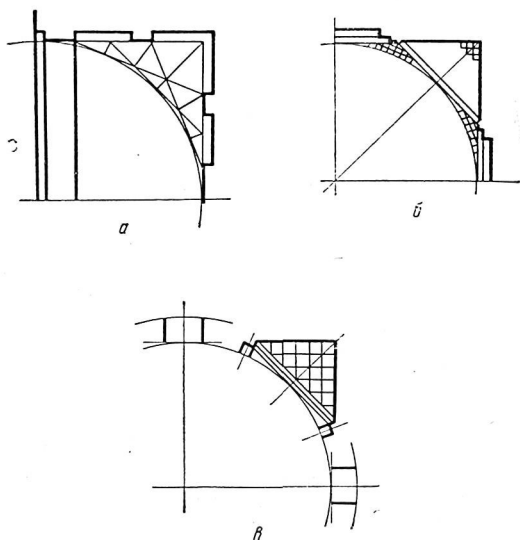

Рис. 11. Дев-Кескен.

а — проекция парусов порталной ниши мавзолея 1; б — проекция подкупольных парусов мавзолея 1; в — проекция подкупольных парусов мавзолея 2

вили ритуальную пищу, о чем красноречиво говорят вмазанный над очагом котел и стоящие рядом пиалы и кумган. Между тем ориентация по странам света, а не на кыблу, свидетельствует, что здание строилось именно как мавзолей, а не как мечеть или ханака.

С точки зрения архитектурной в постройке доминируют чисто хорезмские традиции. Форма сильно выдвинутого стройного, но тонкого пештака с многократным П-образным обрамлением порталного свода, скошенными гранями устоев и сталактитовой шарафой появляется в мавзолее Куния-Ургенча XIV в. — Наджмеддин Кубра и Тюрабек-Ханым¹⁸. Но некоторая тяжеловесность сооружения (в отличие от ургенчских мавзолеев), четырехъярусное оформление, сфероконическая оболочка купола без промежуточного барабана — все в дев-кескенском мавзолее 1 свидетельствует о каких-то новых, в сравнении с упомянутыми памятниками Куния-Ургенча, композиционных исканиях хорезмских зодчих XV в. Однако, они не имели тех широких возможностей для воплощения своих замыслов, которые были открыты перед их гератскими и самаркандскими собратьями по ремеслу в эпоху тимуридов.

¹⁸ «Архитектурные памятники Туркмении», стр. 53, 54, 90. Объемная схема мавзолея 1 близка к расположенному напротив мазара Наджмеддин Кубра мавзолю Султан-Али, датировка которого еще, впрочем, не уточнена.

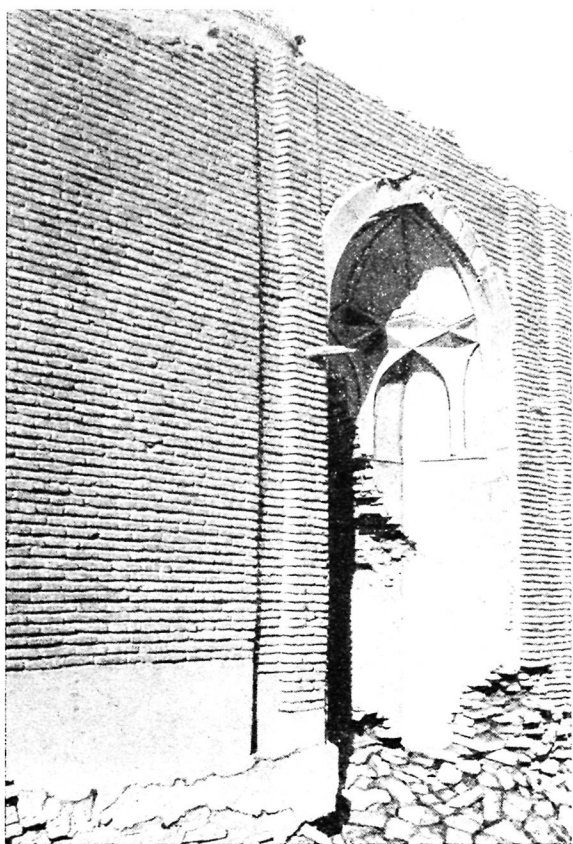

Рис. 12. Дев-Кескен. Паруса в нише мавзолея 1

На расстоянии 2,40 м к востоку от первого мавзолея находится мавзолей 2. Он явно был «подстроен» к первому (следуя направлению его осей и красной линии) с северной стороны, на которую обращен своим главным фасадом. Мавзолей невелик — 6×8 м по внешнему периметру, при четырехметровом пролете квадратного помещения (рис. 9, б).

Цоколь постройки сложен на высоту до полуметра из грубо околотых каменных плит. Остальные части мавзолея возведены из жженого кирпича главным образом размером $24 \times 24 \times 5$ см (варианты $22-25 \times 4-4,5$ см) на глиняном растворе. Ниша портала и поверхности интерьера оштукатурены ганчем.

Мавзолей имеет портално-купольную композицию. В пештаке находится сводчатая ниша, в щипцовой стене которой расположен вход. Второй проем сделан в западной стене напротив соответствующего входа в первый мавзолей; по-видимому, он был пробит позднее для того, чтобы соединить два этих здания. Купол разрушен несколько выше уровня парусов; сложен он кольцевыми рядами с окнами по главным осям. Паруса

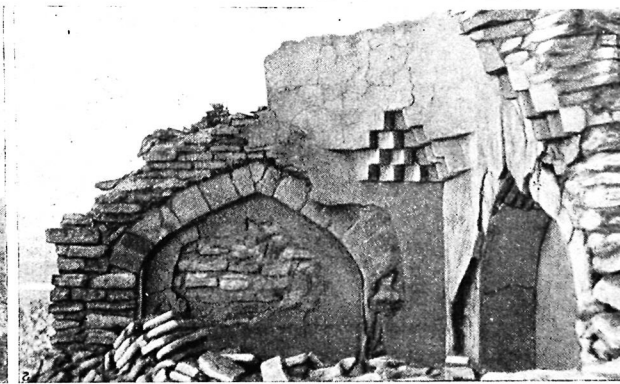
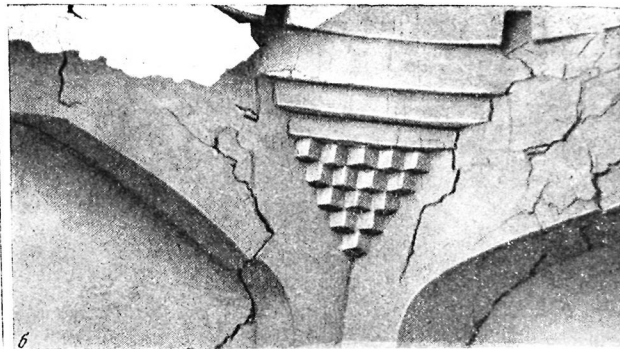
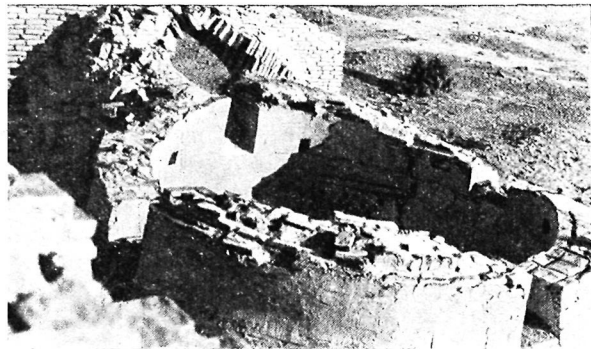

Рис. 13. Дев-Кесек.

а — полуразрушенный барабан мавзолея; б — Фриз мавзолея; в — портал мавзолея; г, д — мавзолей; з — Общий вид; и — руины постройки, смежной мавзолею; ж

консольно-ячеистого типа, образованные последовательным свесом рядов кирпичца (рис. 13, б и 11, в). Стены интерьера имеют неглубокие ниши со стрельчатыми арками. На полу — обложенное кирпичом и камнями надгробие. Это и есть мазар Ширин.

Мавзолей 2 может быть датирован приблизительно тем же временем, что и первый, хотя он и возведен, по-видимому, несколько позднее. Время его постройки восходит, может быть, к первой половине XVI столетия, когда Вазир был еще значительным городом и здесь в 1539 г. даже пребывал Шейбани Убайдулла-хан, вынужденный, однако, при приближении войск Дин-Мухаммед-хана бежать в Бухару¹⁹.

При возведении памятника строитель явно стремился сделать его в стиле уже существующего мавзолея 1, расположив его северный фасад на единой красной линии и как бы подчеркнув скромными масштабами его второстепенное положение. Архитектура здания довольно шаблонна, но, будучи возведено, оно органически вошло в композицию всего архитектурного ансамбля в южной части крепости Дев-Кескен.

Значительно интересней по своим архитектурным качествам мавзолей 3 (рис. 13, в). Он расположен поодаль, к востоку от описанной группы, обращен своим главным фасадом на запад и, очевидно, когда-то замыкал тянувшуюся от первых двух мавзолеев улочку культового ансамбля подобно тому, как фасад мавзолея Ходжа-Ахмада замыкает ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде. Обрыв Устюрта ныне придвинулся к самому мавзолею, угрожая обрушить его южный фасад.

Техническое состояние мавзолея плачевное: купол обрушился, угловые кладки четверика стен и западный фас наполовину разобраны, многочисленные трещины бороздят стены и подкупольный барабан.

Мавзолей однокамерный; это квадратное в плане помещение, в котором высится сагана; с северной стороны — глубокая ниша, очевидно, предназначенная для надгробия, которого, однако, в ней нет. В северо-западном углу располагается винтовая лестница, которая в настоящее время завалена битым кирпичом (рис. 14).

Нижняя часть сооружения на высоту до 1,50 м выложена из крупных правильно околотых плит на глиняном растворе; размер их по длине от 28—30 до 40—42, толщина — 12—14 см. Выше кладка сделана из жженого кирпичца (22—23×4—5 см) также на глине. Цоколь, ниши фасадов и все поверхности интерьера оштукатурены ганчем. Близость стандарта кирпичца к таковому же в мавзолее 2 позволяет предположить, что оба мавзолея построены приблизительно в одно время. Однако, по своим архитектурным качествам мавзолей 3 намного интереснее.

Очень своеобразна в этом мавзолее конструкция перекрытия (обмер разреза, к сожалению, осуществить не удалось). По сторонам квадрата помещения переброшены четыре подпружные арки; между ними в углах выпущены ячеисто-консольные паруса, образующие переход к восьми-

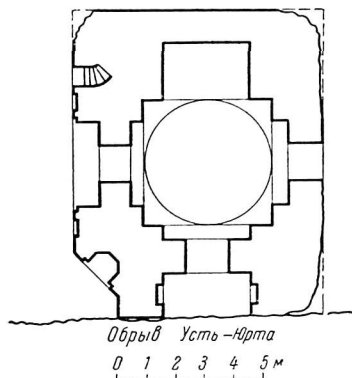

Рис. 14. Дев-Кескен. Мавзолей 3. План

¹⁹ Искандер Мушви. Извлечения из «Тарихи алам-араи Аббаси». МИИТ, т. II, М.—Л., 1939, стр. 65—66.

граничку; от этого последнего посредством ячеисто-перспективных парусов осуществлен переход к круглому внутри, восьмигранному снаружи барабану с восьмью просторными окошками. На нем покоится внутренний купол толщиной в один кирпич; имелся еще и купол внешний, видимо, сфероконический, остатки которого прослеживаются лишь на небольшом участке.

План здания, как это видно на чертеже, асимметричен. Но это не ощущается на его фасадах, хотя каждый из них решен по-разному: северный — гладкий; восточный — более длинный по фронту, имеет дверной проем; южный — подчеркнут глубокой сводчатой нишей; главный же, западный, выделен возвышенным пештаком, к которому примыкают невысокие крылья, причем левое отмечено арочным входом на лестницу, а правое — скошенной под 45° гранью с полуосьмигранной нишкой. Эта неоднородность фасадов не останавливает на себе внимания потому, что сам объем мавзолея воспринимается словно базис венчающего его высокого подкупольного восьмигранного барабана. Пештак мавзолея сохраняет приходящие для порталов средневековой хорезмской архитектуры черты: большую толщину (в размер стены), скосы боковых граней, систему узких П-образных обрамлений. Однако, в целом архитектурная композиция мавзолея 3 весьма оригинальна — прямого аналога ей нет в архитектуре Средней Азии и сопредельных стран.

Так же, как и мавзолей 1, постройка эта свидетельствует о творческих исканиях хорезмских зодчих на грани XV—XVI вв.

Мавзолей Дев-Кестена не входит в категорию первоклассных памятников среднеазиатской архитектуры. Однако, они восполняют пробел в познании хорезмского зодчества XV — начала XVI вв., и поэтому заслуживают специального изучения и сохранения в разряде тех сооружений, которые находятся под государственной охраной.

Данных письменных источников, которые указывали бы, для кого возведены дев-кестенские мавзолеи, нет. Но самый факт особого местонахождения их не на общем кладбище, а в пределах укреплений и густо застроенной части города, парадно-монументальный характер их архитектуры, соединение построек в едином комплексе с городской джумачетью — все это позволяет предполагать, что строились они для каких-то видных лиц из среды местной знати.

Существенный элемент описываемого ансамбля составляет мечеть. Она расположена к северу от мавзолея 1 возле улочки, тянувшейся по направлению к мавзолею 3, которая явственно видна в археологическом микрорельефе. Мечеть очень разрушена, сейчас это груда камней и кирпича (рис. 15, а), однако, план ее вполне восстанавливается по остаткам.

Мечеть прямоугольна (35×32 м по внешнему периметру), имеет квадратный дворик (14×14 м), обведенный арочными галереями, основанными на столбах. С северной стороны двора столбы размещены в один ряд, с трех остальных — в два ряда. Мечеть ориентирована на кыбу; михраб расположен на юго-западной стене, выступая своими гранями по фасаду. Он сбит с оси, так как несколько поодаль от него, на том же фасаде, находится и вход в мечеть, выделенный выступающим пештаком. Такое нарушение симметрии и совершенно необычный прием устройства входа свидетельствуют о соподчинении архитектуры мечети какой-то уже сформировавшейся планировке культового ансамбля и возможностям застройки отведенного для нее участка.

Стены сложены из грубо обработанных каменных плит различного размера. Между тем цоколь пештака высотой до 1,5 м и столбы, на которые опираются арки галереи, возведены из крупных тщательно отесанных блоков (размеры 35, 43, 56, и до 70 см по длине, при толщине 15 см). Между столбами были переброшены кирпичные арки (размеры сторон

Рис. 15. Дев-Кескен.

а — руины мечети; б — мавзолей на кладбище к востоку от крепости

жженого кирпича от 22 до 25 см, но преобладает кирпич размером $24 \times 24 \times 4$ см). Сейчас можно увидеть лишь три арки в юго-восточном участке мечети. В углах между арками — простейшие, в три ряда, ячеистые паруса, переходящие в кольцевую кладку куполов, ныне не сохранившихся. Общее число куполов достигало 33-х. Все кладки — на глиняном растворе.

Время сооружения мечети восходит, очевидно, к поре сложения всего архитектурного ансамбля — к концу XV — началу XVI вв. В эту же пору возводилась дворцовая мечеть с арочными галереями на квадратных столбах — Калян в Бухаре (1514 г.). В планировочном отношении дев-кескенская мечеть словно бы повторяет в малом масштабе очень архаический тип арабских мечетей IX в. (например, Ибн-Тулун в Каире), по

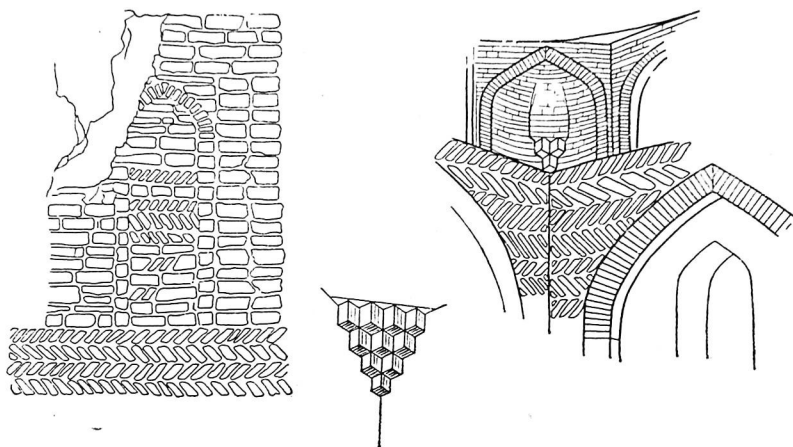

Рис. 16. Дев-Кескен. Мавзолей на кладбище к востоку от крепости. Архитектурные детали.

это не историческая реминисценция, а не более как совпадение: все конструктивные приемы здесь сугубо местные и связаны с позднесредневековой хорезмской строительной традицией. Так, на вскрытом раскопками Хорезмской экспедиции в Куни-Ургенче участке близ основанного в 1011 г. минарета был открыт остаток мечети, перестроенной в XIV в. Там имелись квадратные кирпичные столбы, на которые, видимо, опиралась ооясывавшая двор аркада²⁰. Да и сами приемы строительной техники (каменные цоколи, характер кирпичных арок, тип ячеистых парусов) в нашей мечети сходны с теми, которые мы уже наблюдали в дев-кескенских мавзолеях.

В описанный культовый комплекс входили и другие, не сохранившиеся постройки. Так, у юго-западного угла мавзолея 1 над самым обрывом высится стена какого-то сооружения типа открытого с одной стороны айвана. Вплотную к мавзолею 2 примыкает угол и ячеисто-консольный парус разрушенной ныне постройки (рис. 13, г). Бутры разрушенных и развешенных сооружений видны на поверхности. Все это является показателем существования довольно сложного исторически сложившегося комплекса разнообразных сооружений, подчиненных известному планировочному замыслу, красной линии улицы, системе параллельных осей и определенным масштабным соотношениям.

Развалины архитектурных сооружений имеются в Дев-Кескене и за восточной крепостной стеной. Здесь простирается обширное кладбище, где видны развешенные могилы, руины мазаров и остатки намазги. Расположение последней на территории пригородного кладбища — обычное для городов средневекового Туркменистана явление (ср. намазгу Нисы, Дахистана и др.)²¹. От дев-кескенской намазги сохранился вал белой каменной оградой, охватывавшей пространство 60×60 м. Вход расположен с северо-востока, на противоположной от него стене видна глубокая ниша михраба.

²⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 230; Н. Н. Вактурская. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Там же, стр. 483.

²¹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 265 и сл.

Вокруг имеются остатки многочисленных мавзолеев (рис. 15, б). По-видимому, это были усыпальницы (фамильные или индивидуальные) лиц феодального состояния, но не духовенства, чьи погребальные постройки, как правило, стараниями того же мусульманского духовенства сохраняются со временем предметом почитания и культа, и потому заботливо сохраняются в веках. Такой заботы в отношении описываемых мавзолеев не видно — они заброшены, разрушены, могилы завалены прудами камня и кирпича, лишь кое-где высятся массивы стен, остатки перекрытий, а то и просто одиночная арка.

Стены мавзолеев выложены из камня. Здесь применяется комбинированная кладка — то горизонтальными рядами отесанных каменных брусков, то «в ёлку» из тонких плиток, близких к формату обычного кирпича. В плане здания квадратны (сторона квадрата равна 4—5 м), иногда имеется портал, образованный выдвинутыми антами боковых стен. В ряде случаев по сторонам квадрата устроены ниши, для чего основываются четыре подпружные арки. Арки эти выложены из жженого кирпича. Что касается перекрытия, то оно было купольным, опосаанным на восьмиграннике парусов, возведенных из сырца; очевидно, сырцовыми были и купола, потому-то ни один из них и не сохранился. Паруса чаще всего выложены приемом сомкнутого свода, с двух- или трехрядным ячеисто-консольным устройством в угловом участке, а иногда они просто ячеисто-консольного типа — до четырех или пяти рядов (рис. 16).

Описанные конструктивные приемы характерны не только для Дев-Кескена, но и для других позднесредневековых мавзольных сооружений западного Хорезма. Таковы, например, мазары Коша-Гумбез в 15 км от колодцев Якидже на Узбое, которые С. П. Толстов датирует XVI—XVII вв.²²

Мазары на дев-кескенском кладбище, по нашему мнению, могут быть датированы XV—XVI вв. — периодом наиболее интенсивной жизни и застройки города, когда аналогичные приемы каменных или смешанных сырцово-каменных кладок были использованы в обновленной фортификации стен. Памятники эти, разумеется, уступают и по масштабам и по общей импозантности форм мазарам, отстроенным внутри крепости, но они, тем не менее, важны потому, что являются памятниками рядовой погребальной архитектуры позднесредневекового Хорезма, представленной в ее провинциальных образцах. Обследованные в 1959 г. памятники бывшей Ташаузской области представляют бесспорный интерес для истории зодчества средневекового Хорезма и Средней Азии в целом.

²² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 30, рис. 9.

Г. П. Васильева

**К ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕН ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ
ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ХОРЕЗМА¹**

(по материалам полевых исследований 1955, 1959, 1960 гг.)

В 1959 г. Туркменский этнографический отряд продолжал исследования культуры и быта туркмен Ташаузской области². Главное внимание, как и в прошлые годы, было обращено на сбор материалов по этнографии наиболее значительной среди ташаузских туркмен группы йомутов, которые до наших дней сохраняют своеобразие быта и культуры.

Исторические сведения о туркменах-кубадаглы

Среди йомутского населения левобережного Хорезма выделяются так называемые кара-йылгылы (кара-йылгунлы) или кубадаглы, ныне живущие в колхозах восточной половины Калининского района возле возвышенности Куба-тау, по имени которой они получили свое второе название. Численность этой группы, по данным комиссии по районированию 1925 г., составляла 3930 человек³ (655 хозяйств). Территория, на которой они живут, в прошлом входила в состав Мангытского бекства⁴. После национального размежевания отошедшие к Туркмении земли Мангытского бекства вошли в состав Порсинского района, охватывавшего территорию Калининского и Тельманского районов⁵.

¹ Области Туркменской ССР, в том числе и Ташаузская, были ликвидированы указом Президиума Верховного Совета ТССР от 5 января 1963 г., однако, поскольку группы туркмен, живущие на территории б. Ташаузской области, очень близки между собой и отличаются от других групп туркмен ТССР, мы будем в работе называть их «ташаузскими» или «северными».

² Общие результаты работ отряда за предыдущие годы опубликованы. См.: Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. ТХЭ, т. I, М., 1952; она же. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. МХЭ, вып. 1, М., 1959; она же. Объяснительная записка к этнографической карте Ташаузской области и карты. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. «Труды ИЭ», т. XVIII, 1960; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Известия АН СССР», № 2, 1957 и др. работы.

Краткая характеристика работы отряда в 1959—1960 гг. и общие итоги полевых исследований за эти годы даются в общем отчете С. П. Толстова. МХЭ, вып. 6. М., 1963.

³ ЦГА МВД ТССР, ф. 616, оп. № 1, д. 66 а, л. 5.

⁴ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II. Ташкент, 1903, стр. 65. После установления Советской власти и до национального размежевания административные единицы назывались «шуро». См.: Территория и население Бухары и Хорезма, ч. II. «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 2. Хорезм — Ташкент, 1926, стр. 34.

⁵ Тельманский р-н, созданный в декабре 1938 г. (ЦГА МВД ТССР, ф. 125, оп. 36, д. 77, л. 8), был слит с Калининским указом Президиума Верховного Совета ТССР

По преданиям, которые старики помнят и в наши дни, название кара-йылгылы получили потомки йомутских рабов («куллар»), в начале XIX в. отселившиеся из окрестностей Тахты от «чистых» йомутов (иг), когда-то бывших их хозяевами.

В места нынешнего обитания кара-йылгылы переселились 90 лет назад⁶ с запада, из местностей Кыркыз, Кара-йылгыл, Онгулак (к востоку от Сакар-яба), Назар-бай, Секиз-атлык и других,⁷ на которых в свою очередь поселились за несколько десятков лет до этого⁸. Поселившись на Кыркызе и Кара-йылгыне, они расчистили заросли гребенника и пустили воду в старые каналы, так что земли стали пригодными для обработки⁹.

Времена были чрезвычайно беспокойные, и туркменам то и дело приходилось обороняться от набегов узбеков и казахов¹⁰. Для защиты от них туркмены строили крепости — «сенгиры». Наиболее значительным укреплением, принадлежавшим кулам-йомутам, был сенгир Таганкули¹¹.

В этот период истории, по свидетельству наших информаторов, йомуты «иги» и «кулы» совместно выступали против узбеков¹². Каждое родовое подразделение имело своего вождя; наиболее крупным и богатым среди кара-йылгылы был Мэт-вели-мехрем¹³ («мехрем» у туркмен сборщик налогов и хранитель ханской печати).

В 60-е гг. XIX в., незадолго до прихода «русской экспедиции» (так называют наши информаторы хивинский поход 1873 г., в результате кото-

---

от 2/1 1963 г. (газ. «Коммунизм-ёлы» от 5/1 1963 г.). Укрупненный район стал называться Калининским.

⁶ Полевые записи от 1/VII и 4/VII 1959 г. Здесь и ниже, кроме специально оговоренных случаев, имеются в виду полевые записи автора, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР.

⁷ На карте 1905 г., помещенной в книге В. Лобачевского «Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа». Ташкент, 1912, эти местности находятся к югу от Куны-Ургенча по левому берегу Дарьялыка. Кара-йылгыл названа на карте «Кара-джангылы». Наши информаторы местность Кара-йылгыл локализируют восточнее, с другой стороны Дарьялыка, на территории современных колхозов им. Максима Горького (Куны-Ургенчский р-н) и им. Москвы (Калининский р-н). Полевая запись 13/VI 1956 г. и 29/VI 1959 г. Здесь же А. В. Каульбарс помещает «землю кара-ингынов». См.: А. В. Каульбарс, Низовые Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. СПб, 1881, стр. 399. Все эти местности, как и указанные выше, составляли территорию Ханабада. См.: Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 100.

⁸ Полевые записи 1/VII и 4/VII 1959 г. Байин указывает, что в середине 1848 г. хан дал в урочище Назарбай-тегин атлыки 700 конникам из кара-йылгылы. См.: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 222. Часть кулов-йомутов, видимо, поселилась в Ханабаде в 30-х годах в начале освоения этой территории. См.: Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 100; полевая запись от 8/VII 1960 г.

⁹ Имя этой группы йомутов, «кара-йылгылы», происходит от туркменского названия гребенника (tamarix — лат.) — «йылгыл». По словам информаторов, их предки, поселившиеся на территории Ханабада, нашли здесь густые заросли этого кустарника (кара-йылгыл), которые им пришлось выкорчевывать, чтобы освободить землю под пашню. Указанное выше прозвище прилагалось вначале как к потомкам йомутских рабов, так и к «чистым» йомутам, жившим рядом с ними в одинаковых условиях. Позднее так стали называть только потомков рабов, придавая этому понятию презрительный оттенок. Свою однозность название кара-йылгылы сохранило до наших дней. В настоящее время эту группу йомутов Калининского р-на обычно называют «кубадаглы».

¹⁰ Полевые записи 1/VII и 4/VII 1959 г. Как известно, середина XIX в. была временем чрезвычайно беспокойным в жизни Хивинского ханства и, в частности, туркмен, которые с оружием в руках отстаивали свое право на существование. См.: История Туркменской ССР, т. I, кн. II, Ашхабад, 1957, стр. 88—89.

¹¹ Полевая запись 1/VII 1959 г.

¹² Это подтверждается хрониками хивинских ханов. См.: МПТТ, т. II, Л., 1938, стр. 577, 579.

¹³ Полевая запись 4/VII 1959 г. В хрониках Муниса и Агехи он упоминается под именем Мухаммеда Вели. МПТТ, т. II, стр. 577, 579.

рого России установила протекторат над Хивинским ханством)¹⁴, йомуты кара-йылгынылы вынуждены были переселиться в места нынешнего обитания. Главной причиной переселения было отсутствие воды на землях Хапабада и набеги казахов с Устюрта — об этом говорят все наши информаторы; старейший из них 91-летний Каратай-соны Ярыев рассказал эпизод, якобы послуживший причиной переселения кара-йылгынылы на новые места.

Однажды на одном из празднеств (той), на котором присутствовали и богатейшие из йомутов, и где решался вопрос о совместном выступлении против узбеков, Мэт-вели-мехрему было предоставлено слово. Когда последний собрался говорить, один из игров заметил, что Мэт-вели, будучи кулом, по правилу, может высказаться лишь после окончания пира («тойледен сон»). Мэт-вели принял это как оскорбление и откочевал со своим народом на восток, предварительно получив от хана разрешение поселиться вокруг Джемшид-кала, где были земли, оставленные джемшидами¹⁵.

Хивинский историк Агехи довольно подробно излагает историю кара-йылгынылы. «Что касается происхождения этого племени (кара-йылгынылы — Г. В.), то она берет свое начало от детей рабынь, которые еще в древние времена были освобождены от цепей йомутского рабства. Дети (этих) освобожденных пленниц, умножившись в своем числе, оставались среди йомутов и так же, как последние, занимались земледелием и скотоводством. Впоследствии они также стали сильными и зажиточными. Их ловкие и храбрые молодцы, обнаружив желание и склонность к военному делу и обучившись владеть оружием и лошадей, под руководством остальных йомутских войск и вместе с ними верно и преданно служили бывшим падишахам. Однако, йомуты во всяком деле считали себя выше их и питали к ним пренебрежение. Не будучи в силах перенести такой обиды и издевательства, все таза-кунграты¹⁶ вместе явились к покойному Аллакули Мухаммед-хану и, плача, рассказали ему о своем тягостном положении. Хан посочувствовал их горю и поручил одному из своих людей взять их всех из среды йомутов и переселить в отведенном им районе, в местности, называемой Кара-йылгун. Обосновавшись на этом месте, они стали свободно заниматься земледелием и другими своими делами и вести спокойную и благополучную жизнь. Каждая из этих групп носила имя того отделения йомутского племени, которым она была освобождена от рабства... Впоследствии это племя обитало в окрестностях Куба-тага»¹⁷.

¹⁴ Полевая запись 1/VII 1959 г. Ю. Э. Брегель в статье «Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в. (по материалам архива хивинских ханов)», сб. «Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959 считает, что переселение кара-йылгынылы в окрестности Куба-тага произошло в 40-е годы XIX в. (стр. 225). Это утверждение основано на словах И. Г. Данилевского о том, что в окрестностях (понятие весьма широкое и неопределенное — Г. В.) Булдымсаза, кроме джемшидов и чоудоров, в 1843 г. кочевали также йомуты, которых Ю. Э. Брегель категорически относит к кара-йылгынылы, полагая, что «других йомутов в этом районе никогда не было» (стр. 225, прим. 104). Мы не можем согласиться с этим утверждением (наша аргументация приведена в статье). Сведения наших информаторов об этом периоде определены и не расходятся с данными письменных источников. Кстади, Агехи, отрывок из которого, относящийся к нашей теме, мы полностью цитируем ниже, не говорит, что кара-йылгынылы переселились в Куба-тагу «после правления Аллакули-хана», как пишет об этом Ю. Э. Брегель, (стр. 255).

¹⁵ Полевая запись 4/VII 1959 г. Джемшиды были переселены Аллакули-ханом в 1839—1840 годы из Хорасана и поселились возле «крепости Клыч-нияз-бая» к югу от Мангыта, то в 1856 г., воспользовавшись смутами в ханстве, откочевали обратно в Хорасан. МИТТ, т. II, стр. 563—565.

¹⁶ Агехи ставит знак равенства между кара-йылгынылы и таза-кунгратами, утверждая, что последнее название дано детям йомутских пленниц Аллакули-ханом (МИТТ, т. II, стр. 627). Современное туркменское население, однако, различает группы кара-йылгынылы, о которых идет речь в статье, и таза-кунградов, которыми называют туркмен-чоудоров, живущих в колхозе «Коммунизм» Калининского р-на и считающихся потомками освобожденных чюдорских рабов.

¹⁷ Шахид-Икбал. События четвертого года царствования Сейид Мухаммед Рахим-хана. МИТТ, т. II, стр. 626—627. Кроме Агехи, на принижённое поло-

Сообщение Агехи подтверждается данными, полученными от наших информаторов, происходящих из этой группы йомутов. Действительно, сами йылгылы рассказывают, что среди их предков были лезгинны, азербайджанцы и персы, захваченные когда-то в плен туркменами или проданные в рабство. Живя у туркмен, рабы получили свободу и обзавелись семьями; рабам жениться на туркменках не разрешалось под страхом смертной казни¹⁸, однако, молодые и красивые рабыни обычно становились наложницами своих хозяев, а их дочери могли быть женами рабов или таких же «ярым» — полутуркмен по крови.

Рис. 1. Туркмен-кубадаглы в рабочей одежде (антропологический тип)

Таким образом потомки пленников постепенно становились туркменами, но не считались «иг» — «чистокровными», за что последние и пренебрегали ими, не вступая с ними в браки, не приглашая их на свои празд-

нества, хотя и признавали их своими родственниками. Пренебрежение со стороны иг-йомутов и послужило, как пишет Агехи, основной причиной отделения группы кул-йомутов от своих «чистокровных» сородичей¹⁹.

Наиболее тесные связи сохраняют кара-йылгылы с йомутами Тахтинского района, который они называют своей родиной.

Факт существования обособленной в прошлом группы кара-йылгылы (равно как и упоминавшихся выше потомков чоудорских рабов — тазакунгат) и сохранения почти до наших дней несколько пренебрежительного отношения к ним со стороны туркмен, считающих себя чистыми по крови, подтверждает некоторую сословность туркменской общественной организации XIX в., а характер этой общественной организации говорит о существовании сильных патриархально-родовых пережитков в дифференцированном классовом обществе туркмен.

Известно, что в XIX в. туркмены делились на три группы: «иг» — «чистокровные» туркмены, «кул» — рабы, или потомки рабов, и «ярым» — дети от смешанных браков (обычно от рабыни «кырыак» и «чистокровно-

жение йылгылы указывают Гиршфельд и Галкин. См.: Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, стр. 65, сноски. О причине ухода йылгылы с родины сказано, что «сородичи предложили... им оставаться, но на условии, что если они убьют у них человека, то туркмены убьют за него двух их людей и что за своих убитых они мстить кровью не имеют права, а могут требовать только кун».

¹⁸ Полевая запись, сделанная Хыдыровым Палта 6/VIII 1960 г.

¹⁹ Полевые записи 3/VII 1959 г., 8/VII 1960 г. Пренебрежительное отношение «чистых» туркмен к туркменам «нечистой» крови ярко выступает и в приведенном выше рассказе Каратая-соны о причинах переселения кара-йылгылы из Ханабада.

го» туркмена²⁰), между которыми существовала правовая дифференциация; однако, рабство носило патриархальный, домашний характер²¹. Рабы использовались главным образом в домашнем хозяйстве; женщины-рабыни были наложницами или, гораздо реже, женами туркмен.

Дети рабынь от «чистокровного» туркмена становились лично свободными. Освобожденного за долгую работу или выкупившегося раба хозяин обычно женил и наделял участком земли. По обычаю «азат» (так называли освобожденного раба) мог вернуться на родину²². Во многих родах свободные потомки рабов объединялись в отдельную группу — «лакам»,носящую чаще всего название «куллар» или «кул», и входили в состав рода на правах младших его членов²³.

Живя в одинаковых с их бывшими хозяевами условиях и занимаясь так же, как они, земледелием и скотоводством, «кулы» уже через несколько поколений ничем не отличались от «игов», кроме антропологического типа, который к тому же был своеобразен далеко не у всех представителей этой группы. Как уже говорилось выше, по туркменскому адату «кулы» и «ярым» не могли жениться на «чистокровных» туркменках, равно как и «чистокровный» туркмен не должен был брать жену из их среды. Однако, в XIX в. классовое расслоение было настолько значительным, что этот запрет постоянно нарушался, и браки знатных «кулов» на менее знатных, но «чистокровных» туркменках были довольно обычны²⁴.

Расселение и занятия в прошлом

Как уже было сказано, туркмены-йылгынылы образовали 5 родов, соответственно имеющимся у «чистокровных» туркмен-йомутов²⁵: йылгынылы рода салак были потомками рабов-йомутов рода салак, йылгынылы рода орсукчи происходили от рабов йомутов-орсукчи и т. д.²⁶ Внутри каждый род йылгынылы делился также соответственно родовым делениям «чистых» йомутов; исключение составлял род каджар, имевшийся только в составе йылгынылы (в роде орсукчи) и отсутствовавший у орсукчи-игов. Название его красноречиво указывает на этническую принадлежность семейств, составивших этот род и происходящих из тюркского племени каджар, живущего в Иране и принадлежащего к исламу шиитского толка.

Старшина каждого рода хорезмских йомутов чаще всего имел особое название: у салаков он назывался сердар, у орсукчи — векиль, у окузов — бахши, а у ушаков и кара-чока — бег²⁷. В этой связи небезынтересно отметить, что Аллакули-хан, по словам Агехи, желая оказать йылгынылы «свою царскую милость...», назначил к ним, с согласия йомутского племе-

²⁰ А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, 1956, стр. 138 и сл.

²¹ А. С. Морозова. К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в., КСИЭ, вып. 6, стр. 69.

²² Там же, стр. 70. Однако, такие случаи бывали редки.

²³ Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г., стр. 435. Нами отмечены такие группы и в отдельных родах туркмен-йомутов Хорезмского оазиса. По словам стариков-информаторов, потомки рабов становились «иг» по истечении семи поколений (если, конечно, не было нового смешения с кулами). У северных хорезмских узбеков так же, как у туркмен, рабы выделялись в особые родовые группы, которые иногда принимали родовое имя своего бывшего хозяина. См.: К. Л. Задыхина. Культура и быт узбеков Кипчакского р-на Кара-Калпакской АССР. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 779.

²⁴ Полевые записи от 4/VII 1959 г. и 8/VII 1960 г.

²⁵ Как известно, йомуты Хивинского ханства принадлежали к ветви байрамшали, состоящей из четырех родов — салак, орсукчи, окуз и ушак, йомуты отделения кара-чока составляли среди хорезмских туркмен один большой род, пятый по счету.

²⁶ См. также: А. Л. Кун. Очерк истории заселения Хивинского ханства с древних времен. Рукописный фонд Института востоковедения АН СССР, ф. 33, д. 2/583/6, л. 169.

²⁷ Полевая запись 30/VI 1959 г.

ни, векиля, бахши, бека и сердара»²⁸, т. е., видимо, назначил вождей в каждый род кара-йылгылы соответственно общеймуутским правилам.

Таким образом, роды кара-йылгылы как бы уравнивались в правах со всеми другими родами йомутов. По данным наших информаторов, старшим среди кара-йылгылы в годы, предшествующие революции, был мираб, который распределял воду и собирал налоги: во главе каждого рода стоял старшина кэтхуда, он же был «хызматкер», т. е. собирал налоги среди своих сородичей.

Переселившись в Куба-тау, кара-йылгылы (кубадаглы) заняли земли, принадлежавшие ранее джемшидам, вокруг крепости Джемшид (Ямшид)-кала, расчистили заросли и освоили новые площади земель на заболоченных разливами озер пространствах (к северу от них были расположены озера Уч-куль, Зей-куль и другие, а к югу — озеро Чагат). Наши информаторы рассказали, что по приказу ханского правительства в Куба-тау были присланы узбеки из Гурлена и Ургенча, которые удлинили канал Боз-яб (идущий из Клыч-Нияз-бая), оросивший земли, отданные йомутам кара-йылгылы. Ежегодно те же узбеки производили очистку туркменской части канала²⁹.

Постепенно кара-йылгылы освоили земли к югу от Джемшид-калы, проведя новые каналы — Батыр-яб, Гурбе-яб и Чагат-яб. Часть кара-йылгылы переселилась на север к арыку Кулябия, где до них жили чоудоры³⁰. Вместе с ними освоением заболоченных земель занимались йомуты кара-чока, перекочевавшие из Ханабада после того, как туда перестала поступать вода. Они оказались соседями кара-йылгылы с юго-запада. Западными и северо-западными соседями последних были чоудоры, а восточными — узбеки.

К 1925 г. кара-йылгылы занимали территорию по среднему течению Клыч-нияз-бай-ары и его отводам (Боз-яб и отводы последнего), по Мангыт-арне с отводами и самостоятельным небольшим арыком — Мескин-яб, Босу-яб, Говача-яран-яб, Кочкар-яб и Метер-яб. На последнем располагались также «чистые» йомуты кара-чока и чоудары³¹.

И здесь, так же, как в местах прежнего расселения, йомуты первоначально поселились родовыми группами.

На Боз-ябе, например, они поселились в следующем порядке: с юго-востока на северо-запад по течению канала располагались салаки, западнее от них — оруски и отдельно их крупное подразделение крымса, затем — окуз, ушак, бага, коджар и, наконец, гурбе (из рода окуз)³².

Земли каждой родовой группы располагались по обе стороны канала друг против друга. Для связи родственников, живущих на противоположных берегах Боз-яба, на территории каждого рода через канал были перероблены мостики. Некоторые родовые группы имели самостоятельные арыки, носившие их имя: Гурбе-яб орошал земли части рода гурбе, Бага-яб — земли бага и т. д. На Батыр-ябе располагались хозяйства 2-х родов — салак и ушак; первые жили по восточному, а вторые по западному берегу³³.

По мере увеличения численности населения приходилось осваивать новые земли, которые до этого были заболочены. Так, в конце 20-х гг., накануне коллективизации были освоены земли севернее озера Чагат и для орошения их был проведен Чагат-яб. Здесь поселились йомуты гурбе, бага и чоудоры³⁴. В это же время группа хозяйств оруски поселилась в конце

²⁸ МИТТ, т. II, стр. 626.

²⁹ Полевая запись 1/VII 1959 г. Известно, что туркмены в Хивинском ханстве были освобождены от ежегодной повинности по очистке больших каналов.

³⁰ Полевые записи Г. И. Васильевой и А. Джикиева 11/VII 1955 г.

³¹ ЦГА МВД Туркм. ССР, ф. 616, оп. 1, д. 68, л. 13.

³² Полевая запись 1/VII 1959 г.

³³ Полевая запись 3/VII 1959 г.

³⁴ Полевые записи 2/VII и 4/VII 1959 г.

Гурбе-яба. Однако, их поля орошались лишь тогда, когда вода в канале была в избытке; в годы, когда в Гурбе-ябе воды было немного, гурбе разбирали ее целиком, а посевы орукчи гибли от безводья³⁵. В те времена, когда кара-йылгылы жили на Кыркызе и Кара-йылгыне, землю имели далеко не все. Земледельцы обрабатывали две категории земель — падшалычные земли, принадлежавшие хану, и атлыки, в свое время полученные туркменами за службу в войске хана.

Как известно, после Хивинского похода 1873 г. и установления вассальных отношений с Россией, хивинский хан не имел права держать войско; атлычные земли были сохранены за туркменами, а вместо службы в войске у хана туркмены-земледельцы платили налог за землю, называемый «салгыт-кесме», равный 12 тилла с 30 танапов³⁶. Практически к началу Великой Октябрьской социалистической революции этот налог равнялся $\frac{1}{2}$ части урожая и шел исключительно в пользу родовых вождей³⁷. По общению наших информаторов, на землях Ханабада один атлык обычно имело не менее 4-х хозяйств; таким образом, на одно хозяйство в среднем приходилось 7—8 танапов земли³⁸. Однако, большая часть туркмен не имела атлыков и вынуждена была обрабатывать участки, арендованные у ханских сановников, или падшалычные земли.

Богатые туркмены-скотоводы предпочитали кочевать, а свою землю сдавали в аренду. Арендаторы-туркмены платили владельцам земли $\frac{1}{5}$ или чаще $\frac{1}{3}$ часть урожая³⁹, а иногда и значительно больше⁴⁰. Сидевшие на падшалычных землях платили дахьяк⁴¹.

После переселения на восток на территорию нынешнего расселения социальное неравенство не уменьшилось, а еще более увеличилось. Вся земля, прежде принадлежавшая джемшидам, в размере 100 атлыков была передана переселившимся на их место кара-йылгылы и разделена поровну между их 5-ю родами, независимо от численности последних⁴². Осваивать новые участки могли далеко не все хозяйства. Многие бедняки, хотя и владели участками земли, но, не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, вынуждены были сдавать свои участки в аренду.

К периоду коллективизации в Порсинском районе так же, как и в других районах Ташаузского округа, существовало 4 формы аренды земли. Все они были связаны с отсутствием или недостатком сельскохозяйственного инвентаря. В зависимости от того, сдавал ли крестьянин в аренду только свою землю или землю, семена и свою рабочую силу вместе и т. д., он получал соответственно $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ урожая⁴³. Землю богатых скотоводов обрабатывали поденщики («гулдукчи»), получая за свою работу плату зерном⁴⁴.

Значительная часть территории, занимаемой кара-йылгылы, расположена на возвышенности, поэтому участки приходилось орошать при помощи чигирей. Имевшие верблюдов могли обработать и оросить больше земли, чем бедняки, владевшие в лучшем случае несколькими ослиами⁴⁵. Зе-

³⁵ Полевая запись 4/VII 1959 г.

³⁶ Материалы комиссии по районированию Средней Азии, стр. 66—67. История Туркменской ССР, т. I, ч. II, стр. 194; Полевая запись 4/VII 1959 г. Хивинский танап равнялся 400 м².

³⁷ ЦГА МВД Туркм. ССР, ф. 125, оп. 3, д. 460, л. 22.

³⁸ Полевая запись 4/VII 1959 г.

³⁹ Полевая запись 1/VII 1959 г.

⁴⁰ История Туркменской ССР, т. I, ч. II, стр. 195. Каратай-сопы рассказывал, что зажиточные скотоводы сдавали землю в аренду на условиях получения $\frac{1}{4}$ части урожая. Полевая запись К. Ниязклычева от 4/VII 1959 г.

⁴¹ История Туркменской ССР, т. I, ч. II, стр. 195.

⁴² Полевая запись 3/VII 1959 г.

⁴³ ЦГА МВД Туркм. ССР, ф. 616, оп. 1, д. 66, л. 18.

⁴⁴ Полевая запись 4/VII 1959 г.

⁴⁵ С помощью одного чигиря, запряженного верблюдом, за один день можно было оросить 4—5 танапов земли. Полевая запись 4/VII 1959 г. Преобладание чигирного орошения на территории йомутов кара-йылгылы отмечается в материалах

мельные наделы, полученные при поселении в Мангытском бегстве каждым хозяйством, уже через несколько лет оказывались слишком малы для разросшихся семей. Земледельцы стали, как уже говорилось выше, осваивать новые земли, прорывать новые арыки, однако, они не бросали освободившиеся земли вокруг Джемшид-калы. Таким образом, оказывалось, что каждая семья владела участками в двух, а иногда в трех или даже четырех местах ⁴⁶. Следует отметить, что подобная чересполосица была характерна для всего туркменского населения Ташаузского округа ⁴⁷.

Основными культурами были зерновые — пшеница, чаще всего озимая, джугара, просо и т. д. Из технических — хлопок и кунжут, из бахчевых и огородных — дыни, арбузы, лук, морковь и т. д. Посевы зерновых составляли по данным 1925 г. 57% общей посевной площади: хлопок занимал всего 17% ⁴⁸. Высевали в основном хлопок «говача» местной породы с пераскрывающимися коробочками, а более богатые — американский сорт. Сажали также абрикосовые деревья и виноград. Обрабатывали землю такими же примитивными орудиями, какие имелись и у других туркмен: деревянным пахотным орудием («агач кунде») с железным сошником («сердемир»), деревянной бороной («мала»). Пахали на быках, жали серпом («орак»).

Для перевозки урожая, как и в других случаях, пользовались двухколесными арбами, широко распространенными среди населения Хорезмского оазиса, особенно в его восточных районах. Арбы покупали у узбеков.

Для очистки арыков употребляли небольшую лопату «кепче» с железной дужкой на черенке; более массивная лопата «пил» с двумя ушками по бокам для упора ноги, как и кетмень, использовалась при обработке садовых и огородных культур, а также для выкапывания ям.

Молотьба производилась способом, широко распространенным у всех народов Средней Азии: по разложенным на току снопам пшеницы гоняли 2—3-х лошадей или быков, а в бедняцких хозяйствах — ослов. Зерно отсевали от соломы, подбрасывая в ветреную погоду деревянной лопатой «кюрек».

Основными хранилищами зерна были ямы («уры»), выкапываемые на участке, а иногда даже в помещении, где стоял скот. В ямы входило обычно от 10—20 до 40 батманов (1 батман = 20 кг) зерна; часть урожая, заготовленную для питания, засыпали в круглые плетеные корзины — хранилища («мардан»), поставленные в кладовую «галла-телек».

Скотоводство было довольно развито, но сосредоточивалось в руках зажиточной верхушки; в стаде преобладали овцы и козы (71%), крупный рогатый скот и лошади вместе составляли несколько более 27% ⁴⁹. Первоначально выпасали скот на заливных землях вокруг озер, неподалеку от селений: свободной земли было много, а травостой в связи с близостью и обилием воды — богатый. По мере освоения земель и осушения озер, размеры пастбищ уменьшались, а так как центральное положение района затрудняло отгон скота на далекие пустынные пастбища, к тому же в основном поделенные между скотоводами западных и южных окраин Хорезмского оазиса, то владельцы больших стад стали увеличивать посевы кормовых трав. К 1925 году под посевами люцерны было занято до 14% общей площади ⁵⁰.

комиссии по районированию 1925 г. ЦГА МВД Туркм. ССР, ф. 616, оп. 1, д. 66а, л. 7; д. 68, л. 55.

⁴⁶ Полевая запись 2/VII 1959 г.

⁴⁷ ЦГА МВД ТССР, ф. 125, оп. 3, д. 245, л. 26.

⁴⁸ Там же, ф. 616, оп. 1, д. 68, л. 117—118.

⁴⁹ ЦГА МВД ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 68, лл. 117—122.

⁵⁰ Там же, л. 122. По сообщению наших информаторов, богатые скотоводы отгоняли стада овец на север в Куня-Ургенч или на юго-восток в Гурлен, где до наших дней сохранялись заливные дуга. Полевая запись от 2/VII 1959 г.

У основной массы населения скотоводство было подсобным занятием. Следует отметить, что здесь, в отличие от других туркменских районов, где условия выпаса скота (необходимость его отгона на далекие пастбища и сложность организации водоемов) заставляли небогатых скотовладельцев собирать скот в общие стада, находящиеся под наблюдением специальных пастухов, — не было необходимости в организации таких объединений. В окрестностях селений воды и травы для выпаса небольших стад было достаточно, поэтому обязанности по уходу за овцами и козами возлагались обычно на одного члена семьи.

До самой коллективизации у местных туркмен, как впрочем и в других туркменских районах левобережного Хорезма, сохранялось довольно много больших семей, в которых женатые сыновья вместе с семьей отца вели одно, общее хозяйство. Такие неразделенные семьи назывались «ырысгалы бир»⁵¹ или «агзы бир»⁵². Старший в семье ведал всеми расходами и собирал все доходы. Жили в отдельных домах или юртах, стоящих на одном участке; жилище старшего было обычно местом сбора всех членов семьи для трапезы, в торжественных случаях и т. д. Разделившиеся малые семьи обычно селились рядом и сохраняли постоянную связь, помогая друг другу в сельскохозяйственных работах и различных внутрисемейных мероприятиях.

Пребывание в течение почти половины столетия в составе Мангытского бекства, центр которого, г. Мангыт, был расположен на расстоянии 11—13 км от главных селений кара-йылгынлы — Джемшид-кала и Таза-кала (ныне п. Тельманск), и некоторая искусственная изоляция от других туркмен Хорезмского сазиса, наложили определенный отпечаток на культуру кара-йылгынлы, придав ей черты, сближающие ее с узбекской.

Экономически местные туркмены также тяготели к узбекским базарам в Мангыте и Клыч-бае, расположенным значительно ближе, нежели базары в районах, населенных туркменами. Даже после национального размежевания они продолжали посещать прежние узбекские базары⁵³, хотя административно были связаны с Порсы (совр. пос. Калинин), представлявшем один из самых крупных базарных центров в туркменских районах Хорезмского оазиса. Узбекское влияние сказывалось не только на хозяйственном быту и экономической жизни кара-йылгынлы, но также на материальной и духовной культуре. Ниже, при описании их современной материальной культуры, мы постараемся отметить некоторые черты, сближающие эту группу туркмен с узбеками, здесь же остановимся на тех из них, которые уходят или ушли в прошлое, но сохранились в памяти информаторов.

Будучи земледельческим народом, кара-йылгынлы знали много примет и поверий, связанных с землей, со временем начала полевых работ, их этапами. Удачливого земледельца, который в течение нескольких лет снимал хорошие урожаи, соседи и родные приглашали для начала сева, т. к. верили, что у него хорошая рука и ему покровительствует Баба-дайхан⁵⁴.

До недавнего времени они отмечали два земледельческих праздника, один из которых, Харман-той — праздник урожая, был широко известен большинству туркмен как Хорезмского, так и других оазисов; его знали и другие земледельческие народы Средней Азии. Второй праздник (вернее не праздник, а обычай), аналогии которому пока не найдено в извест-

⁵¹ Термин, широко распространенный среди туркмен почти во всех районах республики и обозначающий большую семью как единую хозяйственную единицу. «Рузгор» (узб.—тадж.) — отдельный двор, хозяйство, отдельная семья как хозяйственная единица. Узбекско-русский словарь, М., 1959.

⁵² Полевые записи от Аманова Палта 1/VII 1959 г. В годы его детства их семья насчитывала 28 человек. Семья Нурмедова Кочмета состояла из семей трех женатых братьев, старший из которых был главой. Полевая запись 2/VII 1959 г.

⁵³ ЦГА МВД Туркм. ССР, ф. 616, оп. 1, д. 66 а, л. 12.

⁵⁴ Полевая запись 1/VII 1959 г.

ной нам литературе, назывался «тохум-битды» и отмечался весной в день окончания сева⁵⁵. Оставшиеся после посева семена (местные жители старались обязательно оставить хотя бы немного семян) перемальвали и, если сеяли пшеницу или джугару, пекли лепешки, которыми угощали всех соседей. Если сажали рис, то из остатка семян варили суйтли-аш (молочную кашу), попробовать которую приглашали соседей.

По словам информаторов, день окончания сева отмечался таким же образом и у узбеков, живущих в Мангытском бекстве⁵⁶. По своему смыслу и названию («тохум битды» — семена выросли) это угощение носит магический характер, причем большое число участников трапезы, вероятно, должно было обеспечить успех нового урожая. Широко распространенное в прошлом в земледельческих районах Средней Азии и, в частности, у туркмен Тахтинского района Хорезма весеннее ритуальное кушанье «сумалак» (туркмен. «семелек»), или «семени», приготавливаемое женщинами из сока проросшей пшеницы, не было известно туркменам-кубадаглы, хотя его знали, вероятно, узбеки Мангытского (ныне Аму-Дарьинского) района⁵⁷.

На границе Калининского района с Аму-Дарьинским районом Хорезмской области Узбекской ССР находится гора Куба-даг, на склонах которой расположено старинное кладбище, служившее местом паломничества не только окрестных туркмен и узбеков, но посещавшееся также верующими из более отдаленных районов. На вершине горы располагаются два старых мазара, которые местное население называет Чоудор-гумбес и Гоклен-гумбес. К вечеру по четвергам из окрестных селений на кладбище собирались люди для поминовения своих близких. Они приносили с собой еду, а иногда продукты, из которых готовили плов. Большинство оставалось ночевать на кладбище, в домике между двумя верхними мазарами, называемом «елькельдык», и расходилось домой в пятницу⁵⁸.

Я. Г. Гулямову, побывавшему здесь в 1936 г., рассказывали, что на кладбище собирались по четвергам из отдаленных селений только женщины, приносившие с собой сдобные тонкие лепешки («чозма-чалпак» — узб.). После чаепития женщины играли и пели, а затем расходились по домам. Старики-информаторы рассказывали Гулямову, что этот обычай сохранялся с древних времен на Куба-тау и нигде больше не наблюдался⁵⁹.

Современный быт

Огромные изменения в социальном строе, экономике и культуре всего советского народа, произошедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, не могли не сказаться в хозяйстве и быту исследуемой группы туркмен.

Их хозяйство в настоящее время в корне отличается от дореволюционного. Изменились не только технический уровень, формы и характер ведения хозяйства, другими стали и состав земледельческих культур, породы разводимого скота.

За годы Советской власти широкое распространение на землях кубадаглы получили технические культуры, особенно хлопок, приносящий высокие доходы колхозам. Много внимания уделяется теперь выращиванию

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Полевая запись от Хыдырова Палта 6/VIII 1960 г.

⁵⁷ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 394. Автор связывает традицию приготовления ритуального блюда «сумалак» с сохранением пережиточного деления общества на возрастные классы, хотя здесь, вероятно, следует видеть еще и обряд, устраиваемый в честь весеннего возрождения растительности.

⁵⁸ Полевая запись от 3/VII 1959 г.

⁵⁹ Z. Quliam. Ostmus izlari. («Следы прошлого»). Журнал «Гулистан» (на узб. яз.), 1937, № 4, стр. 6—8.

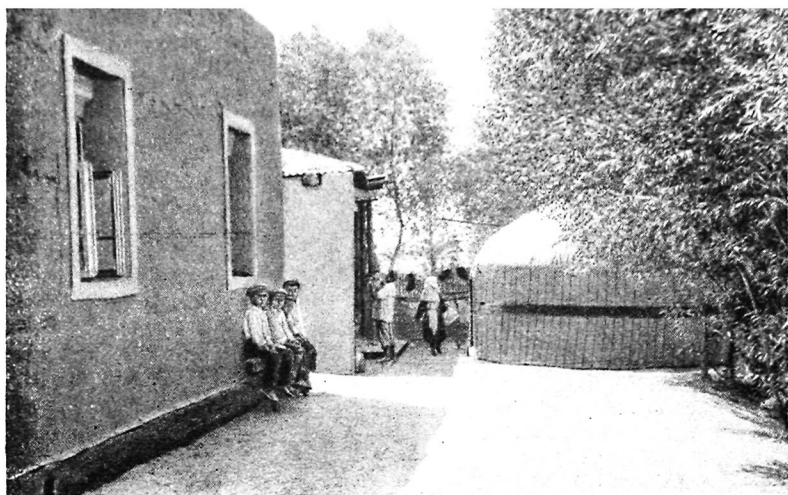

Рис. 2. В усадьбе колхозника (колхоз «Ленинизм»)

зерновых культур, в частности озимой пшеницы, на вновь освоенных землях древнего орошения.

Основным занятием туркмен-колхозников, живущих в районе Тельманска, как и других ташаузских туркмен, является хлопководство; разводятся высокоурожайные советские средневолокнистые сорта хлопчатника.

Под хлопок заняты большие массивы орошаемых земель; в животноводстве первое место занимает разведение крупного рогатого скота, разводятся также каракульские овцы. На полях туркмен-кубадаглы вызревают известные по всей стране своими вкусовыми качествами так называемые «ташаузские» дыни, сеются различные огородные культуры — лук, морковь, капуста; приносят доходы и сады, из различных сортов фруктов основное место занимают урюк и виноград.

Среди колхозов восточной части района по своим производственным показателям и доходам выделяется колхоз имени М. И. Калинина, расположенный к югу и юго-востоку от Тельманска на месте первых селений туркмен кара-йылгылы⁶⁰.

В этом колхозе — 6 поселков, два из них (наиболее крупные) начинаются почти у самого Тельманска и в ближайшем будущем, вероятно, сомкнутся с ним.

Облик колхозных селений свидетельствует о коренном изменении образа жизни трудящихся, росте их культуры и благосостояния. В поселках прямые улицы, обсаженные вдоль арыков деревьями, новые глинобитные дома с большими окнами, выходящими на улицу, что прежде (даже в домах, построенных в предвоенные и военные годы) было большой редкостью, т. к. мусульманская традиция требовала скрывать домашнюю жизнь от посторонних глаз. В усадьбах много зелени — тополей, урючных и тутовых деревьев (рис. 2).

По внутренней планировке все современные усадьбы делятся на два типа. К первому относится значительная часть выстроенных в последние

⁶⁰ «Коммунизм-ёлы» от 8/XII 1960 г.

годы. В них хозяйственные постройки отделены от жилых и находятся в задней части двора.

Жилой дом состоит из центральной большой комнаты — «эйвана», — потолок которой обычно возвышается над остальной постройкой, и нескольких комнат меньших размеров, называемых по-разному — «мыхманхана», «апихана», «худжре» и т. д., расположенных обычно по двум сторонам эйвана, к западу и востоку от него.

Иногда посредине дома проходит коридор «дэлиз», имеющий сквозной вход, а эйван находится сбоку.

В домах сохраняется традиционная ориентация с севера на юг и соответственно этому два выхода из эйвана — летний (северный) и зимний (южный), что обусловлено, как мы указывали в свое время⁶¹, климатическими условиями оазиса (рис. 3).

Однако, пока еще более широко распространены постройки второго типа, в которых под одной крышей располагаются жилые и хозяйственные помещения, соединенные между собой внутренним ходом.

Хозяйственные постройки — «сейхана», «малятак» (помещения для различных видов скота), «саманхана» (склад для сена) и т. д. помещаются слева (если смотреть с улицы). В эту часть дома с улицы ведут большие двухстворчатые ворота — «дербаза»; вход в жилые комнаты делается со двора.

Планировка жилой части дома в таких усадьбах подобна описанной выше; вместе с тем следует отметить, что в более старых домах жилых комнат, как правило, меньше, чем в домах, выстроенных в последние годы, зато хозяйственные помещения преобладают.

Для усадеб с такой традиционной планировкой характерно наличие двухэтажной кладовой — «галлахана» или «галлателек», в которой хранили зерно и другие продукты сельского хозяйства; в домах зажиточных хозяев прежде встречались мельницы, приводимые в движение ослом («харазхана»), и маслобойни («джувазхана»), также работающие с помощью силы животных.

В современных постройках помещения такого назначения уже не встречаются, т. к. необходимость в них отпала. Рост общей культуры проявился в увеличении числа жилых комнат и в вынесении, как сказано выше, хозяйственных построек в заднюю часть двора (рис. 5). В усадьбах, где жилые и хозяйственные постройки еще объединены общими стенами и крышей, тенденция к изоляции хозяйственных помещений приводит к тому, что дверь из коридора в сарай закладывается, а чистая часть двора отделяется от хозяйственной невысоким глинобитным забором.

Кроме бытующих в настоящее время двух типов усадеб, до коллективизации, по словам наших информаторов, существовал еще один тип усадьбы, характерный для зажиточных туркмен, сохранявших обычно большие

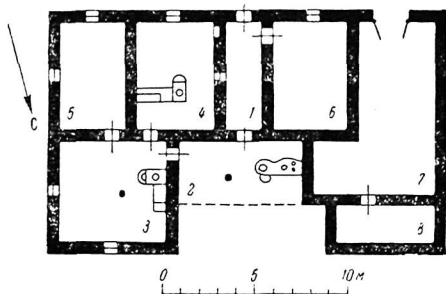

Рис. 3. План жилища колхозника. Колхоз «Ленинизм».

План; 1 — дэлиз; 2 — терсейван; 3 — эйван; 4 — мыхманхана; 5, 6 — джай (жилые комнаты) — себсхана; 8 — саманхана

⁶¹ Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского этнографического отряда за 1948 г., стр. 441, 456.

семьи. Это были усадьбы, четырехугольные в плане, в которых за высоким глинобитным дувалом вдоль стен находились хозяйственные постройки и несколько жилых комнат, а середина двора, свободная от застройки, была занята 1—2 юртами; в них и в глинобитных постройках жили семьи близких родственников — братьев или отца с сыновьями⁶².

В районе расселения кубадаглы такие усадьбы не сохранились до наших дней, однако, они хорошо нам известны в результате изучения покинутых туркменских поселений в Уззе⁶³ и зафиксированы также в 1924—1925 гг. сотрудниками комиссии по районированию⁶⁴. Подобные же усадьбы встречались в прошлом у туркмен Тахтинского района⁶⁵, с которыми, как уже говорилось выше, кубадаглы связаны узами родства.

Современные усадьбы туркмен-йомутов Калининского района, также

близкие по типу к туркменским усадьбам южных и юго-западных районов левобережного Хорезма⁶⁶, напротив, отличаются от узбекских в соседних Аму-Дарьинском и Гурленском районах⁶⁷, что свидетельствует о прочных этнических традициях туркмен (рис. 5).

Узбекское влияние прослеживается только в терминологии, связанной с наименованием отдельных помещений (узб. «галла-хана» вместо туркменского «телек», «худжре» вместо «ашхана» и т. д.).

Так же, как у туркмен-йомутов других районов, у местных туркмен в прошлом была распространена юрта; сейчас она еще кое-где сохраняется, но только как летнее жилище.

В большей части домов полы еще глиняные, хотя в михман-хане стараются обязательно сделать деревянный пол; потолок, как правило покрытый хворостом или маленькими дощечками, теперь делают фанерным, а вместо железных печей-временок кладут кирпичные («керпич-печ»), широко распространенные в настоящее время в Хорезмском оазисе. В комнатах наряду с традиционным убранством — кошмами и коврами, непременно укладкой из одеял, подушек, кошем и т. д., на сундуке, отделанном цветной жестью, или на старинной подставке-телер, — стали почти обязательными красивые, богато застеленные кровати, этажерки, столы, стулья и другие элементы городского убранства (рис. 7).

Встречающиеся в домах ковровые изделия — «чувал» и «гарчын» (ворсовые мешки для вещей), «торба» и «хурджум» — совершенно аналогичны по рисунку подобным изделиям йомутов других районов.

⁶² Полевые записи 1/VI и 2/VI 1959 г.

⁶³ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе. КСИЭ, вып. 26, М., 1958, стр. 43, рис. 3; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. СЭ, № 5, 1959, стр. 38—39, рис. 2, 29—32.

⁶⁴ ЦГА МВД Туркм. ССР, ф. 616, оп. 1, д. 66 а, лл. 89—90.

⁶⁵ Полевые записи 1959, 1960 гг.

⁶⁶ Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., стр. 188—189. См. также архив ИЭ АН СССР, полевые материалы 1955 г. по Ильязинскому и 1959—1960 гг. по Тахтинскому р-нам.

⁶⁷ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 357—366.

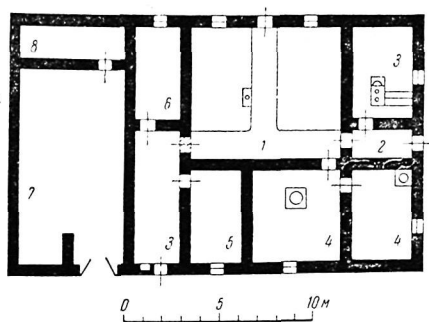

Рис. 4. План усадьбы колхозника.

Колхоз «Ленинизм», поселок имени Микояна.

1 — айван; 2 — дэлиз; 3 — ашхана; 4 — мыхмэйхана; 5 — саллахана; 6 — малятак; 7 — сейсхана; 8 — саманхана

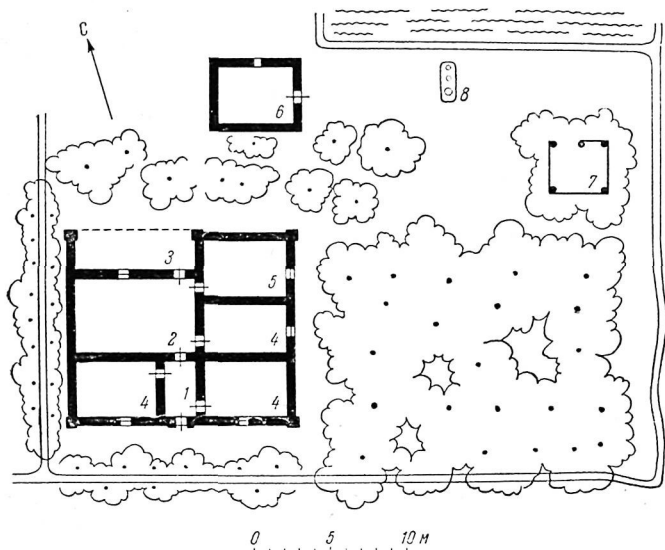

Рис. 5. План усадьбы колхозника. Колхоз имени М. И. Калинина, центральный участок.

1 — дэлиз; 2 — эйван; 3 — терсейван; 4 — мыхмайхана; 5 — ашхана; 6 — сейсхана; 7 — чертек; 8 — очаги

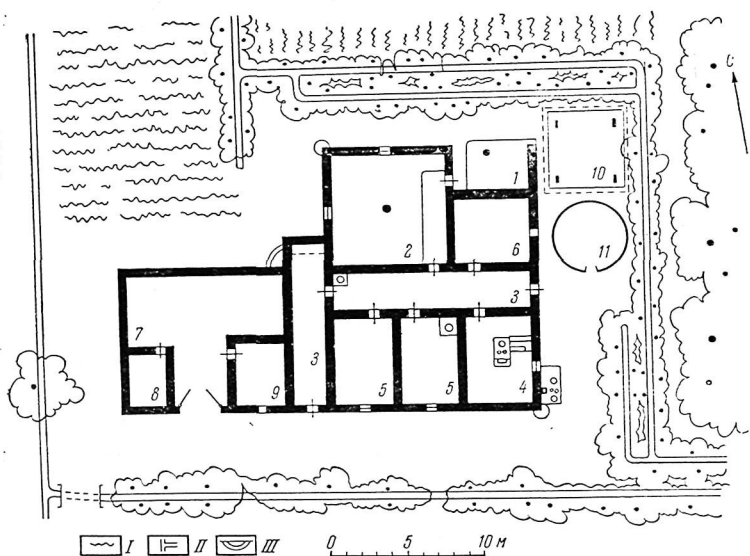

Рис. 6. План усадьбы колхозника в колхозе имени М. И. Калинина (центральный участок).

1 — терсейван; 2 — эйван; 3 — дэлиз; 4 — нахархана; 5 — мыхмайхана; 6 — галлахана; 7 — сейсхана; 8 — самачхана; 9 — танахана; 10 — чертек; 11 — ой; I — огороды; II — арык; III — кормушка для лошади

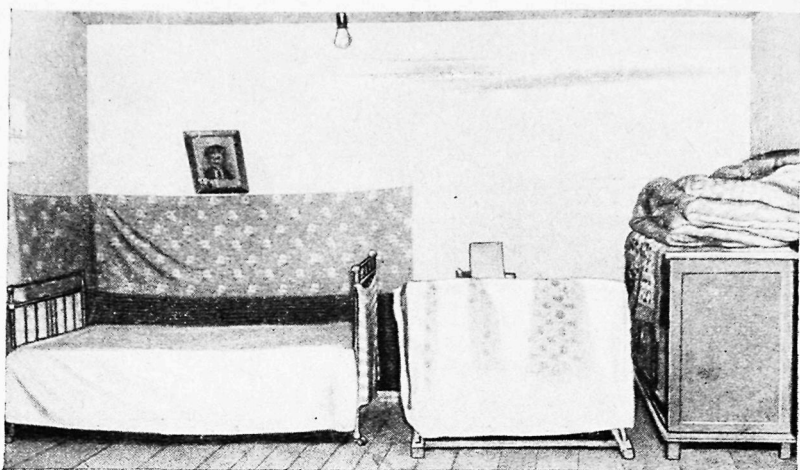

Рис. 7. Жилая комната дома колхозника в колхозе «Ленинизм»

Рис. 8. Повседневная (будничная) одежда детей

Национальная одежда сохраняется в той или иной степени среди всех слоев населения, но менее всего среди мужской части интеллигенции⁶⁸.

Наиболее стойко удерживаются традиционные формы одежды среди стариков и детей. В обычные дни дети, как правило, носят одежду из фабричной ткани, шитую их матерями и бабушками: мальчики — штаны с широким шагом и рубаху туникообразного покроя с круглым воротом и разрезом на одном плече, тюбетейку и халат в холодное время года; девочки — платье туникообразного покроя из материи красных топов и тюбетейку (рис. 8). В праздники мальчикам надевают купленные в магазинах костюмчики городского покроя, девочки ходят в новых платьях того же фасона и покроя, в случае прохладной погоды девочки поверх платья носят трикотажные кофточка, также приобретенные в магазинах.

В женской одежде прежде всего подвергается изменению головной убор. Многие молодые женщины отказались от ношения традиционного головного убора и носят только два красных платка, один из которых, нижний, маленький, завязывается узлом на лбу, сверху же накидывается треугольником большой красный платок, передние концы которого во время работы в поле или в холодное время года закидываются на плечи, перекрещиваясь спереди под подбородком.

Однако, все женщины сохраняют традиционную йомутскую прическу — пряди волос от висков, свитые жгутом, спускаются на щеки, а затем влетаются в косы ниже уха.

Традиционный головной убор женщин-кубадаглы, в прошлом аналогичный головному убору их тахтинских соплеменниц⁶⁹, до сих пор сохраняется среди пожилых женщин и у некоторой части молодых. Начавшийся в начале нашего века процесс узбекизации, о причинах которого мы говорили выше, сказался также в стремлении части туркменок подражать узбечкам в одежде. В праздник, в случае выхода в гости или выезда на базар, многие женщины, завязывая свой головной убор, набрасывали верхний красивый платок («гулбенди») петлей на лоб, что очень напоминало мане-

⁶⁸ Национальная одежда аналогична одежде йомутов Куны-Ургенчского р-на, описанной нами в статье «Итоги работ Туркменского этнографического отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.», стр. 444—450, 458—460.

⁶⁹ Считалось, что у тахтинских йомутов (за исключением женщин рода ушак, у которых был совершенно особый головной убор) головной убор значительно выше, чем у йомуток других районов Хорезмского оазиса.

⁷⁰ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 385, рис. 27, 1, 2.

Рис. 9. Головной убор женщины кара-йылгыцлы

ру повязывания платка у мангытских узбечек⁷⁰. До последних лет среди местного населения такой головной убор считался наиболее красивым (рис. 9).

Туркменки-кубадаглы, как впрочем и туркменки других восточных районов Северного Туркменистана, раньше других хорезмских туркменок стали носить халаты из пестрой узбекской ткани и кемзоры, в настоящее время широко распространенные среди всего туркменского женского населения Хорезмского оазиса.

В целом женский костюм характеризуется сочетанием старых (платье, халат, головной убор) с современными городскими элементами (обувь, пальто, жакеты).

Большие изменения произошли не только в материальной, но и в духовной культуре и семейном быту. Исчезла былая обособленность этой группы. Конкретным проявлением общего процесса консолидации туркменской социалистической нации, происходившей после национального размежевания и особенно усилившейся в послевоенные годы, можно видеть в росте национального самосознания, в отмирании многих локальных черт культуры туркмен описываемого района. Приведенный нами материал свидетельствует об укреплении общетуркменских черт в культуре йомутов-кубадаглы, о росте хозяйственных связей с другими туркменскими районами оазиса. Туркмены-кубадаглы являются полноправными членами туркменской социалистической нации.

Большое влияние на изменение быта и культуры этой группы туркмен оказало ведущееся в послевоенные годы строительство межреспубликанской Тахиа-ташской ГЭС, расположенной неподалеку от них на Аму-Дарье. Многие колхозники принимали непосредственное участие в ее строительстве. Пуск первых турбин этой гидроэлектростанции позволяет еще выше механизировать сельское хозяйство, значительно повысить культуру быта.

Дальнейшее развитие культуры народов нашей страны, идущее, как известно, по пути сближения отдельных национальных культур между собой, ведет к сближению туркменской и узбекской культур. В этом процессе большую роль сыграли давние длительные культурные и экономические связи рассмотренной нами группы туркменского народа с узбеками Аму-Дарьинского и Гурленского районов. В наши дни все более усиливаются экономические и культурные связи народов Хорезмского оазиса, все ярче и ярче проявляются исторически сложившиеся черты их культурной и отчасти этнической общности, что является отражением характерного для современного периода общего процесса сближения социалистических наций Средней Азии.

Г. П. Снесарев

ТРАДИЦИЯ МУЖСКИХ СОЮЗОВ В ЕЕ ПОЗДНЕЙШЕМ ВАРИАНТЕ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди архаических явлений в социальной жизни и быту народов Средней Азии, которые можно было наблюдать и фиксировать еще в начале текущего столетия, обращают на себя внимание пережитки любопытного института мужских объединений, генетически связанного с мужскими союзами первобытности. В этнографической науке сущности этого явления не было уделено должного внимания, хотя первичные публикации материала о среднеазиатских мужских объединениях довольно обильны¹.

Материал о мужских объединениях Средней Азии большинством исследователей никак не комментировался. В лучшем случае высказывались общие предположения о том, что корни данного явления следует искать в первобытнообщинных отношениях.

Только в 1948 году вышла книга С. П. Толстова «Древний Хорезм»², в которой впервые была поставлена и положительно решена проблема существования в глубоком прошлом народов Средней Азии мужских союзов

¹ А. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 125; Г. А. Арндаренко. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк). «Военный сборник», № 12, СПб., 1883, стр. 310 и сл.; он же. Досуги в Туркестане (1874—1889 гг.). СПб., 1889, стр. 56—57; В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 127—128; Н. Остроумов. Сарты. «Этнографические материалы», вып. 1, Ташкент, 1896, стр. 67; А. Шишов. Сарты, ч. I. Этнография. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. XI, Ташкент, 1904, стр. 164.

М. Ф. Гаврилов. Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент, 1929, стр. 1—9; М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 163—165; он же. Таджики долины Хуф, вып. 1. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. VII, Сталинабад, 1953, стр. 117—119; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.-Л., 1936, стр. 117, 121; он же. Некоторые материалы по этнографии таджиков верхней Кашка-Дары. Сборник памяти М. С. Андреева. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. 120, Сталинабад, 1960, стр. 89; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. «Труды ИЭ», т. III, вып. I, М.—Л., 1940, стр. 22—26; К. Л. Задыкина. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. «Труды ЭИ», новая серия, т. XIV, 1951, стр. 176—177; она же. Узбеки дельты Аму-Дарьи. ТХЭ, М., I, 1952; С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 48; Н. Нурджанов. Таджикский народный театр. М., 1956, стр. 56—61; Л. Ф. Монсгарова. Материалы по этнографии язгулемцев. Среднеазиатский этнографический сборник, вып. II, «Труды ИЭ», новая серия, т. 47, М., 1959, стр. 54—55; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айқыран. Ташкент, 1955, стр. 57; С. М. Абрамзон, К. П. Антипина и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXXVII, М., 1958, стр. 259.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

и тайных обществ³. Используя обширный исторический, археологический и этнографический материал, С. П. Толстов заложил основу и дал направление дальнейшим исследованиям в этой области.

Позднее отдельные аспекты этой проблемы привлекли специальное внимание историков и этнографов. Однако, далее вопроса о пережитках возрастных классов, которому были посвящены работа К. Л. Задыхиной, строящей свое исследование на фактах материальной и духовной культуры преимущественно узбеков низовьев Аму-Дарьи⁴, и работа К. В. Тревер, исследовавшей данный вопрос на основе письменных источников, относящихся к истории древних персов⁵, исследователи не пошли.

Тот комплекс пережиточных явлений в этнографии народов Средней Азии, который имеет наиболее прямую генетическую связь с мужскими союзами первобытности, — мы имеем в виду широко распространенные в Средней Азии мужские объединения, известные под различными названиями — «гаштак», «гап», «зиёфат», «джоро» и др. — к сожалению осталось не исследованным. К. Л. Задыхина, сетующая на то, что данный комплекс явлений представлен лишь в виде описаний, в своей работе, подходя к вопросу о мужских объединениях, сама ограничивается лишь кратким описанием⁶, хотя теснейшая связь этого вопроса с возрастными классами, предметом исследования автора, совершенно очевидна.

Недооценка исследователями такого любопытнейшего в этнографическом отношении явления, каким следует признать мужские объединения Средней Азии, проявляется, в частности, в том, что некоторые авторы, дающие их подробные описания⁷, видят лишь внешнюю, чисто развлекательную сторону мужских объединений, т. е. обращают внимание только на те функции, которые остались у мужских объединений после того, как первобытные мужские союзы, потеряв былое вполне реальное значение, на протяжении длительного периода времени сохранялись в виде пережиточного института.

Этнографы, дававшие описания среднеазиатских мужских объединений, применяли к ним различные термины — товарищество, артель, клуб и т. п. Эти термины нам кажутся неудачными. Вряд ли они могут быть применены к данному этнографическому явлению в целом. Поэтому мы будем в дальнейшем пользоваться термином «мужское объединение». Мужские объединения были у горных и равнинных таджиков и узбеков как более позднего даштикинчакского происхождения, так и тех групп, которые являются потомками более ранних тюрко-монгольских пришельцев; были они распространены у каракалпаков, туркмен, киргизов, казахов.

При всех локальных особенностях мужских объединений у различных народов и в разных местах Средней Азии можно выделить общие для них черты, чтобы кратко охарактеризовать это этнографическое явление в целом. Мы это сделаем, суммируя данные указанных выше этнографических публикаций, а также сведений, собранных нами в последние годы у лиц старшего поколения; таким образом институт мужских объединений мы рассмотрим в том виде, в каком он существовал в конце прошлого — начале текущего столетия. Длительная история пережиточных мужских объединений от разложения первобытного общества до последнего времени их существования пока не поддается исследованию.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. Экскурс III, стр. 282—338.

⁴ К. Л. Задыхина. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. «Труды ИЭ», новая серия, т. XIV, 1951, стр. 157—179.

⁵ К. В. Тревер. Древне-иранский термин «рагна» (к вопросу о социально-возрастных группах). «Известия АН СССР», серия истории и философии. 1947, т. IV, № 1, стр. 73—85.

⁶ К. Л. Задыхина. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии, стр. 176—177.

⁷ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 117—119.

Можно лишь с уверенностью сказать, что сами эти рудименты первобытного института в условиях длительного существования классового общества не могли не изменяться. Классовые отношения и их развитие на протяжении многих столетий сказались на пережиточных мужских объединениях. И в том виде, в каком этот институт стал доступен этнографической науке, он был весьма далек от каких-либо элементов первобытного демократизма.

Мы заранее оговоримся, что социальный анализ мужских объединений последнего времени не входит в нашу задачу. Для уяснения этой стороны вопроса мы отсылаем читателя к недавно появившейся в печати интересной работе С. М. Мирхасилова, в которой автор убедительно вскрывает классовую природу узбекских мужских объединений — тукма и гапов — говорит о классовом принципе их организации, о использовании этих пережиточных объединений байскими элементами для скрытой эксплуатации кшпачной бедноты⁸.

Этого же коснемся и мы, когда ниже будем говорить о роли руководителей этих объединений.

Однако основной своей задачей мы ставим попытку доказать, что пережиточные мужские объединения Средней Азии своими глубинными корнями восходят к мужским союзам разлагающегося первобытного общества, и поэтому, естественно, наше основное внимание будет обращено на черты их взаимного сходства, т. е. на наиболее архаические стороны пережиточных мужских объединений.

Что же из себя представляло среднеазиатское мужское объединение в целом?

В зимний период мужское население кшпачной, аульной (либо городской квартальной) общины объединялось в своеобразные сообщества для совместного проведения досуга с устройством коллективной трапезы и разного рода развлечений — пения, игры на музыкальных инструментах и проч. В одних местах Средней Азии в такие объединения входили люди разных возрастов, в других они членились на группы сверстников. Женщины на собрания мужчин не допускались. Коллективная трапеза, занимавшая важное место в жизни объединений, устраивалась либо на основе складчины, либо очередности материальных затрат их членов, что зависело от различия в организационных принципах объединений. От этого же зависело и наличие или отсутствие постоянной базы для мужских собраний, которые проводились местами в специальных общественных помещениях, а местами — в частных домах.

Собрания мужчин проходили организованно, с соблюдением внутренней дисциплины. Имели место специфические неписанные правила, которыми в обязательном порядке руководствовались собравшиеся. Традиции внутренней жизни мужских объединений передавались из поколения в поколение и поддерживались особым руководством объединений, формы которого были различны в зависимости от их структуры. Для нарушителей дисциплины существовала широко применяемая система штрафов и наказаний.

Члены объединений были связаны между собою и вне зимних собраний; как самостоятельный коллектив, они принимали участие в семейно-общинных празднествах — тоях и сейлях.

Таковы в общих чертах среднеазиатские мужские объединения. На первый взгляд может показаться, что мы действительно имеем дело с обычным способом проведения досуга, с зимним развлечением, однако, стоит более внимательно взглянуть во все детали этого явления, как возникает твердое убеждение, что перед нами позднейший вариант очень древнего и сложного социального института.

⁸ С. М. Мирхасилов. К истории общественного быта узбеков. СЭ, 1963, № 5.

Мы попытаемся сделать подобный анализ на основании полевых этнографических материалов, собранных в 1955—1961 гг. среди узбекского населения Хорезмской области Узбекской ССР и прилегающих к ней районов Туркмении и Каракалпаккии, где полевые исследования осуществлялись Узбекским этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством автора настоящей статьи. Эти материалы были в значительной степени пополнены последним при полевых работах в Центральном Узбекистане и, частично, в Таджикистане в составе Среднеазиатской этнографической экспедиции (руководитель — кандидат исторических наук Б. Х. Кармышева, 1960—1961 гг.).

Материалы, собранные в Центральном Узбекистане, а также ранее опубликованные исследователями, не только дали ряд локальных вариантов мужских объединений, но и помогли критически осмыслить те моменты в жизни этих объединений, которые на хорезмском материале оставались в значительной степени неясными.

Чтобы лучше понять природу среднеазиатского мужского объединения во всем его своеобразии, мы воспользуемся прежде всего хорезмскими материалами.

Мужские объединения Хорезма

Хорезмское мужское объединение — зиёфат — это прежде всего товарищество сверстников — «джура», связанных с детскими лет общностью возрастных интересов. Возрастной принцип подобной организации в Хорезме прослеживается наиболее ярко. Нам уже приходилось подробно останавливаться на этом вопросе⁹. Скажем лишь, что градация зиёфатов по возрасту их членов в основном соответствует четырем возрастным классам¹⁰. Однако, в некоторых местах Хорезма существовали и более дробные деления по возрастным группам; так, например, в Ханка и Кипчаке их насчитывалось до 5-ти, в Дургадыке — до 7-ми и т. д. Эта дробность наблюдалась главным образом в среде молодежи, где, например, подростки образовывали две и три группы¹¹. Меньше всего подобное деление на мелкие возрастные группы касалось лиц среднего и старшего возраста.

Самое характерное для мужских объединений — это их периодические собрания, зиёфаты, давшие в Хорезме название и самим объединениям в целом. Собирались в течение трех зимних месяцев, обычно один раз в неделю по четвергам, т. е. в канун праздничного дня («джума ахшам»). Но в тех случаях, когда объединение охватывало значительное число участников, собрания устраивались дважды в неделю. Зиёфаты проходили по вечерам; молодежь обычно засиживалась до рассвета.

В Хорезме собирались, как правило, в частных домах, поочередно у каждого члена объединения, в том помещении жилого дома, которое предназначалось для приема гостей и носило соответствующее этому название («мехмонхона»). В других местах Средней Азии, в частности в Таджики-

⁹ Г. П. Снесарев. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма. МХЭ, вып. IV, 1960, стр. 140.

¹⁰ К. Л. З а д ы х и н а. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. «Труды ИЭ», новая серия, т. XIV, 1951, стр. 157—179. Мы позволим себе в одном пункте не согласиться с автором, который, выделяя 4 первоначальные возрастные класса у узбеков низовьев Аму-Дарьи, объединяет во втором классе и 12-летних мальчиков и 25—30-летних женатых мужчины (стр. 162). Это явно противоречит тому, что установлено этнографической наукой в вопросе о системе возрастных классов. Противопоставление самостоятельных женатых людей мальчикам и юношам и значение женитбы как определенного рубежа в возрастных градациях достаточно четко прослеживаются во всех материалах этнографии народов мира, в том числе и у населения Хорезма (и вообще Средней Азии). В свадебных обычаях и обрядах здесь совершенно ясно видны пережиточные элементы возрастной инициации.

¹¹ У многих народов имели место более дробные деления молодежи на возрастные группы. Как на пример, сошлемся на древних спартанцев. См.: Н. Schuritz. Alterklassen und Männerbünde. Berlin, 1902.

стане, имелись специальные общественные дома для мужских собраний.

Состав каждого объединения в Хорезме был постоянным на весь сезон; более того, благодаря строгому соблюдению возрастного принципа подбора участников, в Хорезме один и тот же состав сохранялся из года в год, и часто сверстники, юношами начинавшие шумную жизнь в молодежных зиёфатах, и в преклонном возрасте, уже почтенными старцами, были объединены в рамках одного зиёфата.

Характер собраний был различным в зависимости от возраста участников. Старики (они обычно собирались в мечети после молитвы) проводили время в разговорах и чтении. Молодежь веселилась. Однако, было нечто общее для всех возрастных групп. Это — коллективная трапеза, которой придавали очень большое значение. Все необходимое для трапезы подготавливал очередной хозяин зиёфата. Однако, этим роль его и ограничивалась: на собраниях он был лишь одним из многих, рядовым участником пирушки.

Пищу готовили женщины из его семьи, но в зиёфатах они никакого участия не принимали. Запрет женщинам показываться на зиёфатах — одно из основных, строго соблюдавшихся правил мужских объединений. В Куня-Ургенче нам говорили: «Из дома, где проводится зиёфат, женщины уходили в другой дом. Двери запирались, чтобы женщины не могли смотреть на собравшихся гостей, чтобы и лица женщины на зиёфате не было видно».

На собраниях молодежи всегда было весело и шумно. Местами в Хорезме, несмотря на запреты ортодоксального духовенства, на пирушках распивали вино. Церемонии распития вина на зиёфатах бывали преимущественно на юге — в Хиве, Ханке, Ургенче, а также в Куня-Ургенче, бывшем некогда столицей средневекового Хорезма. В этих местах, так же как и в Самарканде, Бухаре, Пенджикенте, на зиёфатах особое место занимал «соки» — виночерший, руководивший данной церемонией.

Во всех зиёфатах в прошлом на пирушках употребляли наркотики.

Музыка и танцы занимали много места на молодежных зиёфатах. Танцевали либо сами участники пирушки, либо специально приглашавшиеся плясуны — «бача» или, как их называли в Хорезме, — «оглавы». Необходимо отметить, что, как и церемонии распития вина, выступления профессиональных танцоров были характерны для южнохорезмских узбеков, в этногенезе которых более всего прослеживаются черты древнего аборигенного населения оазиса.

Среди игр молодежи была одна, которая связана только с зиёфатами и только в Хорезме. Это — «пачиз», игра типа нард, костями для которой служили особо обработанные раковины каури (7 шт.). Четыре пешки каждого игрока передвигались по клеткам вышитого на материале игрального поля. Подробное описание игры с разбором вопроса о ее происхождении было сделано нами в специальной статье¹². Здесь мы отметим лишь, что целью игры не был денежный выигрыш: по правилам игры проигравший попадал в полную зависимость от победителя, который мог назначить ему любое наказание — испытание физической выносливости, терпения, мужества и силы характера.

Хорезмский зиёфат, равно как и мужское объединение любых других мест Средней Азии, гораздо более сложное явление, чем это может показаться на первый взгляд. Каждый его участник имел определенные обязанности, зафиксированные неписанным уставом, передававшимся из поколения в поколение. Хорезмский зиёфат имел руководство: во главе его стоял избранный членами объединения начальник, именовавшийся здесь «агабиём».

¹² Г. П. Снесарев. «Пачиз». (Об одном этнографическом памятнике древних индо-хорезмийских культурных связей). СЭ, 1962, № 5, стр. 82—83.

Распоряжения агабия беспрекословно выполнялись. Агабий строго следил за соблюдением дисциплины, разбирал конфликты, палатал на совершавших проступок то или иное взыскание. Он руководил периодическими собраниями; без его разрешения нельзя было начать игру, танцевать или петь; даже выход из помещения, где происходил зйэфат, был невозможен без санкции агабия. Он сидел на почетном месте; при нем был какой-нибудь предмет — платок, кольцо, — символизировавший его власть и именовавшийся «мухр» — печать.

У агабия были помощники. В каждом хорезмском зйэфате имелся «ясовул», выполнявший распоряжения агабия. Основной его обязанностью было наказание провинившихся. Ясовул не расставался с «дурра» — плетью, которой совершал экзекуции. Плетью служило скрученное полотенце или поясной платок; в Куля-Ургенче у ясовулов имелись и настоящие ремешные плети. В Хиве и ее окрестностях, в ряде других мест помощников у агабия было больше. Так, имелся еще персонаж, занимавший среднее положение между агабием и ясовулом. Это — «йигит-агасы» («господин юношей»), своего рода советник агабия. В Кош-Купыре йигит-агасы на зйэфатах наблюдал за порядком, через него передавались просьбы агабию, он же устанавливал очередность угощений. В Шавате йигит-агасы возглавлял юношеские группы, выезжавшие на празднества. В некоторых местах под Хивой к этим персонажам добавлялся еще «пейкал» — слуга и глашатай. В других районах Средней Азии, например в отдельных районах Таджикистана, структура «управления» была еще сложнее.

Весь этот «аппарат власти» осуществлял руководство зйэфатами, широко применяя систему штрафов и наказаний, на которой нам еще предстоит в будущем остановиться более подробно. Пока скажем лишь, что штрафовали и наказывали буквально на каждом шагу. Если участник зйэфата не вовремя встал, сел, изменил полагающуюся позу, если он опоздал на собрание или плохо подготовил угощение, не говоря уже о тех случаях, когда он дурно отзывался об агабие или объединении в целом, — за все полагалось наказание. Особенно карали в том случае, если кто-либо, макируя своими обязанностями, отправлялся на собрание соседнего зйэфата. В Гурлене в таких случаях человек считался изменником, и когда он женился, никто из сверстников не шел к нему в джура (дружки). Так же строго наказывали за разглашение секретов зйэфата. Создается впечатление, что система штрафов и наказаний существовала не только для поддержания внутренней дисциплины, но являлась как бы самоцелью, частью той воспитательной работы, которая проводилась с юношеством. Отметим, что эта система была характерна именно для молодежных объединений.

Как же проходило это воспитание юношества в зйэфатах и кого они воспитывали? Мы уже говорили, что на каждом собрании молодежь приучалась к безропотному подчинению начальнику и соблюдению традиционных правил поведения. В некоторых местах Хорезма (Дургадык, Шават и др.) агабий производил испытание членов зйэфата в знании ими основ мусульманского вероучения. Весьма интересно, что, например, в Дургадыке с целью проверки в молодежные зйэфаты являлись и представители старших по возрасту объединений. Это говорит, о том, что между зйэфатами разных возрастов существовала связь, которая несомненно, чем раньше, тем была более тесной.

Меры физического воздействия (побои, обливание водой и многое другое) должны были воспитывать мужество и стойкость. И здесь мы подходим к тому, что, пожалуй, было особенно характерно для молодежных объединений: юноша прежде всего должен быть физически закаленным, хорошо натренированным как отличный всадник, борец, бегун, меткий стрелок; короче говоря — он должен был стать хорошим воином. Спортивные тренировки и состязания занимали важное место в жизни молодежных объединений Средней Азии. Возможность устраивать их представлялась преж-

де всего на многочисленных «тоях» — празднествах по случаю свадьбы или обрезания; в программу «томоша» — зрелищ, сопровождавших обрядовые празднества, — входили козлодрания («кўнкари»), борьба («кураш»), стрельба в цель («алтын қовоқ») и многое другое.

В ряде мест Хорезма (Шават, Хызырабад около Богата, Гёзли-баба около Хивы, Сары-Юсуф-баба около Гурлена и др.) проводились ежегодно «сейли» — праздники, в программе которых были различные состязания молодежи. Иногда зидфаты соревновались между собою. В Центральном Узбекистане такие соревнования в прошлом происходили между молодежью различных племен и родов узбеков. Выезды на сейли молодежных объединений совершались весьма торжественно. Так, гурленская молодежь ехала на праздник на арбах и на конях, надев маски или привязав бороды, с музыкой и пением. В Шават на сейль окрестные зидфаты выезжали со «знаменами» — поясными платками, привязанными к древку. На сейль при мазаре Султан-бабы гнали баранов, заранее припасенных для коллективной трапезы. На эти праздники вывозили с собою «созанда» (музыкантов) и «огланов» (мальчиков-танцоров).

Таким образом, связь между участниками объединения не прерывалась и вне традиционных вечеринок. Хотя последние носили сезонный характер — проводились в три зимних месяца — летом встречи членов зидфата, правда, в несколько ином виде, продолжались. Относится это главным образом к Хорезму и мало типично для других мест Средней Азии.

Члены гурленских зидфатов часто с начала лета арендовали сад, который превращали в базу для своих собраний: поселяли там одного из товарищей, поручая ему ведение хозяйства, сносили туда коньмы, музыкальные инструменты, посуду и в свободное от работ время сообща там отдыхали. Фруктами этого сада торговали на базаре и выручка шла для коллективного угощения. Иногда вместо сада закупали дынную бахчу и строили на ней хороший «чортоқ» (шалаш). То же самое делали и хивинские зидфаты. В Дургадыке и Халка летом участники зидфата собирались в том же составе, что и зимой, где-нибудь во дворе частного дома, в тени дерева на суфах. Однако, в этом случае угощение происходило уже на основе складчины.

Эта характерная тенденция иметь всегда свою базу проявлялась и во время сейлей. Так, наватские и хивинские молодежные объединения на площади, предназначенной для проведения сейля, ставили каждый свой «кора-туй» (юрту) и довольно долго в них проживали. Получалось, таким образом, нечто вроде военизированного лагеря молодежи.

Члены объединений были связаны между собою взаимными обязательствами и в обыденной жизни. Так, в случаях традиционной взаимопомощи («кўмак»), например при постройке дома, джура-сверстники, соучастники зидфата, должны были являться для оказания практической помощи.

Для нас особенно интересно участие зидфата в целом и отдельных его представителей в подготовке и проведении свадебных обрядов при женитьбе кого-либо из членов объединения. Здесь объединение (мы имеем в виду молодежское) явно выступает как коллектив, передающий сочлена в следующий возрастной класс.

В Хиве и Кош-Кушуре собирающийся жениться член зидфата своевременно предупреждал об этом агабия. За день до свадьбы (улы-туй) происходил «йигит йиғнар» (собрание юношей), на котором агабий распределял между членами зидфата обязанности при проведении свадебного торжества. Считалось, что все участники зидфата на то «несут службу» («хизмат этади»). Йигит йиғнар происходил в доме жениха весьма торжественно — делали угощение, приглашали музыкантов и плясунов. Это — проводы жениха. По другим хивинским информациям такое собрание называлось также «зидфат-туй». Сам агабий должен был присутствовать на свадебном пирушестве, чтобы наблюдать там за порядком. Такие же прово-

ды зиёфат устраивал жениху и в других местах Хорезма (в Дургадыке это пазывалось «туана палав»). В Ханка агабий заранее официально объявлял о предстоящей женитьбе и предлагал делать складчину для покупки барана. Куленный баран отводился в дом жениха. Позднее его резали для угощения членов зиёфата.

На всех этапах подготовки и проведения свадьбы группа джура (друзей, сверстников) играет активную роль. Когда происходит ритуальное переодевание жениха перед привозом невесты в его дом, джура расхватывают снятую им одежду («тун», «камзол») и носят ее до происходящего после улы-тоя собрания молодежи. Конная группа джура едет с женихом за невестой. После свадьбы они сопровождают молодого в дом родителей жены; здесь, когда жених стоит на разостланном «пойандозе» (дорожке) и произносит «салом» (приветствия родителям жены), джура делают полагающиеся по обряду поклоны. По окончании этой церемонии джура разрывают пойандоз и каждый берет по куску. Интересно, что в Хивинском районе, когда по традиции невеста посылает жениху подарки и в том числе «чойхалта» (мешочки для чая) с вложенными в них куриными яйцами, последние съедаются сверстниками жениха. Смысл этих обрядов, некогда имевших несомненно магическое значение, уже забыт, однако, сохраняется общее представление, что подобными действиями неженатые друзья жениха могут обеспечить в будущем проведение собственного тоя.

Мы не будем приводить другие примеры участия джура в свадебной церемонии¹³. Нам важно лишь уяснить себе, что и в этом случае молодежное объединение выступает как единый коллектив.

Чтобы закончить общую характеристику хорезмских зиёфатов, мы обратим еще внимание на то, что в наиболее чистом виде они сохранились в сельских общинах; в городах они имелись всюду, но здесь их деятельность осложнялась наличием профессиональных, ремесленных организаций, которые часто подменяли собою зиёфаты как мужские объединения, что само по себе, как мы увидим из дальнейшего изложения, вполне закономерно.

Хорезмские мужские зиёфаты (мы имеем в виду молодежные объединения) по существу восходят к довольно поздним видам мужских союзов, но, на наш взгляд, они особенно интересны, т. к. именно позднейшие этапы в истории этого института первобытности исследованы еще слабо.

Мужские объединения Хорезма при всех своих локальных отличиях имеют многочисленные аналогии в самых различных местах Средней Азии и, что особенно важно, у самых различных ее народов.

Сошлемся лишь на один пример. В прошлом экономика, культура и быт киргизского народа значительно отличались от образа жизни и культуры земледельцев низовьев Аму-Дарьи, однако, их мужские объединения, при своеобразии в деталях, своими основными, ведущими чертами как родные братья напоминали хорезмские зиёфаты. Киргизские «джоро» (джура) также носили сезонный характер, строились на возрастной основе, их периодические собрания с коллективными трапезами проводились по принципу очередности материальных затрат, они имели органы самоуправления — избранного «бия» (агабия) и советника последнего — аксакала (йигит агасы), строгую дисциплину и, что особенно существенно, в прошлом были табуированы для женщин¹⁴.

При сравнении хорезмских зиёфатов с аналогичными явлениями у других народов Средней Азии исчезает элемент случайности; это позволяет

¹³ Значение молодежной возрастной группы сверстников в церемониях заключения брака должно стать предметом специального исследования. Оно, несомненно, имеет очень глубоко идущие первобытнообщинные корни, восходящие к групповому браку.

¹⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить Зейне Акылбекову за собранные по нашей просьбе интересные сведения о киргизских мужских собраниях.

видеть в данных мужских объединениях исторически сложившийся институт, который с полным основанием можно включить в комплекс пережиточных явлений, восходящих к первобытнообщинному строю.

Нас не должно смущать наличие в Средней Азии различных вариантов этих объединений: как мы увидим позднее, эти варианты восходят к стадильно различным видам первобытного института.

В дальнейших разделах мы постараемся подробнее остановиться на тех характерных чертах среднеазиатских мужских объединений, которые сближают последние с мужскими союзами в том их виде, в каком этнографическая наука обнаружила их у народов мира, стоявших на низком уровне общественного развития, и которые в известной степени позволяют реконструировать институт мужских объединений первобытности.

Изоляция мужских объединений от женщин

Нам представляется вполне закономерным начать наш анализ с наиболее стойкого признака мужских объединений Средней Азии, четко вырисовывавшегося даже в их пережиточных формах. Мы имеем в виду принцип строгой и изоляции этих объединений от женщин. Этот принцип полностью соответствовал социально-экономическим предпосылкам возникновения института мужских союзов, родившегося в эпоху кризиса первобытного общества и противопоставившего себя органам родовой власти. Это была революция, которая не могла не оставить глубокого следа даже по прошествии тысячелетий.

Как свидетельствуют материалы, собранные нами во время полевых работ, и все публикации прошлых лет, полное отстранение женщин от всего, что связано с деятельностью мужских объединений, является характернейшей чертой этого института. Все наши информаторы, даже без специального описания с нашей стороны, прежде всего говорили об этом основном правиле¹⁵. Самое большее, к чему допускалась женщина при организации мужских собраний,— это участие в подготовке трапезы.

Следует подчеркнуть, что подобное отстранение женщин от деятельности мужских объединений существовало и в той этнической среде и в тех слоях населения, для которых бытовая изоляция женщин никогда не была характерной; во всяком случае ислам не играл здесь никакой роли. Традиция эта восходит к системе разнообразных табу, связанных с первобытными мужскими союзами, в которых табуация мужских объединений для женщин стояла на первом месте.

Нарушение этого принципа прослеживается лишь на общетнографическом материале в наиболее поздних дериватах мужских объединений, когда они превращались уже в чисто культурные организации. В наших среднеазиатских объединениях принцип этот долго еще сохранялся в своей первоначальной чистоте. Это может быть объяснимо тем, что мужские объединения эти по совокупности своих характерных признаков, сближающих их с мужскими союзами, восходят к наиболее типичным формам последних. Принцип строгого обособления среднеазиатских мужских объединений от среды женщин проступал тем более рельефно, что при других событиях общественной жизни, на свадебных тоях, осенних и весенних сейлях, при организации массовых паломничеств к мазарам, праздничных

¹⁵ Среди этих единодушных сообщений некоторый диссонанс вносят информации о «серии» у казахов. На этих сборищах, устраиваемых на детских также по принципу очередности затрат, принимали участие девушки и молодые женщины. Но «серии» казахов, так же как и «шерне» киргизов, хотя и восходят генетически к первобытнообщинным институтам,— явления иного порядка. Они создавались на чисто экономической основе и не входят в комплекс мужских объединений, хотя некоторые организационные принципы у них общи. Подобные артефакты имели место и у узбеков, существуя параллельно с мужскими гаштаками и зиёфатами.

гуляний Курбан-байрама и Рамазана женщины, хотя и своей обособленной группой, но принимали обязательное участие; это относится особенно к сельским местностям, где влияние ислама, заметное в городах, было не столь значительным.

Вряд ли есть необходимость пространно останавливаться на этом вопросе, т. к. причины подобной изоляции достаточно полно проанализированы в этнографической науке.

Формы мужских объединений и их самоуправление

Большое своеобразие придает мужским объединениям система их самоуправления. Поскольку виды последнего тесно связаны с формами самих объединений, оба эти вопроса мы рассмотрим одновременно.

Как бы ни были разнообразны виды среднеазиатских мужских объединений, во всех них существуют те или иные органы руководства, поддерживающие дисциплину среди своих членов. В характере этих органов заметна большая пестрота, начиная от коллективных форм руководства до четко определившегося единоначалия.

Это самоуправление объединений не могло не привлечь внимания исследователей, однако, с их стороны не было попыток подойти аналитически к этому явлению, чтобы ответить на вопрос, что это такое: случайное подражание реально существующим органам политической власти или же органы самоуправления в мужских объединениях такое же пережиточное явление, как и сами мужские объединения в целом.

При рассмотрении фактического материала приходишь к убеждению, что существует закономерность, согласно которой определенным по своим организационным принципам мужским объединениям Средней Азии соответствуют определенные только им присущие формы внутреннего самоуправления.

У таджиков Вахио-Боло¹⁶, у ягнобцев¹⁷, у барласов (с. Суджина в верховьях Зеравшана), у тюрков-калытаев (см. Пайтавабаш, Булунгур), у тюрков муса-базари и ряда других народов и этнографических групп мужское население тех или иных населенных пунктов, собирающееся с целью провести досуг в особых специально для этого предназначенных помещениях — «алоухона» и «мехмонхона», — руководствуется лишь одним принципом: здесь старшие по возрасту, зрелые и умудренные жизненным опытом люди являются руководителями и воспитателями младших. От группы старших зависит порядок на собраниях, они занимают почетные места, направляют ход беседы, принимают приезжих гостей, они пресекают все, что идет в разрез с традицией. Молодежь, как холостая, так и женатая, учится здесь у старших, выполняет их распоряжения и на таких собраниях по существу обслуживает стариков. Когда последние расходятся по домам, а юноши по обычаю остаются почевать в мехмонхона, они продолжают находиться во власти тех же правил, которые с детских лет прививал им их коллективный руководитель и воспитатель — старшее поколение.

Так выглядели мужские объединения Средней Азии, которые мы считаем наиболее архаичными. Здесь перед нами нерасчлененное сообщество мужчин, в которое входят представители разных поколений и в котором единственной регулирующей силой является древняя система возрастных классов с коллективным руководством младших старшими.

Обратим внимание на то, что подобные объединения мужчин почти

¹⁶ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, стр. 117, 121.

¹⁷ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, стр. 22—26.

всегда имеют постоянную базу в виде алоухона или мехмонхона, своего рода мужской дом¹⁸.

Всё это в целом мезовольно воскрешает перед нами картины своеобразной жизни охотников и воинов тех народов мира (напр., жителей Новой Гвинеи), этнографический материал о которых помогал науке реконструировать картины первобытнообщинных отношений.

Иначе выглядят те мужские объединения, которые сплачивают в единый коллектив только сверстников. Создается впечатление, что объединение мужчин разных поколений расчленяется, распадается на возрастные группы, каждая из которых начинает самостоятельное существование. В этом направлении, несомненно, и шел процесс развития в первобытных мужских союзах, пережиточно отраженный в наших реликтовых институтах.

Такие расчлененные на возрастные группы объединения в Средней Азии были наиболее типичны, тогда как мужские объединения первого вида представляли собой в известной степени уже уникальное явление.

Много особенностей имеется в возрастных объединениях молодежи. В частности, на их примере хорошо видны изменения, произошедшие в органах самоуправления. В этом отношении весьма показательны молодежные объединения таджиков долины Хуф, описанные М. С. Андреевым. Каждое из них возглавлялось здесь единым начальником, «хокимом», которому принадлежала вся полнота «власти» и который для этого располагал соответствующим «штабом», структурно весьма напоминавшим двор среднеазиатского государя или областного начальника. Среди его помощников мы находим и «наиба» (паместника), и «арбоба», «казия», «ясовула» — вплоть до мелких обслуживающих персонажей. Все остальные представляли собою «наукаров» — войско правителя. Какими разными объединениями в сопровождении «двора» и «войска» взаимно посещали друг друга¹⁹.

Мы намеренно остановились на одном из усложненных вариантов руководства, однако, принцип единоначалия характерен для всех объединений подобного типа, даже для старших по возрасту групп.

Весьма близки к хуфским объединениям описанные уже нами хорезмские зидэфаты, во главе руководства которых мы находим единого «правителя» — агабия, окруженного помощниками — йнгит-агасы, мурзабаши, асакалом, ясовулом и прочими персонажами.

Нерасчлененные по возрастам объединения мужчин с коллективным руководством и возрастные объединения с единоначалием представляют собою два полюса, между которыми мы находим много переходных форм.

Среди последних следует остановиться на таких объединениях, которые не будучи еще расчлененными по возрастам, имеют, однако, выделившегося из числа участников «старшего», руководителя этих объединений. Таковы гаштаки у некоторых таджиков окрестностей Самарканда, ираноязычного населения Нур-агинских гор, у узбеков-найманов с. Чала — кишлак (Паст-Даргом), у тюрков-могулов Булунгура и других групп.

Руководитель гаштака здесь называется «бобо» и это — весьма симптоматично. О. А. Сухарева совершенно справедливо замечает, что первоначальный смысл подобного термина (при его применении во внесемейной жизни) надо искать в отношениях доклассового общества²⁰. Бобо, ставший единственным руководителем нерасчлененного по возрастам гаштака, является преемником более архаичного коллективного руководства группы старейших. Термин «бобо», обычно применяемый в Средней Азии по отношению к представителям старейшего поколения, является подтвержде-

¹⁸ Местами, как, например, у язгулемцев, их уже заменяют мечети. См.: Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 54.

¹⁹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 117—119.

²⁰ О. А. Сухарева. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане. КСИЭ, т. XXX, М., 1958, стр. 123—124.

нием этому. Значение этого кровнородственного термина в комплексе всего, что связано с мужскими объединениями, становится еще более важным, если учесть, что по отношению к главарям более развитых и сложных объединений применяется обычно военно-административный термин (агабий, бек, хоким и др.).

В тех случаях, когда параллельно существует несколько возрастных объединений: подростков, юношей, лиц среднего возраста и стариков, каждое из них имеет своего руководителя. Однако не у всех этих групп роль подобного руководителя равноценна. Если в молодежных объединениях это в подлинном смысле слова начальник, то руководитель группы старейших обычно — весьма бледная фигура. И это понятно: именно объединения стариков подверглись сильному влиянию ислама и деформировались; на их собраниях фигура духовного наставника — муллы, ишана, шейха затмила собою руководителя гаштака.

Избрание руководителя не обставлялось какими-либо особыми церемониями, но сам принцип избрания весьма характерен. Руководителем становился обычно тот из числа участников объединения, кто пользовался всеобщим авторитетом [заметим кстати, отнюдь не по возрасту], был известен своей справедливостью, организаторскими способностями, знал традиции проведения собраний и, как местами отмечали информаторы, славился своим красноречием²¹. Выдвинутая кандидатура утверждалась исключительно при единодушии членов объединения.

Надо сказать со всей определенностью, что подобный критерий при избрании руководителя не типичен для объединений последнего периода их существования и является глубоким пережитком, как пережиточны сами объединения мужчин. Однако, уже само наличие его, пусть проявляющееся в стертых формах, подтверждает архаичность мужских объединений как этнографического явления в целом.

Во многих информациях подчеркивалось, что руководителем гаштака становился тот, кто обладал многочисленной родней («огайни кўп»), либо был состоятельным человеком («бадавлат»).

Так происходило, например, у узбеков-туяклы (с. Бадана, Булунгур). «Руководит гаштаком тот, кто богатый или у кого много родни», — говорит информатор.

Здесь мы видим любопытное сочетание в одном и том же месте разных по своему генезису принципов избрания: восходящего к родовой основе, с одной стороны («огайни кўп»), а с другой, — к тому этапу в развитии общества, когда «новая аристократия богатства окончательно оттесяняла на задний план старую родовую знать»²².

Классовый принцип и избрания руководства и самой организации гаштаков, естественно, был преобладающим. Руководителем избирался либо местный богатей, либо «бой-бача» (сын бая) в молодежных гаштаках, либо зажиточный хозяин той мехмонханы, где собирались сотрапезники.

В селениях, близкое расположенных к городу Самарканду, при избрании бобо прежде всего принималось во внимание богатство человека. Показательно, что классовый принцип был здесь заложен и в самой структуре мужских объединений: «Батраки, мардикеры и чейрикеры собирались отдельно на свой гаштак; богатые собирались отдельно; если, например, в

²¹ Таков же был принцип избрания в хорезмских сельских общинах «кетхудо» — особые старейшины, существовавших параллельно с представителями администрации. О них см. нашу работу «Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма». МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 138.

В связи с принципом избрания глав объединений полезно вспомнить слова Моргана о избрании военных вождей у ирокезов «за личную храбрость, мудрость в переговорах или красноречие на совете». См.: Л. Г. Моргана. Первобытное общество. СПб., 1900, стр. 70.

²² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. XXI, М., 1961, стр. 167.

восьми кишлаках имелось 40 человек сыновей гаштакных дехкан, они объединялись в особый гаштак. А бедняцкие гаштаки имелись в каждом кишлаке», — сообщал информатор.

Если вернуться к наиболее архаичному принципу избрания руководителя исключительно в зависимости от его личных доблестей, то на вопрос о происхождении его, нам кажется, ответить не трудно. Перед нами хорошо знакомый принцип избрания руководителей, преимущественно военных вождей, который появляется еще в недрах родового общества и противоопоставляет себя принципам родовой демократии.

К избранно руководителем мужских собраний имеет отношение игра, довольно широко распространенная на гаштаках и зиёфатах разных мест Средней Азии. Называется она «падша-вазир». Там, где она встречается на мужских собраниях, игра эта служит для определения тех лиц, которые должны вести собрание в данный конкретный вечер. Этих руководителей — «царя» и «визиря» — устанавливали выбрасыванием игральной кости — «ашик» (астрогала). Иногда кости бросали несколько раз за вечер и таким образом происходила постоянная смена «руководства».

Трудно сказать, как возникла игра со столь специфическим назначением. Вероятно, это — явление довольно позднее, возникшее в тот период, когда мужские объединения с вполне реальными органами самоуправления все более теряли свое значение и приобретали характер простого развлечения. Об этом говорит и книжная терминология и то обстоятельство, что в «падша-вазир» играли и там, где имелись избранные руководители объединения. Интересно, что в Хорезме в «падша-вазир» играли только на зиёфатах подростков. Тем не менее связь этой игры с более широким комплексом мужских объединений, возрастных групп и посвящений несомненна. Не случайно играми в «падша-вазир», правда в несколько ином виде, сопровождалось, как об этом свидетельствуют интересные материалы, опубликованные Н. Нурджановым²³, свадебные церемонии и церемонии обрезания, сохранявшие элементы древних возрастных инициаций.

Избранный руководитель мужского объединения являлся прежде всего распорядителем и блюстителем порядка на периодических собраниях. Он занимал почетное место на «тўр», которое на объединенных гаштаках было предназначено для старейших.

Необходимо отметить одну особенность мужских собраний, которая имеет прямое отношение к их руководителю. Где бы мы ни знакомились с прошлой жизнью мужских объединений, все информаторы рассказывали об одном строго соблюдаемом правиле, согласно которому члены его, собравшиеся на очередную трапезу, обязаны были, сидя за дастарханом, неуслышительно соблюдать ту позу, в которой в каждый данный момент пребывал их начальник. Наиболее каноничной считалась поза «дузону», при которой человек, встав на оба колена, садился, держа под собою обе ноги; кисти рук лежали на коленях, голова была слегка опущена. Соблюдение этой позы и помимо гаштаков и зиёфатов полагалось каждому, кто в мехмонхане находился в присутствии старшего по возрасту²⁴.

На собраниях объединений можно было сидеть и в других позах, смотря по тому, какую позу принимал агабий или бобо. Информаторы рассказывали, что иногда от долгого пребывания в одном и том же положении совершенно затекали ноги и тогда к начальнику обращались с просьбой изменить позу, на что следовало «милостивое» разрешение. За самовольное нарушение позы следовали штрафы и наказания. Это жесткое правило гаштаков и зиёфатов поражает тем, что оно распространено буквально во всех уголках Узбекистана и Таджикистана. Это позволяет думать, что

²³ Н. Нурджанов. Таджикиский народный театр, стр. 53—55.

²⁴ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 351, примечание 2.

мы имеем дело с остатками какого-то древнего обязательного церемониала мужских союзов.

Громадное большинство мужских объединений из числа своих руководящих персонажей сохранило лишь начальника и его помощника — ясовула. Но местами количество помощников и обслуживающего персонала при начальнике увеличивается и, как мы это видели на примере хуфских объединений, образуется нечто вроде «двора»²⁵.

И этот штат приближенных и вся церемония сборищ действительно внешне напоминают двор среднеазиатского правителя, на что обратил внимание еще М. Ф. Гаврилов²⁶. Однако, нам кажется совершенно неприемлемым тот вывод, который из этого делает автор. Основываясь на сходстве мужских объединений и их собраний с церемонией распятия кумыса при дворе бухарских ханов, описанной В. В. Бартольд²⁷, М. Ф. Гаврилов считает народный обычай избрания руководителя и его помощников простым копированием, «перенесением дворцовых обычаев узбекских ханов в широкие народные массы, сохранившие их в виде отголосков минувшей жизни»²⁸. Несостоятельность подобного вывода в свое время отметил Л. П. Потапов, высказавший весьма ценную мысль, что «происхождение самого этого дворцового церемониала можно правильно объяснить только на основе древней народной традиции кочевников»²⁹.

Действительно, о каком копировании может идти речь, когда одну и ту же картину мужских сборищ, пусть с различными вариантами, мы находим на огромной территории Средней Азии, у разных народов, иногда в самых «медвежьих углах» края.

Далее, не только беспечная молодежь «ипрает» в ханский двор; то же самое находим в среде лиц более старшего возраста, солидных хозяев и отцов семейств. И наконец, если бы перед нами было простое копирование, то вполне закономерно было бы встретить среди персонажей «двора» мужских объединений лиц, хотя бы отдаленно напоминающих судей, законовдов и прочих представителей духовенства, игравших такую огромную роль в ханствах. Однако, наличие «казия» или «раиса» среди руководителей мужских объединений — редкое исключение³⁰.

М. Ф. Гаврилов в конце своей работы дает ключ к пониманию описываемых им явлений, называя членов групп «шерда» и «гукма» — «соучастниками дома мужчия»³¹, однако в плане его основного вывода это положение повисает в воздухе.

В данном вопросе мы встаем на точку зрения Л. П. Потапова, хотя приводимый им для опровержения выводов М. Ф. Гаврилова материал алтайцев в известном отношении представляется нам значительно более модернизированным, нежели данные о среднеазиатских объединениях. Описанные автором собрания алтайцев носят довольно четко выраженный семейный характер, при котором хозяин дома и его жена (!), а не коллектив и его представители, играют на церемонии главную роль. Помимо этого, вряд ли следует искать корни бухарского дворцового обычая исключительно в народной традиции кочевников, как это делает Л. П. Потапов³².

²⁵ То же отмечено Б. Х. Кармышевой у таджиков Нур-атинских гор, у которых, кроме «бобо», во главе руководства стояли «кушбеги», «раис», «йигит-агасы», ясовул, миргазаб (палач) и др. персонажи.

²⁶ М. Ф. Гаврилов. Остатки ясы и юсуна у узбеков, стр. 4.

²⁷ В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. Сборник в честь семидесятилетия Г. П. Потанина. ЗИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 301—307.

²⁸ М. Ф. Гаврилов. Указ. соч., стр. 4.

²⁹ Л. П. Потапов. Древний обычай, отражающий первобытнообщинный быт кочевников. «Тюркологический сборник АН СССР», № 1, 1951, стр. 172.

³⁰ Заметим также, что ни в одном из многочисленных объединений нами не зафиксирован термин «хан» или «эмир» в отношении руководителя группы.

³¹ М. Ф. Гаврилов. Указ. соч., стр. 9.

³² К его точке зрения близок А. А. Семенов, считающий организацию общественных посиделок (шерда) для питья кумыса (позже — бузы из проса) церемония-

Совершенно ясно, что нельзя основываться лишь на том, что кумыс — напиток скотовода (кстати, М. Ф. Гаврилов сравнивает с дворцовым обычаем обычай распития бузы из проса!). Для нас важен весь церемониал в целом и его происхождение. Учитывая всю сложность этногенеза узбекского народа (тем более населения бухарского оазиса), нельзя абстрагироваться от того вклада, который был сделан в культуру и быт аборигенами древних земледельческих оазисов Мавераннахра, от которых, вне всяких сомнений, остались известные церемонии распития вина, бытовавшие и в узбекской, и в таджикской среде, которые до недавнего времени можно было наблюдать на собраниях мужских объединений и о которых нам предстоит сказать ниже.

Чем более углубляться в материал, характеризующий самоуправление мужских объединений, тем менее остается оснований считать эти явления случайными, порождением фантазии развлекающейся молодежи, тем более реальный характер приобретают они. И реальность эта возрастает по мере ухода в прошлое этих объединений.

Об этом свидетельствует ряд обстоятельств. Во-первых, руководитель мужского объединения — это не тамада дружеской пирушки; он избирается на длительный срок после вполне серьезного обсуждения выдвигаемой кандидатуры. «Власть» его длится целый сезон, а иногда и дольше. Агабии хорезмских зифатов обычно являются постоянными руководителями данных возрастных подразделений. В Гурленских зифатах существует даже особый лакаб — «агабий», прибавляемый к имени, так же как это происходило с чинами должностных лиц (хаким, ипак и проч.). Такой же постоянный характер носила власть бобо во многих самаркандских гаштаках.

Во-вторых, (и это особенно существенно) — власть руководителя была действительна не только на собраниях, но и в повседневной жизни членов объединения: руководитель следил за поведением своих подчиненных в кишлачной общине, являлся арбитром в происходивших между ними конфликтах, выступал в качестве представителя объединения на тоях и отвечал за своих йнгитов перед местной администрацией.

В этом отношении весьма интересна информация, полученная нами у узбеков группы «худжа» в окрестностях Самарканда (с. Кальхуджа): «К воздействию бобо на участников группы (гаштака — Г. С.) обращались и представители населения кишлака; если чье-либо нарушение было уж очень серьезным — шли к местным властям... Противоречий между бобо и властями не было; решение бобо беспрекословно выполнялось; представитель власти — еллик-баши — не вмешивался в дела бобо». Этим же информаторам принадлежит весьма точная характеристика органов самоуправления в гаштаках: «бу алохида хукумат ухшаган», т. е. «это было похоже на отдельное государство».

В некоторых случаях, как правило, у молодежных военизированных союзов узбеков-салынов, кырков и др., о которых пойдет речь ниже, власть «бека» и его «двора» выходила за рамки объединений; «беки» вмешивались в дела кишлачных общинников. Последнее для нас особенно существенно в плане установления генетических связей наших объединений с мужскими союзами и обществами первобытности³³.

В-третьих, (как мы это увидим при разборе системы штрафов и наказаний) судебские и карательные функции руководства объединений были далеко не символическими. Это характерно было для объединений последне-

---

ми очень сходными с ханскими обычаями, принесенными с собой в Мавераннахр-таджикистанскими узбеками См.: А. А. Семенов, Шейбани-хан и завоевание империи тимуридов. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 83.

³³ В этой связи уместно вспомнить террористическую власть над окружающим населением тайного общества «дук-дук» в Меланезии, общества аборигенов в Африке (Бенин) и др.

го времени их существования и тем более для более отдаленного прошлого.

Истоки внутренних органов власти мужских объединений особенно ярко вскрывает одна информация, полученная нами в Хорезме.

В правление Мадримхана II в с. Кош-Купыр произошел следующий случай. Агабий одного молодежного зидфата приказал казнить путем повешения провинившегося участника зидфата и приговор был приведен в исполнение. Родители казненного юноши обратились с жалобой к хану. Вызваны были в столицу и родители агабия, также начавшие хлопотать о судьбе сына. Дело находилось на рассмотрении у хивинского казикаляна, когда в архивах была обнаружена старинная фетва, согласно которой агабий объединения, состоявшего более чем из сорока человек подчиненных ему йигитов, волен распоряжаться жизнью и смертью своих подчиненных, т. к. в этом случае он, по словам информатора, «становился как бы равным самому хану». К этой информации, заслуживающей доверия, т. к. она была получена непосредственно от внука кази-каляна, проводившего следствие, нам еще предстоит вернуться в другой связи. Пока же она служит существенной иллюстрацией нашим соображениям о природе самоуправления гаштаков и зидфатов.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в Средней Азии имели место разные формы мужских объединений, приближающиеся либо к нерасчлененным по возрастным группам объединениям мужчин с коллективным руководством, которые мы считаем наиболее архаическими, либо к строго возрастным группам, выделившимся из единого сообщества мужчин и достигшим значительной самостоятельности и единоначалия в руководстве. Среди переходных форм вполне логично видеть такие, при которых возрастные градации представляют определенные ранги, степени внутри единого союза мужчин.

По существу, отдельные возрастные объединения подростков, юношей, лиц среднего возраста и стариков той или иной сельской общины в своей совокупности образуют единый коллектив с определенными ступенями, рангами; за свою жизнь человек проходит через все ступени этой мужской корпорации. Единство корпорации подтверждается тем, что между старшими и младшими возрастными объединениями существовала связь: нами уже приводились информации о том, что в некоторых хорезмских общинах представители старших возрастных объединений контролировали младшие зидфаты. То же имело место и у таджикского населения Нур-атинских предгорий (Самаркандская область), где бобо старших возрастных групп обучал руководству гаштаком бобо младших групп³⁴.

Различным формам объединений соответствовали различные виды внутреннего самоуправления. Органы внутреннего самоуправления в мужских объединениях, рудиментарные и в значительной степени уже чисто символические, вряд ли случайны. Они связаны длинной цепью трансформаций с какими-то вполне реальными органами самоуправления мужских союзов первобытности.

Быть может, именно они являются, наряду с изложенным уже принципом табуации этих объединений для женщин, наиболее существенным признаком, генетически сближающим мужские объединения с мужскими союзами первобытности на разных этапах развития последних, начиная от недифференцированных объединений, основанных лишь на господстве системы возрастных классов с коллективным руководством старших, и кончая союзами мужчин, находящимися на стадии их превращения в тайные общества, — «террористические организации, осуществляющие примитивные функции публичной власти, охраняющие зарождающуюся собствен-

³⁴ Пользуемся возможностью поблагодарить Б. Х. Кармышеву, любезно представившую нам свои полевые записи по Нур-ате.

ность, обуздывающие межплеменные распри мерами религиозными, а иногда и физическим террором, обеспечивающие подчинение непосвященных, рабов и женщин»³⁵.

Органы дубличной власти, оформлявшиеся в «тайных обществах», которым столь важное значение придает С. П. Толстов, имели свои зародышевые формы на более ранней стадии развития. Они развились из самоуправления мужских союзов на «клубном» (пользуясь терминологией Г. Шурца) этапе, к которому восходят в основном наши среднеазиатские объединения³⁶.

В связи с этим возникает вопрос: не следует ли видеть истоки многих явлений, которые слагали систему власти в среднеазиатских государствах древности и средневековья, именно в органах самоуправления мужских союзов и межплеменных тайных обществ? В частности, это относится к административному аппарату среднеазиатских государств, который даже на позднейших этапах истории поражает многими чертами сходства с органами управления пережиточных мужских объединений. Однако это опять-таки предмет специального исследования.

Во всяком случае, как мы попытаемся это доказать в одном из следующих разделов нашей статьи, некоторые воинские подразделения ранних среднеазиатских государств связаны генетически с мужскими союзами.

Чтобы закончить вопрос о формах мужских объединений Средней Азии и их внутреннем самоуправлении, в связи с вопросом о их первобытных прототипах, нам представляется необходимым вкратце коснуться связанной с этим терминологии.

Анализ терминологии может много дать для детальной характеристики этапов эволюции мужских объединений.

Мы ограничимся лишь некоторыми примерами. У узбеков и таджиков по отношению к собраниям мужских объединений широко применяются термины «гаштак», «ган» и «соубат». Первый термин (от тадж. «гаштан» — проходить, переходить) возник, очевидно, для обозначения тех специфических форм мужских собраний, при которых в основу подготовки традиционной трапезы был положен принцип очередности, когда обязанность хозяина, производившего все затраты, *п е р е х о д и л а* от одного участника объединения к другому.

Ферганский термин «ган» (тадж. «ган» — беседа, разговор) отражает одну из характерных сторон этих собраний: они были всегда (и для более древних периодов это особенно характерно) собраниями мужчин, на которых широко обсуждались насущные вопросы общины — хозяйственные, военные, бытовые; местами, напр. в горном Таджикистане, эта функция мужских собраний в алоухона продолжала жить до последнего времени.

В этом же смысле к мужским собраниям применяется термин «соубат», «сухбат», что в иранских языках приобрело значение «беседы», «разговора». Однако иное смысловое значение, представляющее для нас особый интерес, всплывает при углублении в этимологию данного термина: в арабском языке «сухбат» означает — «сообщество», «дружба», что как нельзя более точно передает природу мужских объединений.

Значение арабского слова «сухбат» повторяется в термине «жўра» (киргизское джоро), широко известном в применении к мужским объединениям разных народов Средней Азии. Джюра, джоро — это «друг», «приятель». Однако характерно, что данный термин, как выражение личной дружбы — вторичное явление. Джюра — это прежде всего *г р у п п а* сверст-

³⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 311.

³⁶ Особо важное значение в этом плане имеют судебные и карательные функции руководства мужских объединений. Г. Шурц обращает внимание на то, что «внутренняя юстиция» в тайных союзах, необходимая для поддержания дисциплины среди их членов, предшествовала внешней, т. е. тем судебным и карательным функциям, которые оформлялись по мере дальнейшего развития тайных обществ. См.: H. Schurtz. Указ. соч., стр. 363.

ников, тесно связанных между собою общим воспитанием, общими интересами, взаимопомощью, т. е. все те лица, которые принадлежат к определенному возрастному классу. Не случайно, что в персидском языке «джура» означает «сорт», «класс», «разряд». Именно в этом значении — неразрывная связь термина с мужскими объединениями и прежде всего с молодежными по своему составу. Специалистам мы предоставляем установить — случайно ли созвучие данного термина с термином «чухра», «чоро», значение которого, согласно исследованию, произведенному Р. Г. Мукминовой, первоначально было — «мальчик», «юноша»³⁷, т. е. опять-таки было связано с возрастными классами.

В Хорезме, как мы уже говорили, по отношению к собранию мужских объединений был применен термин «зиёфат». Повсюду в Средней Азии он означает «угощение». Таково же и значение его в арабском языке, вместе с которым и термин этот проник в Среднюю Азию. В применении к мужским объединениям, он подчеркивает еще одну характерную их черту — обычай устройства традиционных трапез, корни которых уходят глубоко в недра первобытного общества.

Однако, в арабском языке есть и второе значение этого слова, быть может, заслуживающее не меньшего внимания в плане нашего исследования, а именно «зиёфат» как «гостеприимство», «радушье». Если мы вспомним, что обычай гостеприимства у народов на любых континентах, как об этом свидетельствуют этнографические исследования, — одно из наиболее устойчивых явлений, связанных с «мужскими домами» и базирующимися на них мужскими объединениями в наиболее классических их формах, то наличие данного термина в интересующем нас комплексе приобретает особый интерес.

Мы не будем продолжать наш лингвистический экскурс, предоставив его специалистам. Однако, нам кажется, что и терминология, связанная с мужскими объединениями, свидетельствует в пользу их генетической общности с мужскими союзами, мужскими домами и возрастными классами первобытности.

Мужские объединения и молодежь

Мужские союзы, создававшиеся на базе возрастных классов с их функциями воспитания молодого поколения и системной инициаций, и после окончательного оформления и последующего усложнения своей структуры не утратили значения своеобразной школы молодежи. Менялся лишь характер воспитания в зависимости от изменений форм хозяйства и усложнения производственных отношений. Некогда мужские объединения готовили к самостоятельной жизни опытных охотников, способных обеспечить коллектив пищей, воинов для защиты племени в эпизодических конфликтах, и пастухов, знающих границы кочевий и имеющих навыки скотоводства. Наконец, наступил исторический момент, когда обществу потребовался воин для грабительских набегов и накопления. Это был период, когда племена и роды вышли за пределы своих территорий, создавались межплеменные конфедерации и рождались первые государственные образования и их армии.

Воспитательные функции мужских объединений через многие поколения оставили свой след и в тех пережиточных мужских объединениях, которые являются предметом нашего исследования. Эта функция мужских объединений как школы молодежи красной нитью проходит через все их пережиточные формы и, пожалуй, в не меньшей степени, чем их другие

³⁷ Р. Г. Мукминова. Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.). «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР». т. СХХ. Сборник статей памяти М. С. Андреева, Сталинабад, 1960, стр. 45.

специфические особенности, говорит о генетической связи этих объединений с мужскими союзами первобытности.

В тех объединениях, где нет резких членений по возрастам и господствует коллективное руководство старших, сохранилась главным образом морально-этическая сторона воспитания. В этих объединениях молодежь на наглядных примерах старших усваивает правила общежития, учится почитать стариков, овладевает всеми теми крупными и мелкими запретами и рекомендациями, которые пронизывали быт старой патриархальной общины. Эта функция мужских объединений особенно четко прослеживается в тех местах, где имелись общественные дома — алоухона и мехмонхона, представлявшие собой реликты «мужских домов» первобытности. Однако то же самое мы наблюдаем и там, где общественных домов не сохранилось и собрания мужчин проводились в частных домах, в специальных мужских помещениях, сохранивших то же название — мехмонхона. Нам приходилось слышать от стариков, что «мехмонхона была школой для молодежи».

В связи с этим нам хочется сделать небольшое отступление, чтобы коснуться истории мехмонхона. Мехмонхона частного дома является преемницей мужского общественного дома, предназначенного специально для собраний мужчин и приема гостей. Замена произошла, когда семья выделилась из кровнородственного коллектива как самостоятельная ячейка, выросло значение ее патриархальной главы и отдельной семьи в целом в общественной жизни. Раньше нужды в подобном помещении при жилом доме не было. В родовом коллективе, где жизнь мужчин сосредоточивалась в общественных домах, последние служили и для совещаний и для приема гостей и для совершения некоторых обрядов. Особенно показательны обычаи гостеприимства, от которого и помещения эти получили свое название. Прибывший являлся гостем всей общины и общественный дом, как об этом свидетельствует этнографический материал, служил одновременно гостиницей. С разложением кровнородственного коллектива жизнь переносится в семью и возникает потребность в специальном мужском помещении жилого дома.

Именно здесь, нам кажется, а не в пресловутом влиянии ислама следует искать причины столь характерного для Средней Азии членения дома на две половины, если учитывать, что принцип изоляции женщин от всего, что связано было с жизнью мужских союзов, являлся древним непреложным законом.

Значение мехмонхоны как воспитательного центра и приемной для гостей было очень велико. Весьма характерна записанная нами ферганская поговорка, гласящая: «масжидни бузсанг буз, мехмонхонани бузма!», т. е. «если надо разрушить мечеть — разрушь, но мехмонхоны не разрушай!»

При раздельном проведении гаштаков и зиффатов по возрастным группам молодежные объединения, наиболее для нас интересные в плане выяснения позднейших судеб мужских союзов, полностью сохраняют воспитательные функции, однако, последние имеют здесь несколько иную окраску. В этих объединениях с единоначалием в руководстве совершенно отчетливо выступает военная окраска всей их деятельности и они приобретают черты своеобразной военно-спортивной школы молодежи, на чем мы остановимся в специальном разделе.

Особый колорит придает среднеазиатским мужским объединениям тесно связанная с их воспитательными функциями система штрафов и наказаний. Просматривая материалы о тех разнообразных экзекуциях, которые применялись в гаштаках и зиффатах, и о причинах, их вызывавших, невольно выносишь впечатление, что система наказаний является здесь своего рода самоцелью, настолько придирчиво разработаны самые мельчайшие предлоги для наложения взыскания³⁸. И вся эта система

³⁸ Важно отметить, что система наказаний характерна была почти исключительно для молодежных объединений.

перерастает свое назначение поддерживать внутреннюю дисциплину, превращаясь в грандиозную программу испытаний воли, физической закалки, мужества и терпения молодого человека.

Сразу же заметим, что к взысканиям, накладываемым руководством объединения за тот или иной проступок, присоединяется множество штрафов, полагающихся за проигрыш в играх, применявшихся на зидфатах и гаштаках³⁹, и между ними трудно провести какую-то грань.

Виды штрафов и наказаний в молодежных объединениях крайне разнообразны и применялись они по самым различным поводам⁴⁰. Особенно широко было распространено избивание провинившегося дурра — плетью, о которой говорилось выше. Били по спине, в центре комнаты, в присутствии всех участников. Число ударов, как правило, было нечетным. В некоторых местах бить «плетью» полагалось лишь от согнутого локтя, чтобы ослабить удар. По словам стариков-информаторов удары скрученного в жгут полотна либо поясного платка, иногда еще смоченного водой, были весьма ощутимы. В некоторых местах Хорезма в полотнце вкладывали еще ашик (астрогал). Иногда, как например, в Куния-Ургенче (Хорезм), в с. Кальхунджа под Самаркандом и в др. местах били настоящей ременной плетью. У узбеков-туяклы (Булунгур) плетью били и по ладони («капка уруш»). У них же существовало весьма мучительное наказание — «бурунга уруш», — при котором проигравшему в кости закрывали двумя пальцами глаза, а средним пальцем, оттягивая его другой рукой, били по носу.

Еще более жестоким было обливание холодной водой на морозе. Ареал распространения этого вида наказания чрезвычайно широк: его мы встречаем в самых разных местах Средней Азии. Не следует ли предположить, что обливание водой, быть может, носившее в древности «очистительный» характер, входило в обязательный ритуал мужских союзов среднеазиатской первобытности?

В Хуфе, по свидетельству М. С. Андреева⁴¹, провинившихся скатывали со скалистого выступа холма, где некогда местные власти расправлялись с настоящими преступниками.

В некоторых местах Хорезма (Хива, Кош-Куныр) проигравшего в «пачиз» подвешивали над костром с сырыми дровами на веревке, перекинутой через бревно, положенное поперек дымового отверстия, и прокапчивали до тех пор, пока агабий не отдавал приказание прекратить наказание. Там же в аналогичных случаях юношу подвешивали вниз головой на крюке, вбитом в стену, или впрягали в арбу, заставляя везти ее на определенное расстояние⁴².

Помимо этих наказаний, связанных с болевыми ощущениями и испытанием физической силы, существовали и такие, которые были рассчитаны на воспитание мужества и воли. В Хорезме хорошо известны наказания, при которых юноша должен был всю ночь просидеть на кладбище среди могил. Там же были случаи, когда проигравшего в пачиз клали в табут

³⁹ Очень существенным является то обстоятельство, что игра на деньги в объединениях запрещалась; всякая игра велась на штраф в виде испытания терпения, выносливости, либо на приготовление внеочередного угощения. Деньги появляются лишь в самое последнее время и то в редких случаях.

⁴⁰ Особенно каралось непочтительное отношение к объединению и его руководителю, а также разглашение секретов объединения.

Вспомним союз Дук-Дук, в котором табуан налагал штрафы «на любого туземца за всякие провинности, в частности за непочтительное отношение к союзу или к его главе». См.: С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. СЭ, 1933, № 3—4, стр. 80.

⁴¹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 118.

⁴² Подробно о хорезмских штрафах при игре в «пачиз» см. нашу работу «Пачиз». (Об одном этнографическом памятнике индохорезмийских культурных связей), СЭ, № 5, 1962.

(ящик на ножках для переноски покойников), привязывали к нему полотенцами и на всю ночь оставляли на кладбище⁴³.

Менее сложными были штрафы и наказания, при которых участники зидфата должны были изображать какое-нибудь животное (верблюда, ишака, барана). В Хорезме провинившемуся (или проигравшему) чернили лицо сажей и в таком виде водили по другим зидфатам. Были наказания и иного порядка. Так, у таджиков Ак-Саия провинившемуся давали какую-нибудь работу, например, при постройке нового дома. У узбеков-салынов в долине реки Савзар провинившийся должен был выставить козленка для внеочередного козлодрания.

Однако излюбленным штрафом повсеместно являлось внеочередное угощение всех участников коллектива. Такой штраф взимался очень часто и за самые незначительные провинности. Это наводит на мысль, что трапеза для всего коллектива,готавливаемая одним из его членов в очередь или вне ее, некогда имела более самостоятельное значение и входила в какие-то обязательные нормы мужских союзов, о чем нам придется еще говорить в соответствующем месте.

Если брать всю систему штрафов и наказаний в целом, то приходится констатировать, что во всей внутренней жизни мужских молодежных объединений она занимала столь несоразмерно большое место, что трудно связывать ее генетически только с карательными функциями. Несомненно, она была средством поддержания порядка и авторитета руководства. Это ее значение в пережиточных объединениях совершенно очевидно. Но при детальном рассмотрении самого характера наказаний, весьма разносторонних, ясно видно второе значение этой системы как комплекса разных способов испытания молодого человека, его физической силы, воли, мужества, т. е. того комплекса действий, которые в первобытнообщинных мужских объединениях, начиная от их примитивных форм, слагали возрастные инициации или позже — церемонии посвящения в союз и перевода из одного его разряда в другой, более высший. Даже потеряв свою основу, некоторые виды «наказаний», в пережиточных объединениях (обливание водой, подвешивание, кончение на костре и проч.) поразительно сходны с тем, что сообщали этнографы, описывая церемонии посвящения юношей у австралийцев, индейцев и др. народов мира. Итак, перед нами еще одно звено, связывающее мужские объединения с их первобытнообщинными прототипами. Говоря о системе воспитания в мужских объединениях, мы намеренно не касались подробно ее военизированной окраски. Этот вопрос, ввиду особого интереса, должен стать предметом специального изложения, к которому нам предстоит теперь перейти.

Пережитки военных функций объединений

Военизированный характер всей деятельности объединений молодежи, т. е. тех форм мужских объединений Средней Азии, которые мы считаем генетически восходящими к наиболее поздним этапам в истории мужских союзов первобытности, полностью соответствует характеру той эпохи, в которую оформлялись и развивались исторические прототипы этих объединений.

Эта эпоха, когда война «превращается в инструмент социальной революции, в орудие взрыва первобытно-коммунистического общества, в средство перестройки всей системы общественных отношений»⁴⁴, поставила

⁴³ В связи с этим напомним замечание С. П. Толстова о том, что «представление о смерти как этапе посвящения в таинства является одним из важнейших элементов верований, связанных с инициацией детей и юношей в первобытные союзы». Древний Хорезм, стр. 312.

⁴⁴ С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». ПИДО, № 7—8, М., 1935, стр. 205.

перед мужскими союзами новые задачи, превратив их в первую очередь в школу воинов, и вся воспитательная работа в них была подчинена этой задаче.

Вполне естественно, что отголоски этой социальной революции и ее специфической военной формы не могли не наложить отпечатка на всю деятельность интересующих нас пережиточных мужских объединений, военный характер которых прослеживается весьма рельефно, и это обстоятельство еще раз убедительно доказывает генетическую связь наших реликтовых институтов с мужскими союзами первобытности.

Совершенно не случайно то обстоятельство, что военизированная окраска характерна именно для молодежных объединений. В мужских союзах эпохи разложения первобытно-коммунистического общества происходила своего рода возрастная «специализация»: из старших возрастных подразделений выходили руководители публичной власти, законодатели, судьи, жрецы, из младших — воины и их низовые военачальники. Старшие возрастные подразделения мужских союзов и обществ, выполнив свою историческую миссию создания и оформления органов публичной власти, ранее всего утратили былое значение и деформировались; в лучшем случае их дальнейшая судьба была связана с областью культа.

Молодежные подразделения мужских союзов умирали медленно именно в силу своей специфической военной функции. Самостоятельность их в виде военных или военизированных отрядов, состоявших из юношей, а иногда и подростков, долго еще прослеживается уже в классовом обществе; достаточно вспомнить воинские отряды молодежи у древних персов⁴⁵ и спартанцев⁴⁶. В Средней Азии подобные воинские подразделения мы знаем по запискам Бабура⁴⁷, до последних столетий прослеживаются они у туркмен (ак-уйли)⁴⁸, узбеков⁴⁹. Известны они по материалам эпоса среднеазиатских народов, к которому нам еще предстоит вернуться. Поэтому не случайно, что так отчетливо военная окраска сохранилась в деятельности пережиточных мужских объединений.

По существу типичное для Средней Азии подобное объединение — коллектив сверстников из числа молодежи, руководимый начальником и его помощниками, — представляет собой миниатюрный отряд, призванный организовать, воспитать, словом — подготовить молодых людей для участия в войнах. Военный характер в нем имеет и руководство им, в значительной степени, вся деятельность объединения юношей.

Поразительно стойко удерживается военная терминология: члены объединения образуют «лашкар» — войско, «нукар» — дружину и др. О хуфских объединениях М. С. Андреев писал: «Когда «хоким» со своими сочленами отправлялся куда-нибудь, то считалось, что он шел со своим войском (фавз)⁵⁰. К. Л. Задыхина, описывая зиёфаты северохорезмских узбеков, сообщает, что участники собраний молодежи делились на правое и левое крыло, возглавляемые особыми начальниками «мурзабаши», подчиненными главе зиёфата — агабию⁵¹. Перед нами традиционное военно-административное деление, знакомое народам Средней Азии с глубокой древности. В хорезмском термине «агабий» слагаемое «бий» («бек») имело отно-

⁴⁵ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 80.

⁴⁶ С. Я. Лурье. История античной общественной мысли. М.-Л., 1929.

⁴⁷ «Бабур-наме». Записки Бабура. Институт Востоковедения АН Узбекской ССР. Ташкент, 1958, стр. 25, 254, 271 и др.

⁴⁸ С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1(2), стр. 72—81.

⁴⁹ В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. «Изв. Ср. Аз. отдела Гос. русского географического о-ва», 1928, стр. 15, 16.

⁵⁰ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I, стр. 118.

⁵¹ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 393.

шение к кочевой феодальной знати⁵². Термин «бек» у тюркских народов первоначально означал военного вождя. В применении к руководителям молодежных объединений он известен в разных местах Средней Азии.

Название помощника руководителя объединения — ясовул — происходит от тюркского «ясов» — «строй, боевой порядок»⁵³. В армии бухарских ханов последнего времени ясовулы — это палочки, назначение которых — «ходить с палкой во время учения по фронту и выравнивать шеренги или передавать приказание командира»⁵⁴. Довольно часто встречающийся термин «йигит-агасы» (Хорезм) — буквально: «господин юношей», — применялся в отношении помощника руководителя зйэфата. В Бухарском ханстве существовала должность «чухра агасы» — начальника вооруженной охраны хана, состоящей из молодежи⁵⁵. Р. Мукминова убедительно доказала, что «чухра» в исходном значении этого термина — группа юношей⁵⁶, и таким образом термин «йигит-агасы» тождествен по значению термину «чухра-агасы» и также относится к военной терминологии.

Военный характер молодежных объединений особенно ярко проявлялся в связи с разного рода военно-спортивными состязаниями и играми молодежи. Борьба, скачки, козлодрания, соревнования в беге, стрельба в цель — таков далеко не полный перечень публичных выступлений участников молодежных объединений.

Не давая подробных описаний этих хорошо известных видов народного спорта, мы остановимся лишь на тех моментах, которые подтверждают их тесную связь с мужскими объединениями. Совершенно не случаен тот факт, что подобные состязания непременно сопровождают тои, празднества по поводу брака и обрезания, в обрядах которых присутствуют черты дошедших из глубины веков возрастных инициаций⁵⁷.

Связь молодежных объединений с военно-спортивными состязаниями особенно четко прослеживается на примере купкари — козлодраний, одном из наиболее распространенных видов развлечений юношей.

---

⁵² С. Ибрагимов. «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV века. «Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР», т. 1, Ама-Ата, 1959, стр. 197.

⁵³ Узбеко-русский словарь. М., 1959, стр. 575.

⁵⁴ Г. А. Арендаренко. Досуги в Туркестане, стр. 555.

⁵⁵ В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов..., стр. 306—307.

⁵⁶ Р. Г. Мукминова. Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.). «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. СХХ. Сборник статей памяти М. С. Андреева, Сталинабад, 1960, стр. 145.

⁵⁷ В этой связи обратим внимание на те специфические танцы и пантомимы (воинственные, охотничьи, эротические) с переодеванием и масками у населения горного Таджикистана, чрезвычайно интересные сведения о которых имеются в работах М. С. Андреева («Таджикские долины Хуф», вып. 1) и Н. Нурджанова («Таджикский народный театр»). Эти пантомимы, как правило, сопутствуют свадебным обрядам и обрядам обрезания. Г. Шурц, анализируя большой этнографический материал, отмечает, в частности, тесную связь маскараров с культом мертвых и тайными обществами мужчин. Там, где тайные союзы отсутствуют, там, по его наблюдениям, редки и маски (Н. Schurtz. Указ. соч., стр. 356). Слова исследователя о том, что по мере отмирания тайных обществ и видоизменений в характере посвящения мальчиков происходит трансформация маскараров, вырождающихся в игры и развлечения (там же, стр. 363), могут быть целиком отнесены не только к маскарарам и пантомимам горных таджиков, но и вообще ко всему комплексу «томоша» — зрелищ, сопровождавших свадебные тои и суннат-тои народов Средней Азии.

Но в отношении маскараров можно проследить и более непосредственную связь их с мужскими объединениями. Известно, что, например в Хорезме, зйэфаты молодежи совершали выезды на сейли около крупных мазаров с ряженными и масками. «Томоша» — зрелища, сопровождавшие тои, с участием певцов, танцоров, соревнованием в силе, ловкости и выносливости молодежи, восходят к тем нерыночным церемониям, тотемическим в своей основе, которые сопутствовали посвящениям юношей в класс зрелых мужчин.

Среднеазиатский воин, начиная с глубокой древности, прежде всего конник⁵⁸. Не удивительно, что конные состязания так популярны в Средней Азии и сейчас. У узбеков-найманов Самаркандской области каждый участник молодежного гаштака имел лошадь, специально предназначенную для купкари; члены гаштака всей группой выезжали туда, где происходили состязания, и принимали в них участие. Даже у южнохорезмских узбеков, не сохранивших родоплеменных делений, соревновались между собою представители разных кишлачных общин, городов. У них же отмечены случаи, когда борьба проходила между представителями разных зифатов. Такие же соревнования между объединениями проводились у барласов (с. Суджиана, Пенджикент), у мугулов (Булуңгур) и в других местах.

У узбеков-балгалы был особый вид козлодраний, называемый «муллаб улак»: юноша, впервые в жизни подбравший усы, обязан был выставить своим сверстникам угощение и устроить козлодрание. Широко практиковались штрафные купкари. У узбеков-салынов провинившийся участник молодежного союза должен был зарезать козленка для купкари, на которое вызывались другие объединения. У узбеков-узлов межкишлачные соревнования так и назывались «йигитлар» (буквально — «юноши»). Тесная связь между состязаниями и гаштаками очень ярко прослеживается у узбеков-салынов в верховьях Санзара. Здесь выставить улак (козленка) и устроить козлодрание обязан был каждый участник гаштака, следуя при этом определенной очередности. Такие тренировочные козлодрания проводились осенью перед началом сезона тоев, на которые каждый гаштак выступал уже во всеоружии, достаточно подготовленным. Тренировки, как правило, занимали 40 дней.

Военизированный характер молодежных объединений хорошо виден на примере хорезмских зифатов. Выезжала ли группа конников-джура вместе с жешихом за невестой в дом ее родителей, совершал ли зифат всем составом паломничество к мазарам или ехал на сейли с музыкой и пением, под водительством своего агабия, часто переодетые и с масками, всегда они напоминали некое воинское подразделение со своим уставом и внутренней дисциплиной.

В этом отношении весьма показательны проведение сейлей в г. Шават. Когда здесь в дни Науруза происходили традиционный праздник и гуляние, каждая община заранее выставляла на базарной площади, предназначенной для проведения состязаний, «қора-уй» — юрту, в которой поселялись юноши данной общины, готовящиеся постоять за ее честь на соревнованиях. Вырастал своего рода военный лагерь и молодые люди разных кишлаков, каждая группа под начальством своего агабия и йигит-агасы, в течение 20 дней проводила тренировки в борьбе, козлодраниях, боях баранов и других видах состязаний. Съезжались они сюда торжественно, на конях и арбах, со своими байраками (знаменами), с музыкой и песнями.

В течение всего периода тренировок родители снабжали молодых людей продовольствием. Соревнования происходили между сторонами («тарап ма тарап»). «Все йигиты, входящие в один қора-уй, составляли одно целое: и выигрыш, и проигрыш был общий. Все, что получал победитель, делилось между всеми участниками группы», — сообщали информаторы.

С объединениями мужчин связана и любопытная военизированная игра присамаркандских узбеков-найманов (с. Сазаган). Здесь зимой, мужская часть населения проводила игры, именовавшиеся «чиркас» и имитировавшие осаду крепости. «Крепость» (курган) заменяли собранные в одну большую грудку халаты участников игры. Последние делились на две партии, возглавляемые военачальниками — беками. Одна партия защищала крепость, другая наступала, стараясь отеснить и взять «в плен» ее защитни-

⁵⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 211—227.

ков, пуская в ход кулаки и подножки. По словам информаторов, в играх принимали участие лица в возрасте от 10—12-ти и до 50-ти лет, однако (что для нас особенно интересно), участвовали в каждом побоище только сверстники, лица одной возрастной группы. Это была только игра, но она отражала реальную обстановку и события не столь отдаленного прошлого, когда внутри Бухарского ханства происходили постоянные межплеменные конфликты и столкновения.

Игрой сейчас называют старики и то чрезвычайно интересное обнаруженное нами явление, связанное с жизнью молодежных объединений, которое в сравнительно недавнем прошлом бытовало у населения верховьев Зеравшана и долины реки Санзар у различных групп узбеков, таджиков и тюрков. Здесь лет 50—80 назад параллельно с обычными гаштаками существовали особые союзы юношей, в которые, по словам стариков, вступал не каждый, а лишь те, кто отличался озорством, бесшабашной удалью и распущенностью.

Во главе такой группы, участники которой назывались «джигитами» и «нукерами», стоял предводитель — «бек» или «бек-бобо», как почтительно его называли подчиненные. У узбеков-сальнов такой отряд (мы с полным правом можем его так называть) имел особое, им самим построенное помещение, именовавшееся «бўза-хона», т. е. дом для распития бузы. В других местах резиденцией отряда служил жилой дом предводителя. В этих помещениях юноши, как правило неженатые, оставались и на ночлег. Имея хороших коней, члены отряда всегда держались вместе, выезжая на тон, на базар либо в гости к другим подобным группам «воинов». На своих собраниях юноши, кроме распития бузы, танцевали, пели, занимались разными играми.

Казалось бы, здесь нет никаких отличий от обычного молодежного гаштака, однако, некоторые особенности говорят о противном. Как правило, все расходы по организации собраний и угощения падали на долю главы союза юношей — «бека». Складчина и очередность здесь отступают на задний план. Как говорят информаторы, «бек» по прошествии некоторого времени обычно разорялся. Приводят при этом конкретные примеры. Так, один «аул-беги» (отметим, кстати, весьма характерный термин — аульный бек!), имевший несколько коров, волов и овец, полностью разорился уже через год после начала своего командования «отрядом».

У узбеков-балгалы информатор 80 лет весьма красочно рассказал нам о судьбе другого предводителя «джигитов»: «У него было несколько батманов земли, оставшейся ему от отца. Был он еще не женат. Он продал землю, юношей сделал своими нукерами (!). Я сам видел, как этот бек сидел, окруженный своими джигитами на базаре, и за всех расплачивался. Как-то старшие братья узнали, что он устроил купкари и созвал гостей. Они явились, избili его и заперли в саман-хона. Уже будучи стариком в наше время этот бек оставался таким же тщеславным — приезжал из Самарканда на «Победу», где-то нанятой, и часами кружил по нашему кишлаку, чтобы все его видели на машине».

Такие предводители отрядов устраивали купкари, ездили в гости всем «войском», сообщая содержали мальчиков-танцоров. Имеются многочисленные свидетельства, что такие «отряды», в отличие от обычных гаштаков, не ограничивались своей внутренней жизнью, а выходили за ее рамки, нарушая покой и порядок в кишлачной общине. Так, в верховьях Зеравшана (в кишлаках по Могийон-Дарье) подобные главарь отрядов посылали своих джигитов на грабеж населения — крали баранов, срубали на дрова деревья в садах и проч. У узбеков-сальнов «беки» своими действиями местами терроризировали местное население. В базарные дни они выводили отряд на дорогу и расставляли своеобразные пикеты; крестьяне, возвращавшиеся с базара, обязаны были платить «назр», своего рода дань в пользу бека деньгами либо натурой. Кто хотел уклониться от этой «повинности», дол-

жен был далеко стороной объезжать пикеты, чтобы не попасться на глаза молодичкам «бека»⁵⁹.

Местами подобный «аул-бегги» являлся вполне признанной фигурой в кшшлачной общине и к нему обращались с жалобами представители населения. Имеются данные о том, что некоторые «беки» посылали своих «джигитов» на заработки; вырученные деньги шли на прокормление отряда в его общий котел. Местами «бек» вымогал со своих воинов различные подарки. Вместе с тем имеются информации, как например, узбеков-кыркков, согласно которым такой молодежный отряд нес некоторые общественные функции; в частности, на их обязанности лежал ремонт дорог⁶⁰.

Таким образом, перед нами тоже возрастная группа, сообщество сверстников, но уже в значительной степени вышедшая за рамки единого союза мужчин, каковым является совокупность старших и младших возрастных объединений той или иной общины. Но группа «бек и джигиты» обрела уже значительно большую самостоятельность, а подчас прямо идет на конфликт с кшшлачной общиной. Эту самостоятельность придают ей те черты военного отряда, которые в обычных молодежных гаштаках не столь ярко выражены.

Выше мы установили, что разные типы пережиточных объединений мужчин могут быть генетически связаны с теми или иными стадияльными формами мужских организаций первобытного общества. Где же следует искать прототипы обнаруженных нами «военных отрядов» молодежи?

Нам кажется, что эта форма молодежных объединений, наиболее развитая и самостоятельная, генетически восходит к тем первичным военным отрядам, состоявшим из молодых воинов, которые выкристаллизировались из мужских союзов в ту эпоху, когда война вступила в свои права как движущая общественная сила, связанная с частной собственностью и накоплением, но когда еще не сформировались централизованные армии, возникшие позднее на стадии интенсивных межплеменных контактов и объединений.

Эти молодежные воинские отряды, возглавляемые своими же сверстниками — военачальниками, выделившимися из рядовой массы молодежи в силу личных заслуг и качеств, — вынесли из мужских союзов и возрастной принцип объединения, и характер руководства, и внутреннюю дисциплину, поддерживаемую традиционными правилами объединения, — все то, что было создано и накоплено мужскими союзами за весь предшествующий путь их развития. Быть может, в этих молодежных отрядах, вышедших из мужских союзов, следует видеть ту первичную военную силу, о которой говорит М. О. Косвен: «Патронимия составляет отдельную военную единицу — наименьшее воинское подразделение общеплеменного ополчения»⁶¹.

Процесс становления первичных военных отрядов молодежи и оформления их руководства на широком этнографическом материале прослеживает в своем труде Г. Шурц. Молодежным командирам небольших, но способных вести весьма активные действия отрядов, Шурц дает меткое название, соответствующее природе этих подразделений на данном этапе, именно их «партизанскими начальниками»⁶². Он обращает внимание на принцип их избрания исключительно в силу заслуг и военных способностей (принцип, хорошо знакомый нам по мужским объединениям) и подчеркивает возрастающую самостоятельность таких отрядов и их руководителей,

⁵⁹ Невольно приходит на память рассказ Кодрингтона о членах общества «гамате» на островах Банка, которые «позволяют своевольничать, забирают все, что хотят, грабят сады и плодовые деревья для своего пиршества». См.: Шурц Г. История первобытной культуры, вып. 1, М., 1923, стр. 137.

⁶⁰ Полезно вспомнить, что в ряде мест Микронезии союзы мужчин выполняли некоторые виды общественных работ. См.: «Народы Мира», том «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 742.

⁶¹ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 122.

⁶² H. Schurtz. Указ. соч., стр. 323.

все более противостоящих племенным вождям и старикам⁶³. Такие, получившие самостоятельность, отряды молодежи вели «партизанские», «малые» войны. Именно о таких первичных самостоятельных отрядах говорит Энгельс: «Такие военные дружины редко бывали многочисленны; самые значительные экспедиции индейцев, даже на большие расстояния, совершались незначительными боевыми силами»⁶⁴.

Молодежная группа сверстников, вышедшая со своим руководителем из недр мужского союза, была той основой, на которой развился принцип «дружины».

Генетическая связь среднеазиатской дружины, какие бы названия к ней не применялись — «нукеры», «чухра», «джигиты» и прочие — с возрастными молодежными ячейками союза мужчин не подлежит никакому сомнению и материал о пережиточных объединениях, особенно их наиболее развитых формах, дает этому убедительные подтверждения. Вопрос о происхождении среднеазиатской дружины — специальный вопрос и не стоит в плане нашей работы. Мы коснемся лишь некоторых моментов, которые говорят об этих связях. Один из наиболее характерных признаков мужских объединений первобытности и особенно их молодежных подразделений на поздних этапах — возрастной принцип сообщества и связанная с ним дружеская солидарность его участников — свойствен и дружине.

Дружина в своих исходных вариантах всегда состоит из молодежи; это — группа сверстников, окружающих вождя, вышедшего из их же возрастной среды. Типична в этом отношении свита героя киргизского эпоса богатыря Манаса⁶⁵. С. М. Абрамзон обращает внимание на то, что дружина Манаса, «кырк чоро», слагается из сверстников героя, и называет ее «своеобразной корпорацией молодежи»⁶⁶. Из молодежи-сверстников состоят дружины богатырей в эпосе «Коркуд». В опубликованной В. В. Бартольдом поэме «Китаби Коркуд», воспевающей «своевольные богатырей» в ту эпоху, когда господствовал «культ войны для войны», мы находим указание на весьма характерный обычай, при котором «молодой человек получает имя только после того, как он отрубил голову, пролил кровь... или как-нибудь иначе... проявил военную доблесть»⁶⁷. Перед нами характерный именно для этой эпохи вариант возрастных посвящений⁶⁸.

В устном сказании, имевшем распространение среди узбеков и казахов и опубликованном Н. П. Остроумовым, царевича Санаубара окружает 40 сверстников-пажей, которых отец прикрепил к царевичу, когда ему исполнилось 12 лет и отец поручил ему заняться военными делами, начать учиться военному искусству⁹⁶.

Весьма интересные для нас выводы делает Б. Я. Владимирцев, выясняя природу дружины и ее предводителя на материале древних монголов.

⁶³ Там же, стр. 327.

⁶⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, том XXI, М., 1961, стр. 94.

О малочисленности военных отрядов сообщает также Морган: «У прокезов Себека один вождь приходится приблизительно на пятьдесят человек». См. Л. Г. Морган. Первобытное общество. СПб., 1900, стр. 72.

⁶⁵ Эпос народов Средней Азии, к сожалению, еще не привлек в достаточной степени внимание этнографов. По опубликованным работам Т. А. Яданко «Каракалпакская эпическая поэма» «Кырк-кыз» как историко-этнографический источник (КСИЭ, т. XXX, М., 1958) и С. М. Абрамзона «Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас» (СЭ, 1947, № 2), — можно судить как плодотворно обращение к этому источнику, в частности, по интересующему нас вопросу.

⁶⁶ С. М. Абрамзон. Указ. соч., стр. 147.

⁶⁷ В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. ЗВОИРАО, т. VIII, вып. 3, СПб., 1894, стр. 207.

⁶⁸ У узбеков-кыркочу долины р. Санзар нами зафиксирован сходный обычай, существовавший в старину: звание «батыра» (богатыря) получал юноша, который смог подняться на пику врага.

⁹⁶ Н. П. Остроумов. Приключения царевича Санаубара. ЗИРГО по отд. этнографии, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 309—310.

Здесь снова повторяется хорошо знакомый нам принцип избрания военных предводителей дружины, которые «получают власть не как старшие в роде, не в качестве родовых кровных старейшины, а как наиболее сильные, ловкие, смысленные, богатые»⁷⁰. Внутренняя природа монгольской дружины полностью отражена в применяемом к ней термине *pököd*, ед. *pökör* — друзья, друг⁷¹.

Именно отношения дружбы связывают членов дружины между собою и с их предводителем. Б. Я. Владимирцев подчеркивает принадлежность дружинников к свободным людям, к высшим слоям монгольского общества⁷². Он делает очень существенное для нас определение характера дружины, в которой он видит своеобразную военную школу⁷³. Нельзя не обратить внимание на полное соответствие значения монгольского термина, применявшегося к дружине, термину «джура» (в смысле друзья), который определяет собой внутренние взаимоотношения членов пережиточных молодежных объединений и иногда применяется к таковым объединениям в целом. Оба эти равнозначных термина как нельзя более характерны для возрастной группы сверстников, которая лежит в основе дружины. С этим же кругом явлений связан термин «чухра», «чоро» и в среднеазиатском эпосе и в позднейших исторических источниках, относящийся к группе молодых воинов, окружавших богатыря или военачальника. О выводах, сделанных Р. Мукминовой из анализа данного термина, мы уже говорили выше (см. стр. 172).

Суммируя изложенное выше о молодежных объединениях и их военизированном характере, можно сделать вывод, что институт дружинников, как бы он ни именовался, генетически связан с мужскими союзами поздних этапов их истории. В дружине, состоявшей из молодых, в большинстве случаев неженатых воинов, находящихся на содержании своего военачальника и служащих ему, мы видим возрастную молодежную ячейку союза мужчин, вышедшую на самостоятельный путь дальнейшего развития, но вынесшую из мужского союза накопленный опыт школы воспитания, основные принципы внутреннего управления, дисциплины, товарищеской солидарности, некоторые обычаи. Именно к таким первичным военным отрядам восходят наиболее развитые формы среднеазиатских мужских объединений (особенно группы «бек и джигиты»), донесшие в пережиточных формах почти до нашего времени характерные черты институтов «военной демократии».

Сакральное число сорок и связь его с мужскими объединениями

В связи с разбором разных форм мужских объединений и их организационной структуры мы вынуждены сделать небольшое отступление по одному частному вопросу, который, однако, представляет интерес для детализации отдельных сторон жизни мужских объединений.

⁷⁰ Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 74.

⁷¹ Там же, стр. 87.

⁷² Вряд ли можно согласиться с А. П. Окладниковым («Социальный строй предков якутов», СЭ, 1947, № 2), который, анализируя якутские термины, «определяющие положение социальной группы, которая стояла ниже самой последней ступени общественной лестницы» (стр. 98), причисляет к ним также термин «нок», который он сопоставляет, в частности, с древнемонгольским «нукер» и аналогичными тюркскими терминами, делая затем вывод, «что и это слово употреблялось прежде древними якутскими аристократами и богачами по отношению к их чахару, воинам, челядцам и слугам» (стр. 103). Не делая никакой дифференциации в столь различных по своему происхождению социальных группах, А. П. Окладников, кроме того, не замечает первоначального значения термина «нукер» (нокор, ноко), столь солидно обоснованного Б. Я. Владимирцевым.

⁷³ Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов, стр. 91.

В полевых материалах о мужских объединениях очень часто всплывает некое число 40 (қырқ), значение которого информаторы объяснить не могут.

Как особое сакральное число оно известно в области культа у многих народов мира, в частности, и в Средней Азии — сорокадневие («қырқи») в поминальных обрядах, период «чилля» (от тадж. «чиль» — сорок) в обычаях, связанных с рождением ребенка, «чилля» в мусульманском мистицизме (сорок дней отшельничества по обету), сорок ритуальных свечей («пилик») в шаманском лечении и многое другое.

Особый интерес представляют случаи, когда число 40 относится к тому или иному объединению людей, что, например, хорошо прослеживается в религиозных мифах. Какому народу Средней Азии не знакома в разных вариантах легенда о сорока праведных девушках («қырқ-кыз», «чил-духтарон»), чудесным образом спасшихся от преследователей? По всей Средней Азии разбросаны памятные места — развалины, холмы, мазары, — связанные с этой легендой. Переключается с нею миф о сорока (иногда о сорока тысячах) мулл, скрывшихся живыми под землю. Мистикой окружен образ чильтанов — сорока святых, невидимых для простых смертных, но активно вмешивающихся в дела людей.

Еще ближе к теме нашего исследования многочисленные упоминания числа 40, уже лишённого сакрального смысла, в связи с той или иной группой молодых воинов; они имеются и в среднеазиатском эпосе и в письменных исторических источниках. Из сорока девушек-воинов состоит дружина Гуланм в каракалпакской поэме «Қырқ-кыз». Сорок воинов составляют свиту богатырей в эпосе «Қорқуд». Манаса в одноименной киргизской эпической поэме окружают сорок дружинников («қырқ чоро»). Эту же традицию мы находим в применении к личной гвардии среднеазиатских правителей и сановников, состоявшей преимущественно из юношей, и к особым молодежным воинским подразделениям. Интересно отметить, что в этих случаях число 40 сохраняется в названии («қырқ-чухра»), хотя ему не соответствует количество воинов или гвардейцев этих подразделений.

Ранее мы говорили, что генезис подобных военных молодежных отрядов следует искать в разлагающихся мужских союзах первобытности. Те обстоятельства, что число 40, как количественное выражение определенной группы людей обязательно присутствует в материалах о наших пережиточных объединениях, еще раз подтверждает это предположение.

Правда, в материалах о среднеазиатских объединениях нет четких данных о каких-либо количественных нормах состава их участников. Последний колеблется в зависимости от форм этих объединений, от принципов организации собраний, даже от размеров помещения, предназначенного для гаштаков и зифатов. Там, где преобладают объединенные формы собраний, включающие представителей всех возрастных классов, число собирающихся бывает весьма значительным. Так, у таджикского населения Нуратинского хребта на гаштаках присутствует иногда до 100 человек и очередная трапеза подготавливается 2—3-мя хозяевами. Численно большие собрания бывали в горном Таджикистане, где объединенные формы гаштаков вообще преобладали. Но наиболее распространены объединения из 40—50 человек; иногда они были еще более мелкими.

И несмотря на отсутствие количественных норм состава, во всех материалах о среднеазиатских объединениях наблюдается несознательная тенденция приближать число их участников к некоему эталону, и здесь снова перед нами появляется число 40. «В каждой мехмонхона собиралось до 30—40 человек», — сообщали нам информаторы у узбеков-барласов в с. Суджина (Пенджикентский р-н). Это же число участников назвали нам у узбеков-кыркков долины р. Санзар. По словам информаторов тюрков-калытаев в гаштаках объединялось до 40 человек (с. Усман, Булунгурский р-н).

В молодежных «отрядах», предводительствуемых «беками», у узбеков-узлов было, по словам стариков, «до 40 человек джигитов» (долина р. Санзар). У них же, когда согласно обычаю бачу-танцора приглашали выступать в соседнем гаштаке, его сопровождало 20 человек джигитов. «Если ехали двое танцоров, — продолжали информаторы, — то их сопровождало 40 джигитов двумя партиями». У узбеков-барласов старики рассказали: «Если, например, наш гаштак приглашал из Равата участников тамошнего гаштака в числе 40 человек, то при ответном гощении он сам ехал в Рават в составе также 40 человек». У них же при игре «чикамук» юности делились на 2 партии по 20 человек, имея во главе каждой партии одного «бека», т. е. общее число играющих участников гаштака опять равнялось сорока.

Примеры таких приближений числа участников объединений к сорока, можно было бы значительно увеличить. Но мы коснемся лишь тех случаев, при которых число сорок непосредственно связано с количеством лиц, составляющих гаштак. У узбеков-наймалов с. Миланкау вблизи Самарканда существовала традиционная форма приглашения бобо (руководителя гаштака) на той или в гости к участникам другого гаштака. Вне зависимости от числа подчиненных руководителя звали в гости условной формулой, в которой он вызывался «қирқ йиғит минен» (т. е. с сорока джигитами).

У узбеков-салпынов (Булуңгур) старики помнят старое название того помещения, которое специально строили для своих собраний молодые джигиты, возглавляемые «беком»⁷⁴. Оно называлось «чильтан-хона», т. е. помещение сорока (человек): «Так оно называлось потому, что собираться здесь могли сорок человек». У тюрков-калытаев в с. Усмат (Булуңгур) перед началом сезона тоев молодые участники гаштака проводили тренировки лошадей для предстоящих кункари (козлодраний), причем каждый поочередно выставлял улак и устраивал угощение. Такие тренировочные игры проходили, по словам стариков, в течение 40 дней. Последний выставивший улак джигит передавал его тому, кто начал этот цикл. Из этого можно заключить, что перед нами опять налицо 40 участников гаштака.

И, наконец, неопровержимым доказательством того, что число 40 имеет прямое отношение к составу мужских объединений, служит информация, полученная нами в Хорезме, которая приводилась выше, когда мы говорили о границах власти руководителя зиёфата (см. стр. 170). Старинная хивинская фетва, обнаруженная в архивах еще при Мадрим-хане, согласно которой глава зиёфата, состоявшего более чем из 40 человек, «становился как бы равен самому хану», отражала, видимо, древнюю народную традицию, сохранившую, правда смутные, данные о принципах построения и нормативах первобытнообщинных мужских объединений.

Сейчас мы коснулись лишь одной и не столь уж существенной детали такого сложного организма, каким, после внимательного рассмотрения материала, вырисовывается институт пережиточных мужских объединений. Не подлежит сомнению, что дальнейшие полевые изыскания в этой интересной области дадут возможность из отдельных сведений об этом почти умершем институте воссоздать более отчетливую картину его отдаленного прошлого.

Особенности внутреннего быта мужских объединений

Чтобы закончить анализ собранного нами материала, осталось осветить еще некоторые стороны внутреннего быта мужских объединений Средней Азии, которые придают ему столько своеобразия и одновременно

⁷⁴ Кстати, существовал строгий запрет женщинам и девушкам входить в это помещение.

перекликаются с материалом, известным этнографам об аналогичных институтах у других народов мира.

Первое, на чем следует остановиться — это коллективная традиция, занимающая центральное место на собраниях мужских объединений. Общественные пиршества, имевшие ритуальный характер, хорошо известны и изучены исторической наукой как для ранних этапов развития общества, так и в позднейших дариватах, вошедших, в частности, в культовые действия многих развитых религий. Поэтому вряд ли стоит доказывать, что устройство подобной трапезы на собраниях мужских объединений имеет свои корни в первобытном обществе. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на коллективный ее характер. К тому же совершенно ясно, где надо искать истоки подобных трапез: всюду, где мужские союзы зафиксированы этнографической наукой, общая трапеза участников — типичное явление их внутреннего быта.

Но на некоторых особенностях организации пиршества следует остановиться подробнее, т. к. они помогают уяснить отдельные этапы истории этих объединений.

Мы уже упоминали о двух основных и противоположных друг другу принципах подготовки и проведения трапезы: 1) складчинном и 2) на основе очередности материальных затрат. При первом каждый участник собраний приносит натурой свою, заранее не оговариваемую долю продуктов, и кладет на общий «дастархан». Это было типично для мужских собраний у населения горного Таджикистана, там где еще сохранились общественные дома — алоухона и мехмонхона. Складчинный принцип встречался и в других местах у узбеков, таджиков, тюрков и других народов; местами в одних и тех же селениях он существовал параллельно с очередностью. Чаще всего этот принцип изменялся в сторону денежной складчины, но это, вообще, довольно позднее явление. При втором принципе подготовки трапезы каждый, заранее намеченный участник сообщества обязан своими силами подготовить угощение для всего коллектива.

Кроме этих двух основных принципов, имелся ряд переходных форм, но на них мы не будем подробно останавливаться.

Существует определенная закономерность, согласно которой складчинный принцип являлся преобладающим в тех объединениях, на собраниях которых были представлены разные поколения или в которых градации по возрастам прослеживались слабо. Наоборот, принцип очередности был характерен для расчлененных по возрастным группам гаштаков и зиефатов, в большинстве случаев не имевших постоянной базы в виде общинного дома: члены таких объединений собирались у очередного хозяина трапезы⁷⁵. Два основных принципа в организации ритуальной трапезы восходят к стабильно различным формам мужских объединений первобытности.

Складчинный принцип (если отбросить позднейшие его варианты с денежным выражением), соответствующий объединенным формам, которые нам представляются реликтами более древних видов мужских объединений первобытности (см. стр. 164), являлся исходным. Он господствовал в ту эпоху, когда отдельный индивидуум еще не занял в хозяйственном и социальном отношении самостоятельного положения, т. е. производство и потребление было коллективным. Кондауров, описывая общинные дома ягнобцев, замечает, что «хлеб и пища, поставленные в мехманхоне на общий дастархан, не принадлежат хозяину» (т. е. лицу, принесшему сюда эти продукты), и делает справедливый вывод, что «это представление свидетельствует о том, что некогда пища была общим достоянием всех живущих

⁷⁵ Термин «хозяин» может быть применен лишь условно, так как лицо, готовившее очередную трапезу, не играло существенной роли на собраниях; хозяином оставался коллектив в целом и его руководители.

в селении, поскольку производство самой пицци было коллективным»⁷⁶.

От иных форм мужских объединений ведет свое начало принцип очередности в подготовке трапезы.

Этот принцип предполагает уже интенсивное выделение индивидуума (и семьи) из единого кровнородственного коллектива, значительную самостоятельность его в хозяйственном и социальном отношении; он соответствует тому этапу, когда, по определению Ф. Энгельса «отдельная семья становится хозяйственной единицей общества»⁷⁷. Действующий в позднейших объединениях, он ретроспективно отражает далеко зашедший процесс разложения первобытнообщинных отношений. Формально очередник, устраивающий пиршество в своем доме, является его хозяином, фактически же он подчинен коллективу и растворяется в нем, но уже не в коллективе всей общины, а в коллективе мужского объединения (геср. мужского союза).

Устройство трапезы было своего рода вкладом каждого члена объединения. Такой вклад (двойной) делал прежде всего агабий или бобо при своем избрании. Такой же вклад делал раз или два раза за сезон каждый член объединения. Организация внеочередного угощения являлась одним из наиболее распространенных видов штрафа за нарушение правил.

Заметим, что для среднеазиатских объединений подобные очередные и внеочередные вклады натурой (а не деньгами) — особенно типичны; можно думать, что они восходят к довольно ранним этапам истории социально-экономических отношений.

Вклады и штрафы — явления, чрезвычайно характерные для мужских союзов и тайных обществ. Шурц неоднократно отмечает, что угощение всего коллектива лицом, в него вступающим, по существу своему является членским вкладом. Так, говоря о клубах Суке на островах Банка, в которых имелась четкая градация на ранги, разряды, места в которых покупались, он, ссылаясь на Кодрингтона, подчеркивал, что вновь вступающему «надо было платить деньги членам этого разряда, идущие на устройство соответствующего рангу членов более или менее дорогого пиршества»⁷⁸.

Таким образом, расценивая трапезу, как определенный вклад (а именно к такой оценке приводит анализ наших этнографических материалов), мы вновь и вновь возвращаемся к мужским объединениям первобытности, как к прототипам позднейших мужских организаций.

В мужских союзах коллективная трапеза всегда носила ритуальный характер. В наших объединениях, в результате их почти полного разрыва с областью культа (не касаясь мусульманства, о чем речь будет ниже), эти черты коллективной трапезы стерлись. Но отдельные моменты напоминают некий ритуал. Это относится, например, к тем канонам, которые существовали в подборе ассортимента блюд, их последовательности и в традиционном церемониале проведения трапезы в целом.

Кушания, приготавливавшиеся для коллективной трапезы, имели локальные варианты, зависящие от национальных и племенных особенностей кухни в разных местах Средней Азии. Так, в Хорезме у исконных земледельцев (например, в Дургадыке) особое хлебное печенье считается характерным только для трапез на зиёфатах. Это «ёглы нон» — лепешки из теста, смешанного с курдючным салом, пекущиеся в тандыре. Мы не слышали о приготовлении «ёглы нон» на гаштаках центрального Узбекистана.

Одно обстоятельство, совершенно необычное для среднеазиатских ус-

⁷⁶ А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 26.

Интересно отметить, что в некоторых местах Таджикистана члены мужского объединения организовывали коллективные охоты на архаров, фазанов; вся добыча поступала на общий стол.

⁷⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1961, том XXI, стр. 164.

⁷⁸ H. Schurtz. Указ. соч., стр. 335.

ловий, заставляет думать, что «ёглы пон» было некогда ритуальным печением: лепешки эти никогда руками не ломаются, как это предписывается среднеазиатским обычаем, а режутся пожом и это вменяется в обязанность традицией зиёфатов. В обязательное меню хорезмских зиёфатов в качестве одного из первых кушаний включается «шўрва» — суп на бараньем мясе. На гаштаках центрального Узбекистана это блюдо встречается реже. Кроме того, как и при любом угощении узбеков Хорезма, коллективная трапеза здесь заканчивается подачей дынь («кавун»); это является знаком того, что очередное собрание подошло к концу.

В районах центрального Узбекистана место шурпы занимают другие блюда. У узбеков-узлов (Булуңгур) это — «гужа», похлебка из очищенной джугары или пшеницы, а также «суюк ош» — лапша. У узбеков-барласов (с. Суджиша, Пенджикент) — ягенок, зажаренный целиком в тандыре. У узбеков-кальтатай — вареная лапша и т. д.

Но если первое горячее блюдо в среднеазиатских гаштаках и зиёфатах разнообразится, то завершающее повсеместно одно и то же. Это «палов» (плов), «традиционное мужское блюдо»⁷⁹, издавна принадлежавшее кухне исконного земледельческого населения Средней Азии и, несомненно, в силу своей исключительности в качестве ритуального блюда, широко распространившееся по всей Средней Азии и занявшее важное место в церемониале традиционных собраний членов сообщества.

Именно с пловом связан обряд назначения очередного «хозяина» коллективной трапезы: в конце пиршества руководитель берет пригоршню риса из своего блюда (как правило, ему ставят плов в отдельной посуде) и вкладывает его в рот назначаемому очереднику. «Зиёфатда майга ошатды» («на зиёфате меня накормили»), сообщает такой человек своим домашним, возвращаясь после собрания; этим он дает знать, что необходимо приготовиться к традиционным расходам. В таком виде обряд зафиксирован нами в хорезмских зиёфатах, в гаштаках окрестностей Самарканда, у узбеков-кырк в долине р. Санзар и в других местах.

Интересно, что последовательность блюд на коллективной трапезе строго определенная. Сама трапеза в целом требует соблюдения этикета, свойственного вообще принятию пищи у народов Средней Азии. Но на зиёфатах и гаштаках именно с церемонией трапезы связан обычай категорического соблюдения присутствующими той позы, в которой в каждый данный момент находится руководитель; большинство штрафов следует за нарушение этого правила.

Мы уже упоминали, что в ряде мест Средней Азии члены объединения во время очередной трапезы пили вино местной выработки («мусаллас»). Происходило это там, где выращивали виноград, в местах древней земледельческой культуры. Распитие вина на гаштаках и зиёфатах обставлялось особым церемониалом, имевшим много сходных черт с церемониалом распития кумыса и бузы. В него входили и особые приемы разливания и подачи вина, иногда с опусканием на одно колено и чтением стихов, и некоторые запреты — например, запрет ставить пиаду с вином на дастурхан — и штрафные пиады провинившимся. Виночерний («соки») играл главную роль в этом ритуале. Обычно виночерший был постоянным. Не описывая данного ритуала подробно⁸⁰, отметим лишь, что он, несомненно, имеет очень древние корни⁸¹. Впоследствии он в какой-то мере повлиял на оформление церемоний распития чая.

⁷⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 315.

⁸⁰ Сведения о нем имеются в книге Е. М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Азии», «Труды ИЭ», т. XLII, М.-Л., 1959, стр. 290—296.

⁸¹ «Соки» — арабское слово. Однако, учитывая его специфическое значение, вряд ли можно сомневаться, что слово это проникло в арабский язык извне, вернее всего от персов. Если последнее предположение допустимо, то возможно слово «соки» поставит в связь с персидским праздником «сакен», в центре которого стоит оргиастический ритуал распития вина, как об этом сообщает Страбон («География»,

Помимо коллективной трапезы с сопровождавшим ее особым ритуалом большое своеобразие собрания молодежи гапшаков и зиэфатов придавали специфические выступления танцоров, исполнение которых носило явно эротический характер, и все это вместе с распитием вина, а часто и употреблением наркотиков, придавало пирушкам оргиастический характер.

С. П. Толстов, давая на основании анализа археологических и пережиточных этнографических материалов характеристику специфических черт доисламских «мужских домов» Средней Азии, отмечает, что «они были связаны с общественными трапезами и ритуальными плясками, являясь центрами архаических оргиастических культов»⁸². Наш этнографический материал свидетельствует, что и в быту пережиточных мужских объединений прослеживается оргиастический момент, правда в сугубо трансформированном виде, утративший былые связи с культом. На традиционной трапезе, иногда с церемониалом распития вина, мы уже останавливались. Но во многих местах подобные трапезы сопровождалась танцами под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Базмы на собраниях мужских объединений своеобразны прежде всего тем, что здесь в танцах наиболее рельефно проступает эротический их характер и вообще той ролью, которую играет танцор-«бача» в жизни данного мужского коллектива. Танцевали на пирушках члены молодежного объединения либо кто-либо из его состава (иногда по назначению, в результате штрафа, налагаемого за ту или иную провинность), либо профессиональный танцор-бача. Не затрагивая в целом хорошо известного института бачей, мы коснемся лишь тех его сторон, которые имеют отношение к интересующим нас объединениям.

Выступления профессиональных танцоров («бача», «бисакал», «джу-вон», «оглан») были широко распространены на собраниях членов мужских объединений. Однако, можно заметить определенную закономерность в картографии данного обычая: институт бачей свойствен был преимущественно той этнической среде, которая генетически более всего связана с древнейшим пластом аборигенного населения Средней Азии. Это позволяет говорить о том, что возникновение данного института следует относить к древнейшим периодам истории Средней Азии, на чем мы остановимся ниже.

Бачи составляли особые группы, находившиеся в подчинении у хозяина («бобо», «усто»), который и обучал юношей искусству танца. В ханствах такой антрепренер получал от хана ярлык, выплачивая в казну особый налог; часть денег из казны получали родители мальчика (Хива). Мужские объединения заключали с таким хозяином группы договор на гастроль бачи, обычно на зимний сезон. Соответственно различным принципам расходования денег варьировали формы оплаты за такую гастроль. В Хиве, Куи-Ургенче, Ак-Сае (окрестности Самарканда) и в других местах участники зиэфатов и гапшаков с этой целью устраивали складчину. В некоторых местах (напр., в Кош-Купыре, Хорезм) выступление оглана оплачивалось очередным «хозяйном» зиэфата, если он был состоятельным человеком. У узбеков-барласов с. Суджана (верхнее течение Зеравшана) существовала определенная очередность в найме бачи отдельными членами XI, 8. 5). Но, по словам Страбона, праздник этот возник после победы Кира над саксами, захваченными в покинутом лагере персов «оньнявшими и потерявшими сознание». В связи с этим можно предположить, что термин «соки» и празднества с ритуалом распития вина и оргиастическими танцами бытовали в Средней Азии с глубокой древности. Это подтверждается греческими данными о бактрийском происхождении праздника «сакея». Тогда становится понятной локализация ритуала распития вина на собраниях мужских объединений и эротически окрашенных базмов с танцами травестированных юношей именно в тех местах, население которых генетически ближе всего древним насельникам оазисов среднеазиатского Междуречья.

⁸² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 317.

сообщества. Все же складчинный принцип преобладал; индивидуальный наем бачи, несомненно, более позднее явление, синхронное обычаю держать бачей в домах богатых людей в городе и кишлаке.

В свою очередь институт профессиональных танцоров, организованных в особые корпорации, наподобие цехов музыкантов, маскарабозов и других представителей искусства (такие корпорации существовали преимущественно в городах), пришел на смену более ранним обычаям иметь в кишлачной, квартальной общине своего постоянного танцора. В материалах мы находим намеки на это. У узбеков-туяклы (Булуңгур) наряду с профессионалами на гаштаках танцевали некоторые владевшие этим искусством участники объединений. У них же бачу не приходилось привозить из городов, т. к. таковой, в возрасте 15—20 лет, имелся в каждом кишлаке. У тюрков-калытай с. Усмат (Булуңгур) в молодежных гаштаках танцевали молодые красивые юноши из своего же кишлака.

Тесная связь мужских объединений с институтом бачей позволяет нам предположить, что истоки последнего следует искать не только в области народного искусства, но и в каких-то социальных институтах первобытного общества.

Возникновение института бачей исследователи обычно объясняют влиянием ислама, создавшего обстановку изоляции женщины-мусульманки от общественной жизни, пренебрегающей свободному общению полов⁸³. Нам это объяснение кажется несостоятельным, т. к. само традиционное представление о якобы исконном затворничестве женщины в Средней Азии должно быть пересмотрено. Из письменных исторических источников мы знаем, что в XIV—XVI вв. даже в высших слоях мусульманских государств Средней Азии, где влияние религии было весьма ощутимо, женщины пользовались относительно большой свободой (достаточно сослаться на «Бабур-наме» Захириддина Бабура и «Гумаюн-наме» — произведение его дочери). Р. Г. Мукминова, ссылаясь на свидетельства сефевидского историка XVI века Хасан бек Румлу, говорит, что женщины у шейбанидских узбеков пользовались большим уважением⁸⁴.

В. В. Бартольд приводит описание церемониала распития кумыса при дворе бухарского хана XVII в., данное Махмудом, сыном эмира Вели, на котором присутствуют «нана» — «матушки» — уважаемые женщины племен дурмен, найман и кущчи⁸⁵. Тем более трудно предположить о затворничестве женщины в сельских местностях, даже в пору позднесредневековой религиозной реакции. Если в городах подобная изоляция еще была заметна, то для огромного массива кишлаков, особенно отдаленных от городских центров, она не имела существенного значения и влияния на общественный быт. Здесь какие-то элементы женского затворничества имели место в байских семьях.

Этнографические материалы, собранные нами в Хорезме, говорят о том, что в конце XVIII — начала XIX вв. среди узбекских племен, расселенных на правом берегу Аму-Дарьи, женщины кишлаков не только во время работы, но и при обороне от врага находились рядом с мужчинами. Здесь живут еще предания об активном сопротивлении женщины попыткам хивинского духовенства ограничить их свободу⁸⁶. В сельских местностях центрального Узбекистана у исконных земледельцев, не говоря уже о полу-

⁸³ На такой точке зрения, например, стоит С. А. Токарев. См.: А. С. Токарев. Этнография народов СССР. Изд. «Моск. гос. университета», 1958, стр. 351.

⁸⁴ Р. Г. Мукминова. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI века. «Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. 3, Ташкент, 1954, стр. 136.

⁸⁵ В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, ЗИРГО по отд. этнографии, т. XXXIV. СПб., 1909, стр. 302.

⁸⁶ См. нашу работу «Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма». МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 138—139.

кочевниках, религиозные установления, связывающие свободу женщины, носили скорее формальный характер. Здесь не было стены, резко разделяющей быт мужской и женской молодежи, представители которой постоянно сталкивались, например, на различных тоях, сейлях, всякого рода увеселениях и состязаниях.

Еще труднее говорить о изоляции женского быта в первые столетия после проникновения в Среднюю Азию ислама, когда последний с трудом завоевывал свои позиции среди сельского населения, в массах которого продолжали жить доисламские верования и обряды.

В то же время институт бачей в разных его вариантах известен в Средней Азии издавна. Уже в империи тимуридов, судя по мемуарам Бабура, он существовал в развитом виде. А если вспомнить поэзию Востока более ранних столетий, в произведениях которой мотив поклонения юношам нельзя рассматривать только как мистическую аллегорию (само возникновение которой нельзя считать случайным), то можно сделать заключение, что истоки данного явления лежат в глубокой древности и искать их надо в первобытнообщинных пластах истории Средней Азии и Востока вообще.

С. П. Толстов, анализируя богатый материал, привлеченный им для установления эволюции мужских союзов и тайных обществ, особое внимание обращает на свидетельство Мухаммеда Нершахи об обычае доброй дефлорации молодежи в селениях Бухарского и Кашка-Дарьинского оазисов, где, по словам Нершахи, сохранялись остатки последователей Муканьи⁸⁷. Видя в данном явлении реликт группового брака и связывая наличие его с длительным существованием в Средней Азии матриархальных отношений, С. П. Толстов выделяет в этом аспекте институт «превращенных» мужчин и транстизма, прослеживая его на азиатском этнографическом материале.

Образ «суканы», своего рода «двуполого» жреца, связанного с группой неженатых юношей деревенской общины, каким он рисуется в сообщении Нершахи, невольно возникает перед нами, когда мы обращаемся к нашим материалам, говорящим о связи института бачей, характерного своей эротикой и транстизмом, с группами неженатых юношей, образующих возрастное объединение. Не к единому ли первобытнообщинному источнику восходят корни этих разновременных явлений, последнее из которых уже почти не сохранило никакой ритуальной окраски? В свете данной аналогии нам кажется законным и второй вопрос: является ли случайным тот факт, что бача, этот «превращенный» персонаж, действующее лицо эротического представления, связан именно с группой молодежи, образующей определенный возрастной класс?

Базмы с участием бачи были особенно типичны для групп «бек и джигиты» (см. стр. 179), состоявших исключительно из юношей. Здесь имели место и ажиотаж в стремлении заполучить прославленных танцоров, своего рода аукционы с взвешиванием арендной платы и торжественные гошения, при которых бача в сопровождении свиты поклонников выезжал к соседним группам.

Роль, которую играл бача в таких молодежных объединениях выходила за рамки простого развлекаательства. Он был всеобщим кумиром, деспотом, приказания которого беспрекословно выполнялись⁸⁸. У узбеков-туяк-лы бача царил на базмах, раздавая милости и наказания. «Подшохи олям» («царь мира») — так обращались к нему почитатели. «Что захочет бача, то исполнялось каждым», — говорили информаторы. Менее всего походил

⁸⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 320—325.

⁸⁸ Интересно, что в прошлом у киргизов, у которых на «джоро» не было танцев, имелся в их объединениях особый персонаж — «ерке-бала», баловень — обычно младший по возрасту, весьма напоминавший любимца узбекских объединений.

он на наемного слугу, в обязанности которого было развлекать собравшихся.

Особый колорит придавал этому персонажу ярко выраженный травестизм. В Хорезме и других местах такие юноши отпускали длинные косы, которые в обычное время обматывали вокруг тюбетейки, а при танцах распускали. Танцевали они в женской одежде, и сам характер танца был чисто женский. Не только профессионалы придерживались такого стиля исполнения и «формы». Так, у тюрков-кальатай (с. Усмат) женское платье надевали во время танцев и те юноши кишлака, которые, не будучи бачами, выступали с танцами на гаштаках. В Куны-Ургенчских зифатах танец участника в женском платье имел особое название — «кыз оюн» (девичий танец).

Неверно было бы полагать, что травестизм, наблюдавшийся при базмах, — явление, принесенное профессиональными исполнителями. Нам кажется, что профессионализм этого специфического искусства — явление позднее, тогда как базмы в целом с их оргиастической окраской восходят к какому-то древним, несомненно культовым комплексам. В этой связи интересно, что травестизм и эротический момент свойственны среднеазиатскому шаманству, в котором прослеживается очень древний, возможно еще дозороастрийский пласт верований и культовых действий.

Вопрос о генезисе института бачей слишком еще неясен, чтобы делать какие-то выводы. Он требует специального изучения. Для нас важно пока констатировать, что связь возрастных групп неженатых юношей с институтом бачей, насыщенная элементами эротики и травестизма — этих неотъемлемых компонентов древних культовых комплексов, стоит в цепи доказательств генетической общности пережиточных мужских объединений с социальными и культовыми институтами первобытности.

С каким бы видом мужских объединений Средней Азии мы ни знакомились, будь то нерасчлененные по возрастам собрания в специальном общественном помещении или возрастные группы с избранным единым начальником, или различные промежуточные формы и, наконец, в каком бы месте Средней Азии такие объединения ни находились — с ними повсюду связан один из первобытнообщинных законов — закон гостеприимства, проявлявшийся в разных пережиточных вариантах.

Особенно живуч он там, где имеются дериваты «мужского дома» — алоухона и мехмонхона, значение которых в качестве помещений для приема приезжих гостей и их ночлега не менее существенно, нежели другие их функции. Однако, соблюдение закона гостеприимства мы находим и во всех прочих видах мужских объединений. Все информации о расчлененных возрастных объединениях говорят о том, что прием гостя, прибывшего к любому из его участников, являлся обязанностью мужского коллектива, проводились ли его собрания в доме очередника, в арендованном саду или в помещении при мечети, где собирались старшие группы.

На гаштаке и зифате такого гостя проводили на почетное место и к нему не применялись все те педантичные правила, которыми был окружен каждый член данного объединения. Так, например, гостя не имели права штрафовать. Важно отметить, что гость считался уже не гостем того лица, к которому прибыл, а всего сообщества мужчин.

Традиция гостеприимства проходит красной нитью через все стадии развития мужских союзов и постоянно отмечалась исследователями этих институтов на островах Океании, в Юго-Восточной и Южной Азии, на африканском и американском континентах. То обстоятельство, что она так четко сохранилась в среднеазиатских объединениях,шний раз убеждает в правильности наших предположений о путях развития последних.

Нам остается упомянуть еще об одном явлении, правда пока скупо представленном собранными материалами, но, в сочетании с другими

характерными особенностями мужских объединений, интересном в плане доказательств генетической связи последних с мужскими союзами первобытности.

В разных местах Средней Азии, иногда весьма отдаленных друг от друга, что исключает возможность заимствования и случайности, нами получены данные о существовании в прошлом у членов молодежных мужских объединений особого секретного языка. Такой искусственно создаваемый язык должен был объединять членов данной группы и препятствовать посторонним проникать в тайны объединения.

Сейчас уже трудно воссоздать структуру подобных языков: о таком языке говорят как о давно исчезнувшем явлении, и наши информаторы смутно о нем помнят. Основы построения таких языков, видимо, были самые различные. Так, в Хорезме (Гурлен) это был обычный разговорный язык, непопнятность которого достигалась перестановкой слогов в общепотребимых словах (кеддим? - димкел?). В Хорезме же в некоторых местах к слогам прибавлялся определенный, заранее обусловленный звук. Интересно, что здесь, как подчеркивали информаторы, такой язык существовал только среди молодежи.

В других местах это был язык письма, при помощи которого сообщались члены объединения на расстоянии. Например, молодежь у узбеков-узлов (Булунгур), входившая в группы «бек и джигиты», писала слова наоборот и адресат читал письмо, смотря в зеркало.

Но в большинстве случаев нам лаконично, не вдаваясь в подробности, говорили о наличии в прошлом секретного языка молодежи (узбеки-салыны в Булунгуре и др.). Так или иначе явление это имеет первобытнообщинные корни и искать их надо еще в связанной с возрастными инициациями идее нового рождения посвящаемого юноши. Расцвета своего секретные языки достигли уже в «тайных обществах». Шурц останавливается на этом моменте, в частности, при описании тайных обществ Африки. На нижнем Конго у тайного союза Ндембо вступивший в союз разговаривал на особом языке и, возвращаясь домой, делал вид, что не понимает слов окружающих⁸⁹. Секретный язык существовал в мужских объединениях у мандингов⁹⁰. С. П. Толстов отмечает наличие межплеменных тайных языков как одну из характерных особенностей тайных союзов⁹¹.

Таким образом, в результате анализа всего материала, относящегося к среднеазиатским мужским объединениям, мы можем сформулировать следующие их характерные особенности:

1. Проходящая красной нитью через все виды объединений строго соблюдаемая табуация их для женщин.

2. Система возрастных классов, лежащая в основе их организационного построения. Развитие на ее основе рангов, ступеней сначала внутри единого мужского коллектива с последующим членением его на самостоятельные возрастные объединения.

3. Наличие у наиболее архаичных видов мужских объединений постоянной базы в виде общественного строения — алоухона и мехмонхона (resp. «мужского дома»).

4. Внутреннее самоуправление объединений, усложнявшееся по мере изменений их организационных принципов — от коллективного руководства старшего поколения к единоначалию.

5. Функции воспитания младшего поколения и связанная с этим система наказаний и штрафов, имеющая двойное значение: а) как средства

⁸⁹ Н. Schurtz. Указ. соч., стр. 434.

⁹⁰ Там же, стр. 413.

⁹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 314.

поддержания порядка и внутренней дисциплины и б) как способа испытаний физической силы, выносливости, воли и мужества молодежи (перезитки инициаций).

6. Военизированный характер наиболее развитых видов мужских молодежных объединений.

7. Сезонная активность мужских объединений, проявляющаяся в организации зимних периодических сборов.

8. Коллективная трапеза ритуального характера, занимающая центральное место на собраниях членов объединения. Изменение в принципах ее организации — от натуральной складчины к очередности членов сообщества (вклады).

9. Оргиастический характер собраний молодежных возрастных групп. Эротические танцы. Маскарады.

10. Тесная связь всех видов объединений с обычаем гостеприимства.

11. Наличие в прошлом особого секретного языка.

Каждая из этих характерных черт среднеазиатских объединений присуща тому комплексу явлений, который в этнографической науке исследован в виде мужских союзов разных этапов их развития; взятая в отдельности, она не может еще быть критерием для установления первобытнообщинных прототипов наших пережиточных организаций, но сочетание их (меняющееся в стадияльно различных формах данного института) не оставляет сомнения в том, что перед нами — один из позднейших вариантов традиции мужских союзов.

По линии пережиточных мужских объединений может быть прослежена следующая их эволюция: наиболее архаичные их виды базируются на дериватах «мужских домов», имеют единственную регулирующую силу в виде системы возрастных классов с коллективным руководством старшего поколения; они постепенно перерастают в мужские организации, локально еще ограниченные, с более сложной структурой, при которой растет членение по возрастным группам (степеням, рангам), увеличивается самостоятельность каждой из них, зарождается единоначалие в их внутреннем самоуправлении. Однако, у них еще прослеживается связь между возрастными группами в виде контроля старших над младшими. На следующем этапе происходит полный разрыв между объединениями разных поколений: старшие быстро деградируют, сливаясь с культовыми учреждениями, младшие обретают полную самостоятельность, преобразуясь в своего рода «военные отряды».

Этот процесс пережиточно отражает путь развития мужских объединений первобытности, каким он рисуется на основании этнографических материалов народов мира, еще в недалеком прошлом находившихся на разных стадиях разложения первобытнообщинных отношений.

Заключительный этап истории мужских союзов — появление межплеменных обществ (в ранний период носивших конспиративный характер) в этнографии народов Средней Азии пока прослеживается скупо, однако, судя по историческим материалам и эта форма мужских объединений здесь имела место. Этого явления нам предстоит немного коснуться в следующем разделе.

Пути трансформации мужских союзов Средней Азии

Проследить судьбы мужских союзов на историческом материале Востока и Средней Азии, их превращение на заре государственности в «тайные общества», в недрах которых зарождались первые органы публичной власти и которые в определенный момент выходили за рамки вынужденной конспирации на широкую общественную арену, — не входит в нашу задачу. С. П. Толстов с исчерпывающей полнотой исследовал первобытно-

общинную базу восточных тайных обществ и возрождение их форм в новой исторической обстановке древней и раннесредневековой Средней Азии и связанных с нею других стран Востока⁹². Характеризуя общественные движения Востока V—X вв. н. э. с их попыткой реставрации уклада первобытной общины, С. П. Толстов говорит о значении первобытных тайных союзов: «Эта самая могущественная организация поздних этапов родового строя, продолжавшая жить веками в рамках рабовладельческих государств Востока, снова выступила на историческую арену»⁹³.

Углубляясь в генезис тайных обществ Средней Азии, С. П. Толстов привлек археологический и этнографический материал, относящийся к более ранним стадиям развития этих объединений, в том числе тем, к которым генетически восходят наши осколочные мужские объединения. Таким объединением являлся союз мужчин, постепенно переходящий от организационного единства разных поколений с системой возрастных классов к членению (на основе последней) на отдельные возрастные объединения; с традиционной табуацией для женщин и непосвященных; с зарождавшимся единоначалием в самоуправлении; с сохранявшимися еще явлениями коллективизма (напр., трапеза); с постепенно развивающейся системой вкладов (сначала натурой, а потом деньгами), штрафов и наказаний; с четко выраженными функциями школы подрастающего поколения и посвячительным ритуалом. На грани «военных демократий» этот союз уже приобрел преобладающую военную окраску.

Именно в этом стадийном виде союз мужчин, исторически развиваясь в более высшие формы⁹⁴, одновременно удержался в народных массах в качестве пережитка, благодаря длительному сохранению в Средней Азии элементов первобытнообщинного уклада в целом.

Здесь можно провести параллели с мужскими объединениями народов Океании, в том числе с обществами «Тамате», как их на поздних этапах наблюдал Кодрингтон. Пережив введение христианства, они застыли на стадии простых клубов мужчин и еще долго существовали⁹⁵.

В Средней Азии первобытные мужские объединения этого типа, дав жизнь более развитым формам, теряли постепенно свое былое значение, законсервировались в виде молодежных по преимуществу объединений, носивших уже чисто развлекательный характер.

Однако, среди этнографических явлений, наблюдаемых у народов Средней Азии, не только эти объединения — прямые наследники мужских союзов — сохранили некоторые характерные черты последних. Это относится и к другим социально-культурным институтам, среди которых особенно близки мужским объединениям ремесленные организации Средней Азии.

Нам представляется совершенно несомненным, что в процессе своего оформления и развития ремесленные организации восприняли традиционные формы мужских союзов первобытности.

Организационная структура, внутренний уклад, обычай ремесленных организаций поразительно напоминают исследуемые нами мужские объединения, что можно, например, проследить на материалах цеха гончаров, представленного в труде Е. М. Пещеревой⁹⁶.

⁹² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Эскурсы III. Путь корибантов, стр. 282—338.

⁹³ Там же, стр. 338.

⁹⁴ Имеются в виду тайные межплеменные общества. Однако, можно предполагать, что не каждый мужской союз прошел эту заключительную стадию развития, а лишь мужские союзы племен, вставших во главе межплеменных конфедераций: мужские союзы второстепенных племен могли законсервироваться в менее развитых формах.

⁹⁵ H. Schurtz. Указ. соч., стр. 365.

⁹⁶ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 116—133, 311—373.

Объединение ремесленников, так же как и мужское объединение, является содружеством людей, связанных общими интересами. В отличие от последних в ремесленных цехах вопросы профессии занимают ведущее место. Совершенно четко прослеживается в цехах основной принцип изоляции объединений от непосвященных и женщин. Ремесленные организации пополняются за счет молодежи, проходящей обучение и испытания; ремесленная организация является не только корпорацией мастеров, но не в меньшей степени школой, в которой молодежь приобретает производственные навыки и проходит систему воспитания вообще. Прием в категорию зрелых мастеров, оставленный целой системой обрядов,— это своеобразная инициация; прошедшие ряд трансформаций возрастные деления, сократившись количественно, тем не менее прослеживаются и в ремесленных объединениях, соответствуя двум основным категориям — группе зрелых мастеров и группе молодежи, проходящей обучение⁹⁷.

Подобно тому, как усложнялось руководство мужскими объединениями от более примитивных форм, при которых старшинство играло основную роль, и до четко выделившегося единоначалия с характерным избранием в силу личных заслуг, происходил и процесс усложнения руководства ремесленных организаций. «Бобо» сложившегося уже ремесленного цеха (обратим внимание на терминологическую аналогию), как и руководитель развитого сообщества мужчин,— это администратор, судья и воспитатель молодежи. И он, как и руководитель объединения, постепенно обрывает штатом помощников (напр., аксакал-ясовул мужского объединения). Он разрешает все конфликты в цехе, как деловые, так и семейные⁹⁸.

Но только в основных принципах объединения и самоуправления, но и в массе характерных деталей внутренней жизни мы находим удивительное сходство между ремесленными организациями и исследуемыми нами объединениями. Такова коллективная трапеза членов корпорации, основанная на складчине, с типичным соблюдением этикета и ритуальных блюд, причем в ремесленных цехах трапеза сохранила древнее сакральное значение. Е. М. Пещерева убедительно доказывает, что трапеза здесь — это жертва духам умерших мастеров, культ которых тесно связан с культом предков. Это заставляет думать, что ритуальная коллективная трапеза мужских гаштаков и зиёфатов восходит генетически к культу предков, тесная связь которого с институтом мужских союзов и тайных обществ прослежена исследователями на широком этнографическом материале.

Как и в мужских объединениях, избрание «бобо» ремесленников сопровождалось устройством последнего угощения для всей корпорации мастеров⁹⁹. Штрафные угощения, своего рода умиловительные жертвы, широко применялись и в цехах¹⁰⁰. Говоря о системе наказаний вообще, следует отметить, что в ремесленных организациях имело место многое из того, что было типично в мужских объединениях, вплоть до высшей меры — изгнания из него. Как и члены гаштаков и зиёфатов, ремесленники устраивали коллективные выезды за город; ремесленная

⁹⁷ Вряд ли в этой связи можно согласиться с Е. М. Пещеревой, высказывающей мысль, что обряд посвящения в мастера «безусловно, явление вторичного порядка и возник он, вероятно, позднее, в то время, когда городские цехи вполне сложились» (стр. 383). Посвящения в разряд зрелых охотников, воинов, вообще в категорию самостоятельных мужчин столь типичны для первобытнообщинных институтов, что трудно выделять из этого комплекса инициаций ремесленные посвящения и считать, что они не имеют глубоких корней. Тем более, что сам автор убедительно свидетельствует, что на ранних этапах развития ремесла в сельских местностях, даже в женском ремесле, уже имелись элементы посвятельного ритуала (стр. 381).

⁹⁸ Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 316.

⁹⁹ Там же, стр. 319.

¹⁰⁰ Там же, стр. 332.

молодежь принимала участие в состязаниях и маскарадах¹⁰¹. В некоторых местах (напр., в Шахриябзе) у представителей разных видов ремесел имелись цеховые дома («такя»), своего рода клубы, места постоянных сборищ и угощений; в них же временно останавливались приезжавшие ремесленники¹⁰².

Перед нами несомненная традиция, идущая из глубины веков, от примитивных «мужских домов», через позднейшие дериваты — алоухона и мехмонхона мужских объединений — и претерпевшая соответствующую трансформацию в обстановке сложившихся ремесленных организаций¹⁰³. Там, где подобных «такя» уже нет, дом собраний ремесленников заменяет мастерская, донесшая до последнего времени функции культового помещения, или, как мы видим это и у старших групп мужских объединений, для цели периодических сборищ ремесленников используется, опять-таки по преемственности культа, мечеть.

Мы не будем продолжать аналогии, столь выразительные, между типичными чертами мужских объединений и ремесленных цехов; генезис этих явлений един. Специальные исследования в этой области могут дать интересные результаты. Скажем лишь, что традиционные формы мужских союзов, со временем изменившиеся, присутствуют в данной области производства не в силу простого соответствия их нуждам развивавшегося ремесла. Это был длительный исторический процесс, при котором постепенное сосредоточение ремесел в руках мужчин (часть ремесел спокон веков была у них) явилось одним из частных проявлений борьбы мужчин в недрах первобытного общества за преобладание в экономике и социальной жизни. Вполне естественно предположить, что возникшие в этой борьбе мужские союзы послужили прототипами для ремесленных организаций более поздних эпох.

Помимо ремесленных организаций, реликты мужских объединений могут быть прослежены в области культа. В жизни первобытных мужских союзов и тайных обществ культ занимал столь значительное место, что искать следы этих институтов в религиозной жизни народов Средней Азии вполне естественно, тем более, что трансформация самих мужских союзов и тайных обществ в чисто культовые организации хорошо известна в этнографии народов мира. На это обращал внимание Г. Шурц, говоря о позднейших этапах существования интересующих нас институтов. В частности, в Африке модернизированные общества, в которые получили уже доступ женщины, он с полным основанием сравнивал с христианскими орденами¹⁰⁴.

Однако, в области какого культа могла происходить подобная трансформация мужских объединений у народов Средней Азии?

Широкое распространение в Средней Азии принесенной извне и насильственно внедренной религии постепенно произвело значительную нивелировку в области культа; одни древние верования и обряды исчезли, другие ислам вообрал в себя, во многом их переработав. Поэтому затруднительно реконструировать тот комплекс идей и культовых действий, который теснее всего был связан с мужскими союзами Средней Азии на разных этапах их истории. С уверенностью можно лишь сказать, что культ предков, как и везде, сопутствовал в Средней Азии интересующим нас институтам, о чем свидетельствуют хотя бы материалы о ремесленных организациях.

Сюда же следует отнести и ряд магических в своей основе обрядов, связанных со свадьбой и суннат-тоем, празднествами, в которых несом-

¹⁰¹ Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 365, 369—372.

¹⁰² Там же, стр. 328.

¹⁰³ Обратим внимание, что здесь, пусть в стертой форме, прослеживаются и столь типичные для мужских домов функции гостеприимства.

¹⁰⁴ Н. Schurtz. Указ. соч., стр. 366.

пенно, присутствуют элементы возрастных инициаций, что подтверждается хотя бы той ролью, которую на всех этапах брачных церемоний играет возрастная группа, к которой принадлежит жених. Зрелища и состязания, сопровождающие эти празднества, несомненно, имеют кулдовые корни, иногда восходящие к тотемизму. В этом отношении особенно любопытны танцы и пантомимы населения горного Таджикистана, которых нам уже пришлось касаться, имитирующие различных животных и сцены охоты на них, танцы эротического характера и прочие. Поразительные аналогии им можно найти в пантомимах, сопровождавших первобытные обряды инициации.

Однако, в целом древние верования и обряды в их связи с мужскими объединениями утрачены почти полностью. Ислам прочно завоевал позиции и в общественной и в семейной жизни населения Средней Азии. Но при всем том значении, которое ислам приобрел здесь, влияние его непосредственно на мужские объединения не было значительным.

Если в ремесленных объединениях, где культовый момент вообще был более ощутим, ислам пошел по линии мусульманизации старых божеств и духов — покровителей тех или иных ремесел, превращая их в святых-патронов, то в гаштаках и зиёфатах удельный вес мусульманства был невелик. Если, как это делаем мы, считать институт мужских объединений в целом принадлежащим далекому домусульманскому прошлому истории Средней Азии, то незначительная роль ислама в его жизни не только вполне закономерна, но еще раз подтверждает древность этого института.

Активность ислама заметна почти исключительно в старших возрастных объединениях, на собраниях тех «седобородых», которые обычно избирают своей резиденцией помещение (худжра) при местной мечети¹⁰⁵. Здесь после богослужения они устраивают складчины и проводят время в разговорах, правда не всегда на душеспасительные темы, и в чтении религиозной литературы. Здесь председательствует, как правило, уже местный мулла, который старается возбудить религиозное рвение в тех, кто в молодости и более зрелом возрасте вел весьма шумную жизнь в младших объединениях, отдавая дань танцам, вину, музыке, козлодраниям и борьбе — занятиям, весьма далеким мусульманскому благочестию.

И в объединениях младших мы также находим кое-что от мусульманства. В некоторых из них практиковались своеобразные экзамены в вопросах веры. Но это — отчасти проформа, дань уважения старшему поколению общины, а отчасти — верный способ выбить штрафы, столь любезные и агабию и всей его пастве, особенно, если штрафом является внеочередное угощение. В целом же подобные явления вызваны не религиозным рвением, а продолжением древних воспитательных в отношении молодежи функций, приспособленных уже к новой обстановке.

Если влияние ислама на пережиточные мужские объединения было незначительным, то, наоборот, мужские союзы, в их стадильно различных формах, включая тайные общества, в истории ислама, в оформлении его многочисленных течений, сект и орденов сыграли, несомненно, огромную роль, передавая последним прежде всего свои организационные принципы. Не касаясь здесь этой капитальной темы, выходящей за рамки чисто этнографического исследования, и вновь отсылая читателя к упомянутому труду С. П. Толстова, мы обратим внимание лишь на некоторые сходные черты исследуемых нами объединений с дервишскими орга-

¹⁰⁵ Вряд ли можно считать случайным подобный выбор помещения. И здесь заметна традиция, уходящая к «мужским домам» и «домам огня». Мечеть в Средней Азии довольно явно восприняла функции мужского «клуба». О такого рода преемственности говорит Шурц, ссылаясь на материалы Китая, Индии, Турции (Указ. соч., стр. 287—288).

низациями в том их виде, в каком они зафиксированы этнографией Средней Азии. Эти черты сходства позволяют думать, что древние мужские объединения Средней Азии, умирая как самостоятельный институт, передавали многие свои отличительные черты, в частности, организациям дервишей, т. е. и здесь происходил отмеченный Шурцем, процесс трансформации их в культовые учреждения.

В качестве примера остановимся на ордена нищенствующих календаров, его локальном хорезмском варианте, материал о котором был собран нами во время полевых исследований.

Отдельная местная ячейка ордена — это также замкнутая мужская корпорация, со своим уставом и внутренней дисциплиной, с подчинением рядовых календаров единому руководителю — атабаю, весьма напоминающему агабия хорезмских зиёфов. Правила приема нового члена общины с обязательной клятвой подчинения напоминают посвятельный ритуал. Вновь принимаемый проходил стадию ученичества («шогирдик»). О посвятельном ритуале говорит и любопытный обычай испытания рядового календара, претерпевающего на должность руководителя: здесь и строгая изоляция на 40 дней от других членов общины, и испытание голодом, быть может, восходящее к пищевым табу.

Безбрачие календаров напоминает о возрастных градациях мужских союзов. Коллективные трапезы календаров аналогичны тем, которые были приняты в мужских объединениях, причем у них существовал ритуальный запрет делать запасы: все собранное за день должно было съедаться в тот же вечер. Весьма колоритна хорезмская «календар-хона». Это — общежитие календаров и, одновременно, общественный дом данного селения, куда по определенным дням приходили мужчины для коллективной трапезы и, главное, для употребления наркотиков (анаша, опий). Последнее являлось органической и, пожалуй, важнейшей частью календарского культа, возбуждавшей мистический экстаз¹⁰⁶.

Церемониал курения или распятия наркотиков в календар-хоне весьма напоминает церемониал распятия вина, бузы или кумыса в мужских объединениях. Календар-хона интересна и в другом отношении. Центр ее занимал огромных размеров очаг — средоточие всей жизни в календар-хоне. Есть свидетельства, что этот очаг являлся объектом какого-то странного культа: перед выходом на сбор подаяний календары, произнося особую молитву («дуа»), совершали перед очагом «таваб» — поклонение. Заслуживает внимания и название очага — «чильтан-очаг», т. е. очаг сорока; оно перекликается с упомянутым уже нами специальным названием помещения, в котором происходили собрания членов молодежного общества в центральном Узбекистане (см. стр. 184). Остается прибавить, что «чильтанхона» называлось также помещением, в котором проживали календары Куля-Ургенча, причем с этим помещением связаны легенды о «чильтанах» — о сорока невидимых праведниках. Это обстоятельство особенно интересно. Уместно вспомнить, что подробно разбирая легенду о чильтанах, С. П. Толстов расценивает ее как результат мифологизации сведений о вполне реально существовавшем в Средней Азии тайном обществе¹⁰⁷. Все это лишний раз убеждает, что корпорация календаров генетически связана с комплексом мужских союзов и тайных обществ Востока. Что касается календар-хоны, то вне зависимости от того, что было в ней объектом почитания — очаг или огонь, постоянно в нем горевший, — несомненно напрашиваются аналогии с алоухона горного Таджикистана и с

¹⁰⁶ Употребление возбуждающих наркотических средств в Средней Азии известно со времен глубокой древности. Геродот говорит о массагетах, что некоторые их племена одуряют себя запахом плодов, горящих в огне, отчего они «пьянеют все сильнее по мере того, как подбрасывают больше и больше плодов. Наконец, пускаются в пляску и начинают петь». См.: «Древние авторы о Средней Азии». Под ред. Баженова. Ташкент, 1940, стр. 20—21.

¹⁰⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 311—312.

«домами огня» домусульманского Хорезма¹⁰⁸, восходящими к «мужскому дому» первобытности. Напомним, кстати, что культ особого очага у населения долины Зеравшана, уже был отмечен в этнографической литературе¹⁰⁹.

Чтобы закончить параллели между организациями календаров и мужскими объединениями, нам остается в порядке постановки вопроса обратить внимание еще на одно обстоятельство. Хорошо известна и описана одежда среднеазиатских дервишей, их особые головные уборы, пояса и атрибуты их профессии — чаши, сумы, посохи. Откуда бы ни были занесены в Среднюю Азию данные конкретные формы дервишской материальной культуры (в частности, не исключены индийские влияния), сама тенденция унифицировать одежду и головные уборы данной корпорации представляется нам также восходящей к древним мужским союзам и тайным обществам.

Возможно, что в этом отношении община календаров особенно архаична. Однако, намеки на эту тенденцию мы находим и в наших полевых материалах о мужских объединениях. В окрестностях Самарканда (с. Мианкау) в отдаленном прошлом существовал обычай одеваться именно так, как одевался глава гаштака — бобо. Более того, одинаковую одежду, своего рода форму, всем подчиненным обязан был делать сам бобо. В качестве примера старики называли некоего Абдразака-бобо, создавшего для своих джигитов определенный стандарт в одежде, прежде всего по цвету. Особенное внимание старики обращали в своих рассказах на одинаковые кулохи, головные уборы членов объединения. Сам обычай унификации одежды они объясняли тем, что «нужно было, чтобы все посторонние видели, что это — джигиты такого-то бобо и чтобы на самих гаштаках соблюдалась дисциплина и подчинение начальнику».

Свидетельство об унификации одежды — пока единичное в наших материалах о мужских объединениях. Но нечто близкое ему находим в материалах В. А. Гордлевского, относящихся к населению сельджукидского государства Малой Азии. Характеризуя корпорацию *ахи* (XIII—XIV вв.), которую он называет «религиозно-рыцарским братством», В. А. Гордлевский сообщает, ссылаясь на Ибн-Баттуту, об отличительной одежде членов этого братства, в частности о шароварах и белого цвета колпаках, — о своего рода форме братства *ахи*¹¹⁰.

Не менее интересно следующее за этим свидетельство, в связи с которым В. А. Гордлевский ставит вопрос о возможной связи *ахи* с приграничными огузскими племенами: он приводит данные Афьяки (XIV в.) о пограничном огузском бее Мехмеде, «изобретшем белые колпаки, которые носят еще теперь»¹¹¹.

Следует сказать, что в целом материалы, приводимые В. А. Гордлевским в отношении малоазиатского братства *ахи*, имеют для нас особую ценность, т. к. история этой корпорации, как нам представляется, имеет прямое отношение и к нашей теме и к ее среднеазиатской почве¹¹².

¹⁰⁸ Там же, стр. 315.

¹⁰⁹ М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. «Известия Туркестанского отдела Русск. Географ. Об-ва», т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 121—140.

¹¹⁰ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, том I. Государство Сельджукидов Малой Азии. М., 1960, стр. 137.

¹¹¹ Там же, стр. 137.

¹¹² В. А. Гордлевский приводит различные мнения о природе и происхождении братства *ахи* (см. «Из жизни цехов в Турции», Избранные сочинения, т. I, стр. 284—286) и сам, на основании исторических источников, стремится внести ясность в этот вопрос. Однако, материал, которым он пользуется, в значительной степени относится к поздним этапам истории братства *ахи*, когда наиболее существенные черты его стерлись и само братство сильно трансформировалось. Нам кажется, что вопрос о происхождении *ахи* не будет решен, пока к нему не подойдут с позиций этнографической науки, используя все накопленные данные о мужских союзах и тайных обществах, как институтах, типичных для эпохи разложения первобытного общества.

Родство ее с среднеазиатскими мужскими объединениями различных видов столь же несомненно, как и наличие среднеазиатской традиции вообще в культуре и быту малоазиатских тюрок, что вполне понятно, учитывая огузские компоненты их этногенеза.

О самих ахи В. А. Гордлевский говорит: «Они шли в Малую Азию непрерывным потоком и долго сохраняли здесь среднеазиатско-турецкие прозвища»¹¹³. Обращает на себя внимание, например, термин «ахи-баба», который в Малой Азии применялся к руководителям ремесленных цехов. Мы знаем, что в большинстве мужских объединений Центрального и Южного Узбекистана, в ряде мест Таджикистана руководитель назывался «бобо». То же отмечено Е. М. Пещеревой в отношении руководителей ремесленных организаций этих мест. Вряд ли стоит, как это делает В. А. Гордлевский, связывать, основываясь на данном термине, малоазиатские цеха и братство ахи с шиитскими влияниями¹¹⁴. Для Средней Азии кровнородственное происхождение термина «бобо», перешедшего в более поздние социальные институты, нам кажется несомненным.

В мужских объединениях он присутствует именно там, где более всего элементов архаики и пережитков родового демократизма. Не случайным нам кажется широкое распространение в Средней Азии этого термина (как и термина «ата») в обращении к лицам старшего возраста, пусть даже совершенно посторонним говорящему. Наконец, показательно, что в Средней Азии термины «бобо» и «ата» так часто встречаются в агнологии: преемственность культа святых и их мазаров от родового культа предков доказывается большим этнографическим материалом.

Можно привести много черт, роднящих братство ахи с мужскими объединениями Средней Азии. Но мы ограничимся еще лишь одним примером. В. А. Гордлевский связывает с традицией братства ахи наличие уже в современной Турции практики мужских «посиделок». Мы не можем не привести полностью одного его описания: «В Испарте... молодежь (холостая) объединяется в кружки, члены которых делятся на чины: эфрад, чауши, онбаши и т. д. Они выбирают себе главу — ахи, который всем распоряжается и чинит суд и расправу. Он, например, объявляет: завтра идем мы в гости к такому-то, и сразу там в доме поднимается возня, начинаются приготовления к угощению; слушаться ахи никто не смеет»¹¹⁵. Перед нами — типичное молодежное объединение. Совпадение с среднеазиатским материалом настолько разительное, что ограничиться одной лишь ссылкой на сходные социально-экономические предпосылки этого явления нельзя. Общие этно-прототипы малоазиатских и среднеазиатских мужских корпораций нам кажутся очевидными.

Именно в этом аспекте братство ахи весьма показательно. Зарождение его следует искать еще на среднеазиатской почве в период сложения конфедерации огузских племен и начала великого завоевательного движения их на Запад.

Корпорация ахи есть логическое продолжение уже в новой обстановке, в новых социальных условиях тех межплеменных обществ (в своих зачаточных формах носивших тайный характер), которые возникали при переходе к «военным демократиям».

Отсюда понятны те черты сходства, которые сохранила даже в своем развитом виде корпорация ахи с тайными обществами и мужскими союзами, и ее замкнутый характер, и ритуал посвящения, восходящий к воинским инициациям, и единоначалие со строгим подчинением главе братства или его подразделения, и ритуальные собрания и трапезы в «завие» (подворьях), столь напоминающие аналогичные собрания в среднеазиатских «мехмонхонах» мужских объединений и ремесленных «такия».

Нам представляется не случайным позднейшее слияние братства ахи с ремесленными цехами Малой Азии и религиозными орденами: все они имеют много родственных черт, так как в основе своей восходят к единым прототипам — мужским объединениям разлагающегося первобытного и возникающего классового общества

¹¹³ В. А. Гордлевский и. Указ. соч., стр. 136.

¹¹⁴ Там же, стр. 284—285.

¹¹⁵ Там же, стр. 286.

Мы несколько задержались на братстве ахи потому, что это явление представляется нам одним из редких исторически засвидетельствованных примеров политического объединения, восходящего к «тайным обществам» разлагающегося первобытнообщинного строя, без явного превращения его в чисто культовое учреждение. Дальнейшее исследование данной корпорации в этом аспекте, несомненно, прольет свет на многие еще неясные стороны истории среднеазиатского общества эпохи распада первобытнообщинных отношений.

Однако, и сама история Средней Азии при углубленном изучении сможет дать новые данные о различных этапах развития мужских союзов и тайных обществ. Во всяком случае о некоторых поздних рецидивах тайных обществ, точнее — об использовании в политической борьбе традиционных форм таковых, можно говорить со всей определенностью. Мы имеем в виду, правда довольно глухие, свидетельства письменных источников, относящиеся к истории Бухарского ханства XVIII в., на которые в этой связи исследователи не обратили должного внимания. Говорят они о событиях дворцового переворота и убийства предпоследнего аштарханидского хана Убайдуллы (правит в 1702—1711 гг.).

Мир Мухаммед Амин-и Бухари («Убайдулла-наме») ¹¹⁶ и Абдурахман-и Тали («История Абулфеиз-хана») ¹¹⁷, излагая весь ход подготовки переворота мятежными эмирами племен и военной кликой ханства, сообщают об активном участии в нем группы сорока заговорщиков, которая, являясь непосредственным исполнителем воли руководителей мятежа, представляла собой, судя по изложению событий, некую тайную и хорошо сплоченную организацию. Весьма многозначительно в этом отношении уже название главы в «Убайдулла-наме», повествующей о перевороте: «О восшествии на могущественный престол Абулфеиз Султана, о коварстве коловратного неба и о появлении сорока человек» ¹¹⁸.

Автор красочно рисует картину ночного демарша группы сорока в резиденцию Абулфеиза для возведения последнего на ханский престол: «Те жестокие люди группой в сорок человек с княжалами у поясов и стрелами на плечах подошли к подножию высокого арка и по осыпавшейся земле поднялись на стены крепости. Топорами они прорубили в нескольких местах отверстия, через которые и проникли внутрь арка» ¹¹⁹. Не менее колоритно выглядят сорок заговорщиков ¹²⁰ и при дальнейшем изложении событий: «Сорок человек из этих негодяев, наджинув до бровей чалмы с ядоносным жалом, стали посещать царскую аудиенц-залу — (Абулфеиз-хана — Г. С.)» ¹²¹. Мир Мухаммед Амин-и Бухари не говорит о том, как оформилась группа сорока и из кого она состояла.

Особенный интерес представляет описание этих же событий историком Абдурахманом Тали. Приведем его полностью: «В описываемую ночь уюмянутый мехтер Кабули и привычный к таким делам Джаушанкальмык устроили в соборной мечети Бухары, являющейся местом сосредоточения молящихся, совещание при участии сорока человек, называвших себя кырк казах [сорок казахов] с главарями заговорщиков... [далее следует перечисление имен последних — Г. С.]. ... Приняв на себя обязательство убить хана, они пошли на всё, не исключая и перспективы смерти» ¹²².

¹¹⁶ Мир Мухамед Амин-и Бухари. «Убайдулла-наме». Институт востоковедения АН Узбекской ССР, Ташкент, 1957.

¹¹⁷ Абдурахман-и-Тали. «История Абулфеиз-хана». Институт востоковедения АН Узбекской ССР, Ташкент, 1959.

¹¹⁸ «Убайдулла-наме», стр. 250.

¹¹⁹ «Убайдулла-наме», стр. 251.

¹²⁰ Обращаем внимание на то, что, говоря о заговорщиках, историк упоминает число сорок («кырк»).

¹²¹ «Убайдулла-наме», стр. 276.

¹²² «История Абулфеиз-хана», стр. 21.

Таким образом, перед нами ясно вырисовывается организационно оформленная тайная корпорация, посящая название «кырк-казах» и управляемая мятежными эмирами племен и военной кликой.

Вряд ли можно сомневаться в том, что наименование этой организации — «кырк-казах» — не имеет никакого отношения к этническому составу ее участников и является чисто условным. Это подразумевает и сам автор («сорок человек, п а з ы в а в ш и е себя кырк-казах»). Вернее всего, и это особенно важно в плане интересующего нас вопроса, термин «казах» применен для названия корпорации заговорщиков в том значении, в котором он широко был распространен в средневековой Средней Азии как лицо (лица), отделившееся от своего рода и племени, вольное, не признающее существующей власти¹²³.

Хочется еще раз обратить внимание, что и здесь мы встречаем то же традиционное число сорок (кырк), о связи которого со всем комплексом мужских союзов и тайных обществ мы уже говорили выше (см. стр. 182).

Нам представляется возможным, что возникшая в обстановке острой политической борьбы начала XVIII столетия корпорация «кырк-казах» в какой-то мере использовала для своего организационного оформления никогда не умирившие в истории народов Средней Азии принципы тайных обществ, в основном сохранявшиеся в области культа, но иногда, при подходящей ситуации, временно возрождавшиеся в присущей им политической форме.

Несколько общих выводов

Материалы о мужских объединениях Средней Азии нами полностью не исчерпаны; можно было бы детализировать различные стороны этого института, в частности, дать более подробную характеристику переходных форм. Однако, мы считаем это задачей дальнейшего исследования. Институт мужских союзов настолько сложен, на позднейшем этапе своего развития настолько еще неясен (мы имеем в виду, прежде всего, превращение локальных мужских союзов в межплеменные «тайные общества»¹²⁴ и значение последних в истории возникновения классового общества и государства), что данную работу надо считать лишь началом, преследующим пока ограниченную цель — показать где именно, в каких социальных институтах первобытности следует искать прототипы наших пережиточных мужских объединений.

Но и сейчас уже можно сказать, оценивая весь объем накопленного материала о мужских объединениях Средней Азии, учитывая поразительно широкий ареал их распространения и наличие разных форм, говорящие о длительной эволюции этого института, что значение мужских союзов в истории первобытного общества гораздо больше, нежели это представляется некоторым его исследователям. Это относится и к вопросу о возникновении первых вооруженных сил на стадии военной демократии и о последующем создании регулярных армий, и об оформлении первых органов государственной власти и ко многому другому.

Среднеазиатский материал позволяет внести некоторые коррективы в теоретические построения исследователей комплекса возрастных классов, мужских союзов и тайных обществ. Мы имеем в виду, в частности, работу Г. Шурца, на которую неоднократно ссылались.

¹²³ О таком значении слова «казах» см.: С. Ибрагимов, «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV века. «Труды сектора Востоковедения АН Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1959, стр. 197, прим. 33.

¹²⁴ Этот принятый этнографической наукой термин нам представляется весьма условным, т. к. тайными подобные общества могли быть лишь на первичных стадиях своего формирования.

Г. Шурц неправ, вычеркивая Среднюю и Центральную Азию из ареала распространения исследуемых им институтов. Многие здесь можно объяснить отсутствием во время написания его труда конкретного материала полевых исследований, например, то, что систему возрастных классов Шурц прослеживает в Азии лишь в Индии, Индонезии, Китае и древней Персии (пользуясь данными Ксенофонта).¹²⁵ В значительной степени этим же можно объяснить, что в отношении «мужских домов», мужских союзов и «тайных обществ» Средняя и Центральная Азия у Шурца остаются «белым пятном». Так, Шурцу совершенно не знакомы общественные дома горного Таджикистана, представляющие собой типичные «мужские дома» в их реликтовой форме. Но Шурц старается подвести под это явление теоретическую базу и с его положениями мы согласиться не можем¹²⁶.

Шурц имеет основание сказать, что «мужской дом» совершенно не соответствует образу жизни бродячего пастуха и что «там где господствует кочевничество [мужской дом] в известных нам формах нигде не представлен»¹²⁷. Естественно, что у кочевых народов Азии бесполезно искать общественные строения, предназначенные для мужских собраний, аналогичные, например, «мужским домам» Новой Гвинеи. Однако здесь уместно вспомнить положение, выдвинутое самим Шурцем и гласящее, что «если бы тут дело шло только об особенных жилищах, то, с точки зрения истории культуры, они бы не заслуживали такого подробного исследования». Шурц видит в этих строениях лишь внешний признак «известного социального института» — «стремление мужчин соединяться в общественные союзы, которые, однако, при известных обстоятельствах, могут образоваться и без таких домов»¹²⁸.

Именно как «известный социальный институт» понимаем «мужские дома» и мы. Поэтому, столкнувшись с широко распространенным и ярко выраженным обычаем народов Средней Азии — и земледельческих и кочевых скотоводческих — образовывать «общественные союзы» мужчин, мы не сомневаемся в существовании у них в прошлом «мужских домов» в нашем понимании. Но если даже рассматривать «мужской дом» как особое строение для мужчин, с категорическим утверждением Шурца нельзя согласиться. Чем по существу своему переносные лагерь холостых воинов — акуйли у туркмен (см. стр. 176) или пережиточные лагерь, состоящие из кара-уй (юрт) у узбекских молодежных объединений (см. стр. 178), а также особые кочевые краали массаев, описанные самим Шурцем¹²⁹, отличаются от асамских «мосун»¹³⁰ — жилищ для неженатых воинов и, одновременно, домов для совещаний или домов мужчин племени нага¹³¹, служивших прежде всего сторожевыми постами? А их Г. Шурц относит к категории «мужских домов».

Рашид-ад-Дин упоминает об особых шатрах у монголов, в которых происходили общественные трапезы и приемы гостей¹³². В позднейшее время периодические мужские собрания — джоро у киргизов — происходили в

¹²⁵ Н. Schurtz. Указ. соч., стр. 169—171.

¹²⁶ Пожалуй, лишь тенденциозностью можно объяснить тот факт, что Шурц не заметил, например, великолепный материал нартовского эпоса, в котором «мужской дом» («нихас») с возрастными делениями, с изоляцией от женщин, с системой воспитания молодежи, с ритуальными трапезами, предстает в самых типичных формах, и материалы которого ко времени написания труда Шурца уже являлись достоянием науки. Трудно предположить, что такой эпос Г. Шурц не был с ним знаком.

¹²⁷ Н. Schurtz. Указ. соч., стр. 276.

¹²⁸ Г. Шурц. История первобытной культуры, вып. 1. М., 1923, стр. 132.

¹²⁹ Н. Schurtz. Указ. соч., стр. 130.

¹³⁰ Там же, стр. 281.

¹³¹ Там же, стр. 278—280.

¹³² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. II. Институт народов Азии АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 133, 165 и др.

юртах; это же наблюдалось у узбеков-найманов, еще в недавнем прошлом ведших полукочевой образ жизни в степях и предгорьях юго-западнее Самарканда и живших в передвижных юртах. У них на сезон проведения мужских гаштаков выделялись особые юрты, куда женщины доступ был запрещен.

Вполне естественно (и в этом Г. Шурц совершенно прав), что у азиатских кочевников-скотоводов, стоявших на высокой ступени развития социально-экономических отношений, институт «мужских домов» мог проследиваться лишь в сугубо реликтовой форме. Но разве большинство примеров, которыми Шурц иллюстрирует этот институт у народов мира, не представляют собой пережиточные явления? Следует ли на этом основании ставить в какое-то особое положение скотоводов Азии и столь категорически утверждать, что «мужской дом» «не имеет места ни в области арабского, ни в области типично-азиатского (Hochasiatischen) номадизма»? ¹³³

Г. Шурц выдвигает еще одно неприемлемое для нас положение, говоря, что молодежные союзы теряют былую силу в связи с исчезновением охотничьих форм хозяйства, а также по мере развития земледелия ¹³⁴. Весь ход эволюции мужских союзов говорит о противном. Именно молодые подразделения мужских союзов по мере развития производительных сил и усложнения производственных отношений, становясь на путь самостоятельного развития, постепенно набирают силу, что так четко проследживается на пережиточном материале среднеазиатских мужских объединений. И наблюдается это именно там, где охота уже давно утратила свое прежнее значение — и у земледельческих и у скотоводческих народов Азии. Что касается влияния земледельческого хозяйства на ход развития мужских союзов, то положение Шурца лишней раз говорит о противоречивости его теоретических построений. Вряд ли надо напоминать, что именно в развитом родовом обществе с господством матриархальных отношений, базирующихся на особой роли женщины в хозяйственной жизни, когда земледелие достигло высокого уровня, возникают, оформляются и получают дальнейшее развитие мужские союзы (в том числе их молодежные подразделения) как отрицание организаций рода.

В вопросе о соотношении института мужских союзов и процесса развития производительных сил Шурц стоит на вульгарных позициях, недооценивая тех сложных социально-экономических отношений периода расцвета и разложения рода, тех внутренних противоречий, в результате которых рождается и развивается исследуемый нами институт.

В Средней Азии пережитки мужских объединений сохранялись еще довольно широко в начале текущего столетия. В советский период они стали быстро исчезать, особенно после коллективизации сельского хозяйства, т. е. с той поры, когда колоссальные хозяйственные, общественные и культурные преобразования в корне изменили облик среднеазиатской деревни и стали основой для отмирания старых общинных традиций вообще. Именно то поколение людей, у которых некогда гаштаки и зэффаты пользовались особой популярностью, — молодежь — было втянуто в бурную общественно-политическую и культурную жизнь социалистического кишлака. У молодежи появились совершенно новые заботы и интересы. Разнообразие этих интересов совершенно на новых началах объединяет молодежь. В деревне, как и в городе, к услугам молодежи кино, библиотеки, спортивные площадки, клубы. Молодежь, даже вышедшая из школьного возраста, мно-

¹³³ H. Shurtz. Указ. соч., стр. 321. Еще более определенно по этому поводу говорит С. Я. Лурье. «У кочевых народов вообще, а следовательно, и в частности, у предков индоевропейцев, существования таких союзов [мужчин — Г. С.] допускать не приходится». См.: История античной общественной мысли, М. — Л., 1929, стр. 33. Наш материал полностью опровергает это положение.

¹³⁴ Там же, стр. 321.

го учится заочно и в вечерних школах. Книга, не известная в старом кишлаке, стала ее другом. То, что некогда в условиях общинной замкнутости и бескультурья было единственным развлечением, сделалось неинтересным и ненужным.

Бесконечному сидению за пловом в душном помещении молодые люди предпочитают художественную самодеятельность в клубе, новый кинофильм, состязания по футболу и волейболу, танцевальную площадку. Даже те виды физических состязаний, которые больше всего увлекали молодежь гаштаков и зиёфатов, — конные игры, борьба — теперь перешли в область спорта и организованы на новых началах.

Но главное заключается в том, что изменился весь духовный облик советского человека. Для современного молодого человека с его широким кругозором дик и непонятны обычаи и представления, нормы поведения, связанные с вышедшими из глубины веков традициями гаштаков и зиёфатов. Тем более, что значение отдельных моментов церемониала и правил последних для современного поколения молодежи уже утеряно; оно живет лишь в памяти отдельных стариков.

Джура, некогда строго возрастная группа, утратила свою четкость и значение в жизни молодежи. Это видно хотя бы на примере свадебных обрядов, которые сами по себе уже становятся иными. Не гаштак и зиёфат, а производственный коллектив, окружающий молодого человека, вступающего в брак, его товарищи по профессии и при этом разных возрастов, принимают участие в церемонии как сторона жениха.

Местами в Средней Азии какое-то подобие былых объединений еще встречается, но сходство лишь формальное: гаштаки и зиёфаты превратились в эпизодические вечеринки молодежи. Бывший агабий или бобо стал просто тамадой, забыты штрафы и наказания, исчез былой строгий церемониал, нарушен возрастной принцип сборищ: на вечеринки собираются люди разных поколений, связанные теперь уже общностью чисто профессиональных интересов. В среде интеллигенции (например, учительства) подобные вечеринки проводятся при участии женщин и девушек.

Но пока в памяти старшего поколения еще сохраняются данные о былых мужских объединениях, этнографическая наука обязана этим воспользоваться для реконструкции этого исчезнувшего института, представляющего интерес для истории.

Нам кажется, что значение мужских союзов и обществ еще недостаточно оценено историками. Было бы весьма плодотворно исследовать эти пережитки на более широкой территории страны у различных народов, пока еще воспоминания о разного рода мужских объединениях окончательно не исчезли.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. ВДИ — Вестник древней истории.
2. ВИ — Вопросы истории.
3. ЗВОИРАО — Записки восточного отделения императорского русского археологического общества.
4. ЗИРГО — Записки императорского русского географического общества.
5. ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР.
6. ИАН СОН — Известия Академии наук Узбекской ССР, серия общественных наук.
7. Изв. туркм. ФАН СССР — Известия туркменского филиала Академии наук СССР.
8. КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
9. КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
10. МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
11. МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
12. МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
13. ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
14. СА — Советская археология.
15. СЭ — Советская этнография.
16. Труды ИЭ — Труды института этнографии.
17. ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
18. ЦГА МВД Туркм. ССР — Центральный Государственный архив Министерства внутренних дел Туркменской ССР.
19. ЮТАҚЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Е. П е р а з и к. Раскопки Якке-Парсана	3
Раскопки доджона	5
Раскопки построек во дворе	17
Н. Н. В а к т у р с к а я. О средневековых городах Хорезма	41
Раскопки Ярбекир-калы	41
Средневековый город Шахрлик в бассейне Даудана	45
О. А. В и ш н е в с к а я. Археологические разведки на средневековых поселени-	
ях левобережного Хорезма	54
Поселения хорезмшахского времени (XII — начало XIII вв.)	54
Поселения золотоордынского времени	63
Большое здание близ Ярбекир-калы	68
В. Н. Я г о д и н. Маршрутные археологические исследования в левобережной	
части приаральской дельты Аму-Дарьи	73
Ю. В. С т е б л ю к. Погребальные сооружения Южного Хорезма XVIII—XIX вв.	98
Мазар Саид Шапоат Азиза	100
Мавзолей Вали-Аталыка и Мазар Шейх Мухаммед Амина	107
Мазар Каллали-баба	111
Г. А. П у г а ч е н к о в а. Материалы к истории хорезмского зодчества	118
Ак-Сарай динг и мазар Лалазем-ата	118
Мавзолей Дев-Кескена	125
Г. П. В а с и л ь е в а. К этнографии туркмен восточных районов левобережного	
Хорезма	138
Исторические сведения о туркменах-кубадаглы	138
Расселение и занятия в прошлом	142
Современный быт	147
Г. П. С н е с а р е в. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у на-	
родов Средней Азии	155
Мужские объединения Хорезма	158
Изоляция мужских объединений от женщин	163
Формы мужских объединений и их самоуправление	164
Мужские объединения и молодежь	172
Пережитки военных функций объединений	175
Сакральное число сорок и связь его с мужскими объединениями	182
Особенности внутреннего быта мужских объединений	184
Пути позднейшей трансформации мужских союзов Средней Азии	193
Несколько общих выводов	202
Список принятых сокращений	206

**Полевые исследования Хорезмской экспедиции
в 1958—1961 гг.**

Материалы Хорезмской экспедиции, выпуск 7

Утверждено к печати

*Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *А. Е. Сидоренко*

Технический редактор *Г. А. Астафьева*

Сдано в набор 4/IX 1963 г.

Подписано к печати 10/XI 1963 г.

Формат 70×108 1/16.

Печ. л. 13 = 17,87 усл. п. л. Уч.-изд. л. 17.6

Тираж 1000 экз. Т-12672. Изд. № 2004. Тип. зак. № 2702.

Цена 1 р. 16 коп.

Издательство Академии наук СССР

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О п е ч а т к и

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
72	2 сл.	апервоклассный	первоклассный
123	2 сл.	живых	жилых
166	21 сл.	оттесняла	оттеснила

Полевые исследования хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. II

